ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК

2006

Российская академия наук
Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК

2006

Москва
Издательская фирма
«Восточная литература» РАН
2007

УДК 94(5)
ББК 63.3(5)
Т98

Издание осуществлено при финансовой поддержке Санкт-Петербургского научного центра РАН

Редакционная коллегия тома
С.Г.КЛЯШТОРНЫЙ (председатель), Т.И.СУЛТАНОВ, В.В.ТРЕПАВЛОВ

Редакторы издательства
С.В.ВЕСНИНА, Л.С.ЕФИМОВА

Тюркологический сборник / Ин-т востоковедения РАН, С.-Петерб. филиал. — М. : Вост. лит., 1970–.

2006 / ред. кол. С.Г. Кляшторный (пред.), Т.И. Султанов, В.В. Трепавлов. — 2007. — 366 с. — ISBN 978-5-02-018555-5 (в пер.)

Очередной выпуск продолжающегося издания посвящен 100-летию со дня рождения виднейшего отечественного тюрколога, основателя «Тюркологического сборника» академика Андрея Николаевича Кононова (1906–1986). В статьях, написанных современными исследователями из России и стран зарубежья, рассказывается о жизненном пути и научных заслугах ученого, рассматриваются проблемы тюркского языкознания, древнетюркской письменности, среднеазиатского литературного языка *тюркй*, грамматики современного турецкого языка и т.д.

© Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН, 2007
© Редакционно-издательское оформление. Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2007

ISBN 978-5-02-018555-5

Основателю
«Тюркологического сборника»
академику Андрею Николаевичу Кононову
(1906–1986)
посвящается

СОДЕРЖАНИЕ

Г.Ф.Благова (Москва)
Андрей Николаевич Кононов как первый председатель Советского комитета тюркологов 6
В.Г.Гузев (Санкт-Петербург)
А.Н.Кононов — педагог, ученый, историк науки 17
И.Г.Добродомов (Москва)
А.Н.Кононов и изучение тюркского вклада в русский язык 29
Р.А.Абдуманапов (Томск)
К истокам организации родоплеменной структуры кыргызов 40
Н.А.Атыгаев (Алматы)
Хронология правления казахских ханов (XV — середина XVI в.) 50
Д.Баяр (Улан-Батор)
Уникальный памятник древнетюркского искусства в Западной Монголии 63
Т.К.Бейсембиев (Алматы)
Среднеазиатский (чагатайский) *тюркӣ* и его роль в культурной истории Евразии (взгляд историка) 77
А.В.Беляков (Рязань)
Царевич Авган-Мухаммед ибн Араб-Мухаммед в России первой половины XVII в. 95
О.Г.Большаков (Санкт-Петербург)
К вопросу о коварстве арабской графики 113
А.П.Григорьев (Санкт-Петербург)
Историческая география Золотой Орды: местоположение городов, их наименования 117
Э.А.Грунина (Москва)
Из диалектных материалов Западного ареала Анатолии 169
И.В.Зайцев (Москва)
«Пропавшая грамота» (ярлык крымского хана Селим-Гирея Мустафе-аге 1693 г.) 174
Т.М.Калинина (Москва)
Тюрки в «образе мира» средневековых арабо-персидских писателей 183
А.К.Камалов (Алматы)
Тюрки в позднетанском Китае: уйгурская династия абузов в Хэбэе 194

С.Г.Кляшторный (Санкт-Петербург)
«Второй памятник из Тувы» (Е 50): интерпретация и дата 207
Н.А.Кузнецов (Новокузнецк)
Монеты из памятников верхнеобской культуры 212
И.А.Мустакимов (Казань)
Османская империя и татарские ханства Поволжья в историографии (труды татарских и татарстанских историков) 223
Д.М.Насилов (Москва)
Как нам быть с *ärinč*? 235
И.А.Невская (Новосибирск), *Р.Герке* (Франкфурт-на-Майне)
Электронный корпус древнетюркских текстов доисламского периода (*VATEC*) 246
Р.Ю.Почекаев (Санкт-Петербург)
Сведения о Золотой Орде в «Книге о Великом хане» 260
Д.В.Рухлядев (Санкт-Петербург)
О жанре енисейских рунических памятников 274
А.А.Тортика (Харьков)
Социально-политическая и военная структура населения Северо-Западной Хазарии (конец VIII — начало X в.): историческая реконструкция 296
В.В.Трепавлов (Москва)
Предки «Мамая-царя». Киятские беки в «Подлинном родослове Глинских князей» 319
А.Г.Юрченко (Санкт-Петербург)
Небесные битвы 353
А.А.Ярлыкапов (Москва)
Куманы и кипчаки в эпической поэме «Сорок ногайских богатырей» 364

Г.Ф.БЛАГОВА
(Москва)

Андрей Николаевич Кононов как первый председатель Советского комитета тюркологов

В 2006 г. исполнилось 100 лет со дня рождения виднейшего советского тюрколога, основателя Советского комитета тюркологов, журнала «Советская тюркология» и «Тюркологического сборника» академика Андрея Николаевича Кононова.

Оставшись в 60-е годы XX в. единственным представителем тюркологии в Академии наук, А.Н.Кононов четко осознавал, что в условиях «оттепели» в нашей стране научно-организационные инициативы в области востоковедения обрели известные перспективы. В этот период «было официально провозглашено, что именно достижения науки и техники, соединенные с преимуществами социализма, позволят победить капитализм во всемирном масштабе», что для этого необходим «надлежащий уровень науки» [Политический архив, 2005, с. 4]. В 1955 г. был основан Международный комитет славистов, объединявший национальные комитеты славистов; в 1956 г. во время подготовки к очередному Международному съезду славистов в Москве (1958 г.) был создан Советский комитет славистов; в 1965 г. основан журнал «Советское славяноведение» (Москва, 6 номеров в год).

В этих условиях А.Н.Кононов проявил себя как дальновидный и выдающийся организатор тюркологии. У него была своя всесторонне взвешенная стратегия, смелость и умение выстраивать тщательно продуманные и обоснованные крупномасштабные планы. Первым шагом к реализации этих планов было проведение тюркологической конференции в Ленинграде, которая — по обычаю того времени — была приурочена к «подведению итогов работы ленинградских тюркологов за 50 лет существования Советского государства». «7–10 июня 1967 г.

© Г.Ф.Благова, 2007

в помещении Ленинградского отделения Института народов Азии АН СССР состоялась первая в истории отечественного востоковедения Тюркологическая конференция в Ленинграде[1]. Она была организована совместно кафедрой тюркской филологии восточного факультета ЛГУ[2] и Тюрко-монгольским кабинетом ЛО ИНА» [ТС 1970, с. 277].

Стараниями члена-корреспондента (с 1974 г. — действительного члена) АН СССР А.Н.Кононова и его сподвижников тюркологические конференции в Ленинграде стали традиционными (более подробно см. в ст. В.Г.Гузева). Труды семи конференций были изданы в виде «Тюркологических сборников 1970–1976»; каждая из конференций (кроме первых двух) освещалась в разделе «Научная жизнь» на страницах журнала «Советская тюркология».

Положительный опыт окрыляет. Заметно расширяется научно-организационная деятельность А.Н.Кононова. Стало ясно: для того чтобы поднять уровень современной тюркологии, необходимо иметь не только достаточный по тому времени контингент специалистов и для преподавания, и для научной работы; необходим был периодический специализированный печатный орган, поскольку из-за его отсутствия тормозились своевременное введение в научный оборот результатов исследования и обмен научной информацией в области тюркологии, без журнала неосуществимы были консолидация научных сил тюркологов, координация и кооперация выполняемых ими исследований.

Между тем в 60-е годы один за другим возникали отраслевые журналы — «Baltistica» (с 1965 г.), «Советское славяноведение» (с 1965 г.), «Советское финно-угроведение» (с 1965 г.), «Русская речь» (с 1967 г.), «Мовознавство» (с 1967 г.).

А.Н.Кононов, опираясь на успешный опыт издания серии «Тюркологических сборников», выступил с инициативой создания периодического печатного органа тюркологов. Ему удалось добиться учреждения нового, первого в нашей стране всесоюзного отраслевого журнала — «Советская тюркология» (1970 г.; 6 номеров в год). Его издавали в Баку[3], первым главным редактором стал действительный член АН АзССР М.Ш.Ширалиев.

---

[1] После проведения I Всесоюзного тюркологического съезда в Баку (1926 г.) А.Н.Самойлович вынашивал идею провести второй съезд в Ленинграде, но осуществить ее не удалось.

[2] Заведующим кафедрой тюркской филологии в 1949–1972 гг. был член-кор. АН СССР А.Н.Кононов.

[3] Предпочтение Баку отдавалось и в 20-х годах, начиная с проведения I Всесоюзного тюркологического съезда; см. письмо Самойловича к Гордлевскому от 27.10.1924 г.: «Постановлено, между прочим, созвать Всесоюзный туркологический

Вместе с тем крепли позиции А.Н.Кононова в Академии наук. Этому способствовали и сложившиеся обстоятельства. При выборах действительных членов АН в 1968 г. А.Н.Кононов был одним из наиболее реальных претендентов. Однако в соответствии с «решением партии и правительства» Академия наук должна была избрать академиком представителя «братской республики» — Г.В.Церетели. Кононов проявил полное понимание ситуации и снял свою кандидатуру накануне выборов. В истории Академии наук это был, по-видимому, второй случай (после Н.И.Ильминского), когда кандидат, «в интересе науки, которой он искренно предан, и в интересе Академии, к которой он издавна принадлежит как член-корреспондент»[4], отклонил возможность занять место действительного члена АН. Благодаря этому А.Н.Кононов сумел поставить себя в Отделении языка литературы и языка АН так, что его просьбы касательно организации журнала «Советская тюркология», а затем и учреждения Советского комитета тюркологов встречали благоприятное отношение[5].

Усилиями ведущих тюркологов страны во главе с А.Н.Кононовым в 1973 г. появился внутриакадемический документ секции общественных наук Президиума АН СССР — «Положение о создании Советского комитета тюркологов», в котором был определен юридический статус комитета (публикацию «Положения» в информационных целях см. в «Ural-altaische Jahrbücher»). Советский комитет тюркологов (СКТ) был создан при Отделении литературы и языка АН СССР и Отделением же финансировался. Благодаря этому, а также помощи тюркоязычных регионов удавалось проводить ежегодные пленарные заседания СКТ как в Москве, на которые приезжали тюркологи из различных республик, краев и областей, так и выездные пленумы, например в Чебоксарах (1984), Нальчике (1986), Уфе (1989). СКТ обладал издательскими возможностями — 10–12 авт. листов в год.

Идею объединения творческих усилий тюркологов разных национальностей высказывал А.Н.Самойлович еще в 1914 г.: «Чем прочнее будет единение татарских и вообще турецких (т.е. тюркских. — *Г.Б.*) ученых с „господами ориенталистами“, тем успешнее, при взаимной

съезд в Баку. Питерский и Московский съезды не вышли, надеюсь, что Бакинский состоится» [Баскаков, 1973, с. 90].

[4] Из представления академиков Ф.И.Видемана, А.К.Наука и О.Н.Бётлингка о Н.И.Ильминском от 18.09.1884 г. (цит. по [Кононов, 1989, с. 103–104]).

[5] Из высказывания одной из референтов ОЛЯ АН того времени: «А кому же нам помогать, как не А.Н.Кононову?»

поддержке, и те и другие будут содействовать процветанию тюркологии» [Самойлович, 1914, с. 13]. 14.09.1915 г. в письме к В.А.Гордлевскому А.Н.Самойлович писал: «Давнишняя моя идея объединить русских тюркологов начинает, по-видимому, осуществляться: по моей инициативе 12 сентября основан на квартире Радлова *частный* кружок „алтаистов“ (турецко-монгольско-манджурский); его задачи: объединение научной работы, установление планомерности, подведение итогов, выработка программ, коллективная разработка вопросов, превышающих единичные силы. Были: Радлов, Котвич, Руднев, Штернберг, Владимирцов и я». В письме от 8.11.1915: «Завтра третье заседание кружка алтаистов. Примкнул к нам еще Бартольд. Будем разбирать работу Рамстедта о монгольском местоимении... Предполагается издание справочника о русских монголистах, тунгусистах и тюркологах (без различия национальности и пр.). Радлов страшно увлекается кружком и недоволен, что редко собираемся (1 раз в месяц)». В письме от 4.04.1916: «„Алтайский кружок“ действует; в апреле... последнее заседание в этом сезоне. Намечено ведение алтайской текущей библиографии, справочник о деятелях, намечается карточный словарь материалов, затронутых алтаистами с момента возникновения этой самой, никем до сих пор не доказанной урало-алтайской теории» [Баскаков, 1973, с. 88–89]. Здесь нельзя не заметить, что «*частный* кружок „алтаистов“ на квартире Радлова нельзя отождествлять с Радловским кружком при Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (1918–1930), «Положение» о котором Академия наук утвердила в 1922 г. по представлению В.В.Бартольда. Характерно, что в этом «Положении» записана совсем иная специализация кружка: «Радловский кружок имеет целью способствование развитию тех научных дисциплин, которым была, главным образом, посвящена деятельность академика В.В.Радлова, т.е. филологии, этнографии и истории турецких (тюркских. — *А.К.*) народностей» (цит. по [Кононов, 1970а, с. 16–17]).

В письме А.Н.Самойловича к В.В.Бартольду от 22.01.1928 г. упоминается о предполагавшемся «совещании при АН по вопросу об объединении исследования советских республик» (СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Л. 69об.).

В.В.Бартольду также «принадлежит инициатива создания координационного центра по работам в области тюркологии. С этой целью им была составлена в апреле 1927 г. «Записка об учреждении Тюркологического института для систематизации и объединения тюркологических работ самой Академии и тех учреждений, которые пожелают объеди-

нить с нею свои туркологические исследования»[6]. Эта «Записка» была через Президиум АН СССР представлена в Совет народных комиссаров СССР. Плодом этой инициативы В.В.Бартольда явилось создание Туркологического кабинета (1928–1930), который был размещен в двух комнатах его квартиры и которому он предоставил в пользование свою личную библиотеку [Кононов, 1970б, с. 59]. Как единственный к концу 60-х годов представитель тюркологии (тюркского языкознания) в составе Академии наук СССР, А.Н.Кононов ощущал себя прямым преемником тюркологов старшего поколения, занимавшихся фундаментальной научно-организационной деятельностью. В 70-е годы Кононов выступил инициатором создания такого координационного центра; он принял на свои плечи долгую (но зато не бесплодную!) борьбу за создание Советского комитета тюркологов.

К моменту создания СКТ уже не один год выходил журнал «Советская тюркология», в повседневность научной жизни и организационной практики продолжали внедряться ежегодные тюркологические конференции в Ленинграде, на которых привычными становились творческие встречи ученых из разных тюркологических центров.

Первый председатель Советского комитета тюркологов, А.Н.Кононов сумел сплотить вокруг себя высококвалифицированных и инициативных специалистов, талантливую молодежь, не чуравшуюся напряженного научно-организационного труда. Заместителем председателя СКТ стал Э.Р.Тенишев, возглавлявший сектор тюркских и монгольских языков Института языкознания АН СССР. В состав Бюро СКТ входили ведущие тюркологи Советского Союза; Бюро систематически пополнялось новыми членами с целью наиболее полного представительства всех регионов страны. Постановлением секции общественных наук Президиума АН СССР № 413-93-1400 от 6 мая 1976 г. автор этих строк была утверждена членом Бюро Советского комитета тюркологов с возложением на нее обязанностей ученого секретаря.

Задачи, цели и функции СКТ были четко определены. СКТ был призван принимать меры, способствующие дальнейшему успешному развитию отечественной тюркологии, прежде всего активизации и поддержке исследований по насущным проблемам тюркского языкознания, фольклористики, литературоведения, составлять необходимые планы и программы работ. СКТ принял на себя задачи проводить ре-

[6] Идея создания Туркологического института (Türkiyat Enstitüsü) при Стамбульском университете была осуществлена в 1924 г. благодаря инициативе Мехмеда Фуада Кёпрюлю, который стал его первым директором [Кононов, 1984, с. 76].

гулярные научные заседания пленума Комитета, организовывать конференции, симпозиумы и семинары.

Для этих целей СКТ было необходимо объединить на добровольных началах всех, кто работает в области тюркологии, и через своих членов, представляющих академические учреждения, университеты, педагогические вузы, установить связи со всеми координирующими центрами страны.

Координационная миссия СКТ, во-первых, опиралась на его активное участие в перспективном планировании тюркологических исследований, что позволяло воздействовать на направление развития тюркологии. Во-вторых, учитывалась исключительная важность своевременного получения исчерпывающей информации об исследовательской работе, и во главу угла ставился сбор систематической информации о научной деятельности всех тюркологических центров. Как указывал А.Н.Кононов, «путем взаимной информации может быть достигнута кооперация усилий тюркологов при разработке любой проблемы» (СТ. 1979, № 2, с. 103)[7]. Во избежание нежелательного параллелизма в деятельности общесоюзных и республиканских учреждений и организаций СКТ ежегодно на своих пленарных заседаниях рассматривал их планы и программы. СКТ пытался также способствовать опубликованию выполненных исследований по тюркологии.

Печатным органом СКТ стал журнал «Советская тюркология», в редколлегию которого входили в основном члены Бюро СКТ[8]. Журнал регулярно печатал отчеты о ежегодных пленарных заседаниях СКТ, а также о ходе исследований, проводившихся под эгидой СКТ (например, о работах над «Диалектологическим атласом тюркских языков СССР»; далее — ДАТЯ СССР). На страницах журнала систематически публиковались наиболее содержательные и важные доклады о работах того или иного научного центра. Ученый секретарь СКТ следила за текущей тюркологической библиографией в стране, а также обобщала присылаемую Комитету научную литературу. Все эти сведения печатались в составе ежегодных отчетов СКТ. Проведению ежегодных пленарных заседаний СКТ предшествовала трудоемкая подготовка.

---

[7] Здесь и ниже ссылки на публикации хроникальных сообщений об очередном пленуме СКТ даются в тексте указанием на соответствующие год и номер журнала «Советская тюркология», регулярно печатавшего отчеты об этих пленумах.

[8] Учитывая теперешнюю раритетность полных годовых комплектов журнала «Советская тюркология», было бы целесообразно подготовить к переизданию в виде тематических сборников подборки материалов, опубликованных в журнале и не утративших своей актуальности (прежде всего, хотя бы статей по историографии отечественной тюркологии).

Первое пленарное заседание СКТ (9–10 января 1975 г.) открылось докладом А.Н.Кононова[9] «О плане работы Советского комитета тюркологов», в котором наряду с тюркологическими достижениями тех лет были названы проблемы, нуждающиеся в скорейшей разработке. Вместе с тем А.Н.Кононов «осветил ряд организационных вопросов, связанных с предстоящим в сентябре–октябре 1976 г. II Всесоюзным тюркологическим съездом, идею созыва которого широко поддерживает вся тюркологическая общественность» (СТ. 1975, № 2, с. 112).

Таким образом, на фундаменте Советского комитета тюркологов и журнала «Советская тюркология» А.Н.Кононов неутомимо продолжал выстраивать полную парадигму современной тюркологии как науки, проявляя себя как последовательный преемник дела А.Н.Самойловича и В.В.Бартольда.

При жизни А.Н.Кононова были проведены три всесоюзные тюркологические конференции: II (1976 г.) — в Алма-Ате; III (1980 г.) — в Ташкенте; IV (1985 г.) — в Ашхабаде; позднее эта традиция была продолжена очередными всесоюзными тюркологическими конференциями: V (1988 г.) — во Фрунзе и VI (1991 г.) — в Казани.

Основным направлениям тюркологических исследований в стране, формам их координации в названный период была посвящена статья [Благова, Тенишев, 1981].

Ежегодно на очередном пленарном заседании (чаще всего эти заседания проходили в начале марта) разрабатывались, обсуждались и корректировались, а затем утверждались планы работ Советского комитета тюркологов совместно с научно-исследовательскими учреждениями академий наук союзных республик на текущий год. Начиная с 1978 г. ежегодные планы СКТ стали публиковаться на страницах журнала «Советская тюркология». В соответствии с многократными указаниями А.Н.Кононова в этих планах особое внимание уделялось исследованиям по тюркской рунике, а также средневековым тюркским письменным памятникам, равно как и мероприятиям по организации очередных Всесоюзных тюркологических конференций.

Уже в планах работ СКТ на 1978 и 1979 гг. на первое место была выдвинута фундаментальная коллективная работа по составлению ДАТЯ СССР, которой знаменовалось начало нового этапа в развитии

[9] Впоследствии отчетные доклады делались поочередно А.Н.Кононовым и Э.Р.Тенишевым.

тюркской диалектологии[10]. Ввиду актуальности этого капитального труда и при отсутствии в тюркологии разработок по его исследовательской методике и, следовательно, из-за особой сложности выполнения поставленной цели А.Н.Кононов обратился за советом к В.М.Жирмунскому[11], инициатору составления ДАТЯ СССР (см. [Жирмунский, 1963; Жирмунский, 1966; Жирмунский, 1971а; Жирмунский, 1971б]). По просьбе А.Н.Кононова В.М.Жирмунский обеспечил составителей ДАТЯ СССР квалифицированной помощью своих учеников и коллег — ленинградских специалистов по лингвистической географии и ареалогии. Он «прикомандировал» к ДАТЯ проф. М.А.Бородину, которая позднее стала научным консультантом по лингвистическому картографированию. В условиях, когда «каждая тюркоязычная республика, край, область работали самостоятельно» над ДАТЯ, перед составителями атласа с самого начала были поставлены принципиально важные задачи: «Обобщить собранные материалы по единой методике в таблицы, разработать единые условные обозначения для предстоящего картографирования» (из доклада Э.Р.Тенишева [СТ. 1979, № 2, с. 98]).

На заключительном этапе работы ДАТЯ СССР был включен в план Института истории, филологии и философии СО АН на 1985–1986 гг. Усилиями исполнителей — Е.И.Убрятовой, Н.Н.Широбоковой и Т.А.Андреевой (при консультативном участии М.А.Бородиной) — был создан и подготовлен к печати пробный (фонетический) том ДАТЯ СССР. Он в полном объеме (200 карт) был сдан на Новосибирскую картографическую фабрику. Но даже после неоднократных обращений в самые высокие инстанции в 80-е годы тюркологам было отказано в публикации ДАТЯ СССР из-за финансово-экономических трудностей.

При активном участии членов СКТ (Э.Р.Тенишев) продолжалась работа над «Лингвистическим атласом Европы». Диалектологи Сибири начали составлять «Диалектологический атлас тюркских языков Си-

[10] Этап монографического обследования тюркских диалектов завершился составлением сводного коллективного труда «Диалекты тюркских языков СССР» (сектор тюркских языков Института языкознания АН СССР под руководством Е.И.Убрятовой и при участии крупных диалектологов из тюркоязычных республик, краев, областей; 1963 г.). Несмотря на неоднократные обращения СКТ к различным инстанциям, добиться издания этого труда не удалось (хотя в этот период он находился в издательстве «Наука») из-за сложности набора.

[11] Оба академика были товарищами и тесно сотрудничали, например, при подготовке к изданию огузского героического эпоса «Книга моего деда Коркута» [Коркут, 1962]. Одну из своих статей по проблемам ДАТЯ — «О некоторых вопросах лингвистической географии тюркских диалектов» — Жирмунский опубликовал в сборнике в честь А.Н.Кононова [Жирмунский, 1966].

бири». Развертывались исследования в такой перспективной области, как тюркская ареальная лингвистика.

При координирующем участии СКТ были подготовлены к печати и изданы первый том «Корпуса памятников древнетюркской письменности», «Корпус эпиграфических памятников Поволжья», «Корпус северокавказских рунических памятников»; продолжалась работа над составлением двух последующих томов «Корпуса памятников древнетюркской письменности», «Корпуса армянописьменных памятников кыпчакского языка XVI века».

Уделялось внимание также развитию историографии тюркского языкознания и тюркологии в целом. Так, по поручению третьего пленарного заседания СКТ (СТ. 1977, № 1, с. 107) Ф.Д.Ашнин и С.С.Цельникер составили ориентировочный список тюркологов, которым должны быть посвящены монографии или хотя бы биобиблиографические очерки (СТ. 1978, № 2, с. 101–102).

А.Н.Кононов заверял участников пленарных заседаний, что «Бюро Советского комитета тюркологов тщательно изучит высказанные предложения, свидетельствующие о большой заинтересованности тюркологов судьбами своей науки» (СТ. 1975, № 2, с. 120). Вот пример такой чуткости к высказанным предложениям: по выступлению Я.Р.Дашкевича в план работы СКТ на 1985 г. был включен пункт «7. Подготовка „Корпуса древнерусских сообщений о тюркских народностях (до монгольского нашествия)". Исполнитель: Я.Р.Дашкевич (Львов). Срок: 1985–1990 гг.» (СТ. 1985, № 2, с. 105).

А.Н.Кононов придавал большое значение отчетам о каждом пленарном заседании СКТ, полагая, что эта работа важна для последующей историографии современной тюркологии. При этом он вникал во все детали работы СКТ и его пленарных заседаний[12]. Обладая недюжинной памятью, он лично следил за тем, чтобы отчеты о пленарных заседаниях СКТ составлялись ученым секретарем вовремя, предельно точно и аккуратно, чтобы никто из выступавших не был забыт и каждая мысль, высказывавшаяся на заседании, была зафиксирована. Каждый отчет он обязательно прочитывал сам; его несколько настораживали те редкие случаи, когда отчет был написан ученым секретарем совместно с кем-то из коллег. Для его контрольного чтения отчеты привозились сперва в Узкое, впоследствии — все чаще в Ленинград или даже в Павловск, столь им любимый. Каждое такое чтение сопровождалось подробной беседой о том, что следовало бы еще сделать по той или

[12] По-видимому, в этом сказался опыт его историографической работы (см. [Кононов, 1982; Кононов, 1989; Кононов, Иориш, 1977]).

иной проблематике, кого из молодых коллег привлечь к работе в СКТ, кому какую тему (или вопрос) для доклада на пленарном заседании поручить.

Иногда приходилось слышать критические замечания в адрес СКТ и его работы, однако нельзя не признать, что наиболее перспективные разработки, например в области тюркской диалектологии, руники, шли по линии СКТ, который обеспечивал небывалую интенсивность общения тюркологов всей страны. Стоило бы к тому же напомнить критикам прошедших времен слова А.С.Грибоедова: «Вот еще одна нелепость — изучать свет в качестве простого зрителя... Тот, кто хочет только наблюдать, ничего не наблюдает... Наблюдать деятельность других можно не иначе, как лично участвуя в делах...» (цит. по [Лебедев, 1980, с. 51]).

Баскаков, 1973 — *Баскаков Н.А.* А.Н.Самойлович в письмах к В.А.Гордлевскому // СТ. 1973, № 5.

Благова, Тенишев, 1981 — *Благова Г.Ф., Тенишев Э.Р.* Тюркологические исследования в СССР: основные направления, формы координации // Общественные науки. 1981, № 2.

Жирмунский, 1963 — *Жирмунский В.М.* О Диалектологическом атласе тюркских языков Советского Союза // ВЯ. 1963, № 6.

Жирмунский, 1966 — *Жирмунский В.М.* О некоторых вопросах лингвистической географии тюркских диалектов // Тюркологический сборник. К 60-летию А.Н.Кононова. М., 1966.

Жирмунский, 1971а — *Жирмунский В.М.* Заметки о подготовке «Диалектологического атласа тюркских языков СССР» // ВЯ. 1971, № 4.

Жирмунский, 1971б — *Жирмунский В.М.* Из текста отзыва В.М.Жирмунского на проект Вопросника // СТ. 1971, № 1.

Кононов, 1970а — *Кононов А.Н.* Тюркское языкознание в Ленинграде. 1917–1967 // ТС 1970.

Кононов, 1970б — *Кононов А.Н.* В.В.Бартольд — выдающийся востоковед (К 40-летию со дня смерти) // СТ. 1970, № 6.

Кононов, 1982 — *Кононов А.Н.* История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. Л., 1982.

Кононов, 1984 — *Кононов А.Н.* Реорганизация Турецкого лингвистического общества. Новое научное общество в Турции // СТ. 1984, № 3.

Кононов, 1989 — *Кононов А.Н.* Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период. Изд. 2-е, перераб. М., 1989.

Кононов, Иориш, 1977 — *Кононов А.Н., Иориш И.И.* Ленинградский восточный институт. Страница истории востоковедения. М., 1977.

Коркут, 1962 — Огузский героический эпос и «Книга Коркута» // Книга моего деда Коркута: Огузский героический эпос / Сост. В.М.Жирмунский и А.Н.Кононов. М.; Л., 1962.

Лебедев, 1980 — *Лебедев А.* Грибоедов: Факты и гипотезы. М., 1980.

Политический архив, 2005 — Политический архив XX века: Советская интеллигенция, Лубянка и Старая площадь в 1960–1980-х годах // ВИ. 2005, № 9.

Самойлович, 1914 — *Самойлович А.Н.* Материалы по среднеазиатско-турецкой литературе. II–III // ЗВОРАО. Т. XXII. 1914.

ВИ	—	Вопросы истории
ВЯ	—	Вопросы языкознания
ЗВОРАО	—	Записки Восточного отделения (Имп.) Русского археологического общества
ТС 1970	—	Тюркологический сборник 1970. М., 1970.

В.Г.ГУЗЕВ
(Санкт-Петербург)

А.Н.Кононов — педагог, ученый, историк науки

Молодые коллеги А.Н.Кононова иногда в узком кругу называли его «последним из могикан». За этим выражением скрывалось многое: глубокое уважение к ученому, признание его больших заслуг, необыкновенного трудолюбия, преданности тюркологической науке, широкой эрудиции. Но главным было все-таки другое — сознание противоречивости положения этой крупной личности в современной ему науке, а именно того, что после него подобных фигур, скорее всего, уже не будет.

Противоречивость положения А.Н.Кононова заключалась в том, что он стремился быть тюркологом-универсалом в эпоху, для которой была характерна дифференциация, дробление гуманитарных наук на конкретные узкие, углубляющиеся в теорию предмета специализации. Ведь процесс деления комплексного историко-филологического изучения Востока на отдельные дисциплины начался еще во второй половине XIX в., и раньше других обособляться начала разработка тюркских грамматик. До сих пор исследователи строя тюркских языков не перестают восхищаться наблюдательностью и проницательностью автора фундаментальной якутской грамматики (1851) О.Н.Бётлингка, трех авторов «Грамматики алтайского языка» (Казань, 1869) — В.И.Вербицкого, Н.И.Ильминского и М.А.Невского. И вот в то время, когда одни из нас, учеников, постигали языкознание, другие — литературоведение, третьи — источниковедение и т.д., наш учитель стремился быть универсалом, знать всё. Мы понимали, что это невозможно, но восхищались его стремлением и поражались обширности его знаний. Он часто повторял: «Факты, факты, прежде всего — факты!» И было ясно — он принадлежал к той когорте ученых (таких, как

© В.Г.Гузев, 2007

Н.К.Дмитриев, В.А.Гордлевский, А.Н.Самойлович, С.Е.Малов), которыми завершалась эпоха собирания, накопления и первичной систематизации знаний о тюркских языках.

А параллельно продолжалась дифференциация тюркологии. С одной стороны, набирал силу процесс, начавшийся еще трудами О.Н.Бётлингка и В.В.Радлова, которые полностью находились под влиянием своих немецких учителей (В. фон Гумбольдта, Фр.Боппа, А.Потта, А.Шлегеля, Фр.Шлегеля, Х.Штейнталя, В.Шотта). Это был процесс теоретического осмысления тюркского языкового материала, подключения тюркского языкознания к мировому лингвистическому процессу, становления теории тюркской грамматики. С другой стороны, в первой половине XX в. сформировалась плеяда тюркологов-грамматистов, создателей описательных грамматик отечественных и зарубежных тюркских языков (Н.А.Баскаков, И.А.Батманов, Н.К.Дмитриев, А.Н.Самойлович и др.). В их ряды включился и А.Н.Кононов с целой серией обстоятельных статей и последовательно дорабатывавшихся, совершенствовавшихся монографий.

Можно говорить, что Андрей Николаевич прожил ровно 80 лет. Он родился в Петербурге 27 октября 1906 г., а скончался через три дня после своего 80-летнего юбилея — 30 октября 1986 г. в Ленинграде. Похоронен на Богословском кладбище.

55 лет своей жизни А.Н.Кононов посвятил научной и педагогической деятельности, оставив заметный след как на поприще воспитания научных кадров, так и — в виде свыше 250 опубликованных трудов — в сфере исследовательской деятельности, в частности в области тюркской грамматики, лексикологии, текстологии, этимологии, истории востоковедения. Он занял почетное место среди таких колоссов отечественной науки о тюркских языках и культурах, как В.В.Бартольд, Н.А.Баскаков, О.Н.Бётлингк, В.А.Гордлевский, Н.К.Дмитриев, С.Н.Иванов, С.Е.Малов, П.М.Мелиоранский, В.В.Радлов, А.Н.Самойлович, Э.В.Севортян, В.Д.Смирнов и др.

В 1930 г. А.Н.Кононов окончил турецкое отделение Ленинградского восточного института (ЛВИ) и на всю жизнь сохранил добрую память об этом учебном заведении. Это проявилось, в частности, в том, что через много лет, в 60–70-е годы, он в содружестве с другим выпускником этого института, сотрудником Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР И.И.Иоришем проделает большую, кропотливую работу по написанию исторического очерка об ЛВИ [Кононов, Иориш, 1977].

Учителями Андрея Николаевича были выдающиеся востоковеды: В.В.Бартольд, Е.Э.Бертельс, Н.К.Дмитриев, С.Е.Малов, А.Н.Самойлович.

В 1932–1938 гг. Андрей Николаевич работал преподавателем турецкого языка, а в 1933–1936 гг. был аспирантом ЛВИ. С преподавательской деятельностью в этот период связаны, несомненно, такие его работы, как «Грамматика современного турецкого языка», подготовленная в соавторстве с Хикметом Джевдет-заде (Л., 1934), «Турецкая хрестоматия для III и IV курсов» (Л., 1935; в соавторстве с Х.Джевдет-заде, С.С.Джикия и Х.М.Цовикяном), «Учебное задание по турецкому языку» (М., 1938; совместно с М.Д.Алиевым и Д.А.Магазаником) и др.

С 1934 по 1981 г., т.е. в течение 48 лет, Андрей Николаевич преподавал на кафедре тюркской филологии восточного факультета Санкт-Петербургского (в то время — Ленинградского) государственного университета, которой заведовал в течение 24 лет — с 1949 по 1972 г. С 1938 г. до конца жизни он был сотрудником Ленинградского отделения Института востоковедения Академии наук СССР. Андрей Николаевич явно предпочитал научную и преподавательскую работу административной, о чем свидетельствует краткосрочность его деятельности как на посту декана восточного факультета ЛГУ — 1953–1954 гг., так и в должности заведующего ЛО ИВ АН СССР — 1961–1963 гг.

Здесь уместно отметить одну замечательную черту Андрея Николаевича как ученого, руководителя и организатора науки. Речь идет о его терпимости по отношению к иным точкам зрения, другим научным позициям. Его ученики (в качестве примера достаточно упомянуть С.Н.Иванова, автора этой статьи, Х.Г.Нигматова) во многом придерживались других взглядов, иначе истолковывали факты исследуемых тюркских языков. Это инакомыслие воспринималось Андреем Николаевичем как нечто совершенно естественное и не сказывалось ни на служебных, ни на личных отношениях с младшими коллегами. Предпочтение А.Н.Кононовым научной и преподавательской работы при явном избегании работы административной не стало препятствием его активной научно-организационной деятельности.

В 60–70-е годы прошлого века в Ленинграде под руководством Андрея Николаевича регулярно проводились, как тогда говорили, *всесоюзные* тюркологические конференции. В их организации и проведении принимали участие сотрудники кафедры тюркской филологии Восточного факультета ЛГУ и тюрко-монгольского кабинета ЛО ИВАН.

Первая конференция проходила 7–10 июня 1967 г. В ее работе приняли участие не только местные, ленинградские, тюркологи, но и коллеги из Москвы, Баку, Казани, Новосибирска, Ташкента, Алма-Аты, Ашхабада, Фрунзе, Тарту. Состоялись дискуссии по 42 докладам,

освещавшим вопросы тюркского языкознания, истории, литературоведения, этнографии, археологии, искусствоведения, истории науки[1].

Всего состоялось семь ленинградских конференций. Первая, как было сказано, — в 1967 г. Вторая — в мае 1968 г. Третья, посвященная памяти петербургского тюрколога-лингвиста П.М.Мелиоранского (1868–1906), — в июне 1969 г. Четвертая, посвященная 900-летию поэмы Юсуфа Баласагунского «Кутадгу билиг»[2], — в июне 1970 г. Пятая, приуроченная к 125-летию со дня рождения петербургского османиста профессора В.Д.Смирнова (1846–1922), а также к 120-летию выхода в свет «Грамматики якутского языка» (СПб., 1851) уроженца Петербурга немецкого ученого О.Н.Бётлингка (1815–1904), — в июне 1971 г. Шестая, памяти павшего жертвой сталинских репрессий выдающегося советского тюрколога А.Н.Самойловича (1880–1938), — в июне 1973 г. Седьмая, названная в хроникальном отчете «традиционной»[3], — в июне 1975 г. Первое пленарное заседание этой конференции, на котором вступительное слово произнес председатель Советского комитета тюркологов и председатель Оргкомитета конференции академик А.Н.Кононов было посвящено памяти выдающегося отечественного тюрколога, чл.-кор. Академии наук СССР проф. С.Е.Малова (1880–1957). Популярность конференций год от года росла. Если в первой (1967 г.) участвовало более 70 человек, количество участников шестой (1973 г.) составляло 139, а седьмой (1975 г.) — 153 человека.

Эстафету ленинградских конференций, значительно способствовавших творческому сплочению всех русскоязычных тюркологов, приняла крупнейшая в истории отечественной тюркологии Всесоюзная тюркологическая конференция, созванная Советским комитетом тюркологов во главе с акад. А.Н.Кононовым в Алма-Ате (27–29 сентября 1976 г.). В ней приняло участие около 500 делегатов, в том числе зарубежные гости из ГДР, Польши, США, Турции, ФРГ, Швеции. А.Н.Кононов выступил на ее пленарном заседании с докладом «Тюркское языкознание в СССР на современном этапе. Итоги и проблемы».

В 1970 г. осуществилась давняя мечта Андрея Николаевича. При его самом непосредственном участии началось издание в Баку все-

[1] Тезисы большинства из них см.: Филология и история тюркских народов. Тезисы докладов. Л., 1967.

[2] Известной широкому кругу русскоязычных читателей как «Благодатное знание» в прекрасном поэтическом переводе петербургского тюрколога профессора С.Н.Иванова (1922–1999).

[3] СТ. 1975, № 5, с. 107.

союзного научно-теоретического журнала «Советская тюркология», который был призван «объединить силы ученых, обеспечить широкий обмен идеями, опытом, результатами исследований и таким образом содействовать еще более успешному развитию тюркской филологии» [Ширалиев, Асадуллаев, 1970, с. 3]. Журнал успешно справлялся со своей задачей на протяжении двух десятков лет. Он был прекрасным источником информации о деятельности всех тюркологических центров страны, поскольку в нем и опытные, и начинающие тюркологи делились своими мыслями, находками, результатами научных исследований. На его страницах публиковали свои статьи как советские, так и зарубежные ученые. Каждый специалист, где бы он ни работал, имел возможность быть и наблюдателем, и соучастником научного процесса, следить за деятельностью по меньшей мере тех из своих коллег, которые печатались по-русски. К великому сожалению всего тюркологического, а правильнее, всего алтаистического мира, издание журнала прекратилось после выхода в свет его 6-го номера в 1990 г. Журналы, посвященные тюркологическим исследованиям, ныне выходят в республиках СНГ.

Андрей Николаевич был инициатором создания в 1973 г. и бессменным председателем Советского комитета тюркологов, который сыграл большую роль в деле координации и интенсификации исследовательской работы в области тюркологии на всей территории бывшего СССР, способствовал личному сближению и сотрудничеству тюркологов Российской Федерации и тюркоязычных союзных республик.

Первой крупной работой А.Н.Кононова стала вышедшая в свет в 1934 г. его «Грамматика современного турецкого языка» (в соавторстве с Х.Джевдет-заде), затем последовали: в 1941 г. — «Грамматика турецкого языка», в 1948 г. — «Грамматика узбекского языка», в 1956 г. — «Грамматика современного турецкого литературного языка» (М.; Л.), в 1960 г. — «Грамматика современного узбекского литературного языка» (М.; Л.).

Один из биографов А.Н.Кононова, проф. С.Н.Иванов, безукоризненно прослеживает процесс становления Андрея Николаевича как грамматиста, отмечая бережное отношение академика к специфике объекта исследования, тончайшее проникновение в языковой материал, энциклопедическое знание тюркологической литературы, пристальное внимание к морфологическим особенностям классов лексем (приветствуется отказ от постулата о недостаточной морфологической определенности именных классов лексем). Констатация яркой морфологической определенности частей речи в турецком языке трактуется

как «принципиальная и последовательная концепция грамматических воззрений А.Н.Кононова».

Весьма характерно, что С.Н.Иванов дает исключительно внутритюркологическую оценку творчества А.Н.Кононова, прослеживает процесс становления и деятельность ученого в пределах тюркского языкознания, не позволяя себе оценки с более широких позиций, скажем, не только востоковедного, но и современного ему общего языкознания.

Стремясь осмыслить и дать объективную оценку деятельности А.Н.Кононова как грамматиста (Андрей Николаевич любил пользоваться именно этим словом) с позиции тюрколога начала XXI в., необходимо, как представляется, принять во внимание три обстоятельства.

Во-первых, имеющее место в языкознании явление, которое можно называть, скажем, первичным освоением неродственных, сложившихся на базе чуждой исследователю картины мира, экзотических, нередко мало доступных, чаще всего трудно поддающихся освоению языков.

Во-вторых, реальность наличия в науке разных типов ученых и потребность науки в каждом из этих типов. Помимо прочего, весьма важным и наиболее существенным, по-видимому, является различие между энциклопедистами, или эрудитами, с одной стороны, и аналитиками, т.е. учеными, преследующими цель теоретического осмысления фактов, обнаружения их системных и причинно-следственных связей, — с другой.

В-третьих, объективная необъятность востоковедного фронта, иными словами, не поддающаяся охвату обширность интересов и потребностей востоковедения при ставшей традиционной ограниченности востоковедных кадров. (Эта ситуация наблюдается не только в России, но и во многих зарубежных странах.)

Последнее обстоятельство способствует формированию типа востоковеда-энциклопедиста, «многостаночника», специалиста широчайшего профиля, который, вынужденно избегая узкой специализации, углубления в проблематику предмета, неизбежно оказывается слабо приобщенным к мировому теоретическому процессу, будь то литературоведческий, лингвистический или историографический процесс. Он с огромным интересом осваивает экзотику, уникальные, с его точки зрения, факты, осмысляя их на базе, как правило, великолепно усвоенного в университетские годы общеупотребительного понятийно-терминологического лингвистического аппарата, и избегает делать масштабные умозаключения, которые могут иметь фреквентальный, универсальный или общечеловеческий характер. Этот тип востоковеда всегда был, по-видимому, преобладающим как в России, так и в Европе.

Наиболее ярким примером тюрколога этого типа как для России, так и для Европы, возможно, навсегда останется поселившийся в 1858 г. в России немец, уроженец Берлина, Фридрих Вильгельм (Василий Васильевич) Радлов (1837–1918), который, без малейшего преувеличения, узнал и написал про тюркские языки, народы и культуры все, что только можно было физически узнать и написать в его время. По словам А.Н.Кононова, В.В.Радлов «проложил пути во всех отраслях тюркологии, которая и поныне развивается на проторенных им путях» [Кононов, 1989, с. 197].

В силу тех же (названных выше) причин востоковеды-аналитики, востоковеды-теоретики встречаются значительно реже. К ним можно отнести: казненного сталинским режимом профессора Е.Д.Поливанова (1891–1938); профессора восточного факультета ЛГУ, кореиста, япониста и лингвиста-теоретика А.А.Холодовича (1906–1977); профессора восточного факультета, тюрколога — лингвиста, литературоведа и поэта-переводчика С.Н.Иванова; к сожалению, слабо понятого у нас и пока мало признанного профессора Г.П.Мельникова (1928–2000).

Взаимоотношения ученых обоих типов бывают разнообразными. Случается, что несовпадение интересов и непонимание друг друга приводят к неприязненным отношениям, но часто торжествует умиротворяющая истина — наука нуждается как в собирателях-классификаторах языкового материала, так и в теоретиках, способных интерпретировать экзотический материал с позиций мирового лингвотеоретического процесса, разглядеть в конкретных языковых фактах проявление глобальных законов жизни и «дрейфа» (Э.Сепир) языка.

Поучительным примером взаимодействия двух лингвистических колоссов, представляющих оба типа языковедов, может служить статья И.А.Бодуэна де Куртенэ «Заметки на полях сочинения В.В.Радлова», написанная по случаю 70-летнего юбилея великого тюрколога [Бодуэн де Куртенэ, 1963, с. 175–186].

Считая, что труд В.В.Радлова «Вводные размышления об изложении морфологии тюркских языков» [Radloff, 1906] заслуживает внимания не только специалистов-тюркологов, но и «лингвистов вообще», И.А.Бодуэн де Куртенэ полагает, что «именно критическое, лишь бы только почтительное, отношение к трудам ученого является лучшим доказательством уважения и признательности за находимое в них побуждение к мышлению о затронутых в них вопросах» [Бодуэн де Куртенэ, 1963, с. 175].

Труд В.В.Радлова послужил для И.А.Бодуэна де Куртенэ поводом как для того, чтобы выступить против расхожих в то время научных предрассудков, так и для того, чтобы высказать свою позицию по ряду

фундаментальных теоретических вопросов. Он затрагивает, например, такие проблемы, как вопрос о соотношении языка и мышления, синхронии и диахронии языка, настаивает на необходимости относиться к языковым фактам как к объективной данности.

То обстоятельство, что В.В.Радлов оперирует понятийно-терминологическим аппаратом стадиальной типологической концепции братьев Августа и Фридриха Шлегелей и В. фон Гумбольдта и, в частности, сопоставляет факты агглютинирующих и флективных языков, дает И.А.Бодуэну де Куртенэ повод к выражению своего крайне отрицательного отношения к «ходячим воззрениям на отношение между морфологическими типами языков». Идею о том, что изолирующий тип развился в агглютинирующий, он считает предвзятой. Бодуэн явно осуждает В.В.Радлова за то, что тот разделяет теорию развития языков путем «перехода от самой несовершенной „изоляции" через более совершенную „агглютинацию" к якобы самой совершенной „флексии" [Бодуэн де Куртенэ, 1963, с. 179]. «Ведь „мы", „индогерманцы", представляем из себя совершенство и перл создания», — язвительно замечает он [Бодуэн де Куртенэ, 1963, с. 179]. Бодуэн указывает господам «якобы эволюционистам» (Август Фридрих Потт, Хейман Штейнталь) на очевидные факты, противоречащие стадиальной теории («Ведь английский язык является в сущности почти таким же односложным (einsilbig), „сопоставляющим" (nebensetzend), „обособляющим" (isolierend) языком, как и язык китайский») [Бодуэн де Куртенэ, 1963, с. 180]. Бодуэн осуждает многие употребляемые В.В.Радловым расхожие термины («физиологические особенности» языков, «материя», «форма», «содержание» и др.).

Вместе с тем И.А.Бодуэн де Куртенэ формулирует и свое собственное толкование таких важнейших понятий, как «морфология», «морфема», «синтагма», «основа»; высказывает, например, весьма продуктивную (но, к сожалению, не востребованную тюркологами) мысль о том, что различие флексии и агглютинации обязано своим возникновением объективно существующему различию между полигенезом и моногенезом одних и тех же «морфологических представлений» (т.е., видимо, служебных грамматических значений), настаивает на необходимости противопоставления полиморфизма и мономорфизма; предлагает отличать «языки более трезвые и более упорядоченные от языков менее трезвых и упорядоченных, фантазирующих и вызывающих рассеянность языкового внимания» [Бодуэн де Куртенэ, 1963, с. 185]; при этом он не забывает отметить отсутствие в языках «более трезвых» грамматической категории рода. К первым Бодуэн относит урало-

алтайские, к числу вторых — языки, использующие приставки, суффиксы и разного рода чередования.

И.А.Бодуэн де Куртенэ заключает свою статью признанием, что хотел поделиться мыслями, которые возникли у него при чтении труда В.В.Радлова. Автор статьи воспринимается читателем как могучий теоретик, В.В.Радлов же — как великий ученый-практик.

Питомец немецкой лингвистической школы, давшей миру плеяду упоминавшихся выше колоссов теоретической мысли, В.В.Радлов, оказавшись в среде тюркоязычных народов, в гуще тюркских языков и осознав потребности местной жизни, стал ученым-практиком, выдающимся собирателем фактов, классификатором, издателем обширнейшего тюркского языкового материала и фольклора, этнографических сведений о тюрках. Такое отношение к материалу явно диктовали условия, в первую очередь то обстоятельство, что слишком большая масса тюркских народов попросту не была еще известна ученому миру, их языки, многим из которых грозило исчезновение, были бесписьменными, а те, которые были известны, не были достаточно изучены. Напомним, что за полстолетия до статьи Бодуэна немецкий теоретик Х.Штейнталь заносчиво полемизировал с автором первой капитальной грамматики якутского языка О.Н.Бётлингком, воспринимая этого россиянина как ученого-практика.

Титаническая деятельность В.В.Радлова положила начало той большой практической работы, которая была продолжена отечественными тюркологами в XX в., особенно в советское время. Сам В.В.Радлов стал для российских тюркологов символом преданности, любви к тюркологической науке, прекрасным образцом для подражания.

Инерция в первую очередь описательно-ознакомительного, комплексного отношения к языкам и культурам необъятного тюркского мира, а также изложенные выше объективные обстоятельства выдвигали на первый план задачи сбора, предварительной систематизации и первичной интерпретации фактов тюркских языков. При этом опора на уже имеющиеся грамматики, конечно же прежде всего европейских языков и санскрита, не могла не стать причиной не всегда адекватного истолкования тюркских языковых средств как следствие их ложного уподобления фактам из области индоевропеистики или приложения к ним совершенно чуждого им понятийного аппарата. Однако эта нелегкая работа была первоочередной, и ее надо было делать.

А.Н.Кононов без колебаний присоединился именно к *радловской традиции* в тюркологии и обширностью свершенного навсегда вписал себя в историю востоковедения.

Со времени выхода в свет крупнейших сочинений А.Н.Кононова (академические грамматики турецкого и узбекского языков, «Родословная туркмен», 1956, 1960 и 1958 гг. соответственно) прошло уже без малого полвека. Исследовательская работа продолжается. Естественно, что некоторые взгляды, которых придерживался А.Н.Кононов, не выдержали испытания временем, точнее, практикой использования турецкого языка благодаря многочисленным контактам российских и турецких тюркологов, а также возросшей исследовательской деятельностью грамматистов, являющихся носителями тюркских языков.

Можно привести несколько примеров преодоления укоренившихся в тюркских грамматиках предрассудков.

В течение длительного времени тюркологи полагали, что субстантивная категория числа в тюркских языках конституируется, как во флективных языках, двумя формами — неаффигированной формой единственного числа (некоторые авторы считали, что она имеет нулевой показатель) и аффигированной формой множественного числа (с аффиксом *-lar*), например, *at* 'лошадь' — *atlar* 'лошади'. Однако в специальной литературе появились серьезные, обоснованные сомнения в том, что имя существительное без показателя *-lar* может трактоваться как форма единственного числа, т.е. как одна из структурных морфологических единиц. Сложилось представление, что значение неаффигированного существительного попросту лишено какой-либо количественной семы, что оно лишено нулевого показателя, т.е. отсутствие аффикса является абсолютным, и такое существительное не имеет отношения к морфологическому механизму выражения количества.

Затем был сделан еще более кардинальный вывод: в речи на тюркских языках в сфере формообразования отсутствие показателя за редчайшими исключениями не замещается нулевым показателем, т.е. является абсолютным.

Другой пример. Грамматисты поняли, что губная гармония гласных в турецком языке — явление более молодое и отличное от нёбной гармонии. Она не может трактоваться так же, как нёбная, поскольку представляет собой уподобление исключительно *узких* гласных (*ı, i, u, ü*) гласному *предшествующего* слога (который совсем не обязательно оказывается *первым*). Это означает, что в отношении таких, например, слов, как *oda* 'комната' или *bıçak* 'нож', о губной гармонии гласных не может быть и речи.

Стало ясно также, что и тюркские языки имеют отсутствующее в грамматиках сослагательное наклонение, которое формируется тем же

семантическим путем, что и конъюнктив многих других языков: путем переосмысления будущего в прошлом (*Seni orada görmeseydim, hemen giderdim / gidecektim* 'Если бы я тебя не увидел, я *бы* тотчас *ушел*').

Возникли сомнения в том, что глагольная форма с показателем *-sa/ -se* представляет собой *наклонение*, поскольку, во-первых, условие является одним из типичных обстоятельственных значений, носителями которых нормально являются наречия (как самостоятельные лексемы) или деепричастия (специальные грамматические формы глагола), во-вторых, тюркские языки, включая турецкий, располагают финитными формами с обстоятельственными значениями, которые рационально истолковывать как обстоятельственные формы глагола, т.е. как *деепричастия.* Кстати, последнее обстоятельство противоречит устоявшемуся индоевропеистическому предрассудку, согласно которому деепричастия представляют собой нефинитные (в данном случае можно сказать «неличные») и неспрягаемые глагольные формы.

Разумеется, список предрассудков, продолжающих жить в тюркском языкознании, велик, и речь о них пойдет в другом месте.

Наши представления о строе и судьбах тюркских языков совершенствуются, но это нисколько не умаляет значение огромных, хотя во многом и предварительных, столь необходимых свершений наших предшественников, наших учителей.

Многочисленные пользователи грамматик Андрея Николаевича могут быть только благодарны ему за то, что на протяжении длительного периода его труды были практически единственными надежными пособиями по этим языкам в отечественной тюркологии. В тюркоязычных республиках и областях труды А.Н.Кононова не только используются в вузовских курсах, но и служат основой для создания грамматик собственных языков. Свидетельством наличия в мире неубывающего спроса на труды А.Н.Кононова может послужить тот факт, что «Грамматика современного турецкого литературного языка» в 2003 г. была переиздана по-русски в Турции издательством «Мультилингваль».

Перечень заслуг Андрея Николаевича был бы далеко не полным, если не напомнить о его многочисленных трудах по истории мирового, в особенности отечественного востоковедения. Им написаны статьи, в том числе некрологи, посвященные В.В.Бартольду, А.Н.Генко, С.С.Джикия, В.М.Жирмунскому, И.А.Киссену, Н.И.Конраду, Д.А.Магазанику, С.Е.Малову, А.Е.Мартынцеву, П.М.Мелиоранскому, М.С.Михайлову, А.П.Поцелуевскому, В.В.Радлову, А.Н.Самойловичу, Э.В.Севортяну; целому ряду зарубежных тюркологов: Луи Базену, Вилли

Банг-Каупу, Кааре Грёнбеку, Г.Гылыбову, Жану Дени, Дж.Клосону, Т.Ковальскому, В.Л.Котвичу, Агях Сырры Левенду.

По два издания выдержали два главных труда А.Н.Кононова по истории отечественной тюркологии: монография «История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период» (Л., 1972 и Л., 1982) и «Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период. Под ред. А.Н.Кононова» (М., 1974; совместно с В.Г.Гузевым, Н.А.Дулиной, Ю.А.Ли. 2-е издание, переработанное, подготовил А.Н.Кононов. М., 1989). В этом перечне должны занять свое место также еще две небольшие по объему книги Андрея Николаевича: «Очерк истории изучения турецкого языка» (Л., 1976) и написанная в соавторстве с И.И.Иоришем брошюра «Ленинградский восточный институт. Страница истории советского востоковедения» (М., 1977).

От лингвистов-теоретиков нередко приходится слышать упреки в адрес наших учителей: такие-то факты истолкованы неверно. На это приходится отвечать, что наши учителя не были заняты теорией грамматики. Они работали в конкретных условиях, которые ставили перед ними определенные задачи. Тюркологи ясно осознавали эти свои задачи и справлялись с ними более чем добросовестно.

Бодуэн де Куртенэ, 1963 — *Бодуэн де Куртенэ И.А.* Заметки на полях сочинения В.В.Радлова // Избранные труды по общему языкознанию. Том II. М., 1963.

Кононов, 1989 — *Кононов А.Н.* Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период. 2-е изд., перераб., подготовил А.Н.Кононов. М., 1989.

Кононов, Иориш, 1977 — *Кононов А.Н., Иориш И.И.* Ленинградский восточный институт. Страница истории советского востоковедения. М., 1977.

Ширалиев, Асадуллаев, 1970 — *Ширалиев М.Ш., Асадуллаев С.Г.* Советская тюркская филология и задачи журнала «Советская тюркология» // СТ. 1970, № 1.

Radloff, 1906 — *Radloff W.* Einleitende Gedanken zur Darstellung der Morphologie der Türksprachen. SPb., 1906.

И.Г.ДОБРОДОМОВ
(Москва)

А.Н.Кононов и изучение тюркского вклада в русский язык

Крупнейший русский тюрколог XX в. Андрей Николаевич Кононов был ученым универсальных познаний в своей области: все, что касалось тюркологи, было известно ему в деталях буквально от Адама до наших дней. Историк тюркологической науки, Андрей Николаевич неизменно обращал внимание на такую важную составляющую отечественного востоковедения, как проблема взаимодействия восточных языков с соседними языками и особенно вклад тюркских языков в русский и другие славянские языки.

Это вполне понятно в свете той значимости, которая в России придавалась комплексной проблематике славянского и тюркского языкознания, а последняя высоко оценивалась историками тюркологии, считаясь «основной проблемой русской науки» [Дмитриев, 1946, с. 65].

В своей капитальной работе «История изучения тюркских языков в России», впервые вышедшей в 1972 г. в Ленинграде, в качестве заключительного он поместил параграф 6: «Изучение тюркизмов в русском языке» [Кононов, 1972а, с. 251–253], где осветил историю выделения в русском словарном составе тюркско-татарских вкраплений, начиная с русских азбуковников и доводя этот обзор до середины XX в.

Этот же очерк с небольшими изменениями помещен в конец предисловия под названием «Из истории изучения тюркских языков в России» к первому изданию «Биобиблиографического словаря отечественных тюркологов (дооктябрьский период)», составленного под его руководством небольшим авторским коллективом в составе: В.Г.Гузев, Н.А.Дулина, А.Н.Кононов, Ю.А.Ли — и вышедшего под его же редакцией [Гузев и др., 1974, с. 87–90]. Во втором издании «Словаря» очерк отсутствует.

© И.Г.Добродомов, 2007

Во втором, дополненном и исправленном издании его монографии «История изучения тюркских языков в России» (1982 г.) соответствующий раздел (§ 7) был значительно расширен и получил название «Изучение тюркизмов в русском языке и русизмов в тюркских языках» [Кононов, 1982, с. 328–334], охватывая всю проблематику тюрко-славянских языковых связей, разрабатывавшуюся отечественными тюркологами.

На фоне таких весьма содержательных общих обзоров А.Н.Кононова возникает потребность и в более глубокой, детальной оценке разысканий отдельных ученых в исследовании тюркизмов русского языка, что пока получило реализацию в обзоре Н.К.Дмитриевым вклада в эту сферу деятельности русских тюркологов [Добродомов, 2001, с. 77–89], подготовительные материалы которого, опубликованные посмертно, сыграли важную роль в активизации во второй половине XX в. исследований тюрко-славянских контактов.

Обзоры истории изучения тюркизмов в русском языке сделаны А.Н.Кононовым с позиций тюрколога, что нельзя считать единственно возможным подходом, поэтому Андрей Николаевич предложил мне как русисту опубликовать переработанную историографическую часть моей кандидатской диссертации в качестве аналогичного обзора, сделанного с позиций русского языкознания [Добродомов, 1981, с. 90–108].

Содействуя публикации еще одного обзора истории изучения тюркизмов в русском языке, А.Н.Кононов тем самым проявил заинтересованность в появлении труда на ту же тему, но сделанного с иных точек зрения, с вниманием к другим деталям, благодаря чему проблематика получает многостороннее освещение.

Такая же заинтересованность в существовании разных мнений, разных подходов проявилась у Андрея Николаевича и в следующем факте наших взаимоотношений. Когда я подготовил статью «Кто такие *хинове* в „Слове о полку Игореве“?» для «Тюркологического сборника» с разбором разных названий половцев в средневековых источниках, где много внимания уделялось прилагательным с цветовой семантикой в этнических названиях (статья была опубликована в «Тюркологическом сборнике 1975» под более точным названием «О половецких этнонимах в древнерусской литературе» [Добродомов, 1978, с. 102–129]), я еще не знал, что Андрей Николаевич работал над аналогичной проблематикой.

Сам Андрей Николаевич опубликовал близкую по содержанию, но в отдельных деталях (с иными подходами и акцентами) весьма отличающуюся от моей статью, однако без не очень-то нужной здесь по-

лемики [Кононов, 1976а, с. 159–166], поскольку истина в спорах не только рождается, но подчас и гибнет.

История изучения тюркизмов русского языка уже применительно к «Слову о полку Игореве» была изложена также в предисловии «От редактора» к русскому изданию книги известного языковеда Карла Генриха Менгеса (1908–1999) о восточных элементах в «Слове о полку Игореве», вышедшей первым изданием в Америке в 1951 г. с предисловием Р.О.Якобсона [Menges, 1951]. Андрей Николаевич был инициатором публикации на русском языке второго, значительно дополненного издания этого капитального исследования К.Г.Менгеса, которое встретило затруднения в публикации на Западе.

Будучи ответственным редактором этого издания, Андрей Николаевич Кононов и издательский редактор Д.М.Насилов в процессе подготовки книги обратили внимание на следующее спорное утверждение автора: «Поразительной особенностью работ, изданных в СССР, является тот факт, что вплоть до последних лет ни одна из весьма многочисленных публикаций по „Слову <о полку Игореве>“ — монографий и прочих исследований, появившихся после Второй мировой войны, — совершенно не касается вопросов о лексических ориентализмах» [Менгес, 1979, с. 66, примеч. 7].

Андрей Николаевич не стал оспаривать это далекое от точности высказывание, поняв, что простой спор здесь будет бесполезным; лучшим аргументом для опровержения высказанного К.Г.Менгесом суждения он посчитал объективную библиографию работ об ориентализмах русского языка в советской филологической науке и прореагировал на эти слова следующим редакторским примечанием: «К сожалению, автор оказался недостаточно полно осведомленным о размахе исследовательской деятельности советских лингвистов в области восточных заимствований в русском и славянских языках. См. прилагаемую ниже Библиографию основной отечественной литературы по изучению ориентализмов в восточнославянских языках» [там же].

Эта частично аннотированная библиография в краткие сроки была по просьбе А.Н.Кононова подготовлена мною в сотрудничестве с Г.Я.Романовой и напечатана как приложение к книге К.Г.Менгеса [Добродомов, Романова, 1979, с. 211–238].

Под редакцией А.Н.Кононова вышла и другая монография, посвященная более свободному и смелому анализу тюркского лексического вклада в лексику «Слова о полку Игореве», выполненная тюркологом Н.А.Баскаковым не всегда с учетом тонкостей истории русского язы-

ка, а порой и тюркских языков, оставляя простор для дальнейших исследований [Баскаков, 1985].

Сам Андрей Николаевич не был чужд занятиям по изучению тюркизмов в русской лексике, и его разыскания в этой области весьма заметны: это и грандиозные замыслы, и научно-популярные публикации.

Ждет своего продолжения начатая А.Н.Кононовым скрупулезная работа по выявлению тюркского лексического вклада в лексику русских народных говоров на материале сводно-академического «Словаря русских народных говоров». Андрей Николаевич сумел выявить тюркизмы в трех первых выпусках этого издания [Кононов, 1966, с. 226–229; Кононов, 1969а, с. 531–538], которое сейчас уже дошло до буквы *С* (вып. 38).

Начатое Андреем Николаевичем масштабное тюркологическое комментирование русской диалектной лексики пока не нашло достойного продолжения, но первые попытки в этой области уже реализуются в региональных разысканиях на более ограниченном материале русского языка, но при более широком охвате местных языков.

Здесь некоторое продвижение заметно лишь применительно к сибирской диалектной лексике русского языка, в том числе и тюркского происхождения, которая нашла себе удачного этимологизатора в лице новосибирского лингвиста А.Е.Аникина, успешно этимологизирующего более широкий материал, чем представленный в «Словаре русских народных говоров». Этот внимательный исследователь также освещает и вклад русского языка в языки Сибири, в том числе и тюркские [Аникин, 2000; Аникин, 2003].

Своими обширными познаниями в тюркологической литературе А.Н.Кононов поделился с читателями научно-популярного журнала «Русская речь» в связи со статьей турецкого языковеда А.Джафероглу в «Ежегоднике Общества турецкого языка» (1970 г.) о судьбе тюркского названия военного корабля *чайка* с пушечным вооружением и большой командой до ста человек, которое у казаков превратилось в название весельной лодки. На почве тюркских языков, где старый тюркский звук *ч* переходил в *ш*, первоначальный судовой термин метонимически изменился в название экипажа разбойничьего корабля, откуда русское слово *шайка* «компания морских разбойников» и далее «шайка разбойников вообще». К этим соображениям турецкого ученого А.Н.Кононов добавляет, что и на русской почве «бродячее» слово *шайка* приобрело омоним, обозначающий низкую банную посуду — тоже *шайку* [Кононов, 1972б, с. 153–154].

В заключение же делается важное уточнение: «Интересная статья профессора А.Джафероглу значительно выиграла бы, если бы он использовал весьма обстоятельное исследование профессора Б.Л.Богородского на эту же тему [Богородский, 1969, с. 147–156][1], в котором доказывается, что термин *шайка* и его вариант *чайка* заимствован, вероятнее всего, из турецкого языка, но „по происхождению не является турецким, а восходит к латинско-итальянским источникам эпохи средневековья“» [Кононов, 1972б, с. 154].

В дальнейшем вместе с Б.Л.Богородским Андрей Николаевич опубликовал обстоятельную статью на тему русской фразеологии в связи с терминами судоходства под загадочным, интригующим названием «Тут ему и каюк пришел» и подзаголовком «К истории фразеологического словосочетания», где рассматривается широкое распространение базового для фразеологизма названия лодки *каюк, каик* из тюркской судовой терминологии и приобретение им постепенно далекого значения «смерть, конец, гибель», благодаря чему в нынешнем русском языке мы имеем фактически два омонима *каюк*$_1$ и *каюк*$_2$ [Богородский, Кононов, 1978, с. 117–127]. Богатый материал этой статьи опровергает широко распространенное мнение, что слово *каюк* (смерть; по Далю, в севернорусских говорах, *каюк* — «полубарка») относится «к числу слов, укрепившихся в русском литературном языке не раньше середины XIX в. и проникших в него из южновеликорусского наречия» [Виноградов, 1978, с. 213][2]. К этому следовало бы добавить, что правильно понять этимологию выражения *каюк пришел* можно только в свете использования ладьи (каюка) в похоронном обряде восточных славян [Анучин, 1890; Нидерле, 1956, с. 209–211].

В «Этимологических заметках» на страницах научно-популярного журнала «Русская речь» ученый смог доходчиво объяснить весьма трудный для профессиональных историков старинный глагол *карашеваться*, который встречается в описаниях аудиенций послов у принимавших их правителей и восходит к казанско-татарскому глаголу *караш(у)* «переглядываться» [Кононов, 1973б, с. 116–118][3]. Надо учесть также, что древнерусскому глаголу *карашеваться, корешеваться*,

[1] Б.Л.Богородский был известен как большой знаток русской судовой терминологии, по истории которой он оставил большое количество статей.

[2] В русле этого мнения идет «Словарь русской фразеологии» [Бирих, Мокиенко, Степанова, 1998, с. 259], где к числу южновеликорусских отнесены ярославские говоры.

[3] Этот глагол вызывал затруднения и позже у языковедов, которые выводили из него современное жаргонное *кореш* «друг, приятель», см. [Zajcev, 2005, с. 295–298]. Ср. также по поводу последнего слова [Супрун, 1969, с. 69–70].

пришедшему из тюркских языков, соответствовали исконные выражения *быти на очахъ* (*очехъ*), *быти на очи, приити на очи*, тоже обозначавшие действия аудиенции при дворе [Сл. р. яз. XI–XVII, вып. 7, с. 76; вып. 12, с. 329].

В этимологической заметке о названии русского сказочного персонажа *баба-яга* А.Н.Кононов не углубляется в проблематику этого трудного для анализа слова, о котором спорят слависты, но обращает внимание русистов и славистов на гипотезу середины XIX в. о его монгольской этимологии (монг. *экэ* «мать»), предлагая специалистам высказать свое отношение к ускользнувшему от них соображению известного востоковеда И.Н.Березина [Кононов, 1973а, с. 118–119].

Академик А.Н.Кононов был ответственным редактором итогового для 1976 г. издания — книги Е.Н.Шиповой «Словарь тюркизмов в русском языке» [Шипова, 1976], где на основе русских этимологических словарей собраны и систематизированы сведения о словах русского языка, которые считались или считаются тюркскими по происхождению[4].

Словарь Е.Н.Шиповой отражает важный этап первоначального сбора и систематизации русской лексики тюркского происхождения, которая требует дальнейшего осмысления и критической оценки с точки зрения современного состояния тюркологии и русистики, что уже постепенно осуществляется по двум направлениям: открываются новые тюркизмы, особенно в памятниках древнерусской письменности, уточняется их этимология, с одной стороны; подвергается сомнению мнимое тюркское происхождение некоторых слов, выясняется их исконное происхождение — с другой. Ограничусь приведением из своей исследовательской практики двух примеров критической оценки слывущих тюркизмами нетюркских слов и выявлением пока неизвестных тюркизмов.

Для считавшегося с XVIII в. тюркизмом слова *лошадь* (тюркская этимология от якобы *алаша* «мерин» существует с середины XVIII в. в целой серии противоречивых вариантов, исключающих один другого) был найден русский источник — русское образование от уже исчезнувшего прилагательного *лоший* «плохой» и суффикса *-адь*, аналогично *площадь* (от *плоский*), *чернядь* (от *черный*), *пестрядь* (от *пестрый*) и т.п. [Добродомов, 1994, с. 90–92]. В отличие от *боевого коня* более смирная *лошадь* обычно использовалась как рабочая, тягловая сила в

[4] См. рецензию Н.А.Баскакова и И.Г.Добродомова в журнале «Вопросы языкознания» [Баскаков, Добродомов, 1976, с. 137–140].

хозяйстве, причем следы этого противопоставления чувствуются и сейчас.

Отыскание тюркско-монгольской этимологии загадочного слова *туска* (*туску*?) из Новгородской I летописи под 1259 г. на базе тюркского *тузгу* (в монгольском звучании *туску* с оглушением интервокального сочетания согласных *-зг-* > *-ск-*) помогло установить, что оно обозначает не «вид подати, дани», как утверждают словари, а «подношение еды, припасов на дорогу» [Добродомов, 1996, с. 75–78].

Ономастические разыскания ученого, хотя и направлены исключительно на анализ тюркского материала, представляют интерес и для истории и филологии других народов. Особенно это касается исследований об этнонимах [Кононов, 1949, с. 40–47; Кононов, 1970, с. 16–22; Кононов, 1976а, с. 159–166].

Большое значение для топонимических разысканий на тюркской почве имела скромная статья Андрея Николаевича о семантике тюркских цветообозначений *кара* «черный» и *ак* «белый» в составе топонимов [Кононов, 1954, с. 83–85], где получили тюркологическое лингвистическое освещение меткие наблюдения географа Э.М.Мурзаева над туркменскими и киргизскими географическими терминами [Мурзаев, 1939; Мурзаев, 1940]. Почти четверть века спустя эта тема получила исчерпывающее освещение в большой статье Андрея Николаевича о тюркских цветообозначениях с учетом весьма обильной литературы по теме, причем учитывались и русские семантические параллели [Кононов, 1975, с. 159–179].

Не случайно тюрко-славянская тематика неизменно присутствует во всех трех юбилейных сборниках, посвященных 60-, 70- и 80-летию ученого [Тюркологический, 1966; Turcologica, 1976; Turcologica, 1986], а также на проводившихся с 1967 г. в Ленинграде тюркологических конференциях под руководством А.Н.Кононова. Приветствовал он публикации разысканий о тюркизмах и в тесно связанных с этими конференциями «Тюркологических сборниках», выходивших под его редакцией, а также в журнале «Советская тюркология».

Весьма характерный для Андрея Николаевича лаконизм стиля изложения сочетался с обнаружением и обнародованием важных для продвижения вопроса фактов и деталей. В этом отношении весьма показательна подборка четырех небольших этимологических заметок в сборнике, посвящавшемся 70-летию Д.С.Лихачева, но вышедшем без посвящения, однако с портретом юбиляра. В заметках рассматриваются весьма трудные в этимологическом плане наименования денежных единиц *деньга́, алтын, полтина*, о которых существует обширная ли-

тература, а также топоним *Азов*. Об этих словах писали Х.Д.Френ, Ф.И.Страленберг и др., но А.Н.Кононов и здесь нашел новое [Кононов, 1976б, с. 256–260].

Особо следует сказать об изучении такого сложного исторического источника, каким являются сохранившиеся в старинном русском переводе жалованные ярлыки золотоордынских ханов русскому духовенству, чем специально плодотворно занимается один из учеников Андрея Николаевича — А.П.Григорьев, которому для этого пришлось основательно изучить монгольскую практику выдачи жалованных грамот [Григорьев, 1978] и написать целую серию статей для выяснения скрытого в этих малопонятных документах истинного исторического содержания.

Результатом этой многолетней исследовательской работы явились десятки статей и уже итоговая монография по исследованию краткой коллекции ярлыков и выяснению их исторического содержания [Григорьев, 2004].

Изучение же тюркских ярлыков Золотой Орды, сохранившихся в небольшом количестве от более позднего времени, остановилось на стадии их тщательного описания [Усманов, 1979].

Поскольку заимствования из тюркских языков в русском языке сохраняют свой древний тюркский облик времен и проникновения на новую почву, а в некоторых случаях даже просто являются единственными остатками уже исчезнувших языков, то тюркизмы представляют весьма ценный материал для тюркского сравнительно-исторического языкознания, поэтому они могут встретиться в чисто тюркологических работах. Например, в брошюре А.Н.Кононова «Показатели собирательности-множественности в тюркских языках: Сравнительно-исторический этюд» фигурирует русское название денежной единицы *алтын* ‘шесть денег, три копейки’ в связи с возможным наличием в этом слове показателя множественного числа *-н*, а также упоминается старое название пятнадцатикопеечной монеты *пятиалтынный* [Кононов, 1969б, с. 17].

Такого рода попутных замечаний о русских тюркизмах у А.Н.Кононова довольно много, но найти их все в многочисленных и многообразных трудах ученого нелегко.

Совокупность замечаний А.Н.Кононова о тюркизмах русского языка не представляет собой что-то законченное и окончательное: его труды в этой области отражают состояние современной науки и могут быть дополнены и уточнены в будущем, создавая в то же время прочный фундамент для дальнейших исследований, на который можно

опираться, хотя со дня смерти Андрея Николаевича прошло уже два десятка лет.

Аникин, 2000 — *Аникин А.Е.* Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Новосибирск, 2000.

Аникин, 2003 — *Аникин А.Е.* Этимологический словарь русских заимствований в языках Сибири. Новосибирск, 2003.

Анучин, 1890 — *Анучин Д.Н.* Сани, ладья и кони как принадлежности похоронного обряда. М., 1890.

Баскаков, 1985 — *Баскаков Н.А.* Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». М., 1985.

Баскаков, Добродомов, 1976 — *Баскаков Н.А., Добродомов И.Г.* [Рец. на:] *Шипова Е.Н.* Словарь тюркизмов в русском языке. А.-А., 1976. 444 с. // Вопросы языкознания. 1978, № 1.

Бирих, Мокиенко, Степанова, 1998 — *Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И.* Словарь русской фразеологии. СПб., 1998.

Богородский, 1969 — *Богородский Б.Л.* К истории судовых терминов *шайка* и *чайка* // Вопросы теории и истории языка. Сборник статей, посвященный памяти Б.А.Ларина. Изд-во ЛГУ, 1969.

Богородский, Кононов, 1978 — *Богородский Б.Л., Кононов А.Н.* Тут ему и каюк пришел: К истории фразеологического словосочетания // Вестник Ленинградского университета. 1978, № 14.

Виноградов, 1978 — *Виноградов В.В.* Избранные труды. История русского литературного языка. М., 1978.

Григорьев, 1978 — *Григорьев А.П.* Монгольская дипломатика XIII–XV вв. (чингизидские жалованные грамоты). Л., 1978.

Григорьев, 2004 — *Григорьев А.П.* Сборник ханских ярлыков русским митрополитам: Источниковедческий анализ золотоордынских документов. СПб., 2004.

Гузев и др., 1974 — *Гузев В.Г., Дулина Н.А., Кононов А.Н., Ли Ю.А.* Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов (дооктябрьский период) / Под ред. А.Н.Кононова. М., 1974.

Дмитриев, 1946 — *Дмитриев Н.К.* Труды русских ученых в области тюркологии // Ученые записки Московского государственного университета. М., 1946, вып. 107: Роль русской науки в развитии мировой науки и культуры. Т. III. Кн. 2.

Добродомов, 1978 — *Добродомов И.Г.* О половецких этнонимах в древнерусской литературе // Тюркологический сборник 1975. М., 1978.

Добродомов, 1981 — *Добродомов И.Г.* Из истории изучения тюркизмов русского языка // Тюркологический сборник 1977. М., 1981.

Добродомов, 1994 — *Добродомов И.Г.* Слово «лошадь» в этимологическом аспекте // Русский язык в школе. 1994, № 1.

Добродомов, 1996 — *Добродомов И.Г.* Туска (об одном гапаксе Новгородской первой летописи) // 90 лет Н.А.Баскакову. М., 1996.

Добродомов, 2001 — *Добродомов И.Г.* Тюркизмы русского языка в освещении Н.К.Дмитриева // Николай Константинович Дмитриев. К 100-летию со дня рождения. М., 2001.

Добродомов, Романова, 1979 — *Добродомов И.Г., Романова Г.Я.* Библиография основной отечественной литературы по изучению ориентализмов в восточнославянских языках // *Менгес К.Г.* Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л., 1979.

Кононов, 1949 — *Кононов А.Н.* Опыт анализа термина *тӱрк* // Советская этнография. 1949, № 1.

Кононов, 1954 — *Кононов А.Н.* О семантике слов *кара* и *ак* в тюркской географической терминологии // Известия Отделения общественных наук Академии наук Таджикской ССР. 1954, вып. 5.

Кононов, 1966 — *Кононов А.Н.* Заметки тюрколога на полях «Словаря русских народных говоров». Выпуск первый: А. Составил Ф.П.Филин. М.–Л., 1965, 302 с. // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. 1966, т. XXV, вып. 3.

Кононов, 1969а — *Кононов А.Н.* Заметки (II) тюрколога на полях «Словаря русских народных говоров». Выпуск второй: Ба–Блазниться. М.–Л., 1966, 314 с.; Выпуск третий: Блазнишка–Бяшутка. Л., 1968, 360 с. // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. 1969, т. XXVIII, вып. 6.

Кононов, 1969б — *Кононов А.Н.* Показатели собирательности-множественности в тюркских языках: Сравнительно-исторический этюд. Л., 1969.

Кононов, 1970 — *Кононов А.Н.* Еще раз об этнониме «кыргыз» // Тюркологические исследования. Сборник статей, посвященный 80-летию академика К.К.Юдахина. Фрунзе, 1970.

Кононов, 1972а — *Кононов А.Н.* История изучения тюркских языков в России. Л., 1972.

Кононов, 1972б — *Кононов А.Н.* От чайки до шайки // Русская речь. 1972, № 2.

Кононов, 1973а — *Кононов А.Н.* Еще раз о «Бабе-яге» // Русская речь. 1973, № 1.

Кононов, 1973б — *Кононов А.Н.* О глаголе *карашеваться* // Русская речь. 1973, № 1.

Кононов, 1975 — *Кононов А.Н.* Семантика цветообозначений в тюркских языках // Тюркологический сборник. 1975. М., 1978.

Кононов, 1976а — *Кононов А.Н.* К этимологии этнонимов *кыпчак, куман, кумык* // Ural-altaische Jahrbücher. Bd. 48. Wiesbaden, 1976.

Кононов, 1976б — *Кононов А.Н.* Тюркско-русские этимологические этюды // Культурное наследие Древней Руси: Истоки. Становление. Традиции. М., 1976.

Кононов, 1982 — *Кононов А.Н.* История изучения тюркских языков в России. 2-е изд. Л., 1982.

Менгес, 1979 — *Менгес К.Г.* Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л., 1979.

Мурзаев, 1939 — *Мурзаев Э.М.* К географической терминологии туркмен // ИВГО. 1939, т. 71, вып. 5.

Мурзаев, 1940 — *Мурзаев Э.М.* К географической терминологии в номенклатуре киргизов Тянь-Шаня // ИВГО. 1940, т. 72, вып. 3.

Нидерле, 1956 — *Нидерле Л.* Славянские древности. М., 1956.

Сл. р. яз. XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 7. М., 1980; вып. 12. М., 1987.

Супрун, 1969 — *Супрун А.Е.* З беларускіх цюркізмаў [*тулуп, кораш*] // Веснік Беларускаго універсітэту: Філалогія, журналістыка. 1969, № 3.

Тюркологический, 1966 — Тюркологический сборник. К шестидесятилетию Андрея Николаевича Кононова. М., 1966.

Усманов, 1979 — *Усманов М.А.* Жалованные акты Джучиева улуса XIV–XVI вв. Казань, 1979.

Шипова, 1970 — *Шипова Е.Н.* Словарь тюркизмов в русском языке. А.-А., 1976.

Menges, 1951 — *Menges K.H.* The Oriental Elements in the Vocabulary of the Oldest Russian Epos, the "Igor' Tale", "Slovo o pъlku Igorevě". N. Y., 1951 (Supplement to "Word", Journal of the Linguistic Circle of N. Y. Vol. 7).

Turcologica, 1976 — Turcologica. К семидесятилетию академика А.Н.Кононова. Л., 1976.

Turcologica 1986 — Turcologica. 1986: К восьмидесятилетию академика А.Н.Кононова. Л., 1986.

Zajcev, 2005 — *Zajcev I.V.* Notes on the Golden Horde Diplomatic Ceremonial: The Origin of the Word *koreš* in Russian Slang // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. Vol. 56 (2005), № 3.

ИВГО — Известия Всесоюзного географического общества. М.

Р.А.АБДУМАНАПОВ
(Томск)

К истокам организации родоплеменной структуры кыргызов

Родоплеменная система кыргызов являет собой типичный пример генеалогической структуры кочевого народа Евразии и отражает этапы становления этноса. Эта система, несмотря на некоторые разночтения в генеалогических списках племен, обладает достаточно стройной и строгой структурой. Об этом говорит практическая идентичность списков основных кыргызских племен XVI в. [Маджму ат-таварих, 1973, с. 200–216], XIX в. [Аристов, 1894; Ситняковский, 1900, с. 92–110; Кондратьев, 1958, с. 938] и XX в. [Абрамзон, 1946, с. 7, 8; Абрамзон, 1960, с. 7, 8; Абрамзон, 1961, с. 119–132; Абрамзон, 1990, с. 38; Джамгерчинов, 1946, с. 35–40; Винников, 1956, с. 136–181].

Генезис родоплеменной системы находится в неразрывной связи с историей этноса, именно поэтому ее изучение позволяет реконструировать ключевые вехи в его развитии. Вместе с тем исследование родоплеменной структуры наталкивается на ряд сложностей, связанных с большим количеством генеалогий племен, определенными нестыковками во взаимной иерархии и названиях племен. Поэтому анализ должен опираться на максимальное количество источников, данные генеалогий, языка и материальной культуры.

В родоплеменной структуре кыргызов выделяются два так называемых крыла — *канат* и третья группа племен, именуемая «внутренними», — *ичкилик*. При этом соотношение названных частей обладает некоторой вариативностью. В некоторых кыргызских генеалогиях группа *ичкилик*, в свою очередь, подразделяется на два крыла. Существуют генеалогические списки, которые объединяют *он канат* (правое крыло) и *сол канат* (левое крыло) в группу *отуз уул* («тридцать сыновей») — возможно, по числу племен, входивших ранее в единый кыр-

© Р.А.Абдуманапов, 2007

гызский *эль* — «народ». Более того, в некоторых списках племен фиксируются только два крыла — *он* и *сол*, а группа *ичкилик* в этом случае включается в левое крыло.

Народные предания по-разному объясняют причины деления кыргызов на крылья. По одной версии, легендарные родоначальники крыльев, братья-близнецы, были названы правым и левым из-за их расположения во чреве матери. Другая версия рассказывает о том, что деление на правое и левое крылья исходит от места расположения сыновей по правую и левую стороны от отца. Здесь мы наблюдаем типичный для большинства кочевников регламент рассадки гостей и родственников относительно главного места в юрте — *тёр*. Кроме того, у кыргызов зафиксирована легенда, согласно которой деление народа на два крыла ведет свое начало от расположения войск перед походом по сторонам от главного знамени [Джамгерчинов, 1946, с. 39].

Так или иначе, наличие дуальной организации у кыргызского *эля* отражает характерную для кочевых обществ систему, основанную на военно-административных принципах. Подобная структура была и в государстве сюнну, где наряду с верховным владетелем-*шаньюем* существовали правый и левый «мудрые князья» [Кляшторный, 1989, с. 249–251]. Древние тюрки-туцзюэ, генетически связанные с сюнну [Кляшторный, 1973, с. 254], унаследовали эту дуальную военно-административную систему. Китайские летописи и тюркские рунические надписи сообщают нам о двух крыльях тюрков-туцзюэ: правом, восточном — *толис*, и левом, западном — *тардуш*. Разделение на два крыла, *бузуков* (правое) и *учуков* (левое), было характерно для древних огузов и уйгуров [Кононов, 1958, с. 49], причем упоминание о существовании подобной дуальной структуры зафиксировано в древнеуйгурской Тесинской надписи, относящейся к 762 г. [Кляшторный, 2005, с. 113]. Нам неизвестна система организации орды — войска древних кыргызов, однако можно предположить, что она не отличалась от дуальных систем кочевников тех времен — тюрков-туцзюэ, огузов и уйгуров. Традиция разделения кочевой орды на крылья была характерна также для монгольских государств. Деление на три военно-административных округа — барунгар (правое крыло), джунгар (левое крыло) и гол, или кул (центр), было характерным для Улуса Джучи [Султанов, 2006, с. 221] и государства ойратов [Златкин, 1983, с. 136].

Истоки возникновения подобной дуальной племенной структуры у кочевников следует искать в дуально-экзогамной системе взаимоотношений двух родов, а затем и фратрий, основанной на брачно-род-

ственных отношениях [Агаджанов, 1969, с. 103–104; Золотарев, 1964, с. 119, 121, 148, 220, 291; Толстов, 1935]. При этом во множестве кочевнических образований Евразии дуальная организация «народа-войска» часто сосуществовала с собственно дуально-экзогамной системой двух правящих родов, состоявших во взаимных брачных отношениях. Это хорошо видно на примерах, когда «ханский» клан находился в тесной брачной связи с «катунским» кланом, например, у сюнну (Люаньди и Хуянь), древних тюрков (Ашина и Ашидэ), древних уйгуров (Яглакар и Эдиз), киданей (Елюй и Сяо), монголов (Кият и Хонкират) [Зуев, 2002, с. 230; Пиков, 1990, с. 25–42; Султанов, 2006, с. 12, 13]. Вместе с тем, как у сюнну, так и у тюрков, уйгуров и монголов, войско делилось на два крыла.

Необходимо отметить, что дуальная родоплеменная структура у кочевников была сопряжена с древней традицией, которая связывает стороны света с определенными цветами [Кононов, 1978]. Существует мнение о том, что и кыргызские родоплеменные подразделения использовали цветовые маркеры, имевшие, по всей видимости, в своей основе тот же принцип геосимволики. Так, цветом правого крыла у кыргызов считался синий, главным цветом отдела *ичкилик* — красный. Такие цветовые обозначения крыльев, возможно, использовались во время военно-тактических мероприятий: цвета боевых знамен или частей одежды выделяли разные части войска.

Весьма важен вопрос о времени возникновения подобной структуры у кыргызов, ведь он напрямую связан с процессами формирования и консолидации этноса. Генеалогические предания, зафиксированные в рукописи XVI в. «Маджму‘ ат-таварих», относят такое разделение кыргызских родоплеменных объединений к XII в. и приписывают этот акт имаму Ибрахиму Заранджишу, который будто бы возглавил борьбу кыргызов против кара-кытаев [История, 1984, с. 464]. Однако столь ранняя дата не может быть принята — прежде всего потому, что кыргызов как большую организованную кочевую орду не фиксирует на Тянь-Шане ни один из источников того времени.

О другом, также приблизительном времени оформления у кыргызов дуальной родоплеменной структуры повествует китайская рукопись «Си юй чжи», составленная в 70-е годы XVIII в. Этот источник фиксирует информацию со слов самих кыргызов: «220 с лишним лет тому назад они (кыргызы. — *Р.А.*) сообща вели мирные переговоры и разделили население на равные части. Выделили два подразделения, выбрали из богатых двух предводителей, каждому указали владения: земли, реки, горы. Разделились на две ветви — северную и южную…

Каждая делилась внутри на ветви» (цит. по [История, 1984, с. 464]). Таким образом, в данном источнике рассказывается о событиях 50-х годов XVI в.

Данные «Си юй чжи» подтверждаются другими источниками по истории кыргызов. К XVI в. кыргызы уже прочно обосновались на Тянь-Шане, о чем свидетельствуют указания Мухаммеда Хайдара: «Моголы... остались в пределах Турфана и Кашгара — около тридцати тысяч человек, а Моголистан захватили узбеки и кыргызы. Хотя кыргызы также могольское племя, однако из-за многочисленных противоречий с хаканами они отделились от моголов. Моголы поголовно приняли ислам и слились с мусульманами, а кыргызы так и остались в неверии и по этой причине отмежевались от моголов» [Мухаммед Хайдар, 1996, с. 184]. К.А.Пищулина относит эти сведения к 1543 г. [Пищулина, 1983, с. 54]. При этом заметим, что под Моголистаном здесь подразумеваются часть Тянь-Шаня и прилегающие к нему территории.

Одно из самых первых по времени упоминаний центральноазиатских кыргызов, живущих на территориях Тянь-Шаня, мы встречаем в сочинении Абд ар-Раззака Самарканди «Матла' ас-са'дайн ва маджма' ал-бахрайн» (XV в.). Этот хронист пишет об отправленных к Тимуру Гургану в сопровождении некоего Шейх-Йасаула «нескольких девяток из периликих алмалыгских и хотанских красавиц и кыргызских и пишбалыкских чаровниц» [Самарканди, 1973, с. 158]. «Кыргызские чаровницы» были захвачены внуком Тимура Искандером во время его похода в Восточный Туркестан в 1399 г. Характер этого сообщения не позволяет сделать вывод о том, что кыргызы к концу XIV в. уже жили на землях Восточного Туркестана в виде большого массива племен. Об этом самым красноречивым образом говорят источники того времени — во времена неоднократных походов Тимура Гургана в Моголистан кыргызы не упоминаются. Тем более что из источников известно, что войска Тимура доходили вплоть до Восточного Тянь-Шаня и даже производили «тамгование» лесов за Иртышом.

Доказательством того, что кыргызские племена в это время жили вне пределов Тянь-Шаня, служат данные, приводимые в «Бахр ал-асрар» Махмуда ибн Вали. Под 1407 г. и в связи с правлением золотоордынского хана Пулада он сообщает: «Он вознамерился наказать кыргызские племена, которые совершали набеги на пограничные районы Ак-Орды, и для исполнения своего намерения отправился с войском в ту сторону. Потомки Орда-хана присоединились в этом походе [к Пулад-хану]. Однако Шейбаниды по той причине, что во время царствования Сахибкирана [Тимура] бежали к ним (кыргызам) и

пользовались их покровительством, отказались принять участие [в этом походе]... Пулад-хан, одержав в этом походе победу над противниками (кыргызами), очистил от врагов окрестности той области. Поручив охрану тех пределов [Прииртышья, Ак-Орды] эмирам (племени) байрин, полностью преградил путь кыргызам» (цит. по [История, 1984, с. 401]).

Как видим, Махмуд ибн Вали точно указывает на то, что кыргызские племена в начале XV в. кочевали в Прииртышье. Упоминание источниками племени булгачи, название которого совпадает с одним из наименований кыргызского подразделения *ичкилик*, казалось бы, говорит о пребывании кыргызских племен в начале XV в. на Тянь-Шане. Однако, по справедливому замечанию В.П.Юдина, в те времена булгачи являлись одним из собственно могольских племен [Юдин, 1965, с. 55].

Поэтому, на наш взгляд, следует согласиться с мнением В.В.Бартольда и признать самой ранней датой зиму 1503/04 г. (909 г.х.), когда источники сообщают о кочевании кыргызов на Тянь-Шане [Бартольд, 1963, с. 51]. В этом году умирает знаменитый могольский хан Ахмед, прозванный современниками *алачи ~ аладжи* (убийцей). Среди его сыновей, выражавших интересы различных феодальных группировок, возникает междоусобица. Против наследовавшего трон Мансур-хана выступают его родные братья, один из которых — Султан-Халиль — уходит к кыргызам в горные области Моголистана, т.е. на Тянь-Шань, где становится их правителем. Мухаммед Хайдар указывает, что Султан-Халиль правил кыргызами четыре года [Мухаммед Хайдар, 1996, с. 161]. Провозглашение кыргызами своего правителя, по мнению М.Б.Джамгерчинова и А.М.Мокеева, говорило о намерениях кыргызских феодалов придать своему улусу статус независимого государства [История, 1984, с. 443, 444].

Все это свидетельствует о том, что на Тянь-Шане к тому времени было сконцентрировано достаточное количество кыргызских племен и что они являлись реальной военно-политической силой. В 1509 г. Мансур-хан выступает против братьев, основу войск которых составляли именно кыргызы, и в местности Чарун Чалак[1] наносит им поражение. Султан-Халиль бежит в Фергану, где его убивают по приказу узбекского правителя Джанибек-султана. Брат Султан-Халиля, Султан-Саид, проведя несколько месяцев в горах Моголистана (вполне возможно, что в кыргызских кочевьях), бежит в область Андижан, а

[1] По мнению переводчиков «Тарих-и Рашиди», это название связано с названиями левых притоков р. Или — Чарына и Чилика.

потом уходит к Тимуриду Бабуру в Кабул. На поддержавших Султан-Халиля кыргызов обрушиваются репрессии: «Мансур-хан заставил откочевать в Чалиш и Турфан всех, кто был в Моголистане из кыргызов и других людей. Так как кыргызы являлись зачинщиками всех смут в Моголистане, [Мансур-хан] хитростью убил большинство из них, а меньшая их часть бежала в Моголистан» [Мухаммед Хайдар, 1996, с. 154, 172].

Однако даже после победы над братьями положение Мансур-хана не было устойчивым, так как на власть стали претендовать и другие феодальные группировки. Итогом центробежных тенденций явилось то, что Мансур-хан был вытеснен в Карашар и Турфан владетелем юго-западной части Восточного Туркестана дуглатским эмиром Мирзой Абу-Бекром. Из источников известно, что в последние годы правления этого эмира кыргызам было позволено кочевать на южной стороне Иссык-Куля [Бартольд, 1963, с. 52], т.е. на территории Мангалай Субэ — родовой вотчины дуглатских эмиров.

Осенью 1514 г. в Восточный Туркестан возвращается Султан-Саид и захватывает Кашгар. Его давние связи с кыргызами (еще со времен четырехлетнего правления его брата Султан-Халиля) были использованы им сполна. К Султан-Саиду присоединяются кыргызы горных областей Моголистана во главе с неким Мухаммед-кыргызом. Затем их объединенные силы осаждают Яркенд и низлагают Мирзу Абу-Бекра. Мухаммед Хайдар отмечает, что «Мухаммед-кыргыз прибыл из Моголистана и в те дни битв и убийств оказал службу. После победы он захватил огромную военную добычу. Хан также разрешил одарить его поясом для сабли, сосудами, золотыми и серебряными чашами и прочими [ценными подарками] за его многообразные труды и старания... Когда Мухаммед-кыргыз, возвышенный отличием и достигший своих желаний, возвратился в Моголистан, все кыргызы подчинились ему...» [Мухаммед Хайдар, 1994, с. 415].

Консолидация кыргызских племен приводит к усилению их военного и политического потенциала. Это позволяет Мухаммеду вести уже свою, отдельную от Султан-Саида, внешнюю политику. Кыргызы, согласно «Тарих-и Рашиди», «совершают набеги на Туркестан, Ташкент, Сайрам и все переворачивают там верх дном. Шибанидские султаны тех пределов безуспешно пытались отразить его (Мухаммеда. — *Р.А.*)...» [Мухаммед Хайдар, 1994, с. 65]. Как справедливо отметил В.В.Бартольд, нападения Мухаммед-кыргыза на земли, которые входили в сферу влияния сильного в военном отношении казахского хана Касыма, говорят о том, что кыргызы действовали с согласия последнего [Бартольд, 1963, с. 54].

Во время этих набегов на Туркестан Мухаммед-кыргыз берет в плен узбекского царевича Абдуллу, сына правившего в то время в Самарканде Кучкунчи-хана, но затем отпускает его с большими почестями. Этот шаг Мухаммед-кыргыза вступает в противоречие с внешнеполитическим курсом могольского хана Султан-Саида, который находился в состоянии перманентной войны с узбеками. Под предлогом наказания кыргызов за «разграбление мусульманских городов» осенью 1517 г. Султан-Саид выступает против них в поход. В местности Барскоон на Иссык-Куле происходит сражение, которое в результате измены некоторых феодалов заканчивается поражением кыргызов. После сражения, когда некий Така-бахадур подвел Мухаммед-кыргыза к хану, тот сказал пленному: «Тебя по обычному праву кочевников (*торё*)... и по правилу следовало бы придать смерти. Но я великодушно прощаю тебя» [Мухаммед Хайдар, 1994, с. 67]. Прощаются и все взятые в плен кыргызы, их отпускают, а Мухаммед-кыргыза препровождают в Кашгар. Этот жест Султан-Саида красноречиво говорит о том, что он рассматривал кыргызов наряду с моголами как собственный народ. В 1522 г. Султан-Саид освобождает Мухаммед-кыргыза и отправляет его к своему 30-летнему сыну Абд ар-Рашиду, посланному в Моголистан для управления этой областью. Тем самым с помощью Мухаммед-кыргыза Султан-Саид-хан пытается привлечь под знамена своего сына неспокойное кыргызское население Моголистана. Мухаммед-кыргыз по прибытии на Тянь-Шань вновь объединяет под своей властью большую часть кыргызских племен.

В 1524 г. на Тянь-Шань, т.е. в горные области Моголистана, прибывает казахский султан Тахир, племянник Касым-хана. Он принимается Абд ар-Рашидом в ставке на Кочкоре, где между казахами и моголами заключается союз против узбеков Шейбанидов, закрепленный женитьбой Абд ар-Рашида на сестре Тахира [Бартольд, 1963, с. 54]. Казахский султан начинает тайные переговоры с кыргызами. Это становится известно моголам, что служит поводом для нового пленения Мухаммед-кыргыза, — его обвиняют в связях с казахами и вновь доставляют в Кашгар. Причиной этого ареста, по сообщениям Мухаммеда Хайдара, послужило то, что «он пожелал искать поддержки у узбеков (здесь: казахов. — *Р.А.*). Он был пленен и освободился из заточения лишь после смерти Султан-Саид-хана» в 1533 г. [Мухаммед Хайдар, 1994, с. 69].

Оказавшись без предводителя, кыргызы присоединяются к казахам султана Тахира. Это обостряет отношения моголов с казахами, и попытки Султан-Саида в 1526 г. возобновить союз с казахами оказыва-

ются безрезультатными. Тахир при активной поддержке кыргызов начинает борьбу с моголами, в результате чего Абд ар-Рашид во главе могольских племен откочевывает из Моголистана и угоняет с собой 100 000 овец, принадлежавших кыргызским племенам. Тогда же моголы покидают горные области Моголистана, территорию которых занимают кыргызские и казахские племена. По мнению О.Ф.Акимушкина, именно эти события заставляют Абд ар-Рашида в будущем круто изменить внешнеполитический курс и пойти на сближение со своими врагами, узбеками Шейбанидами [Акимушкин, 1970].

Как видим, в первой половине XVI в. происходят процессы консолидации кыргызских племен — сначала под главенством могольского Султан-Халиля, затем Мухаммеда. В то время кыргызы заселяют горные области Моголистана — нынешние территории Северного Кыргызстана и Южного Казахстана — и вытесняют с этих земель могольские племена. Этому способствует благоприятная для кыргызов социально-политическая обстановка в регионе, которая в то же время активизирует процессы стратификации внутри кыргызского кочевого сообщества. Своеобразными катализаторами процессов консолидации кыргызов, выразившихся в оформлении их дуальной родоплеменной организации, являлись их военно-политические отношения с соседями. Кыргызские племена, заселившие новые земли, остро нуждались в создании эффективной военно-административной системы, регламентирующей в том числе и вопросы пользования кочевьями, территориями в целом.

Таким образом, данные «Си юй чжи» о формировании у кыргызов дуальной родоплеменной системы в первой половине XVI в. в полной мере подтверждаются.

Абрамзон, 1946 — *Абрамзон С.М.* Очерк культуры киргизского народа. Фрунзе, 1946.

Абрамзон, 1960 — *Абрамзон С.М.* Этнический состав киргизского населения Северной Киргизии // Тр. Киргизской археолого-этнографической экспедиции. Т. IV. М., 1960.

Абрамзон, 1961 — *Абрамзон С.М.* Киргизы КНР // Изв. АН Киргизской ССР. Т. III. Вып. 2. Сер. обществ. наук. Фрунзе, 1961.

Абрамзон, 1990 — *Абрамзон С.М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Фрунзе, 1990.

Агаджанов, 1969 — *Агаджанов С.Г.* Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв. Ашхабад, 1969.

Акимушкин, 1970 — *Акимушкин О.Ф.* К вопросу о внешнеполитических связях Могольского государства с узбеками и казахами в 30-е годы XVI в. — 60-е годы XVII века // Палестинский сборник. Вып. 21 (84). М., 1970.

Аристов, 1894 — *Аристов Н.А.* Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой орды и кара-киргизов на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых делениях и о родовых тамгах, а также исторических данных и начинающихся антропологических исследований // Живая старина. Вып. III–IV. СПб., 1894.

Бартольд, 1963 — *Бартольд В.В.* Киргизы // Собр. соч. Т. 2. Ч. 1. М., 1963.

Винников, 1956 — *Винников Я.Р.* Родо-племенной состав и расселение киргизов на территории Южной Киргизии // Тр. Киргизской археолого-этнографической экспедиции. Т. 1. М., 1956.

Джамгерчинов, 1946 — *Джамгерчинов Б.* Из генеалогии киргизов // Белек — С.Е.Малову. Фрунзе, 1946.

Златкин, 1983 — *Златкин И.Я.* История Джунгарского ханства. 1635–1758. М., 1983.

Золотарев, 1964 — *Золотарев А.М.* Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964.

Зуев, 2002 — *Зуев Ю.А.* Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы, 2002.

История, 1984 — История Киргизской ССР. Т. I . Фрунзе. 1984.

Кляшторный, 1973 — *Кляшторный С.Г.* Древнетюркская письменность и культура народов Центральной Азии (по материалам полевых исследований в Монголии, 1968–1969 гг.) // ТС. 1972. М., 1973.

Кляшторный, 1989 — *Кляшторный С.Г.* Гуннская держава на Востоке (III в. до н.э. — IV в. н.э.) // История древнего мира. М., 1989.

Кляшторный, 2005 — *Кляшторный С.Г.* Хазарские заметки // ТС. 2003–2004. М., 2005.

Кондратьев, 1958 — *Кондратьев А.А.* Исторические сведения о киргизах в китайских источниках // Материалы I Всесоюзной конференции востоковедов. Таш., 1958.

Кононов, 1958 — *Кононов А.Н.* Родословная туркмен. М.; Л., 1958.

Кононов, 1978 — *Кононов А.Н.* Семантика цветообозначений в тюркских языках // ТС. 1975. М., 1978.

Маджму ат-таварих, 1973 — Маджму ат-таварих // Материалы по истории киргизов и Киргизстана. Вып. I. М., 1973.

Мухаммед Хайдар, 1994 — *Мухаммед Хайдар.* Тарихи Рашиди // Восточные авторы о кыргызах / Сост., введ. и коммент. О.Караева. Бишкек, 1994.

Мухаммед Хайдар, 1996 — *Мирза Мухаммад Хайдар.* Тарихи Рашиди / Введ., пер. с перс. А.Урунбаева, Р.П.Джалиловой, Л.М.Епифановой. Таш., 1996.

Пиков, 1990 — *Пиков Г.Г.* Семейно-брачное право у киданей // Центральная Азия и соседние территории в средние века. Новосибирск, 1990.

Пищулина, 1983 — *Пищулина К.А.* «Бахр ал-асрар» Махмуда ибн Вали как источник по социально-экономической истории Восточного Туркестана XVI–XVIII вв. // Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI–XVIII вв. Алма-Ата, 1983.

Самарканди, 1973 — *Абд ар-Раззак Самарканди.* Матла' ас-са'дайн ва маджма' ал-бахрайн // Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. I. М., 1973.

Ситняковский, 1900 — *Ситняковский Н.Ф.* Перечисление некоторых родов киргиз, обитающих в восточной части Ферганской области // Изв. Туркестанского отдела Рус. геогр. общества. Т. II. Вып. 1. Таш., 1900.

Султанов, 2006 — *Султанов Т.И.* Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. М., 2006.

Толстов, 1935 — *Толстов С.П.* Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1935, № 9–10.

Юдин, 1965 — *Юдин В.П.* О родоплеменном составе могулов Могулистана и Могулии и их этнических связях с казахским и другими соседними народами // Изв. АН Казахской ССР. 1965, № 3.

Н.А.АТЫГАЕВ
(Алматы)

Хронология правления казахских ханов (XV — середина XVI в.)

В середине XV в. на территории Юго-Восточного Казахстана было создано национальное государство казахов — Казахское ханство. Это стало переломным событием в этнической и политической истории Казахстана, важным этапом в эволюции казахской государственности и в исторической судьбе казахского этноса. Казахское ханство обеспечило в последующие столетия консолидацию казахского народа в нацию, оформление и сбережение его этнической территории, развитие духовной и материальной культуры казахов.

В исторической литературе хронология правления казахских ханов XV–XVI вв. специально рассматривалась только в трудах Т.И.Султанова. В 1982 г. он в виде приложения к своей монографии «Кочевые племена Приаралья в XV–XVII вв.» впервые составил список правителей Казахского ханства и привел краткие биографические сведения о них [Султанов, 1982]. В дальнейшем исследователь продолжил изучать данный круг вопросов и как логический итог своего труда в 2001 г. опубликовал монографию, в которой были собраны основные сведения о жизни и деятельности казахских ханов XV–XVII вв. [Султанов, 2001].

Названные публикации являются результатом скрупулезной историко-источниковедческой работы и до сегодняшнего дня пользуются среди специалистов широкой известностью. Вместе с тем, на наш взгляд, хронология правлений казахских ханов, предложенная Т.И.Султановым, все же требует некоторых уточнений, так как возможны различные трактовки известных и малоизвестных фактов из источников.

Нами предлагается следующая хронология правления казахских ханов XV — середины XVI в.

© Н.А.Атыгаев, 2007

Таблица

Имя хана	Годы правления по хиджре	Годы правления по европейскому календарю	Отец
Керей	870–878	1465/66–1473/74	Болат
Бурундук	878–915	1473/74–1509	Керей
Касим	915–927	1509–1521	Джанибек
Мамаш	927–928	1521–1522	Касим
Тахир	928–938	1522–1531/32	Адик
Бауш	938–944	1531/32–1537	Адик
Тугум	944–958	1537–1551	Джадик
Хакк-Назар	958–988	1551–1580/81	Касим

Комментарии к таблице

Керей (Гирей). В исторических источниках оба основателя Казахского ханства — Керей и Джанибек — именуются ханами, но все же первым верховным правителем государства следует признать Керея. Определенно на это указывал Махмуд б. Эмир Вали (XVII в.), автор многотомного сочинения «Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар». Излагая события времени образования Казахского государства, он писал: «В то время Керей-хан был назван государем» [Материалы, 1969, с. 353]. Т.И.Султанов также отмечает, что и на страницах исторических сочинений первой половины XVI в. в качестве старшего хана казахов выступает именно Керей-хан [Султанов, 2001, с. 145].

Косвенным подтверждением того, что Джанибек не был верховным правителем государства, являются следующие слова историка XVI в. Мирзы Хайдара из тюркского племени дуглат (дулат): «Названный выше Касим-хан был сыном Джанибек-хана и, подобно своему отцу, во всех делах слушался и подчинялся Бурундук-хану» [Хайдар, 1999, с. 323; Материалы, 1969, с. 222]. Из данного сообщения можно сделать заключение о том, что Джанибек признавал над собой власть не только Керей-хана, но и после его смерти Бурундука. Еще одним подтверждением этому служит указание другого средневекового историка, Кадыр Али-бека Косымулы (XVII в.), происходившего из тюркского племени джалаир, на то, что Джанибек хана называли «Киши Жанибек-хан», т.е. младший Джанибек-хан [Кадыр Али-бек, 1854, с. 155; Сыздыкова, Койгелдиев, 1991, с. 231, 251]. В связи с этим Т.И.Султанов пишет: «В истории Улуса Джучи и Средней Азии... немало случаев, когда в одно и то же время титул хана носили несколько султанов.

Поэтому у авторов, хорошо знавших положение в улусах, как правило, присутствует уточнение, что именно такой-то сейчас является старшим из ханов, т.е. фактическим правителем. Для различия ханов в источниках обычно используется композит „улуг-хан", „хан-и бузург", „хан-калан" (старший хан) и „кичи(к) хан", „хан-и хурд" (младший хан)». Критически рассмотрев сообщения источников, исследователь пришел к заключению, что старшим правителем Казахского государства являлся Керей-хан [Султанов, 2001, с. 148].

То, что именно Керей как старший в роду стал верховным правителем Казахского ханства, соответствовало принципу престолонаследия Чингисидов, согласно которому главой государства становился самый старший в роду. Данный принцип, принятый в Монгольской империи, сохранялся, по утверждениям средневековых мусульманских историков, и в государствах, возникших на ее обломках (см. [Хайдар, 1999, с. 331; Шах-Махмуд, 1976, с. 160]). В реальной жизни в этих государствах сосуществовали и боролись две тенденции престолонаследия — династийная и родовая (см. [Трепавлов, 1993, с. 102–107]).

Начало правления Керея связано с образованием Казахского ханства. Датировку этого события дает Мирза Хайдар, впервые в средневековой исторической литературе сообщая «о начале правления» казахских ханов — 870 г.х. / 1465/66 г. [Хайдар, 1999, с. 108]. Это — единственное указание в источниках на дату образования Казахского ханства.

Конечная дата правления хана Керея указана приблизительно. Его имя в исторических источниках в последний раз встречается в связи с событиями зимы 878 г.х. / 1473/74 г. В анонимном сочинении «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме», а также в «Шайбани-наме» Камал ад-Дина Бинаи и позднейшей компиляции Алла-Мурада Анна-бай-оглы говорится о походе Керея в этом году в Туркестан [Материалы, 1969, с. 21, 102; Шейбаниада, 1849, с. 64]. По всей видимости, около этого времени он и умер.

Бурундук (Бурындык, Мурындык). Согласно информированным историкам средневековья, он являлся преемником своего отца, Керея, на престоле Казахского ханства [Материалы, 1969, с. 222; Хайдар, 1999, с. 108, 323]. Следовательно, начало правления Бурундук-хана нужно датировать примерно 878 г.х. / 1473/74 г.

В конце первого десятилетия XVI в. неспокойная обстановка, которая сложилась на юге Казахского ханства, и неспособность престарелого хана Бурундука организовать достойный отпор Шибанидам привели к тому, что казахская верхушка сгруппировалась вокруг сына

Джанибек-хана, Касима, к которому перешла власть в государстве (об этом см. ниже).

Потеряв авторитет, а вместе с ним и власть, Бурундук жил в городе Сарайчике, на самой западной границе Казахского ханства. Затем, отвергнутый своим народом, он с небольшой группой верных приближенных удалился в Самарканд к своей дочери Михр-Султан-ханым, выданной в конце XV в. замуж за Шибанида Мухаммед Тимур-султана [Материалы, 1969, с. 32, 121, 222].

Обычно в исследованиях указывается, что перекочевка Бурундука в Мавераннахр произошла не ранее осени 1511 г. [Султанов, 1982, с. 115; Султанов, 2001, с. 164]. Но из сведений «Тарих-и Рашиди» можно заключить, что в 1512 г. Бурундук все еще находился в Сарайчике. По-видимому, его отъезд в Самарканд нужно датировать не ранее конца 1512 г. Маловероятно также, что это событие могло произойти в 1511–1512 гг., когда власть в этом городе принадлежала не Шибанидам, а Тимуриду Захир ад-Дину Бабуру [Хайдар, 1999, с. 301].

Бурундук-хан умер в Средней Азии в 20-х годах XVI в. В тексте грамоты «Вакф-наме», которая была написана в эти годы, указывается, что Михр-Султан-ханым — «потомок почитаемого хана и преславного хакана, царя Востока и Китая, покойного... Бурундук-хана» [Мукминова, 1966, с. 7, 91, 99, 228].

Касим (Касым). Согласно Мирзе Хайдару, уже зимой 915 г.х. / ноябрь 1509 — февраль 1510 г. Касим был фактическим правителем Казахского ханства [Материалы, 1969, с. 217; Хайдар, 1999, с. 287]. Его слова подтверждаются и сведениями Гияс ад-Дина Хондемира (XVI в.), автора «Хабиб ас-сийар». Этот известный историк средневековья, рассказывая о том же походе Мухаммеда Шейбани-хана «в исходе 915 (начале 1510) г.», пишет, что Касим в ту пору «превосходил всех владельцев Дешта своею храбростью и многочисленностью подчиненного ему народа» (цит. по [Вельяминов-Зернов, 1864, с. 260–261]). Поэтому мы полагаем, что предпочтительно датировать начало правления Касим-хана концом 1509 г. Не случайно четвертый поход главы Шибанидов Мухаммеда Шейбани-хана зимой 1509/10 г. был направлен не против Бурундука, а именно против Касим-хана [Материалы, 1969, с. 133].

Конечная дата правления Касим-хана требует некоторого пояснения. В исторических источниках указываются разные даты его смерти. Имеются также расхождения в датировке этого события в переводах источников на русский язык. Так, если казахстанские востоковеды в своем переводе «Тарих-и Рашиди» Мирзы Хайдара конкретно указывают, что хан умер в 924 г.х. / 1518 г. [Материалы, 1969, с. 222], то в

переводе этого же сочинения узбекскими востоковедами говорится о смерти казахского хана «после 924 (1518) года» [Хайдар, 1999, с. 324]. Средневековый историк Хайдар б. Али Рази, автор «Тарих-и Хайдари», также называет годом смерти Касима 924 г.х. [Сборник, 1941, с. 215, 274], т.е. период с 13 января 1518 по 2 января 1519 г. [Орбели, 1961, с. 191]. Более поздняя, чем в этих средневековых сочинениях, дата смерти Касим-хана указывается в «Нусах-и джаханара» Кази Ахмеда Гаффари. Верховный правитель казахов, согласно этому сочинению, умер в 930 г.х. [Сборник, 1941, с. 212, 271], который приходился на период 10 ноября 1523 — 28 октября 1524 г. [Орбели, 1961, с. 193]. Историк династии Сефевидов Хасан-бек Румлу (XVI в.) в своем сочинении «Ахсан ат-таварих» среди произошедших в 930 г.х. / 1523/24 г. событий называет смерть Касим-хана, «владением которого был Дашт-и Кыпчак и род (ахшам) казах» [Rumlu, 1931, с. 183; Rumlu, 1934, с. 90].

Кроме этих историков, как указывает Т.И.Султанов, 930 г.х. как время смерти Касим-хана фигурирует в сочинении турецкого историка XVII в. Мунаджжим-баши [Султанов, 1982, с. 115; Султанов, 2001, с. 170]. В «Раузат ат-тахирин» Тахир-Мухаммеда датой смерти Касима указывается 830 г.х., который В.В.Вельяминов-Зернов по вполне понятным причинам исправляет на 930 г.х. [Вельяминов-Зернов, 1864, с. 266].

Как видим, в исследовательской литературе существует разнобой в датировке времени смерти Касим-хана. Больше всего сторонников имеют две даты — 1518 и 1524 гг. Первой придерживался В.В.Бартольд [Бартольд, 1963, с. 85, 91], а вслед за ним и Т.И.Султанов [Султанов, 1982, с. 115; Султанов, 2001, с. 170]. Ко второй дате склонялся, например, А.Х.Маргулан [Маргулан, 1984, с. 135].

Вместе с тем русские архивные документы позволяют более точно определить время смерти Касим-хана. Исходя именно из их сведений, А.И.Исин в 1985 г. пришел к выводу о том, что Касим-хан умер в начале 1521 г., «ближе к весне» [Исин, 1985, с. 48]. Данная датировка, непонятным образом тогда не получившая признания в историографии, наиболее предпочтительна. В грамоте от 10 мая 1521 г. осведомитель Великого князя Московского Василия Ивановича З.Зудов, который до этого четыре месяца находился в плену в Астрахани, писал в Москву: «А казатцкого царя Касыма сее зимы не стало...»[1] (цит. по [Исин, 2004,

[1] В сборнике Имп. Русского исторического общества вместо «казатцкого царя Касыма» напечатано «казанцкого царя Касыма» [Сборник, 1895, с. 678]. Об этой опечатке см. [Исин, 1985, с. 49].

с. 62]). Данное сообщение находит косвенное подтверждение в другом архивном документе — грамоте Василия III своему послу в Османской империи В.М.Третьяку-Губину. Летом 1521 г. московский Великий князь наказывал ему: «Да Казатцкую Орду ему пытати, кто ныне в казакех государь и где кочует» [Сборник, 1895, с. 700]. Этот факт говорит о том, что в Москве сообщение З.Зудова не вызвало никаких сомнений и русское правительство было осведомлено о смерти Касим-хана. Вполне возможно, что оно получило подтверждение об этом и из других источников.

По информации Кадыр Али-бека, Касим-хан умер в своей последней ставке в городе Сарайчике, на западной границе своего государства. Здесь он и был похоронен [Кадыр Али-бек, 1854, с. 163; Сыздыкова, Койгелдиев, 1991, с. 239, 258]. Этот факт также свидетельствует в пользу того, что западные соседи казахов в этот период были более осведомлены о событиях, происходивших в Казахском ханстве, чем южные.

Таким образом, дату смерти Касим-хана предпочтительно определить началом (январь–февраль) 1521 г. В это время он был уже человеком довольно преклонных лет (около 75–76). Согласно Хайдару б. Али Рази, хан умер естественной смертью[2] [Сборник, 1941, с. 215, 274]. Это сообщение, по-видимому, соответствует действительности. Думается, гибель в сражении такого крупного политического деятеля, как Касим-хан, не осталась бы не отмеченной средневековыми историками.

Мамаш (Мумаш, Кумаш). Из архивных документов следует, что некоторое время после смерти Касим-хана трон казахского государства пустовал и за него вели борьбу два казахских султана. В своей грамоте З.Зудов после сообщения о смерти Касим-хана писал: «А его два салтана, и они ся еще меж собою бронят, а на царстве никто не сел» [Сборник, 1895, с. 678]. Известные нам письменные источники не содержат фактических данных, которые прояснили бы подробности этой междоусобицы. Победу в ней, надо полагать, одержал Мамаш, сын Касим-хана. По крайней мере средневековые мусульманские историки говорят о нем как о следующем после Касима казахском правителе [Сборник, 1941, с. 212, 215, 271, 274; Материалы, 1969, с. 222; Хайдар, 1999, с. 324].

Конец правления Мамаш-хана приходится на самый конец 1521 г. или на 1522 г. Автор «Тарих-и Рашиди» пишет, что Мамаш-хан умер от удушья в одном из сражений [Материалы, 1969, с. 222; Хайдар, 1999, с. 324]. Хайдар б. Али Рази более определенно указывает, что он

[2] А.К.Акишев ошибочно приписал Касим-хану смерть от «лошадиной болезни» [Акишев, 2001, с. 12].

(в сочинении назван Кумаш-ханом) «погиб от удушья из-за множества передвижений и тяжести боевого оружия» в 928 г.х. [Сборник, 1941, с. 215, 274], т.е. в период между 1 декабря 1521 и 19 ноября 1522 г. [Орбели, 1961, с. 192].

Тахир. Смерть Мамаш-хана вызвала в Казахском ханстве «большое несогласие, султаны Дешт-и Кипчака, которые известны под именем казаков, много воевали друг с другом» [Сборник, 1941, с. 215, 274]. Спустя некоторое время верховным правителем государства был провозглашен старший из сыновей Адик-султана, сына Джанибек-хана, Тахир. Данное событие произошло не позднее 930 г.х. (1523/24 г.), когда в источниках он уже именуется ханом [Материалы, 1969, с. 222; Хайдар, 1999, с. 324].

Точная дата смерти Тахир-хана неизвестна. Предположительно это произошло между 1529 и 1531 гг. По словам Мирзы Хайдара, отрицательные черты характера Тахир-хана стали причиной ухода от него людей. Как известно, откочевка была одной из распространенных форм протеста у кочевников. Вскоре он остался только вдвоем со своим сыном, после чего примкнул к кыргызам [Материалы, 1969, с. 231; Хайдар, 1999, с. 440]. В историко-генеалогических преданиях кыргызов, по мнению С.М.Абрамзона, содержатся некоторые моменты этого периода жизни Тахир-хана [Абрамзон, 1971, с. 35].

«Он остался один среди киргизов и умер бедствуя», — пишет Мирза Хайдар в своем «Тарих-и Рашиди» о последних днях Тахир-хана [Материалы, 1969, с. 222; Хайдар, 1999, с. 324].

Отличается от этих сведений Мирзы Хайдара описание последнего периода жизни Тахир-хана у Махмуда б. Эмира Вали. По его словам, в конце своей жизни хан стал господствовать над племенами кыргызов и оставался среди них до самой смерти [Материалы, 1969, с. 353]. Однако сообщение о господстве Тахира над кыргызами в последние годы жизни в свете данных «Тарих-и Рашиди» не вызывает доверия.

Бауш (Бауыш, Буслаш). После выхода в свет работы В.В.Вельяминова-Зернова в исторической литературе утвердилось мнение о том, что после смерти Тахир-хана верховная власть в Казахском ханстве перешла к другому сыну Адик-султана — Буйдаш-хану [Вельяминов-Зернов, 1864, с. 140]. Однако в средневековых агиографических сочинениях имеются сведения, указывающие на смерть Буйдаш-хана в 1559–1560 гг. [Семенов, 1941, с. 47; Тиллабаев, 1994, с. 32]. Они находят подтверждения в хрониках того времени, и, проанализировав исторические источники и исследовательскую литературу, мы в свое время высказали предположение о том, что после смерти Тахира

ханом казахов стал не Буйдаш, а его старший брат Бауш [Атыгаев, 2002а].

В письменных источниках не содержится конкретных указаний на время и обстоятельства смерти Бауш-хана. Надо полагать, он погиб в 1537 г. в Санташском сражении казахов с силами узбекско-могульского военного союза. Об этом сражении подробно сообщает известный писатель и историк Шибанидов XVI в. Зайн ад-Дин Васифи [Васифи, 1961, с. 1308–1323; Материалы, 1969, с. 177–184].

Тугум (Тогум, Тогым). Следующим после Бауша ханом казахов, по всей видимости, был Тугум-хан. О нем почти ничего не известно. Тугум-хан фигурирует только в сочинении Кадыр Али-бека, который называет его сыном Джадик-хана. В перечне четырех сыновей Джадика он отмечен первым [Кадыр Али-бек, 1854, с. 163; Сыздыкова, Койгелдиев, 1991, с. 239, 259], что косвенно может указывать на его старшинство.

Кадыр Али-бек сообщает, что Тугум-хан, род которого называли *токуз сары* (девять рыжих), погиб на границе Джагата вместе с Башибек-султаном, сыном Малика, и со всеми «токуз-сарыями». Это были 37 казахских султанов [Кадыр Али-бек, 1854, с. 163; Сыздыкова, Койгелдиев, 1991, с. 239, 259].

В.В.Вельяминов-Зернов, пытаясь интерпретировать это сообщение, предложил читать «Джагат» как сокращение от слова «Джагатаи». Исходя из этого, он сделал вывод о том, что Тугум-хан погиб в битве с Джагатаидами (Чагатаидами). Учитывая то обстоятельство, что Чагатаиды во второй четверти XVI в. правили только в Могульском государстве (Кашгар и Турфан), историк решил, что речь идет о сражениях, происходивших «о ту пору между киргиз-кайсаками и владельцами Кашгарскими из Джагатаева рода» [Вельяминов-Зернов, 1864, с. 363].

Вместе с этим В.В.Вельяминов-Зернов также заметил, что известны и «татары чатские», которые при сибирском хане Кучуме признавали его власть и жили в Приобье. «Чаты же эти, — далее пишет исследователь, — звались и Жагатами, или, что то же, Джагатами» [Вельяминов-Зернов, 1864, с. 363]. Исследователь, хотя сам в это не очень верил, все же допустил, что Кадыр Али-бек «в обоих местах, где он говорит о Джагате», мог иметь в виду «именно этих Джагатов или Чатов» [Вельяминов-Зернов, 1864, с. 364].

Таким образом, В.В.Вельяминов-Зернов высказал два предположения об обстоятельствах гибели Тугум-хана.

Первое предположение было принято безоговорочно В.В.Бартольдом, который уверенно отнес смерть Тугума к сражению, о котором

писал Васифи. Он заключил, что Тугум-хан и 37 казахских султанов погибли в сражении с могульским Абд ар-Рашид-ханом в 944 г.х. (1537/38 г.) [Бартольд, 1963, с. 94]. Большинство исследователей поддержали это мнение авторитетного востоковеда.

Иного мнения придерживался казахстанский исследователь В.П.Юдин. Он, развивая второе предположение В.В.Вельяминова-Зернова, пришел к выводу, что Тугум-хан, кочевья которого находились на сибирских рубежах, погиб в сражении казахских войск с сибирскими чагатами. В пользу такого предположения исследователь привел ряд своих соображений [Материалы, 1969, с. 407, 408].

О.Ф.Акимушкин считает, что сообщение Кадыр Али-бека надо понимать как «хан Тугум и 37 султанов погибли в местности Чагат, и только» [Шах-Махмуд, 1976, с. 266–267].

Объединив мнение В.В.Бартольда и указание О.Ф.Акимушкина, Т.И.Султанов заключил, что Тугум-хан «погиб в 944 г.х. / 1537/38 г. в местности Чагат на войне с ханом моголов Абд ар-Рашидом» [Султанов, 1982, с. 117; Султанов, 2001, с. 184].

Не совсем ясно мнение по этому вопросу М.Х.Абусеитовой. После утверждения, будто «особенно тяжелое поражение было нанесено казахам в 1537 г., когда вместе с ханом Тугумом, братом Тахира[3], погибли 37 султанов», она затем делает вывод, что «эта битва Тугум-хана была одним из сражений, в котором казахи потерпели поражение, но она не имеет отношения к казахско-могульскому сражению 1537 г.» [Абусеитова, 1985, с. 46; Абусеитова, 1998, с. 86, 87].

Предположение В.П.Юдина, на наш взгляд, более предпочтительно. К его аргументам можно добавить следующее. В сочинении Кадыр-Али-бека говорится, что одна из жен Шигай-хана, Яхшим-бикем (бигим), происходила из Жагата. В.В.Вельяминов-Зернов предположил, что она «была из дома Кашгарских владельцев» [Вельяминов-Зернов, 1864, с. 363]. Но в известных нам письменных источниках среди представительниц правящего дома западной части Могульского государства (Кашгара) XVI в. имя Яхшим-бикем не упоминается. Имевшие непосредственное отношение к этому государству историки Мирза Хайдар и Шах-Махмуд Чурас в своих сочинениях даже не упоминают ее имя, хотя приводят достаточно много сведений о семейных связях правящего дома Могулов. Не упоминается Яхшим-бикем и в других среднеазиатских исторических источниках.

[3] Точнее, двоюродным братом. Тахир — сын Адик-султана, Тугум — сын Джадик-хана.

Сама приставка к имени Яхшим — *бикем* (*бигим*), на наш взгляд, указывает на то, что она не принадлежала к роду потомков Чингис-хана, куда относили себя и правители Кашгара. В источниках того периода к именам женщин Чингисидок из Могульского государства, как и других государств, возникших на обломках империи Чингис-хана, добавлялась приставка *ханым* (*ханум*). Поэтому происхождение Яхшимбикем следует связывать не с Чингисидами Могульского государства, а с тюркским племенем чагат, или чат.

Исходя из изложенного, мы разделяем мнение В.П.Юдина, что Тугум-хан погиб в сражении с чатами (чагатами) Сибири. Данное сражение, по-видимому, произошло в самом начале 50-х годов XVI в. Летом 1551 г. русский посол в Ногайской орде П.Тургенев в своей грамоте в Москву, сообщая о приезде к ногайцам турецкого посла, приводил текст письма турецкого султана. Султан писал ногайскому мирзе Исмаилу: «Да и козаки ко мне присылали же царя просит. И яз ись Крыма однолично царя посылаю» [Продолжение, 1793, с. 266–267]. Несколько иначе этот фрагмент документа передан российским историком XIX в. Г.И.Перетятковичем: «Киргиз-кайсаки также просят у меня царя, и я намерен им послать его из Крыму» [Перетяткович, 1877, с. 96–97]. Здесь налицо вольность передачи сведений (создается ложное представление, что термин «киргиз-кайсак» существовал уже в середине XVI в.). Несмотря на это, мы считаем, что Г.И.Перетяткович был прав, когда под упоминаемыми в документе «козаками» видел казахов. В русских архивных документах этого периода казахи часто фигурируют как козаки (казаки). То, что здесь речь идет не о русских казаках (христианах), видно из слов турецкого султана: «И мы дей смолились все бусурмане (мусульмане. — *Н.А.*)...» [Продолжение, 1793, с. 266–267]. Из слов султана следует, что летом 1551 г. трон Казахского ханства пустовал.

Хакк-Назар (Акназар). В исследовательской литературе существует мнение, что самое раннее упоминание о Хакк-Назаре относится к 1549 г. в связи с его сражением под Пул-и Хатун с Казак-султаном, сыном правителя Мерва Дин-Мухаммед-хана [Абусеитова, 1985, с. 49; Абусеитова, 1998, с. 90, 91; Султанов, 2001, с. 188; Исин, 2004, с. 74]. Однако, на наш взгляд, сражение под Пул-и Хатун не имеет отношения к казахскому хану Хакк-Назару. По всей видимости, в данном сражении принимал участие Шейбанид Хакк-Назар-оглан, правитель города Чечекту (подробнее см. [Атыгаев, 2002б]).

В сочинении анонимного автора «Тарих-и Кашгар» имеется указание на то, что Хакк-Назар-хан стал казахским ханом еще при жизни

Шибанида Науруз-Ахмед-хана (Барак-хана) [Материалы, 1969, с. 412]. Из этого можно заключить, что Хакк-Назар в 1556 г. уже был ханом казахов. Дата смерти Науруз-Ахмед-хана (23 сентября 1556 г.) установлена точно по сведениям нарративных сочинений и шибанидской эпиграфики [Вяткин, 1927, с. 11–13; Хафиз-и Таныш, 1983, с. 189; Schaibanidische, 1997, с. 172, 173]. Поэтому время прихода Хакк-Назара к власти в Казахском ханстве следует датировать периодом до 1556 г.

В.В.Трепавловым было высказано предположение о том, что первые сведения о Хакк-Назаре как о правителе казахов попали на страницы дипломатической переписки в 1552 г. [Трепавлов, 1997, с. 20]. При этом он ссылается на текст грамоты мирзы Исмаила, в которой ногайский правитель писал, что выдал дочь замуж за «Бараков царев род», «за Барака царя». «Имелся в виду, конечно, правнук хана Барака Хакк-Назар, правитель Казахского ханства — „Баракова царева юрта“», — пишет исследователь [Трепавлов, 1997, с. 34]. Подобное отождествление сомнительно, в грамоте, по-видимому, речь идет о Шибаниде Науруз-Ахмед-хане, более известном как Барак-хан (подробнее см. [Атыгаев, 2002б]). Однако приблизительная датировка начала правления Хакк-Назара, высказанная В.В.Трепавловым, вполне приемлема. Принимая во внимание сообщение П.Тургенева, что в 1551 г. у казахов не было единого правителя, приход к власти в Казахском ханстве Хакк-Назара следует датировать второй половиной 1551 или 1552 г.

Последние сведения о Хакк-Назар-хане в восточных письменных источниках относятся к 1580 г. Средневековый историк Хафиз-и Таныш говорит о его участии в междоусобной борьбе Шибанидов (Абдаллаха с Баба-султаном, сыном Науруз-Ахмед-хана) в месяце раби I 988 г.х. / апрель 1580 г. [Материалы, 1969, с. 254]. Из русских архивных материалов же следует, что Хакк-Назар умер во второй половине 1580 или в начале 1581 г. В апреле 1581 г. в своей грамоте в Москву ногайский мурза Урус сообщал, что «казатцкой Акназар царь и Челым царевич померли» (цит. по [Исин, 2004, с. 102]). Конечную дату правления Хакк-Назара можно приблизительно определить началом 1581 г.

Абрамзон, 1971 — *Абрамзон С.М.* Киргизы и их этнические и историко-культурные связи. Л., 1971.

Абусеитова, 1985 — *Абусеитова М.Х.* Казахское ханство во второй половине XVI века. А.-А., 1985.

Абусеитова, 1998 — *Абусеитова М.Х.* Казахстан и Центральная Азия в XV–XVII вв.: история, политика, дипломатия. Алматы, 1998.

Акишев, 2001 — *Акишев А.К.* Мирза Мухамед Хайдар: дуглат против куркэна // Отан тарихы. 2001. № 1.

Атыгаев, 2002а — *Атыгаев Н.А.* О преемнике Тахир-хана // Вопросы истории Казахстана. Исследования молодых ученых. Вып. III. Алматы, 2002.

Атыгаев, 2002б — *Атыгаев Н.А.* Некоторые замечания о Хакк-Назар-хане // Вопросы истории Казахстана. Исследования молодых ученых. Вып. IV. Алматы, 2002.

Бартольд, 1963 — *Бартольд В.В.* Очерк истории Семиречья // Соч. Т. II. Ч. 1. М., 1963.

Вельяминов-Зернов, 1864 — *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 2. СПб., 1864.

Васифи, 1961 — *Зайн ад-Дин Васифи.* Бадаи ал-вакаи / Крит. текст, введ. и указ. А.Н.Болдырева. Т. II. М., 1961.

Вяткин, 1927 — *Вяткин В.Л.* Шейхи Джуйбари // В.В.Бартольду туркестанские друзья, ученики и почитатели. Ташкент, 1927.

Исин, 1985 — *Исин А.* Новые источники по истории Казахстана первой четверти XVI в. // Изв. АН Казахской ССР. Сер. обществ. наук. 1985. № 3.

Исин, 2004 — *Исин А.* Казахское ханство и Ногайская Орда во второй половине XV — XVI веке. Изд. испр. и доп. Алматы, 2004.

Кадыр Али-бек, 1854 — *Кадыр Али-бек.* Сборник летописей. Казань, 1854. (Библиотека восточных историков, изд. И.Н.Березиным. Т. 2. Ч. 1.)

Маргулан, 1984 — *Маргулан А.* «Тамгалы тас» жазуы (орта гасырда казакша таска бедерленген белгілер) // Жулдыз. 1984. № 1.

Материалы, 1969 — Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII веков: (Извлечения из персидских и тюркских сочинений) / Сост. С.К.Ибрагимов и др. А.-А., 1969.

Мукминова, 1966 — *Мукминова Р.Г.* К истории аграрных отношений в Узбекистане в XVI веке. По материалам «Вакф-наме». Таш., 1966.

Орбели, 1961 — *Орбели И.А.* Синхронистические таблицы хиджры и европейского летоисчисления. М.; Л., 1961.

Перетяткович, 1877 — *Перетяткович Г.И.* Поволжье в XV–XVI веках (Очерки из истории края и его колонизации.) М., 1877.

Продолжение, 1793 — Продолжение древней российской вивлиофики. Ч. VIII. СПб., 1793.

Сборник, 1895 — Сборник Имп. Русского исторического общества. Т. 95. СПб., 1895.

Сборник, 1941 — Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г.Тизенгаузеном и обработанные А.А.Ромаскевичем и С.Л.Волиным. М.; Л., 1941.

Семенов, 1941 — *Семенов А.А.* Уникальный памятник агиографической среднеазиатской литературы XVI в. // Изв. Узбекского филиала АН СССР. 1941. № 3.

Султанов, 1982 — *Султанов Т.И.* Кочевые племена Приаралья в XV–XVII вв. (вопросы этнической и социальной истории). М., 1982.

Султанов, 2001 — *Султанов Т.И.* Поднятые на белой кошме. Потомки Чингиз-хана. Алматы, 2001.

Сыздыкова, Койгелдиев, 1991 — *Сыздыкова Р., Койгелдиев М.* Кадыргали би жане онын жылнамалар жинагы. Алматы, 1991.

Тиллабаев, 1994 — *Тиллабаев Р.А.* Среднеазиатские агиографические сочинения как исторический источник (Жития шейхов накшбандиев). Автореф. докт. дис. Таш., 1994.

Трепавлов, 1993 — *Трепавлов В.В.* Государственный строй Монгольской империи XIII в.: Проблема исторической преемственности. М., 1993.

Трепавлов, 1997 — *Трепавлов В.В.* Ногаи в Башкирии XV–XVII вв. Российские княжеские роды ногайского происхождения // Материалы и исследования по истории и этнологии Башкортстана. № 2. Уфа, 1997.

Хайдар, 1999 — *Мухаммед Хайдар Дулати.* Тарих-и Рашиди. Пер. с перс. А.Урунбаева, Р.П.Джалиловой, Л.М.Епифановой. Алматы, 1999.

Хафиз-и Таныш, 1983 — *Хафиз-и Таныш ибн Мир Мухаммад Бухари.* Шараф-наме-йи шахи (Книга шахской славы) / Пер. с перс., введ., примеч. и указ. М.С.Салахетдиновой. Ч. 1. М., 1983.

Шах-Махмуд, 1976 — *Шах-Махмуд ибн Мирза Фазил Чурас.* Хроника / Крит. текст, пер., коммент., исслед. и указ. О.Ф.Акимушкина. М., 1976.

Шейбаниада, 1849 — Шейбаниада. История монголо-тюрков на джагатайском диалекте. Казань, 1849. (Библиотека восточных историков, изд. И.Н.Березиным. Т. 1.)

Rumlu, 1931 — A Chronicle of the Early Safawis Being the Ahsanu't-tawarikh of Hasan-i Rumlu. Vol. I. Ed. by C.N.Seddon. Baroda, 1931.

Rumlu, 1934 — A Chronicle of the Early Safawis Being the Ahsanu't-tawarikh of Hasan-i Rumlu. Vol. II. Transl. by C.N.Seddon. Baroda, 1934.

Schaibanidische, 1997 — Schaibanidische Grabinschriften. Hrsg. von B.Babadjanov, A.Muminov, J.Paul. Wiesbaden, 1997.

Д.БАЯР
(Улан-Батор)

Уникальный памятник древнетюркского искусства в Западной Монголии

В Западной Монголии на р. Богдын-гол находится стела, на которой изображены четыре человека, что нечасто встречается среди памятников изобразительного искусства, созданных древними тюрками. В настоящее время имеются несколько отличных друг от друга копий рисунков на стеле, выполненных разными исследователями.

Впервые данный памятник был изучен выдающимся исследователем Центральной Азии Г.Н.Потаниным, который во время путешествия по Западной Монголии в 1876–1877 гг. впервые описал монумент и опубликовал прорисовки изображений [Потанин, 1881, с. 67–68].

В 1921 г. японским исследователем Ё.Харадой был опубликован рисунок одной человеческой фигуры, отличающийся по стилю, пропорциям и деталям от копии Г.Н.Потанина [Harada, 1921, с. 76]. Рисунок Харады был воспроизведен китайским историком Лю Маоцаем в качестве иллюстрации древнетюркского костюма [Liu Mau-tsai, 1958, I, с. 470].

В 1928 г. известный немецкий монголовед Э.Хениш и молодой, подающий надежды научный сотрудник Б.Ринчином, который впоследствии стал знаменитым монголистом, посетили данную местность, описали, зарисовали и сфотографировали памятник. Во время экспедиции лежавшая на земле стела была поднята с помощью грузоподъемной техники и установлена вертикально [Haenish, 1928, с. 5]. Фотография, сделанная Э.Хенишем, была опубликована в 1929 г. А. фон Лекоком [Le Coq, 1929, с. 249–251, табл. 32]. Именно эту фотокопию использовал И.Л.Кызласов в своей статье «Изображение Тенгри и Умай на Сулекской писанице» [Кызласов, 1998, с. 43].

© Д.Баяр, 2007

В 1957 г. чехословацкий ученый П.Поуха в своей книге «Тринадцать тысяч километров по Монголии» также опубликовал фотоснимки рисунков на стеле [Pouha, 1957, с. 199–200].

Прорисовки обсуждаемых изображений, отличных от копии Г.Н.Потанина, были опубликованы монгольским археологом Н.Сэр-Оджавом в монографии «Древние тюрки», вышедшей в 1970 г. [Сэр-Оджав, 1970, с. 108].

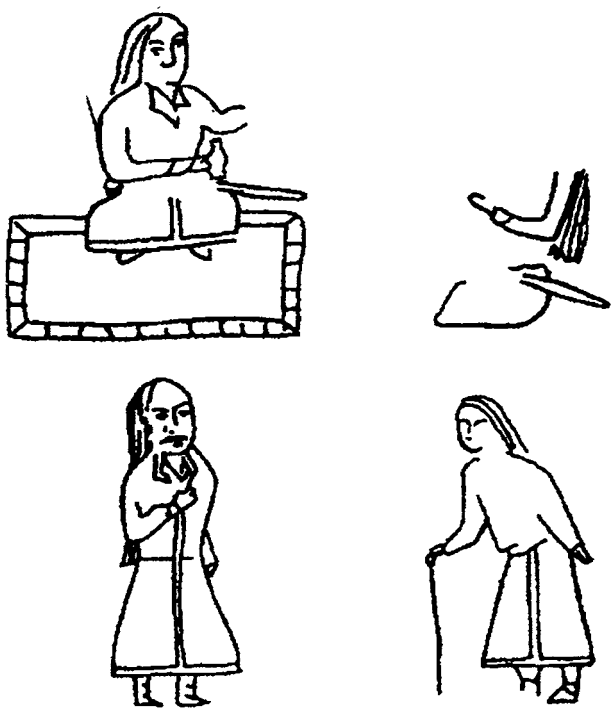
Российский археолог Г.В.Кубарев в статье «Халат древних тюрок Центральной Азии по изобразительным материалам» приводит рисунки трех фигур, выполненные Г.Н.Потаниным [Кубарев, 2000, рис. 3–21, 23, 28]. Одна из этих фигур также была воспроизведена в статье Г.В.Кубарева «Жанровая сцена из Бичикту-Бома» [Кубарев, 2003, с. 245, рис. 4].

В 1996 г. автору настоящей статьи удалось вновь обследовать памятник и сделать копии рисунков, которые позволяют уточнить существующие представления о костюме и прическе древних тюрков [Баяр, 1996, с. 3].

Памятник располагается примерно в 30 км к востоку от г. Улясу, административного центра Дзабханского аймака, на северном берегу р. Богдын-гол, в местности Бичигт-булан, у южного подножья высокого утеса Мунгут-хяса. Он представляет собой гранитную стелу синевато-серого цвета, обращенную одной из широких сторон на восток. Именно на этой стороне находятся рисунки. Длина стелы, как отмечали первые ее исследователи, около трех метров, а ширина — 66 см. Стела вкопана вертикально и возвышается над поверхностью более чем на 2 м. Около памятника отсутствуют следы таких характерных элементов древнетюркских мемориальных сооружений, как каменная оградка и балбалы. Квадратная ограда из речных валунов, внутри которой стоит стела, возведена местными жителями в наше время.

Рисунки нанесены тонкой углубленной линией на гладко отполированной поверхности камня. Четыре человеческие фигуры изображены попарно: две верхние фигуры показаны сидящими, а две нижние — стоящими.

Фигура вверху слева представляет собой сидящего мужчину со скрещенными ногами, который держит в правой руке сосуд с удлиненным туловом, расширяющейся горловиной и поддоном. Его левая рука поднята, но ее положение нельзя установить из-за повреждения каменной поверхности. Лицо человека крупное, глаза большие, широко открытые, имеются тонкие усы. Волосы заплетены в косы, спускаю-



Изображение на стеле Мунгут-хяса
(зарисовка Г.Н.Потанина)

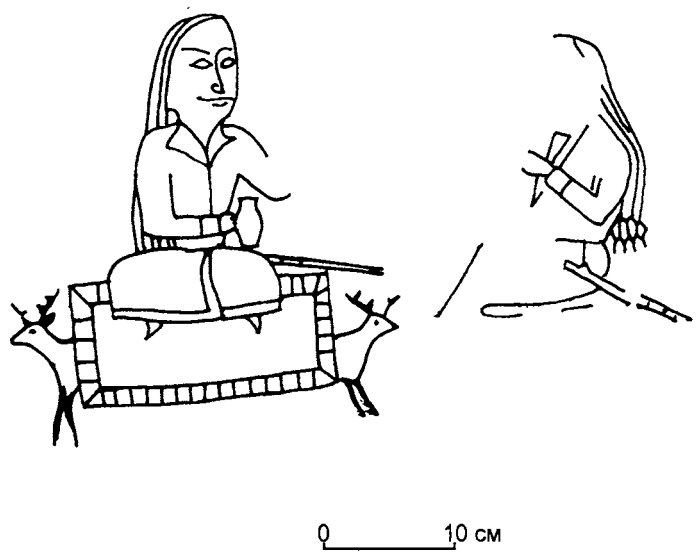
Знаки, изображенные на стеле
Мунгут-хяса

щиеся по спине. Всего можно различить пять кос. Одежда мужчины представляет собой халат с левосторонним запáхом и двумя отворотами-лацканами. Талия перехвачена тонким поясом. Полы халата и края руковов окаймлены широким кантом. На левом боку находится длинный меч. Ковер, на котором сидит человек, четырехугольной формы, по краям его идет широкая полоса, разделенная поперечными линиями на прямоугольники. Из-под ковра в обе стороны выступают передние части двух фигурок оленей. Изображения оленей видны на снимке, опубликованном П.Поухой, но эта деталь отсутствует в рисунках Г.Н.Потанина и Н.Сэр-Оджава. Э.Хениш предположил, что ковер был разостлан на спинах оленей. И.Л.Кызласов считает, что мужчина изображен сидящим на троне с ножками в виде двух разнонаправленных оленей, и объясняет этот мотив иранским влиянием [Кызласов, 1998, с. 43].

Напротив фигуры на ковре, справа от нее, выбито еще одно изображение сидящего человека. К сожалению, бóльшая часть этого изображения разрушена. Различимы левая рука, поднятая к груди, четыре длинные косы с украшениями, узкий пояс, с которого свисает меч, расположенный на левом боку. Перед фигурой видна косая линия — неопределимая деталь изображения. Судя по сохранившемуся фрагменту, человек коленопреклонен и обращен лицом к сидящей на ковре персоне.

Фигура в нижнем ряду слева выделяется крупными размерами (высота — 41 см). Это стоящий в полный рост мужчина. Лицо его крупное, с соединенными бровями, глаза широко открытые, правое крыло носа стилизовано спиралеобразной линией. Усы с загнутыми концами напоминают очертания боевого лука. Волосы заплетены в несколько кос. На конце каждой из кос имеются зажимы или украшения, аналогичные украшениям вышеописанной фигуры. Халат облегающий, длинный, с левосторонним запáхом. По вороту, подолу и краям рукавов халата идет широкая кайма, талия перехвачена тонким поясом. Правая рука согнута перед грудью и опирается на длинную палку или посох. Левая рука сжимает рукоять длинного меча, висящего на левом боку. Из-под полы халата видны ноги, обутые в сапоги с острыми, чуть загнутыми кверху носами. На голенищах сапог четко заметны две параллельные горизонтальные линии. По-видимому, верхняя из них обозначает место соединения штанов и верхнего края сапог, а нижняя намечает шов, соединяющий две части обуви.

Четвертая фигура изображена стоящей напротив третьей фигуры. Размеры ее меньше (высота 28 см). Правой рукой человек опирается



Изображение древних тюрков на стеле
Мунгут-хяса (копия 1996 г.)

на палку или посох. Левая рука полусогнута и располагается около пояса. Брови мужчины соединены, глаза близко поставлены. Кроме усов имеется борода. Длинные волосы заплетены в косы, на конце которых видны украшения. Мужчина одет в узкий, довольно длинный халат с левосторонним запáхом, перетянутый узким поясом. Отвороты и подол халата окаймлены широкой полосой. На голенищах обуви прорисованы две горизонтальные линии.

Ниже этих рисунков, на расстоянии 34 см от них, углубленной линией изображены два знака или тамги.

Назначение стелы из Мунгут-хяса трудно определить. Как указывалось выше, близ памятника нет объектов, которые позволили бы отнести его к разряду культово-поминальных сооружений древнетюркского времени.

Следует отметить, что во время посещения памятника Г.Н.Потаниным эта стела лежала на земле. Когда здесь работала экспедиция Э.Хениша, местные жители сообщили ему, что стела раньше стояла вертикально и на ее тыльной стороне были какие-то надписи. Однако Хениш после установки стелы не обнаружил следов надписей. Автору настоящей статьи удалось выявить только два знака (тамги?) на передней стороне стелы.

Судя по свидетельствам первых исследователей, памятник изначально находился на этом месте. Из этого следует, что стела не была откуда-то привезена и не являлась частью поминального или погребального сооружения.

Вместе с тем содержание композиции, образованной двумя парами фигур, обращенных друг к другу, позволяет предположить, что памятник мог быть воздвигнут в честь какого-либо уважаемого человека или группы людей. Н.Сэр-Оджав считал стелу из Мунгут-хяса своего рода древнетюркским изваянием, на котором был изображен групповой портрет — как, например, на плите из Хуласгата [Сэр-Оджав, 1970, с. 70–71].

На наш взгляд, рисунки четырех человек на стеле из Мунгут-хяса могут способствовать выяснению вопроса о древнетюркской одежде (особенно о ее запáхе), а также о прическе, оружии и др. Все мужчины, изображенные на стеле, одеты в халаты с лацканами, запахнутые на левую сторону. У них длинные волосы, заплетенные в несколько кос, спускающихся на спину.

В тексте древнекитайской хроники, переведенной Н.Я.Бичуриным, одежда и прическа древних тюрков характеризуются следующим образом: «Обычай тукюэсцев — распускают волосы, левую полу навер-

ху носят» [Бичурин, 1950, с. 229]. При сопоставлении этих сведений с изобразительными данными обнаружились противоречия. Тем не менее в настоящее время большинство исследователей пришли к мнению о том, что древние тюрки запахивали халат на левую сторону, т.е. правая пола была наверху [Liu Mau-tsai, 1958, II, с. 8, 41, 496, 528; Вайнштейн, Крюков, 1965, с. 185; Кубарев, 2000, с. 85]. Г.В.Кубарев посвятил этому вопросу специальную статью, проанализировав данные о 170 каменных изваяниях Алтая, Тывы, Монголии и Семиречья [Кубарев, 2000, с. 81–88]. Он считает, что для одежды древних тюрков был характерен левосторонний запáх (на 21 изваянии представлен именно такой способ запахивания халата и лишь на пяти — другой [Кубарев, 2000, с. 85]).

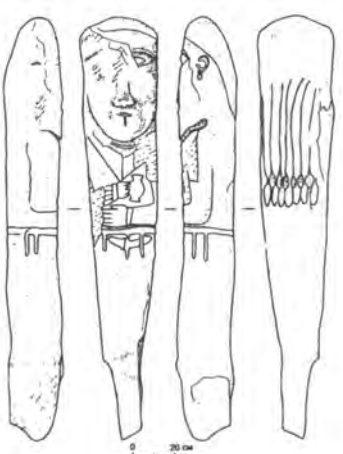
Определенный интерес представляет сравнительное исследование манеры запáха в различных регионах расселения древних тюрков. Так, судя по данным о 130 изваяниях из Центральной Монголии, в этом регионе левосторонний и правосторонний запáх и встречаются почти в равном числе (10 — левосторонний и 9 — правосторонний) [Баяр, 1997, с. 47]. На выявленных изваяниях на монгольском Алтае запáх не изображался [Баяр, Эрдэнэбаатар, 1999, с. 40]. На изваяниях в русской части Алтая правосторонний запáх отмечен дважды, а левосторонний — один раз [Кубарев, 1984, с. 181, 182, 188]. Только левосторонний запáх изображен на шести изваяниях в Семиречье [Шер, 1966, с. 77, 79, 81, 101, 105]. На серии изваяний из Казахстана, опубликованных Л.Н.Ермоленко, запáх не фиксируется [Ермоленко, 2004, с. 92–128]. Среди каменных изваяний, которые находятся в высокогорных святилищах Жайсан и Мерке в долине р. Чу, исследованных А.Досымбаевой, также не зафиксирована манера запахивания халата [Досымбаева, 2006, с. 60–70, 94, 120–126].

Кроме изваяний запáх одежды обозначен на одежде одного из персонажей на костяной пластине из кургана № 54 (местность Суттуубулак, Центральный Тянь-Шань) [Худяков и др., 1996, с. 243, 244]. На этой пластине изображены два человека. Фигура справа одета в халат с левосторонним запáхом и полосой вдоль борта.

Из приведенных данных следует, что изображение запáха одежды чаще всего встречается на каменных изваяниях из Центральной Монголии, где находился политический центр Восточно-Тюркского каганата. Там же зафиксировано наибольшее количество случаев правостороннего запáха. По этому поводу Г.В.Кубарев справедливо заметил, что в Центральной Монголии древнетюркская знать была наиболее подвержена влиянию Китая, где издавна единственным способом запаха халата был правосторонний [Кубарев, 2000, с. 85–86].

Костяная пластинка. Суттуу-булак.
Центральный Тянь-Шань
(по Ю.С.Худякову и др.)

Корумды, северо-восточный берег
оз. Иссык-Куль (по Я.А.Шеру)



Изваяние Центрального Казахстана.
Актогайский р-н Карагандинской обл.
(по Л.Н.Ермоленко)

Вместе с тем нужно обратить внимание на то, что культурное влияние не было односторонним, т.е. только китайским, наблюдался и обратный процесс. Интенсивное воздействие тюрков прослеживается в культуре Китая с начала VI в. Среди элементов тюркской культуры, проникавших в китайскую среду, были конская упряжь, жилища, одежда [Заславская, 2000, с. 189]. Как справедливо отмечают исследователи: «Тюркская одежда — зеленый или коричневый халат с воротником, запахнутый налево и подпоясанный ремнем, стал в Танскую эпоху обычной одеждой» [Гумилев, 1993, с. 176]. В памятниках изобразительного искусства Китая танского времени нередки изображения китайцев в тюркской одежде [Jisl, 1997, с. 16]. На этих изображениях видно, что халаты с лацканами были двух типов — с правосторонним и левосторонним запáхом. Кроме того, широкое распространение получил пояс с накладными бляшками и множеством подвесных ремешков. Причем детали пояса служили знаками отличия, отражающими социальную иерархию.

О прическе древних тюрков издавна высказывались два противоположных мнения. Согласно первому, древние тюрки носили свободно распущенные длинные волосы. Сторонники этой гипотезы придерживались главным образом цитированного выше перевода Н.Я.Бичурина, а также сведений армянского источника «История агван Моисея Каганкатваци», автор которого называет тюрков «безобразной, гнусной, широколицей толпой... в образе женщин с распущенными волосами» (цит. по [Вайнштейн, Крюков, 1965, с. 180–181]).

По сведениям письменных источников, у всех кочевых народов Центральной Азии существовал обычай носить косу. Так, косу носили хунны, сяньбийцы, жужани, тюрки, чжурчжэни, кидани и средневековые монголы [Сухбаатар, 1980, с. 137; Баяр, 1993, с. 113–125; Юрченко, 2003, с. 63–68]. У каждого из перечисленных народов практиковалась особая манера заплетания волос. Китайцы, которые укладывали волосы на макушке, называли тип прически кочевников термином *пэйфа*. Смысл был разъяснен рядом исследователей, которые пришли к выводу, что под этим названием подразумеваются не свободно распущенные волосы, а волосы, заплетенные в косу, спускающуюся вниз [Liu Mau-tsai, 1958, II, с. 495; Сухбаатар, 1980, с. 137].

Как же выглядела прическа древних тюрков? На этот вопрос позволяют ответить данные о многочисленных каменных изваяниях, распространенных на просторах евразийских степей.

Так, из 145 каменных изваяний — фигур людей Семиречья девять имеют прическу из 6–8 кос, спадающих на спину [Шер, 1966, с. 75, 77,

79, 81, 85, 87, 89, 95]. Из 72 изваяний Южной Сибири и Монголии, опубликованных Л.А.Евтюховой, на трех изваяниях (из Тывы) прическа в виде одной большой косы [Евтюхова, 1952, с. 83, 86, 91]. Такая же прическа изображена еще на двух тувинских изваяниях из 58, введенных в научный оборот А.Д.Грачом [Грач, 1961, с. 161, 173]. Из 256 каменных изваяний Алтая, опубликованных В.Д.Кубаревым, лишь на одном воспроизведена прическа из 7 кос [Кубарев, 1984, с. 219]. Материал исследования 121 каменного изваяния Казахстана показывает, что четыре из них имеют прическу из 6–8 кос [Ермоленко, 2004, с. 105, 110, 121, 127]. Прическа в виде 4 кос изображена на одном из 130 изваяний, зафиксированных в Центральной Монголии [Баяр, 1997, с. 126].

Прическа с косами отмечена и в других изобразительных памятниках, имеющих отношение к истории и культуре древних тюрков. Так, прическа из 3 кос показана у всадника, охотящегося на антилоп, который изображен на роговой обкладке луки седла из могилы № 9 Кудыргинского могильника [Гаврилова, 1965, с. 127, 128, табл. XV–12, XVI–1]. На спине персонажа в древнетюркской одежде с пенджикентской фрески видны 4 косы [Степи Евразии, 1981, с. 127, рис. 22–8], а всадник с седельной накладки из Верхнего Чир-Юрта (Дагестан) имел прическу из 7 кос [Степи Евразии, 1981, с. 127, рис. 22–6]. Кроме того, на последних изображениях имеется такая деталь, как украшения (возможно, металлические) на концах каждой из кос.

Приведенные выше данные о прическах соотносятся с прическами персонажей на стеле из Мунгут-хяса. Прежде, когда все исследователи пользовались неуточненными копиями рисунков на этой стеле, со ссылкой на них делались неверные заключения о прическе древних тюрков. А.Д.Грач, например, писал: «Свидетельства древних китайских хроник наглядно подтверждаются изображением тюрка-тугю, обнаруженным в местности Бичиктубулан, вблизи Улясутая (Северная Монголия). Оно демонстрирует тюрка в длиннополой одежде, с тростью в правой руке (левая рука сжимает рукоять сабли) и — что самое для нас главное — с длинными, ниспадающими до пояса, распущенными волосами» [Грач, 1961, с. 78–79]. При этом А.Д.Грач, по-видимому, апеллировал к копии Ё.Харады.

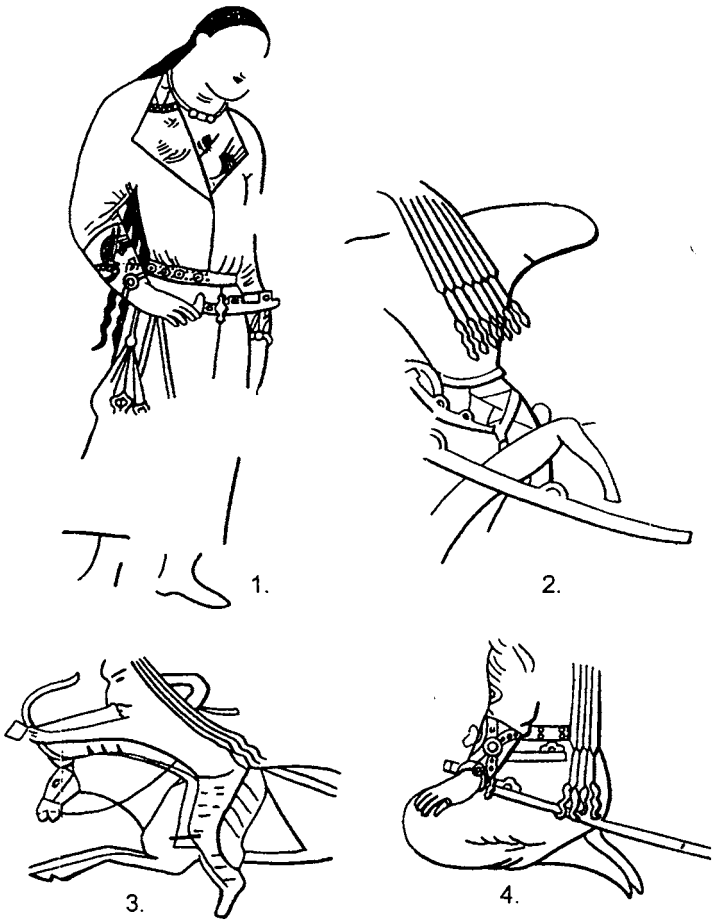
В действительности картина складывается иная. При сравнении новой копии с фотоснимками предшествующих исследователей становится совершенно ясным, что у всех людей, изображенных на стеле, волосы не свободно распущены, а заплетены в косы. Каждая из кос имеет на конце специальное украшение, изображение которого, как было показано, встречается и на других памятниках. Поэтому И.Л.Кыз-

ласов совершено справедливо заметил, что волосы фигур со стелы из Мунгут-хяса заплетены в косы [Кызласов, 1998, с. 44]. Определить точное число кос здесь затруднительно, так как головы фигур изображены вполоборота, и поэтому прическа видна не полностью (3–4 косы). Если исходить из того, что прическа изображена наполовину, то в целом она могла состоять из 7–8 кос. Это число совпадает с количеством кос на многих «косатых» каменных изваяниях и у персонажей с других изобразительных памятников.

Разница в количестве кос, наблюдаемая в различных регионах Центральной Азии, может объясняться, с одной стороны, локальными особенностями причесок, а с другой — разновременностью памятников. Так, изображение одной большой косы обнаружено только на территории Тывы. Однако изваяния с одной косой по своим иконографическим особенностям существенно отличаются от типично древнетюркских изваяний. Существует мнение, что они относятся к более позднему, уйгурскому времени [Кызласов, 1969, с. 82]. Исходя из этого, данный тип прически не может быть причислен к разновидностям собственно древнетюркской прически. Тогда получается, что на огромном пространстве степей Евразии, где расселялись древнетюркские племена, существовал единый тип прически, насчитывающей от 3 до 8 кос, при этом преобладала прическа из 7 кос. Концы кос украшали металлические шарики. Следует заметить, что на половецких изваяниях чаще всего изображались 3 косы [Плетнева, 1974, с. 33–34, рис. 9]. В связи с этим интересно отметить, что в «Истории Киргизской ССР», вышедшей в 1984 г., сказано: «Количеством кос западные тюрки отличались от восточных: если восточные тюрки заплетали не больше двух кос, то западные — от четырех до девяти» [История, 1984, с. 322–324]. Наш материал показывает, что восточные тюрки тоже носили прическу, состоящую из 7–8 кос.

Вероятно, существовали и иные типы причесок. Так, на отбитой голове каменной скульптуры Кюль-тегина изображена прическа в виде коротко подстриженных на современный манер волос. Вероятно, у древних тюрков существовал обычай носить коротко подстриженные волосы или даже полностью сбривать их.

Человеческие фигуры, изображенные на стеле из Мунгут-хяса, интересны еще и тем, что две из четырех фигур снабжены посохом. На памятниках древнетюркского искусства встречаются изображения людей с посохом. Посох, например, воспроизведен на некоторых изваяниях из Казахстана и Узбекистана, а также является атрибутом некоторых персонажей тюркского облика в росписях Пенджикента,



Изображения причесок древних тюрков
1. Афрасиаб (Самарканд)
2. Верхний Чир-Юрт (Дагестан)
3. Кудыргэ (Алтай)
4. Афрасиаб (Самарканд)

однако смысл изображения посоха остается неясным [Ермоленко и др., 2005, с. 80].

Для однозначного решения спорных вопросов, касающихся реконструкции внешнего облика древних насельников Центральной Азии, решающее значение имеют археологические памятники и образцы

изобразительного искусства, на которых реалистично запечатлены детали одежды, украшения и иные атрибуты, а также облик людей того времени. Одним из таких замечательных памятников древнетюркского искусства является композиция, состоящая из четырех реалистично выполненных фигур людей, которая изображена на стеле из Мунгут-хяса.

Баяр, 1993 — *Баяр Д.* Прически монголов в XIII–XIV веках // Из истории хозяйства и материальной культуры тюрко-монгольских народов. Новосибирск, 1993.

Баяр, 1996 — *Баяр Д.* 1996 онд Завхан аймагт ажиласан хээрийн шинжилгээний ангийн тайлан. Монгол улсын ШУА-ийн Археологийн хүрээлэнгийн гар бичмэлийн сан (Отчет экспедиции, работавшей в Дзабханском аймаке в 1996 г. Рукописный фонд Института археологии АН Монголии).

Баяр, 1997 — *Баяр Д.* Монголын төв нутаг дахь түрэгийн хүн чулуу (Тюркские каменные изваяния Центральной Монголии). Уланбаатор, 1997.

Баяр, Эрдэнэбаатар, 1999 — *Баяр Д., Эрдэнэбаатар Д.* Монгол Алтайн хун чулуун хөшөө (Каменные изваяния Монгольского Алтая). Уланбаатор, 1999.

Бичурин, 1950 — *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.; Л., 1950.

Вайнштейн, Крюков, 1965 — *Вайнштейн С.И., Крюков М.В.* Об облике древних тюрков // ТС. М., 1965.

Гаврилова, 1965 — *Гаврилова А.А.* Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965.

Грач, 1961 — *Грач А.Д.* Древнетюркские изваяния Тувы. М., 1961.

Гумилев, 1993 — *Гумилев Л.Н.* Древние тюрки. М., 1993.

Досымбаева, 2006 — *Досымбаева А.* Западный Тюркский каганат. Культурное наследие Казахской степи. Алматы, 2006.

Евтюхова, 1952 — *Евтюхова Л.А.* Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // МИА. 1952. № 24.

Ермоленко, 2004 — *Ермоленко Л.Н.* Средневековые каменные изваяния казахстанских степей. Новосибирск, 2004.

Ермоленко и др., 2005 — *Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К., Баяр Д.* Изображения древних тюрков с посохом // Археология Южной Сибири. Вып. 23: Сборник научных трудов, посвященный 60-летию со дня рождения В.В.Боброва. Кемерово, 2005.

Заславская, 2000 — *Заславская Л.М.* О некоторых аспектах этнокультурных контактов кочевников Южной Сибири с Китаем // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск, 2000.

История, 1984 — История Киргизской ССР. Т. I. Фрунзе, 1984.

Кубарев, 1984 — *Кубарев В.Д.* Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск, 1984.

Кубарев, 2000 — *Кубарев Г.В.* Халат древних тюрок Центральной Азии по изобразительным материалам // Археология, этнография и антропология Евразии. 3 (3). Новосибирск, 2000.

Кубарев, 2003 — *Кубарев Г.В.* Жанровая сцена из Бичикту-Бома // Степи Евразии в древности и средневековье. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения М.П.Грязнова. СПб., 2003.

Кызласов, 1969 — *Кызласов Л.Р.* История Тувы в средние века. М., 1969.

Кызласов, 1998 — *Кызласов И.Л.* Изображение Тенгри и Умай на Сулекской писанице // Этнографическое обозрение. 1998. № 4.

Плетнева, 1974 — *Плетнева С.А.* Половецкие каменные изваяния // САИ. Вып. Е 4–2. М., 1974.

Потанин, 1881 — *Потанин Г.Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. II. СПб., 1881.

Степи Евразии, 1981 — Степи Евразии в эпоху средневековья // Археология СССР. М., 1981.

Сухбаатар, 1980 — *Сухбаатар Г.* Монголчуудын эртний өвөг. Хунну нарын аж ахуй нийгмийн байгуулал, соёл, угсаа гарвал (мэо IV-мэ II зуун) (Древние предки монголов. Хозяйство, общественный строй, культура и этногенез хуннов с IV в. до н.э. до II в. н.э.). Уланбаатор, 1980.

Сэр-Оджав, 1970 — *Сэр-Оджав Н.* Эртний түрэгууд (Древние тюрки) // SA. Vol. V, fasc. 2. Уланбаатор, 1970.

Худяков и др., 1996 — *Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.А.* Многофигурные композиции на костяных пластинах из памятника Суттуу-Булак // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири. Новосибирск, 1996.

Шер, 1966 — *Шер Я.А.* Каменные изваяния Семиречья. М.; Л., 1966.

Юрченко, 2003 — *Юрченко А.Г.* Монгольская мужская прическа XIII века // Mongolica VI. СПб., 2003.

Haenish, 1928 — *Haenish E.* Reise nach Han Taishiri Ola und Uljasutai (27.VI — 26.VIII 1928). Bericht von E. Haenish — Leipzig (О поездке в Хан Тайшир и Улясутай. Отчет профессора Хениша — Лейпциг / Рукописный фонд Института археологии АН Монголии).

Harada, 1921 — *Harada Yoshito.* Shina todai no fukushoku (Одежда и украшения в эпоху Тан) // Tokyo teikoku daigaku bungakubu kiyo № 4 (1921).

Jisl, 1997 — *Jisl L.* The Orkhon Turks and Problems of the Archaeology of the Second Eastern Turk Kaghanate // Annals of the Náprstek Museum. Praha, 1997.

Le Coq, 1929 — *Le Coq A. von.* Stein mit Menschen- und Tier-Darstellungen aus der Mongolei // Ostasiatische Zeitschrift. 1929. Bd. 5. H. 6.

Liu Mau-tsai, 1958 — *Liu Mau-tsai.* Die chinesische Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-küe). Wiesbaden, 1958.

Poucha, 1957 — *Poucha P.* Trinact tisic kilometru Mongolskem. Praha, 1957.

Т.К.БЕЙСЕМБИЕВ
(Алматы)

Среднеазиатский (чагатайский) *тюркй* и его роль в культурной истории Евразии

(взгляд историка)

Только мертвые языки обретают бессмертие.
Антуан де Ривароль (1753–1801)

В мировой истории выдающаяся роль принадлежит так называемым региональным языкам, которые, на протяжении длительного времени будучи средством коммуникации народов и этносов, связанных общим происхождением, близостью культур и единством религии, оставили глубокий след в человеческом развитии.

На мусульманском Востоке Средневековья и Нового времени подобную роль играли арабский и персидский языки. Для принявших ислам тюркских народов и их соседей, как оседлых жителей, так и кочевников, важное значение имел так называемый среднеазиатский *тюрки*, известный также как *чагатайский* (джагатайский) язык. Некоторые исследователи называют его не вполне точным термином *староузбекский язык* (дискуссию по этому поводу см., например, в статье [Благова, 1972, с. 198–205]).

Возникновение и развитие *тюрки* неразрывно связано с эпохой монгольских завоеваний. Самые ранние памятники на этом языке появились в первой половине — середине XIV в. в Чагатайском улусе (*Кисас ал-анбийа* Рабгузи), а также в Хорезме (*Хосров ва Ширин* Кутба и *Мухаббат-наме* Хорезми), т.е. на территории, географически относящейся к Средней Азии, но входившей в состав другой части Чингизовой империи — Улуса Джучи, или Золотой Орды. Подлинный же расцвет литературы на *тюрки* произошел в конце XIV — начале XVI в. на обширной территории Чагатайского улуса — части империи Чингиз-хана, доставшейся по разделу его второму сыну Чагатаю и вклю-

© Т.К.Бейсембиев, 2007

чавшей бóльшую часть Средней Азии (Мавераннахр) и Восточный Туркестан. Отсюда и название языка — *чагатайский* (об этнополитическом значении термина *чагатай* и его эволюции в XIV–XV вв. см. [Manz, 1992, с. 27–45]). Базой для этого языка послужили карлукские говоры Средней Азии (Хорезма и Мавераннахра), а его прямым литературным предшественником можно по праву рассматривать караханидско-тюркский язык XI–XIII вв. При этом следует помнить замечание Э.Н.Наджипа о том, что «языки почти всех средневековых тюркоязычных письменных памятников являются смешанными. В основе языка одних лежит уйгурский, а другие испытали сильное влияние уйгурско-карлукско-чигильского языка. В языке памятников, созданных в последующих веках, обнаруживается при явно уйгурской основе влияние огузско-туркменского, или кипчакского, языка» [Наджип, 1989, с. 244]. Расцвет и распространение среднеазиатского *тюрки* были тесно связаны с деятельностью эмира Тимура — создателя державы Тимуридов, которые рассматривали себя законными преемниками и продолжателями дела Чингиз-хана. Среди литературных памятников, созданных при Тимуре, можно назвать чагатайский перевод *Гулистана* Са'ади, условно названный *Гулистан би-т-турки* (вероятно, для отличия его от другого тюркского перевода, известного как *Гулистан-и Сайфи Сарайи*), выполненный в 800 г.х. (1397/98 г.) неким Исфиджаби (или Сипиджаби)[1], и не дошедшую до нас стихотворную хронику *Та'рих-и хани*.

На раннем этапе своего развития (XIV–XV вв.) среднеазиатский *тюрки* использовал два типа письма — уйгурское и арабское. Первое было введено Чингиз-ханом для централизованного управления его гигантской империей с помощью уйгурских писцов (*битикчи*). Как установил А.П.Григорьев, официальным языком Золотой Орды был до 1380 г. «монгольский, употреблявшийся в уйгурской письменной форме» [Григорьев, 1981, с. 89]. Затем он уступил свое место среднеазиатскому *тюрки*. О степени географического распространения этого языка в официальной сфере дает наглядное представление такой вид документа, как ярлыки, составленные как на уйгурском, так и на арабском письме (ярлык может быть написан уйгурскими буквами, но под каждым словом уйгурского текста дается его арабская транслитерация), — дарственные грамоты верховных правителей либо их реляции о наиболее важных событиях, адресованные своим подданным или соседям. Таковы, например, золотоордынские ярлыки Тохтамыша (к ве-

[1] Уникальный список этого перевода хранится в собрании восточных рукописей Британской библиотеки (шифр Or. 11685, 110 листов).

ликому князю Литвы Ягайло) и Темир-Кутлуга, составленные в 1393 и 1397 гг. соответственно в Поволжье и на берегу Днепра; ярлыки Шахруха (1422), деда Бабура Абу-Са'ида (1469) и 'Умар-Шайха (ок. 1469), написанные в Средней Азии и Азербайджане [Щербак, 1962, с. 49–51; Султанов, 1978, с. 234–251], и наконец, ярлык турецкого султана Мехмеда II Фатиха (покорителя Константинополя), сочиненный в Карахисаре (на северо-востоке Малой Азии) в 1473 г. по случаю его исторической победы над правителем Узун-Хасаном из династии Ак-Койунлу [Гузев, 1972, с. 227–243; Arat, 1987, с. 821–885].

В некоторых частях бывшей империи Чингиз-хана подобная традиция сохранялась долгое время. А.Н.Самойлович, давая оценку документов, изданных В.В.Вельяминовым-Зерновым в сборнике «Материалы для истории Крымского ханства, извлеченные, по распоряжению Императорской Академии наук, из Московского Главного архива Министерства иностранных дел» (СПб., 1864), писал: «Заключающиеся в этих объемистых „Материалах" документы на крымско-татарском языке относятся к периоду времени от XVI по XVII век и свидетельствуют о том, что до конца XVII века османо-турецкому литературному языку не удавалось окончательно заглушить в канцеляриях крымских ханов литературной традиции Джучиева улуса» (цит. по [Кононов, 1982, с. 252]). А.Н.Кононов совершенно справедливо отметил, что старейшие памятники крымско-татарского языка XVII–XVIII вв. «до сих пор со стороны языка не исследованы, потому неизвестно, могут ли они быть безоговорочно причислены к памятникам крымско-татарского языка» [Кононов, 1982, с. 252]. Эти догадки и замечания блестяще подтверждаются в исследовании Ф.М.Хисамовой, где помещены отрывки из двух репрезентативных документов крымских ханов 1613 и 1667 гг. и дана их грамматическая характеристика [Хисамова, 1999, с. 61–70]. По своему языку эти документы продолжают традицию *тюрки* Джучиева улуса и почти не отличаются от памятников чагатайского языка Средней Азии.

В XV в. уйгурское письмо окончательно уступило место арабскому, что было связано с принятием монголами в конце XIII — начале XIV в. ислама в подвластных им мусульманских странах и постепенной интеграцией их с исламской общиной. Арабские и персидские слова, составлявшие в некоторых памятниках на *тюрки* от 60 до 90% всей используемой лексики, как правило, сохраняли свое исконное орфографическое написание, что значительно облегчало усвоение среднеазиатского *тюрки* теми, кто хорошо владел арабским и/или персидским языками. Другим заметным иноязычным лексическим

пластом в *тюрки* была немногочисленная, но широко употребительная монгольская лексика, главным образом административно-правовая и военная (краткий сравнительно-статистический подсчет монголизмов в различных тюркских языках приведен в [Рассадин, 1980, с. 92–94]).

Огромный вклад в распространение и развитие литературы на *тюрки* во второй половине XV в. внес ʻАлишер Навои (1441–1501).

В трактате ʻАлишера Навои *Мухакамат ал-лугатайн* («Суждение о двух языках») впервые была предпринята попытка увязать распространение и культивирование чагатайского языка с идеологией чингизизма. По его мнению, до эпохи Хулагу-хана господствовали арабские и сартские султаны и соответственно это было время расцвета литературы на арабском и персидском языках. Но «после эпохи Хулагу-хана — от времени несравненного султана Тимура Корагана и вплоть до правления царственного сына его Шахруха — стали появляться поэты, писавшие на тюркском языке». При этом такие правители, как Сельджукид (т.е. по происхождению тюрок) Тогрул и Музаффарид Шах Шуджаʻ, причисляются Алишером Навои не к тюркским, а сартским султанам! Теперь, согласно Навои, в царствование его покровителя Султан Хусайна наступило благоприятное время для подлинного расцвета литературы на *тюрки* [Алишер Навои, 1970, с. 135–139][2].

Блестящий образец литературного памятника на *тюрки* конца этого периода — мемуары Бабура (1483–1530) — *Бабур-наме*, написанные выдающимся представителем поздних Тимуридов и образованнейшим человеком своего времени, с тонким аристократическим вкусом. А.М.Щербак так характеризовал это произведение: «Язык Бабур-наме богат: употребляется самая разнообразная лексика, встречается много интересных с точки зрения истории языка грамматических форм и синтаксических конструкций. Несмотря на широкое использование в тексте арабских и персидских слов, язык Бабур-наме весьма прост» [Щербак, 1962, с. 44].

Итак, широкому распространению чагатайского языка и расцвету литературы способствовало также и то, что творившие на нем писатели широко использовали исламские мировые языки — арабский и особенно персидский и нередко лучшие литературные образцы на них — в качестве модели для своих произведений на *тюрки* (см. обобщающую теоретическую работу проф. Берта Фрагнера, в которой трактуется вопрос о влиянии и роли фарси в становлении чагатайского как регионального языка [Fragner, 1999, с. 58, 82–90]).

---

[2] На эту идеологическую особенность трактата Навои любезно обратил мое внимание проф. Берт Фрагнер (Бамбергский университет, Германия).

XVI–XVIII века отмечены развитием среднеазиатского *тюрки* как в функциональном, так и географическом смысле. Завоевавшие Мавераннахр в начале XVI в. кочевые узбеки во главе с Шибанидами, а с начала XVII в. — Аштарханидами были выходцами из Дешт-и Кипчака. Слабо владевшая персидским и арабским языками узбекская кочевая знать проявляла интерес к переводам с этих языков на близкий и понятный ей среднеазиатский *тюрки*. Поэтому в XVI в. появились переводы таких крупных произведений на фарси, как толкование Корана *Тафсир-и Йа'куб-и Чархи*; исторические хроники *Та'рих-и Табари*, *Джами' ат-таварих* Рашид ад-Дина (два разных перевода), *Зафар-нама* Шараф ад-Дина 'Али Йазди (также два перевода); политический трактат *Насихат ал-мулук* Абу Хамида ал-Газзали. Сюда же, по-видимому, следует отнести целых три чагатайских перевода (один — на уйгурском, два — арабским письмом) сочинения персидского классика начала XIII в. Фарид ад-Дина 'Аттара *Тазкират ал-авлийа* [Storey, 1972, с. 932][3]. Эта традиция сохранялась вплоть до XIX — начала XX в., когда в Хивинском ханстве на тюрки переводились не только персидские, но и турецкие и арабские сочинения.

Объективно эти процессы укрепляли связи Казахстана со Средней Азией. И как следствие этого, среднеазиатский *тюрки* выполнял в казахских степях в XVI–XIX вв. функцию делопроизводственного языка и широко использовался в дипломатической переписке. Например, известное письмо Абу-л-Хайр-хана (1730 г.) к императрице Анне Иоанновне с просьбой принять Младший казахский жуз в российское подданство было составлено именно на среднеазиатском *тюрки*. Казахский же, как живой разговорный язык, господствовал в устном народном творчестве.

В архивных собраниях России, Казахстана и КНР сохранилось большое число документов XVIII–XIX вв. казахского происхождения на этом языке. По грамматическим и палеографическим признакам в них можно выделить локальные различия. Например, документы из Младшего жуза характеризуются наличием татарских, а в некоторых случаях — даже огузских (например, использование форм возвратного местоимения *kendi* вместо *özi*) грамматических элементов. Последний случай указывает, скорее всего, на османско-турецкое влияние, шедшее опосредованно — через делопроизводственную практику Крымского ханства позднего периода (вторая половина XVII — XVIII в.) и

[3] Не отмеченный в этом справочнике перевод, выполненный в 929 г.х. (1522/23) Шах Дарвишем ибн 'Али-шахом, хранится в Британской библиотеке (шифр Or. 12989, 376 листов).

Северного Кавказа. С другой стороны, в документах, составленных по приказанию Кенесары Касымова, хорошо прослеживается среднеазиатская традиция: у его писем четкий почерк — среднеазиатский наста'лик, а их язык близок к литературному среднеазиатскому *тюрки*. Таким образом, в силу того что литературная традиция на чагатайском языке господствовала в Средней и Центральной Азии и долго сохраняла свои позиции в Поволжье и Крыму, становится понятным, почему именно этот язык длительное время служил в качестве письменного во всех казахских жузах.

В XVI–XIX вв. среднеазиатский *тюрки* был общим литературным языком казахского, узбекского и уйгурского народов, так что произведения, создававшиеся на нем, например, в среднеазиатских ханствах, были вполне понятны образованным и даже просто грамотным казахам. В XIX в. на *тюрки* были впервые написаны сочинения об отдельных городах юга Казахстана, например сказание о Сайраме.

Необходимо отметить также такой важный аспект, касающийся роли среднеазиатского *тюрки* для истории и культуры казахского и других кочевых народов Средней и Центральной Азии, как фиксация и письменная передача произведений *устной степной историографии* (понятие, впервые введенное в научный оборот моим учителем — крупным казахстанским востоковедом Вениамином Петровичем Юдиным [1928–1983]). Согласно мнению В.П.Юдина, степная устная историография — это историческое знание кочевников Дешт-и Кипчака (т.е. предков кочевых узбеков, казахов и каракалпаков), которое в послемонгольский период предстает уже выделившимся из общего знания кочевников в особую область — память самих субъектов истории о своем прошлом. Этот вид знания не может быть определен как просто «устная традиция», «легенды» и «предания» или сведен к мифологии или героическому эпосу, поскольку сам фольклор питался степной устной историографией.

В некоторых случаях устная историография была отражена и зафиксирована в письменных трудах, которые представляют собой как бы сборники исторических рассказов и выступают источниками степной устной историографии. Эти рассказы-главы имели специальное название — *qari söz* — «старое слово», «древний сказ» (отсюда, кстати, термин современного казахского языка *qara söz*, означающий «проза»). Этим данные сочинения отличаются от обычных восточных придворных и других историографий. Нередко в них своеобразно переплетаются элементы степной устной и восточной письменной историографий. Специальное изучение источников степной устной исто-

риографии позволит реконструировать историческое знание кочевников Дешт-и Кипчака как феномен, систему и индикатор уровня развития кочевой культуры. К этой категории источников В.П.Юдин относил написанные на среднеазиатском *тюрки Таварих-и гузида-йи нусрат-нама* предположительно Мухаммад Шайбани-хана, *Чингиз-нама* Утемиш-хаджи (XVI в.), *Сборник летописей* Кадыр-'Али Джалаира и *Шаджара-йи турк ва могул* Абу-л-Гази-хана (XVII в.) и др. [Юдин, 1992, с. 57, 64–66]. Наряду с письменной восточной историографией *устная степная историография* должна стать предметом специального внимания[4]. Кроме того, в большинстве арабских, персидских, тюркских и других исторических сочинений могут быть выявлены значительные отрывки, восходящие к устной историографии или выступающие ее прямой фиксацией.

Бабур, завоевавший Северную Индию и основавший империю Великих Моголов, завершил свои мемуары (*Бабур-наме*) в Дели и, быть может, сам того не подозревая, положил начало распространению и культивированию литературной традиции на среднеазиатском *тюрки* на Индостанском субконтиненте в течение трех последующих веков — от начала XVI до середины XIX в. На *тюрки* писали стихи сыновья Бабура Хумайун, Мирза Камран, Мирза 'Аскари и Мирза Хиндал. Не так давно в Индии обнаружен диван тюркских стихов Мирза Мухаммад-Хайдар Дуглата — автора *Та'рих-и Рашиди*. В XVI в. на среднеазиатском *тюрки* писали индийские поэты Калан, Шайх Зайн, Турдыбек, Хаксар, Байрам-хан и др. Сын Байрам-хана 'Абд ар-Рахим в совершенстве владел персидским и арабским языками, писал прекрасные стихи на хиндустани и *тюрки*. Именно ему внук Бабура Акбар поручил перевод *Бабур-наме* на фарси, так как он слыл лучшим знатоком чагатайского языка при дворе Великих Моголов [Низамутдинов, 1981, с. 20–21]. Культивирование чагатайского языка было тесно связано с господствовавшей в империи Великих Моголов «чагатайской государственной идеей»: Великие Моголы, будучи потомками Тимура, рассматривали свою прародину — Среднюю Азию, т.е. территориальное ядро Чагатаева улуса, как законное владение. Правление там

[4] В одной из посмертно опубликованных работ В.П.Юдин писал: «Подобно археологам, добывающим из-под земли памятники материальной культуры и воскрешающим по ним далекое прошлое народов, источниковеды должны воскресить степную устную историографию, вернуть эту большую и забытую область культуры потомкам ее создателей — казахскому, каракалпакскому и другим народам, возродить их былую память о самих себе. Это — нелегкая задача. Но это долг исследователей — почетный и благородный» [Юдин, 1992, с. 66].

династий Шибанидов и Аштарханидов расценивалось в могольской Индии как вопиющее нарушение Чингизовой традиции, поскольку Шибаниды и Аштарханиды, хотя и были Чингизидами, происходили от старшего сына Чингиз-хана Джучи и поэтому не имели права на улус его второго сына Чагатая, законными наследниками которого Великие Моголы считали своего предка Тимура и Тимуридов. Не случайно в XVI–XVIII вв. термины *чагатаи*, *чагатайское войско* употреблялись применительно к Великим Моголам, а в XVIII в. «большинство людей в Хиндустане» считало Великих Моголов уже потомками Чагатай-хана [Хадикат ал-акалим, с. 450] (подробнее об этом идеологическом феномене см. [Бейсембиев, 1991, с. 26–32]).

Сфера применения *тюрки* в Индии была узкой [Schimmel, 1981, с. 156–162; Бейсембиев, 1988, с. 235–244] (подробнее о функционировании чагатайской государственной идеи в Индии и Мавераннахре в XVII–XIX вв. см. [Beisembiev, 2002, с. 65–69; Бейсембиев, 2004, с. 97–114]). *Тюрки* стал аксессуаром элитарной культуры при дворах мусульманских властелинов. Для них было честью не только прославиться благородными деяниями, но и оставить после себя, пусть небольшое, собрание стихов на *тюрки*. На этом поприще отличились в XVI в. могольский наместник Гуджарата при Акбаре ʻАли-кули-хан ибн Хайдар, писавший под тахаллусом *Султан* [Низамутдинов, 1981, с. 21], а в XVIII в. — независимый правитель огромного княжества Хайдарабад на юге Индии ʻИмад ал-Мулк Гази ад-Дин III (1737–1800). Здесь присутствовал также идеологический подтекст: культивируя чагатайский язык, эти правители подчеркивали, что они — законные преемники Великих Моголов в различных областях их некогда единой империи, доказывая это даже тем, что ревностно следуют им в поощрении литературы на *тюрки*. Тем самым эти правители автоматически признавали Чингизово право и распространяли его действие на весь Индостанский субконтинент. Не случаен и тот факт, что один из самых исправных списков *Бабур-наме* по сей день хранится в собрании Салар Джанг — бывшей личной библиотеке правителей (низамов) Хайдарабада.

Знание *тюрки* было полезным в дипломатических контактах самых различных регионов. Так, известны письма золотоордынских ханов к турецким султанам XIV–XV вв., тюркоязычная переписка могольского правителя Шах-Джахана (1627–1658) и турецкого султана Мурада IV (1623–1640), письма на *тюрки* правителя Майсура (на крайнем юге Индии) Типу Султана (ум. в 1799 г.) к османским властителям ʻАбд ал-Хамиду I и Селиму III с целью добиться от них подтверждения своего султанского титула. В 1675 г. на *тюрки* была составлена

грамота русского царя Алексея Михайловича императору Великому Моголу Аурангзебу с предложением об установлении дипломатических отношений между Россией и Индией. В свою очередь, Аурангзеб выдал в конце XVII в. русскому купцу Семену Маленькому фирман на *тюрки* об освобождении его от пошлин при продаже русских и закупке индийских товаров. Кроме того, известна грамота персидского шаха Хусайна Петру I об отправлении С. Маленького из Ирана в Индию (все три указанные грамоты опубликованы в [Сборник, 1958, с. 205–209, 365–370]).

Таким образом, в XIV–XIX вв. среднеазиатский *тюрки* имел большое культурное значение для народов Евразии. Как литературным и деловым языком им пользовались в Средней Азии и Казахстане, в Восточном Туркестане и Поволжье, в Крыму и Хорасане, Индии и Малой Азии, в которой утверждался родственный чагатайскому османо-турецкий литературный язык. Как наиболее распространенный, развитый и «исламизированный»[5] тюркский язык, среднеазиатский *тюрки* способствовал культурной и конфессиональной интеграции самых различных народов и этносов, кочевых и оседлых, тюркских, иранских, индоарийских, финно-угорских (имеются в виду марийцы и удмурты, которые испытали глубокое влияние исламской культуры через тюркские языки, и народы Поволжья и Приуралья). Он оказал влияние на родственные и современные ему тюркские языки — османско-турецкий, мамлюко-кипчакский, азербайджанский и поволжско-татарский. Некоторые татарские исследователи, рассматривая памятники на среднеазиатском *тюрки*, написанные в Поволжье в XVI–XVIII вв., безоговорочно относят их к произведениям старотатарской литературы. В этом нет ничего удивительного, так как в тот период среднеазиатский *тюрки* был литературным языком татарского народа, а впоследствии оказал решающее влияние на формирование собственно татарского литературного языка, не только родственного, но и фонетически близкого среднеазиатскому *тюрки*.

В Средней Азии чагатайский *тюрки* сыграл едва ли не решающую роль в процессе выделения среднеазиатского фарси в региональный вариант классического персидского языка. Среднеазиатский фарси, распространенный в Средней Азии и Восточном Туркестане в XVI–XIX вв., был официальным письменным (и элитарным) языком Бухарского эмирата и Кокандского ханства, являлся региональным вариантом классического фарси и, находясь на переходном этапе от класси-

[5] Понятие «исламизированный» применительно к языку обосновывается и толкуется на примере фарси в упомянутой работе Б. Фрагнера [Fragner, 1999, с. 27–33].

ческого фарси (X–XV вв.) к современному таджикскому литературному языку (конец XIX — XX в.), представлял собой особый этап развития таджикского языка. Позднее, в XX в. среднеазиатский фарси превратился в современный таджикский литературный язык. В отмеченный период в Средней Азии успешно функционировало *тюркско-персидское*, или *тюркско-таджикское, двуязычие*: в оазисах Бухары, Самарканда и Ферганы *тюрки* в официальной и делопроизводственной сфере уступал место среднеазиатскому фарси, но постоянно влиял на него[6], а в Хорезме он безусловно преобладал, испытывая, в свою очередь, сильное воздействие фарси. При этом дипломатическая переписка бухарских эмиров с казахскими ханами, а кокандских ханов — с властями Синьцзяна велась на *тюрки*. Таким образом, принцип двуязычия применялся с известной гибкостью. В XIX в. в Фергане и Кокандском ханстве *тюрки* как разговорный язык был распространен шире, чем в Бухаре: один кокандский хронист не без гордости отмечает, что эмир Бухары Хайдар (1800–1826) признавался, что никогда не писал стихов на *тюрки*, в то время как его соперник — правитель Коканда ʻУмар-хан (1811–1822/23) свободно сочинял стихи на этом языке. Тогда же в Хорезме и Фергане был создан ряд крупных тюркских хроник. Например, опубликованный проф. Ю.Э.Брегелем текст хивинской хроники *Фирдаус ал-икбал* составляет 1201 страницу [Firdaws al-Iqbal, 1988 (см. англ. перевод этой хроники [Firdaws al-Iqbal, 1999]).

В свою очередь, среднеазиатский фарси оказывал глубокое влияние на *тюрки*. Процесс взаимодействия этих языков проходил в этот период очень интенсивно, так что языковая интерференция на уровне тюркско-таджикского литературного билингвизма достигла тогда своего апогея, что особенно ярко проявилось в Фергане — зоне интенсивных языковых контактов [Бейсембиев, 1999, с. 615–624].

Известен ряд двуязычных писателей, например Камал ад-Дин Бинаʼи (1453–1512), автор известной хроники *Шайбани-наме* на фарси и переводчик на среднеазиатский *тюрки* персоязычной космографии *ʻАджаʼиб ал-махлукат*; уже упомянутый выше Мирза Мухаммад-Хайдар Дуглат и др. Естественно, что и язык фарси Ирана, Индии и других регионов также испытывал влияние чагатайского языка.

[6] В мангытской Бухаре официальным устным языком был *тюрки*, но языком документов — фарси [Андреев, Чехович, 1972, с. 44]. Хотя в Бухаре исторические сочинения в XVIII–XIX вв. писались, как правило, на фарси, даже и там сочинялись тюркоязычные поэмы на исторические темы, например поэма об эмире Хайдаре (1800—1826) и незаконченная поэма о воцарении эмира Музаффара и его походе на Коканд (1860—1863) [Дмитриева, 1980, с. 161, № 671–672].

Следует особо отметить развитие чагатайского языка в Восточном Туркестане. В XVIII — начале XX в. здесь он постепенно вытеснил персоязычную литературу, давшую там блестящие образцы в предшествующий период — XVI—XVII вв. (*Та'рих-и Рашиди* Мухаммад-Хайдар Дуглата, *Анис ат-талибин* и *Та'рих* Мирза Шах-Махмуда Чураса). В XVIII — начале XX в. в Восточном Туркестане на *тюрки* помимо богатой поэтической литературы были созданы такие значительные прозаические произведения, как *Та'рих-и Кашгар* неизвестного автора и *Ислам-нама* Мулла 'Абд ал-'Алима (XVIII в.), *Тазкира-йи 'азизан* Мухаммад-Садика Кашгари и тюркский перевод *Та'рих-и Рашиди* (первая половина XIX в.), целый ряд хроник, посвященных истории государства Йа'куб-бека (последняя треть XIX — начало XX в.). Уже с начала XVIII в. в этих памятниках прослеживаются элементы разговорного новоуйгурского языка, в частности кашгарского диалекта [Юдин, 1969, с. 398].

Интересно, что маньчжурское завоевание Восточного Туркестана и включение его в состав провинции Синьцзян Цинской империи в середине XVIII в. отнюдь не препятствовали развитию там не только тюркского, но даже и персидского языка[7] вплоть до конца XIX — начала XX в. Это объясняется тем обстоятельством, что стоявшая тогда у власти в Поднебесной маньчжурская династия разработала имперскую концепцию и идею, которая резко отличалась как от предшествующей (периода китайской династии Мин), так и от последующих государственных концепций. Согласно этой идее, особенно широко применявшейся на практике в так называемый среднецинский период (с середины XVIII до конца XIX в.), все завоеванные к западу от Китая земли рассматривались как исключительно маньчжурские приобретения и даже как собственность императорского домена. Их китайская колонизация сначала вовсе не допускалась, а позже строго регламентировалась. Высшая администрация в Синьцзяне была укомплектована исключительно маньчжурами. В делопроизводственной сфере допускалось «гармоничное» употребление маньчжурского, монгольского, китайского, *чагатайского* и тибетского языков. Многие официальные справочники состояли из параллельных текстов на этих пяти языках. В конце XVIII в. был написан ряд многоязычных тезаурусов, на

[7] Последние крупные персоязычные сочинения были созданы там в третьей четверти XIX в. Это сборник стихотворных хронограмм на различные события в Средней Азии и Синьцзяне в 1823–1856 гг. (429 л.) *Таварих-и манзума* Имама 'Али Кундузи (1856–1857) и хроника истории Коканда и государства Йа'куб-бека (107л.) *Та'рих-и Сигари*, написанная полководцем Йа'куб-бека 'Абдаллах Амир-и Лашкаром (1874).

стелах и изображениях появились многоязычные надписи и т.п. Сам император Цяньлун (1711–1799, правил в 1736–1795 гг.) знал монгольский, чагатайский и тибетский языки [Rawski, 1998, с. 255]. Дипломатическая переписка пекинского двора со среднеазиатскими владетелями (например, с казахскими ханами или правителями Коканда) осуществлялась, разумеется, на чагатайском языке. Только в конце XIX в., после подавления освободительного восстания в Синьцзяне (1864–1878) и ликвидации государства Йа'куб-бека, Цины в силу объективных факторов во многом отказались в своей политике в Синьцзяне от подобного «мультикультурализма» и многоязычия и выдвинули на первое место китайский элемент как главный фактор в империи.

Великое культурное значение среднеазиатского *тюрки* ясно представляли себе его современники. С конца XV в. на Ближнем и Среднем Востоке существовала традиция составления чагатайско-турецких и чагатайско-персидских словарей, этих бесценных лексикографических источников. Среди них наиболее полными были чагатайско-персидские: в XVIII в. — словари Мухаммад-Таки-бека Кара-Койунлу (Индия) [Асланов, Бахшалиева, 1981, с. 11–13] и Мирзы Мухаммад-Махди-хана Астарабади (Иран), а в XIX в. — словарь Фатх-'Али Казвини, происходившего из тюркского племени каджар (Иран) [Щербак, 1962, с. 56–60]. Факсимильное издание одной из рукописей словаря Махди-хана см. [Sanglax, 1960]; современное иранское издание этого словаря по двум другим рукописям из Тегерана (но с пропуском всех стихотворных примеров) см. [Санглах, 1996]. Махди-хан Астарабади был исключительно одаренной фигурой: как секретарь и историограф Надир-шаха он оставил на фарси две важные хроники его правления, одна из которых — *Дурра-йи надира*[8] — редкий образец крайне усложненного и изысканного стиля в персидской прозе. Ему же принадлежит написанная на фарси грамматика чагатайского языка *Мабани ал-лугат* [Mirza Mehdi Khan, 1910].

Во второй половине XIX — первой трети XX в. наступает новая историческая эпоха. В Центральной Евразии происходят социально-экономические, политические и культурные изменения, связанные с бурным развитием капитализма, новой расстановкой политических сил в Европе и колониальной экспансией и соперничеством европейских и других держав в Азии и, наконец, социальной революцией в России. Исчезают среднеазиатские ханства — последние очаги

[8] Она была переведена на чагатайский в Хиве в середине XIX в. Список этого перевода хранится в Российской Национальной библиотеке (СПб.) под шифром ТНС [Дмитриева, 1972, с. 78].

господства Чингизова права. В 1920 г. прекращает существование Хивинское ханство, в котором чагатайский язык был все еще официальным. Вследствие отмеченных выше факторов быстрыми темпами идут секуляризация и европеизация общества; рост национального самосознания населявших Россию тюркских и иных народов; формирование наций, национальных языков, литератур и культур. В этих условиях культурно-историческая миссия среднеазиатского *тюрки* завершается, он теряет свое значение и постепенно выходит из употребления.

Следует отметить, что в Средней Азии в колониальный период (1860-е — 1917 г.) происходит небывалый расцвет чагатайской литературы, чему способствовало, с одной стороны, прекращение функционирования среднеазиатского фарси как официального языка на территории Туркестанского генерал-губернаторства (образованного, как известно, из территорий бывшего Кокандского ханства и частично — Хивинского ханства и Бухарского эмирата), а с другой — бурное развитие печатного дела (главным образом литографических изданий). Распространение печатной литературы на чагатайском языке в Средней Азии в конце XIX — начале XX в. — важный, но все еще не изученный вопрос, который ждет своих исследователей. К несомненным ее достижениям относится, например, вышедший в Ташкенте великолепный тюркский перевод «1001 ночи» (выполненный с очень хорошего персидского перевода ʻАбд ал-Латифа ат-Тасуджи ат-Табризи, законченного в 1843 г., вскоре после выхода в 1835 г. арабского (каирского) печатного издания сказок, и впервые опубликованного на фарси в Тебризе в 1845 г.), принадлежащий перу Сирадж ад-Дина Махдума Хандаклики Искандари «Сидки» объемом в 702 с. и форматом $^{1}/_{4}$ folio[9]. По своему художественному уровню и полноте он превосходит все последующие переводы «1001 ночи» на современные тюркские языки, кроме, пожалуй, азербайджанского, вышедшего в Баку в 1970-е годы под общей редакцией известного арабиста академика З.М.Буниятова. В этот же период лексика среднеазиатского *тюрки* значительно обогащается за счет заимствований из русского языка [Усмонов, Хамидов, 1981].

Современные языки (и соответственно литературы), возникшие на базе чагатайского языка (узбекский и уйгурский) или входившие в сферу его влияния (казахский, туркменский, киргизский, каракалпакский, ногайский, кумыкский, азербайджанский, татарский, крымскотатарский, таджикский и др.), во многом обязаны своим быстрым развитием в XX столетии именно этому языку и литературе на нем. Исследования же по истории казахского языка показывают, что его ста-

[9] *Алф лайла ва лайла-йи турки ба тасвир*. Джилд-и I–II. Ташкент, 1332/1914.

новление в XIX в. проходило через постепенное преодоление фонетико-орфографических традиций среднеазиатского *тюрки*, что особенно характерно проявлялось в языке *кисс*, в большинстве своем представлявших «рассказы о „священных" походах арабских завоевателей и жизнеописания мусульманских святых» [Абилхасимов, 1982, с. 1].

Лингвистическая ситуация в Средней Азии в XIV–XIX вв. — период функционирования чагатайского *тюрки* — вполне сопоставима с таковой в Эфиопии в этот же период. *Тюрки* по отношению к современным ему тюркским языкам Средней Азии можно сравнить с языком геэз (классическим эфиопским), который, став мертвым после X в., продолжал использоваться в качестве книжного языка вплоть до начала XX в. во многом благодаря тому, что живые семитские языки Эфиопии — амхарский, тигре, тигринья, харари, гураге и т.д. — родственны геэз. Интересно еще отметить, что если образцом для составления произведений на чагатайском языке служила классическая персидская и в меньшей степени — арабская литература, то для классической эфиопской литературы на языке геэз образцом также служили арабо-христианская литература и в значительной мере — арабский литературный язык[10].

Самые выдающиеся среднеазиатские литераторы XX в. были основоположниками одновременно двух национальных литератур (например, С. Айни — таджикской и узбекской)[11], развивая тем самым старинную традицию литературного двуязычия. «Вспомнили» о чагатайском языке и в период кемалистской революции в Турции. Уже в 1931 г. в предисловии к «Турецко-русскому словарю» Д.А.Магазаника отмечалось: «За последнюю четверть века турецкий язык испытывал

[10] Профессор Б.А.Тураев отмечал по этому поводу: «1270 год знаменует новую эру для Абиссинии не только в ее истории, но и литературе. Укрепление власти за „Соломоновой династией", возводящей себя к царю и поэту Иерусалима, содействует политическому и духовному возрождению. Уровень просвещения повышается благодаря более регулярным сношениям с Египтом, и литературная традиция уже не прерывается впоследствии так резко, как это произошло в предшествующий период. Достаточно сказать, что за все время от падения старого Аксумского царства до 1270 года не сохранилось почти ни одного памятника письменности, нет ни одной эфиопской рукописи старше этой даты. Соломонова династия застает расцвет христианско-арабской литературы в Египте, и с этого времени эфиопская письменность подпадает под ее исключительное влияние. Переводы с греческого, существовавшие в древнем периоде, уступают свое место переводам с арабского. Арабский язык становится настолько обычным в литературных кругах, что иногда в основе даже оригинальных эфиопских произведений лежит арабский набросок, составленный самим автором. Воздействие на форму и тип произведений сказывается, конечно, еще сильнее, и, может быть, не без арабского влияния начинают появляться исторические произведения» [Тураев, 1936, с. 11].

[11] В этом смысле роль, подобную С.Айни, на Балканах сыграл Шемсеттин Сами-Фрашери (1850–1904), турецкий писатель и лексикограф и одновременно — один из основоположников албанской литературы.

большие изменения... с одной стороны, уменьшается количество восточного иностранного элемента (персидского и арабского)... а с другой — хлынул поток западных (французских) слов и „чагатаизмов", показателей национального уклона» [Магазаник, 1931, с. 2]. Широкое введение чагатаизмов в турецкий язык продолжало давно забытую традицию обращения к среднеазиатскому *тюрки* на раннем этапе истории османско-турецкого языка (XIV–XV вв.).

Наконец, как интегрирующий фактор чагатайский язык, наряду со среднеазиатским фарси, сыграл главную роль в формировании среднеазиатской культурно-исторической общности (казахского, каракалпакского, киргизского, таджикского, туркменского и узбекского народов) на лингвистическом уровне — того, что принято называть *языковым союзом* (тюркские языки Средней Азии плюс таджикский язык). Понятие «языковой союз» было так впервые сформулировано в 1923 г. выдающимся идеологом евразийства Н.С.Трубецким: «Случается, что несколько языков одной и той же географической и культурно-исторической области обнаруживают черты специального сходства, несмотря на то что сходство это не обусловлено общим происхождением, а только продолжительным соседством и параллельным развитием. Для таких групп, основанных не на генетическом принципе, мы предлагаем название „языковых союзов"... Такие „союзы" генетически, по-видимому, неродственных лингвистических семейств имеются по всему Земному шару» [Трубецкой, 1995, с. 333][12]. Вопрос о языковом союзе в Средней Азии следует изучить специально, лингвистических источников, например, периода XVIII–XIX вв. для этого имеется более чем достаточно; их остается лишь исследовать. Общее историко-источниковедческое ознакомление с ними дает основание утверждать о существовании *среднеазиатского языкового союза*, формой которого было широко распространенное именно в Средней Азии XVI–XIX вв. тюркско-таджикское литературное двуязычие.

Абилхасимов, 1982 — *Абилхасимов Б.* О языке казахских кисс // Известия АН КазССР. Серия филологическая. Алма-Ата, 1982, № 1.

Алишер Навои, 1970 — *Алишер Навои.* Суждение о двух языках // *Алишер Навои.* Собрание сочинений в десяти томах. Т. X. Возлюбленный сердец. Суждение о двух языках. Таш., 1970.

[12] Ярким примером «языкового союза» в Европе Н.С.Трубецкой называл балканские языки — болгарский, румынский, албанский и новогреческий. Я считаю, что по отдельным признакам к этому союзу можно причислить даже турецкий язык. Вообще, османско-турецкий фактор в формировании балканского языкового союза оценивается пока недостаточно.

Андреев, Чехович, 1972 — *Андреев М.С., Чехович О.Д.* Арк (кремль) Бухары в конце XIX — начале XX в. Душанбе, 1972.

Асланов, Бахшалиева, 1981 — *Асланов Г.Ю., Бахшалиева С.Б.* О новонайденном уникальном тюркском словаре и его значении для изучения истории и культуры тюркских народов // Бартольдовские чтения 1981, год пятый. Тез. докл. и сообщ. М., 1981.

Бейсембиев, 1988 — *Бейсембиев Т.К.* Значение персо- и тюркоязычных источников в изучении культурных взаимосвязей Средней Азии и Казахстана с Индией в XVI–XIX вв. // Вопросы историографии и источниковедения Казахстана (дореволюционный период). Алма-Ата, 1988.

Бейсембиев, 1991 — *Бейсембиев Т.К.* Чингизово право на Востоке и политико-правовые учения в соседних регионах (на примере сарматизма в Речи Посполитой XVI–XVIII вв.) // Известия АН КазССР. Серия общественных наук. Алма-Ата, 1991, № 4.

Бейсембиев, 1999 — *Бейсембиев Т.К.* Особенности употребления каузативных глаголов в персоязычных сочинениях кокандской историографии XIX века // Мир языка. Материалы научно-методической конференции, посвященной памяти М.М.Копыленко. Алматы, 1999.

Бейсембиев, 2004 — *Бейсембиев Т.К.* Возрождение чагатайской государственной идеи в Мавераннахре (конец XVIII — начало XIX в.) // Историко-культурные взаимосвязи Ирана и Дешт-и Кипчака в XIII–XVIII вв. Материалы Международного круглого стола. Алматы, 2004.

Благова, 1972 — *Благова Г.Ф.* Тюркск. *чауатај* — русск. *чагатай-/джагатай* (Опыт сравнительного изучения старого заимствования) // ТС 1971. М., 1972.

Григорьев, 1981 — *Григорьев А.П.* Официальный язык Золотой Орды XIII–XIV вв. // ТС 1977. М., 1981.

Гузев, 1972 — *Гузев В.Г.* О ярлыке Мехмеда II // ТС 1971. М., 1972.

Дмитриева, 1972 — *Дмитриева Л.В.* Тюркские рукописи коллекции «новая серия» собрания Государственной Публичной библиотеки им. М.Е.Салтыкова-Щедрина // Восточный сборник. Вып. 3. М., 1972.

Дмитриева, 1980 — *Дмитриева Л.В.* Описание тюркских рукописей Института востоковедения. III. Поэзия и комментарии к поэтическим сочинениям, поэтика. М., 1980.

Кононов, 1982 — *Кононов А.Н.* История изучения тюркских языков в России (дооктябрьский период). Л., 1982.

Магазаник, 1931 — *Магазаник Д.А.* Турецко-русский словарь / Под ред. проф. В.А. Гордлевского. М., 1931.

Наджип, 1989 — *Наджип Э.Н.* О средневековых литературных традициях и смешанных книжных тюркских языках // *Наджип Э.Н.* Исследования по истории тюркских языков XI–XIV вв. М., 1989.

Низамутдинов, 1981 — *Низамутдинов И.Г.* Очерки истории культурных связей Средней Азии и Индии в XVI — начале XX в. Таш., 1981.

Рассадин, 1980 — *Рассадин В.И.* Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. М., 1980.

Санглах, 1996 — *Санглах*. Фарханг-и турки ба-фарси аз сада-йи дуваздахум-и хиджри... Асар-и Мирза Махди Астарабади-йи мунши-йи Надир-шах ва нависанда-йи Тарих-и джахангуша-йи надири ва Дурра-йи надири. Вирастар Равшан Хайавари. Тихран, 1384/1996.

Сборник, 1958 — Русско-индийские отношения в XVII в. Сборник документов. М., 1958.

Султанов, 1978 — *Султанов Т.И.* Письма золотоордынских ханов // ТС 1975. М., 1978.

Трубецкой, 1995 — *Трубецкой Н.С.* История. Культура. Язык. Вступительные статьи академика Н.И.Толстого и профессора Л.Н.Гумилева / Сост., подгот. текста и коммент. докт. филол. наук В.М.Живова. М., 1995.

Тураев, 1936 — *Тураев Б.А.* Абиссинские хроники XIV–XVI вв. М.; Л., 1936.

Усмонов, Хамидов, 1981 — *Усмонов О., Хамидов Ш.* Ўзбек тили лексикаси тарихидан материаллар (XIX асрнинг охири — XX асрнинг бошлари). Тошкент, 1981.

Хадикат ал-акалим — *Муртаза Хусайн Аллах Йар 'Усмани Билграми*. Хадикат ал-акалим. Лакхнау, 1296/1879.

Хисамова, 1999 — *Хисамова Ф.М.* Татарский язык в восточной дипломатии России (XVI — начало XIX в.). Казань, 1999.

Щербак, 1962 — *Щербак А.М.* Грамматика староузбекского языка. М.; Л., 1962.

Юдин, 1969 — *Юдин В.П.* Та'рих-и Кашгар // Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII вв. (извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата, 1969. (Перепечатана в кн.: *Абусеитова М.Х., Баранова Ю.Г.* Письменные источники по истории и культуре Казахстана и Центральной Азии в XIII–XVIII вв. (биобиблиографические обзоры). Алматы, 2001).

Юдин, 1992 — *Юдин В.П.* Переход власти к племенным биям и неизвестной династии Тукатимуридов в казахских степях в XIV в. (К проблеме восточных письменных источников, степной устной историографии и предыстории Казахского ханства) // *Утемиш-хаджи*. Чингиз-наме / Факсимиле, перевод, транскрипция, текстол. примеч., исследование В.П.Юдина. Алма-Ата, 1992.

Arat, 1987 — *Arat R.R.* Un yarlik de Mehmed II, le Conquérant // *Arat R.R.* Makaleler. Cilt I. Ankara, 1987.

Beisembiev, 2002 — *Beisembiev T.K.* Moghul India's Campaign in Northern Afghanistan 1646–1647 in the Mirror of Contemporary Ideology // Казахстан — Индия: древность, средневековье и современность / Kazakhstan and India: Through Ancient, Medieval and Modern Times. Алматы, 2002.

Firdaws al-Iqbal, 1988 — *Shir Muhammad Mirab Munis and Muhammad Riza Mirab Agahi*. Firdaws al-Iqbal: History of Khorezm. Ed. by Yuri Bregel. Leiden, 1988.

Firdaws al-Iqbal, 1999 — *Shir Muhammad Mirab Munis and Muhammad Riza Mirab Agahi*. Firdaws al-Iqbal: History of Khorezm. Translated from Chaghatay and annotated by Yuri Bregel. Leiden, 1999.

Fragner, 1999 — *Fragner B.* Die «Persophonie»: Regionalität, Identität und Sprachkontakt in der Geschichte Asiens. B., 1999.

Manz, 1992 — *Manz B.F.* The Development and Meaning of the Chaghatay Identity // Muslims in Central Asia: Expressions of Identity and Change. Edited by Jo-Ann Gross. Durham; London, 1992.

Mirza Mehdi Khan, 1910 — *Mirza Mehdi Khan.* The Mabani 'l-Lughat Being a Grammar of the Turki Language in Persian / Ed. by E. Denison Ross. Calcutta, 1910.

Rawski, 1998 — *Rawski E.* The Last Emperors: A Social History of Qing Imperial Institutions. Berkeley; London, 1998.

Sanglax, 1960 — Sanglax. A Persian Guide to the Turkish Language, by Muhammad Mahdi Xan. Facsimile text with an Introduction and Indices by Sir Gerard Clauson. L., 1960.

Schimmel, 1981 — *Schimmel A.* Türkisches in Indien // Scholia. Beiträge zur Turkologie und Zentralasienkunde. Annemarie von Gabain zum 80. Geburtstag am 4. Juli 1981 dargebracht von Kollegen, Freunden und Schülern. Wiesbaden, 1981.

Storey, 1972 — *Storey C.A.* Persian Literature. A Bio-Bibliographical Survey. Vol. I. Part 2. Biography. Additions and Corrections. Indexes. L., 1972.

А.В.БЕЛЯКОВ
(Рязань)

Царевич Авган-Мухаммед ибн Араб-Мухаммед в России первой половины XVII в.

Служилые мусульманские цари и царевичи — это одна из слабо изученных страниц в истории России XVII в. Исследователи, как правило, проходят мимо этих сюжетов. Но выявление особенностей правового и финансового положения царевичей позволяет по-новому взглянуть на многие внешнеполитические процессы на восточном направлении. В рассматриваемый период в России проживали по преимуществу потомки сибирского хана Кучума. Встречаются также выходцы из Казанского ханства, Ургенча, астраханские царевичи. В большинстве случаев мы почти ничего не знаем об их жизни в Московском государстве. Документы Посольского приказа позволяют частично ликвидировать данный пробел. До наших дней, как правило, сохранились большей частью финансовые документы о пребывании Чингисидов в России. Поэтому их история зачастую видится как финансовый отчет об их содержании. Но эти же источники подчас позволяют установить персональный состав дворов царевичей, семейные связи, некоторые реалии повседневной жизни, участие в дипломатических контактах с покинутой родиной. Одним из таких царевичей стал Авган-Мухаммед ибн Араб-хан (Араб-Мухаммед), ему и посвящена данная статья.

В 1603 г. в Ургенче (Юргенче, Ургендже) после смерти Хаджи-Мухаммеда ибн Акатая ханом стал его сын Араб-Мухаммед. У него, в свою очередь, было семь сыновей: Исфендияр, Хабаш, Ильбарс, Абу-л-Гази, Шериф-Мухаммед, Хорезм-шах и Авган. В 1621 г. Хабаш и Ильбарс выступили против своего отца и отняли у него власть. Первоначально малолетние царевичи Авган и Хорезм-шах находились в плену вместе со своими матерями и отцом в Хиве, а затем в Куме.

© А.В.Беляков, 2007

Через год, в 1622 г., Ильбарс, взявший себе Хиву с Газараспом, перевез к себе без ведома Хабаша отца и обоих братьев. Здесь он приказал убить Араб-Мухаммеда и Хорезм-шаха. Авган-Мухаммеда же он отправил к Хабашу. Хабаш сжалился над 11-летним ребенком и отправил его к русскому царю.

Прежде здесь уже обретался дядя Авгана, Мухаммед-Кули ибн Хаджи-Мухаммед. Еще ребенком он был отдан отцом в аманаты (заложники) в Персию. В 1595 г. оказался «в Ногаях» у брата своей жены мирзы Кучука ибн Мухаммеда, который и отдал его московскому царю. В разрядных книгах Мухаммед-Кули упоминается как полковой воевода и исчезает из документов после 1601 г. В иерархии служилых Чингисидов он занимал последнее место (определялось по старшинству полков, в которые служилые цари и царевичи назначались номинальными воеводами), что можно объяснить слабой заинтересованностью московской внешней политики в этом направлении. Дети Мухаммед-Кули в России не зафиксированы [Вельяминов-Зернов, 1866, с. 55–59, 280–287; Разрядная книга, 1994, л. 1049об., 1051об., 1057об.].

В конце лета — начале осени 1622 г. Авган-Мухаммед приехал в Астрахань. Его сопровождали: аталык Исенбай-мирза с женой и еще 5 человек; в их число, скорее всего, входил Девлет-Мухаммед Надырев. В Астрахани же «для научения грамоте» к царевичу взяли также выехавшего из Ургенча абыза (хафиза) Нефеса [РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1622 г., д. 1, л. 29]. Отсюда вместе с посланником в Бухаре Иваном Хохловым царевича водным путем отправили в Москву [Опись, 1977, л. 491об., 678об., 721об.]. 31 декабря 1622 г. Авган предстал перед Михаилом Федоровичем.

Документы зафиксировали серьезные протокольные изменения при приеме царевича — вставание на колени перед московским государем. За царевичем послали приставов Порфирия (Перфирия) Секирина и дьяка Семейку Зеленого. Авгану дали из Конюшенного приказа сани, обитые «червчатой камкой». Перед ним ехало 20 конюхов и стрелецких

сотников, приставы находились по бокам. Вдоль дороги стояли стрельцы с оружием. Как было принято, царевич сошел у входа в Казенную палату и пошел вверх во дворец средней лестницей в среднюю Подписную палату. Царь и бояре были в парадном, а дворяне и дети боярские в чистом платье. На крыльце Авгана встретил князь Б.А.Хилков и разрядный дьяк М.Данилов. Объявил царевича царю окольничий князь Г.К.Волконский. Бояре в это время приподнялись. Михаил Федорович позвал царевича и возложил на него руку. После этого Авган, встав на колени, стал «бить [челом. — *Ред.*] в холопство» и просить царскую рать против своих братьев. Царь спросил царевича о его здоровье и велел встать. Ответное царское слово Авган опять слушал на коленях [РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1622 г., д. 1. л. 10–15; Дворцовые разряды, 1850, стб. 531].

Можно предположить, что обряд коленопреклонения появился только в XVII в. В предыдущем столетии на колени вставали только послы татарских царей и царевичей [РГАДА, ф. 127, оп. 1, кн. 4, л. 83–94]. Л.А.Юзефович считает, что вставание на колени («коленки») — это только фиксирование восточного обычая сидеть на подогнутых под себя ногах [Юзефович, 1988, с. 120, 121]. Появление этого образа, скорее всего, следует объяснить желанием новой династии Романовых подчеркнуть церемонией свое величие — даже потомки ордынских царей должны вставать на колени перед государем московским. Правда, это несколько противоречило положению служилых Чингисидов в России. В XVI в. они занимали место сразу же за Калитовичами, опережая всех служилых князей, не говоря уже об остальном дворянстве, в том числе и Рюриковичах. С пресечением прежней династии и утверждением на престоле Никитичей (Романовых) татарские цари и царевичи оказались на иерархической лестнице сразу же за царем и его детьми [Котошихин, 1906, с. 27].

Известно только одно местническое дело между Чингисидом и представителем русского титулованного дворянства. 19 августа 1679 г. боярин князь М.А.Голицын местничал с царевичем сибирским Григорием Алексеевичем. Первенство осталось за последним [Эскин, 1994, № 1687, с. 207].

Сохранность документов, касающихся царевичей на русской службе в XVII в., неполная. В августе 1653 г. в Москву для принесения шерти (присяги) приехали сибирский царевич Алтанай ибн Али ибн Кучум и его племянник касимовский царевич Сеид-Бурхан ибн Арслан ибн Али (в крещении Василий Арасланович). Скорее всего, данное событие было очень значимым в политике Москвы по отношению к Чингисидам

в России. Это был их первый визит в столицу после вступления на престол Алексея Михайловича. К тому же именно тогда началось их массовое крещение. Сохранилось упоминание, что Сеид-Бурхан приносил шерть стоя, а не на коленях; Алтанай же при приеме у царя преклонил колени [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1635 г., д. 4, л. 16, 18].

Имеется еще одно упоминание о вставании на колени. Царь Шах-Али ибн Шейх-Аулиар за самоличную несанкционированную переписку с Казанью в январе 1533 г. был сослан на Белоозеро. Затем его простили. 12 декабря 1536 г. служилый Чингисид «видел очи» великого князя Ивана Васильевича, «пал перед великым государем и стал на коленех, и бил челом великому государю» [ПСРЛ, 2005, с. 433]. Однако это несколько иная ситуация. Перед нами Чингисид, родившийся в России, пожалованный великим князем, дававший ему шерть и нарушивший ее.

Возможно, случай с вставанием Авганом на колени был экспериментом, по тем или иным причинам признанным неудачным. О нем, правда, вспомнили через три десятилетия, когда Алексей Михайлович и патриарх Никон начали борьбу за всестороннее продвижение православия среди подданных иных конфессий. Крещение Чингисидов призвано было стать особым знаком для остальных мусульман в России. Для того чтобы оказать давление на татарских царевичей, скорее всего, и вспомнили об унизительном обряде вставания на колени.

По приезде Авгану дали золотую шубу на соболях, шапку из черной лисицы, серебряные золоченые кубок, ковш и стопку, английский червчатый бархат, желтый атлас, камку «куфтерь червчатую» и 100 руб. деньгами. Аталыку и мамке дали камку «адамашку», тафту, дороги[1], сукно «лундыш добрый», сукно багрец и 15 руб.; абызу — камку, тафту, сукно «лундыш» и 10 руб.; «татарину да детине татарскому лучшему» — по 5 руб., тафту и сукно «аглицкое»; «другому» — 4 руб., сукно и дороги; еще один получил 3 руб. и «сукно доброе»; остальным досталось по 2 руб. и «сукну доброму» [РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1630 г., д. 1, л. 73, 74].

Царевич также сделал какое-то подношение. Большим оно быть не могло. Скорее всего, это было оружие. Имеется упоминание некоторых предметов, которыми в разное время «ударил челом» царевич Авган. «Сабля кизылбашская, полоса булатная; ножны поволочены хозом черным; оправа железная, навожена золотом. Два лука мешетцкие береста жолты. (Году не означено.) Лук мешетцкой, по нем навожено травки золотом; рукоять и у рогов по зеленому бакану навожено травы

[1] *Дороги* (*дараи*) — восточная шелковая ткань.

золотом. Да две стрелки, перья орловыя, цветныя; под пером перевито золотом. Государю царевичу Ивану Михайловичу челом ударил юргенчской царевич во 141 году. Два тулунбаза железные, навожены золотом, по краем обведены тесмою шелковою полосатою; привязка и тесма шолкова зелена; от седка подушки бархат алой. Государю челом ударил юргенчской царевич во 142 году» [Вельяминов-Зернов, 1866, с. 286].

Судя по известным подношениям служилых сибирских и касимовских царевичей, здесь могли быть ногайские лошади, меха, серебряная посуда, драгоценные ткани иностранного (турецкого по преимуществу) производства. Существовало правило, по которому часть вещей, поднесенных царю, возвращалась. Считалось, что благодаря факту временного обладания московским царем эти предметы приобретали значение почетного пожалования. Мы знаем о подношении Авгана 11 июня 1633 г. Тогда царевич «ударил челом» золоченым серебряным кубком, золотым атласом, 40 соболями, черпаком, шитым золотом и серебром, ядринским луком и двумя стрелами. Царевичу вернули все, кроме лука и стрел [РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1630 г., д. 1, л. 91, 92].

Малолетнего царевича вместе с его двором поселили в Москве, где ему предоставили двор и назначили поденный корм. Правда, с жильем Авгану не везло. Сначала его поместили на Посольском дворе. Позднее перевели на двор князя Василия Барятинского. Однако печи там оказались неисправными, что заставило царевича проситься вновь на Посольский двор [РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1622 г., д. 1, л. 66].

Из Большого дворца царевич получал на день по полведра меда паточного и цеженного, а также «пива доброго». Из Большого прихода — 8 алтын, 2 денги (25 копеек). Также ему шел конский корм (овес) на 3 лошади (первоначально на 2) и по 3 воза дров на неделю. Дядька (аталык) Исенбайка получал на день 5 копеек, 3 чарки вина и две кружки меда. Его жене, мамке царевича, было положено 4 копейки, 2 чарки вина и 1 кружка меда. Остальным людям (6 человек) по 3 копейки, 2 чарки вина, а также на всех ведро пива и полведра меда. 22 июня 1624 г. «для бедности» царевичу дали 50 руб. единовременной подмоги, 21 июня 1625 г. денежный корм Авгана увеличили до 30 копеек в день, а в 1626/27 г. до 50 копеек [РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1622 г., д. 1, л. 75; 1630 г., д. 1, л. 65–67, 74].

10 октября 1623 г. царевичу дали на платье 50 руб., аталыку — 12, абызу — 10, остальным — по 6 руб. С декабря 1624 г. деньги на платье выдавались ежегодно и в итоге составляли 100 руб. Они не выдавались только в 1625/26 г., когда царевич находился в опале (об этом см. ниже). Частично сумма, положенная к выдаче в этом году, была ком-

пенсирована в следующем, тогда выплатили 150 руб. С 22 декабря 1629 г. на платье стали выдавать по 150 руб.

Изредка юного царевича приглашали «видеть государевы светлые очи». Тогда ему полагались дополнительные выплаты. 5 ноября 1626 г. после допуска Авгана (по-видимому, со всеми своими людьми) к царской руке им дали: царевичу — шубу золотую на соболях в 60 руб. и шапку лисью в 15 руб., его людям — 100 руб. на платье [РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1630 г., д. 1, л. 74, 75] .

Царь Михаил достаточно прохладно встретил идею похода на Ургенч. Однако окружение молодого царевича, судя по всему, не теряло надежды кардинально изменить его и свою судьбу. Остались следы их самостоятельной политической игры. В июне 1624 г. во дворе ургенчского царевича устроили обыск, в результате которого была обнаружена переписка с персидским шахом, правителями Бухары и Ургенча, где упоминались «непригожие слова». Можно предположить, что «непригожими» были признаны жалобы на нежелание Михаила Федоровича оказать военную помощь царевичу. Следственное дело вели боярин Ф.И.Шереметев и дьяк Ф.Лихачев. Арестовали и подвергли пытке дядьку и абыза царевича.

После этого на дворе Авгана постоянно находился пристав. С 13 июля 1626 г. это Н.И.Чаплин с 10 стрельцами. О нем известно немного: дворянин по московскому списку; в 1616/17 или 1617/18 г. — гонец на Дон [Опись, 1977, л. 461; Опись, 1990, л. 963]. В 1628/29 и 1639 гг. его поместный оклад составлял 900 четей, годовой — 65 руб. [Боярская книга, 1999, с. 116]. Можно предположить, что он являлся постоянным приставом у Авгана. 23 июня 1645 г., когда царевич приносил шерть царю Алексею Михайловичу, Н.Чаплин упоминается как его пристав. [РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1630 г., д. 1, л. 598]. В Боярской книге 1658 г. его уже нет [Боярская книга, 2004].

Мамку Анекаю не тронули, хотя, судя по документам, именно она, скорее всего, находилась в центре авантюры. Дядьку и абыза сослали в Новгород и Сольвычегодск соответственно, где они сидели по тюрьмам до 1627/28 г., после чего были выпущены на поселение. Вернуться в Москву аталык смог только весной 1633 г. (из «нятства» по указу Михаила Федоровича его выпустили 10 января 1633 г.), а абыза отпустили на поруки царевича несколько позднее [РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1630 г., д. 1, л. 88, 116, 117, 125–127].

До их возвращения в столицу Авган и его мамка не оставляли своих людей без внимания. Так, с разрешения Посольского приказа 27 января 1627 г. аталыку в тюрьму послано 5 руб., а также верхнее и нижнее

платье [РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1622 г., д. 1, л. 70, 71]. Это было совсем нелишне — ведь его поденный корм в Новгороде составлял всего 4 коп. [РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1630 г., д. 1, л. 66]. Но после возвращения дело не закончилось. Абыз Нефеско вспомнил об отобранном при следствии имуществе и попытался вернуть его. В своей челобитной он упоминал Коран, несколько других книг, бархатную шапку на черной лисице, 13 руб. и «иное мелкое барахлишко» [РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1630 г., д. 1, л. 87].

Необходимо сказать, что царевич имел достаточно регулярные контакты с родственниками, оставшимися в Средней Азии. Письма, привозимые Авгану, предварительно переводились в Посольском приказе, а послы и гонцы допускались лично к царевичу. При этом Авгану по его челобитью давались корм и меха, «чем того гонца (посла) пожаловать», а также соболя и ловчие птицы для подарков родственникам в Ургенче. Благодаря этому нам известны даты получения и отправители некоторых посланий: 1624/25 г. — гонец от ургенчского царевича Исфендияра; 1627 г. — письмо и подарки (поминки) из Ургенча, о которых не сообщалось в Посольский приказ; 1633/34 г. — приезд гонца от племянников и посла от хана Исфендияра; 1640/41 г. — посол от брата хана Исфендияра; 1642/43 г. — посол из Ургенча; 1644/45 г. — гонец из «Ургенчской земли» Байрат Колкошаев сын (ему разрешили остаться в Москве у царевича) и приезд бухарского посла [РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1630 г., д. 1, л. 13, 526–528, 535, 590].

Круг общения царевича и его людей не ограничивался только среднеазиатскими послами и гонцами. Были здесь и мусульманские купцы и служащие приказов, в первую очередь толмачи и переводчики с восточных языков из Посольского приказа, служилые западноевропейцы. Имелись устойчивые контакты с татарскими корпорациями в Романове и мещерских городах. Упоминаются деловые связи с казанскими татарами. Скорее всего, имелись и какие-то контакты (торговые, дружеские) с православным населением Москвы. Общение Авгана с православной знатью не зафиксировано. Таким образом, положение служилого Чингисида-мусульманина отличалось, с одной стороны, высоким социальным статусом, всячески подчеркиваемым московским царем, а с другой — он оказался не воспринят верхушкой московского общества. Причину этого, по-видимому, следует в первую очередь искать в конфессиональных различиях, оказавшихся менее значимыми в других слоях общества. При крещении Чингисидов положение кардинально менялось. Они тут же роднились со знатнейшими фамилиями России. При этом возникает иной вопрос: сохранялись ли контакты

между новыми христианами и знатными мусульманскими родами (см. [Любимов, 1915; Беляков, 2004а])?

История с найденными письмами мало изменила расстановку сил в доме царевича. 15 сентября 1627 г. стояли в карауле на дворе ургенчского царевича 5 стрельцов «Андреева приказу Жукова» во главе с пятидесятником Иваном Ермолиным. Вечером они стали свидетелями того, как татарин Еболда и конюх, посланные с двумя ногайскими лошадьми к немецкому капитану, жившему по соседству, на обратном пути подрались. За это царевич заковал его «в железо» и отдал под охрану пятидесятнику. Находясь под стражей, Еболда рассказывал, что царевич готов креститься, да мамка его отговаривает [РГАДА, ф. 141, оп. 1, 1627 г., д. 36]. Это сообщение не могло не заинтересовать власти. Уже на следующий день началось следствие. К сожалению, документы не сохранились. Известно только, что царевич Авган так и не крестился.

А склоки в его доме продолжались. 12 октября 1629 г. человек Авгана Девлет-Мухаммед на допросе сказал, что «царевич молод, ничто ему еще не забычай, и русского обычая не знает, а во всем слушает мамки своей, что ему она приговорит, то он и делает». Из Астрахани к царевичу по-прежнему тайно приезжают ногайские торговцы лошадьми с грамотками и поминками из Ургенча от брата и матери (поминки и грамота от матери были, как указывалось, в 1627 г.). Имелись и иные непорядки. Так, человек царевича Любимка Жданов торговал табаком. В нарушение запрета Посольского приказа Авган взял к себе двух касимовских татар — Едигерку и Мамышку. Интересно, что доносу предшествовали следующие события. 8 октября жена Девлет-Мухаммеда мылась в бане. По наущению мамки царевича туда ворвались Кутлуг-Мухаммед с тремя товарищами. От стыда и испуга женщина «омертвела» и слегла. Девлет-Мухаммед, узнав о случившемся, отправился в покои царевича и неудачно попытался настроить Авгана против мамки. Такую нелюбовь к себе мамки Девлет-Мухаммед объяснял тем, что постоянно предупреждал о возможных последствиях подобного поведения [РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1630 г., д. 1, л. 6–16].

Приведенные факты показывают, что фактическая власть во дворе царевича принадлежала его мамке. Можно предположить, что такая ситуация сложилась с самого приезда. Тогда до нас, судя по всему, дошли отголоски борьбы за влияние, разворачивающейся при дворе царевича. Аникейку и на этот раз не стали трогать. Правда, возможно, с целью ее нейтрализации Авгану задумали подобрать подходящую жену.

В 1628/29 г. по инициативе и выбору московского царя было принято решение женить Авгана на сибирской царевне Алтынсач (Алтин, Алтын-ханум). Ее родители — сибирский царевич Азим (Хаджим) ибн Кучум и Карача (Карачаца), дочь абыза Ибердея. Дочь и мать были взяты в плен тюменским головой Н.М.Изъединовым в 1608 г. [Миллер, 2001, с. 37]. Когда попал в Россию Азим, точно не известно, но, скорее всего, вскоре после этого. Он умер не позднее сентября 1615 г., когда имущество царевича почему-то оказалось у черкасского князя Василия Тюменского [РГАДА, ф. 141, оп. 1, 1615 г., д. 4, л. 18]. Вскоре, по замечанию касимовского царевича Сеид-Бурхана (точнее сказать, его матери Фатимы-султан и деда Ак-Мухаммеда Белек-сеида Шакулова, писавших за малолетнего царевича), касимовский царь Арслан ибн Али взял за себя свою тетку с падчерицей «в шею да в тело» [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1628 г., д. 9]. От этого брака родилась дочь Салтыкай (1616 г.). После смерти Арслана в 1626 г. его жена и дочери уехали в Ярославль. Им был назначен поденный корм: Карачаце — 25 коп. в день, Салтыкай и Алтынсач — по 30 коп. [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1635 г., д. 4, л. 3; ф. 134, оп. 1, 1630 г., д. 1, л. 5; ф. 141, оп. 1, 1626 г., д. 59, л. 20–21]. Карачаца умерла 2 апреля 1628 г. [РГАДА, ф. 141, оп. 1, 1626 г., д. 59, л. 20, 21].

В 1629 г. в Ярославль из Москвы послали для сговора мамку. Для этого дали подводы, запас питья и еды на два месяца. Сопровождал мамку толмач Посольского приказа Василий (до крещения — Урикей) Досаев. Зимой 1630 г. за царевной и ее родственницами — бабкой, меньшей Кучумовой царицей Аксюрюк-бикем Акнаевой дочерью и теткой Ай-ханым — вновь послали людей царевича, на что им снова был дан корм. В Ярославле невесте и ее родственницам также дали корм из ярославских доходов на два месяца. В Москву они прибыли в феврале того же года и были размещены на большом Посольском дворе [РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1630 г., д. 1, л. 39].

Следует сказать несколько слов о родственницах невесты. Царица Аксюрюк попала в плен в 1598 г. [Любимов, 1915, с. 57]. Ай-ханым являлась старшей дочерью касимовского царя Арслана и Фатимы-султан Шакуловой (Сеитовой), дочери касимовского сеида Ак-Мухаммеда Белек-сеита Шакулова, возглавлявшего татар сеитова полка в Касимове (скорее всего, этот полк состоял из тех татар дворов касимовских царей, которые попали в город до 1552 г.). По-видимому, брак был заключен не позднее 1605 г. Еще при жизни отца двух дочерей Арслана — Алма-бике и Ай-ханым — выдали за сибирского царевича Мухаммед-Кули ибн Алтаула (умер в декабре 1618 г.). Единственный сын царя Арслана Алеевича, царевич Сеид-Бурхан (1624 — не позднее

мая 1679 г.), также родился от этого брака. После смерти Мухаммед-Кули его жены жили в Ярославле. Алма-бике получала 50 коп. поденного корма, а Ай-ханым — 30 коп. [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1623 г., д. 10, л. 8]. Алма-бике, старшая жена, не упоминается после 1627 г. Ай-ханым встречается до 1651 г. Поденный корм ей в это время был сокращен до 20 коп.

Правда, часто она называется «Айдановой дочерью царя ногайского» [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1650 г., д. 6, л. 1]. Быть может, Ай-ханым доводилась Арслану Алеевичу только падчерицей и у него была еще одна жена? В одном месте она называет себя сестрой Ураз-Мухаммеда [РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1630 г., д. 1, л. 53]. Подобное могло случиться в том случае, если Арслан ибн Али взял себе в жены мать предыдущего касимовского царя Ураз-Мухаммеда ибн Ондана. Тогда Ай-ханым являлась падчерицей Арслана. Царица умерла и была похоронена в Касимове в 1651/52 г. [Трутовский, 1891а, с. 149–153]. Таким образом, тетка одновременно являлась и сводной сестрой невесты, и ближайшей родственницей.

Свадьбу сыграли 8–10 мая 1630 г. Для этого молодым на три дня выдали аргамака с полным «нарядом» для царевича, а также колымагу, санки и лошадей под царевну [РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1630 г., д. 1, л. 54–59]. Перед этим составили справку о том, что давали на свадьбу иным царевичам. Оказалось, что сибирским царевичам Молле ибн Кучуму (1613/14 г.) и Алтанаю ибн Кучуму (1618 г.) на свадьбу дали только дополнительные деньги — по 90 и 150 руб. соответственно. У Алтаная это был размер годового оклада. Астраханскому царевичу Михаилу Кайбулину (до принятия православия в 1616 г. — Кутлуг-Гирей ибн Арслан-Али ибн Абдулла ибн Ак-Кобек) [Беляков, 2004а, с. 189–192] и его невесте М.Г.Ляпуновой кроме годового оклада мужа (250 руб.) дали одеждой, украшениями и постельным бельем более 860 руб., а также значительные запасы хлеба, круп, мяса, живой и битой дичи, яиц, масла, овощей, питья, пряностей и экзотических фруктов. Авгану и Алтынсач на свадьбу дали 240 руб., а также одежду, еду и питье в меньших объемах, нежели царевичу Михаилу, но все же очень значительных. Только суммарное количество вина, водки, питьевого меда и пива составляло 135 ведер. Также дали 40 четей (240 пудов) солоду ячного (ячменного) и ржаного и 32 пуда меда пресного [РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1630 г., д. 1, л. 41–59].

После свадьбы Авган в первую очередь решил добиться увеличения своего содержания. К 50 коп. поденного корма царевича Алтынсач принесла свои 30 коп., но ей не было положено поденное питье. К тому

же жена принесла в приданое трех человек (мужчин) да двух девок, а сам царевич купил пять человек. В начале 30-х годов царевич с женой получал в день: 90 коп., 4 чарки вина, кружку меда малинового, по полтора ведра меда паточного, цеженного и «пива доброго», а также 3 воза дров на неделю, овес на 3 лошади и копейку в день на свечи. С 1633/34 г. деньги на платье увеличили до 200 руб. [РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1630 г., д. 1, л. 132, 410].

Деревянная Москва часто горела. Не обошла этой стороной судьба и царевича Авгана. Еще 28 декабря 1626 г. ему дали «на двор» 250 руб. [РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1630 г., д. 1, л. 75]. Неясно, с чем это было связано — с пожаром или с новым строительством. А вот 29 сентября 1631 г. во время пожара сгорел двор царевича на Покровке (?). После этого его поселили на дворе Федора Шишкина (на Чертопольской улице[?]) [РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1630 г., д. 1, л. 83, 139, 140]. О Григории Федоровиче Шишкине у нас имеются некоторые сведения. Это дворянин по московскому списку. В 1629 г. имел поместный оклад 800 четей, годовой денежный оклад 56 руб. [Боярская книга, 1999, л. 245]. Известно, что его брат, Захарий, являлся касимовским воеводой с 8 июля 1628 по 29 мая 1630 г. [РГАДА, ф. 141, оп. 1, 1629 г., д. 26, л. 14, 15; д. 6, л. 2, 3; д. 37, л. 5; ф. 281, оп. 4, д. 6176; Журнал, 1887, с. 56]. Новый двор оценили в 400 руб.: 300 руб. дали Авгану из казны (150 руб. на платье и дополнительно 150 руб. «для пожарного разоренья»), а 100 руб. он должен был получить, продав старое дворовое место. Правда, по челобитью царевича его долг в 100 руб. простили [РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1630 г., д. 1, л. 82, 83]. 30 июня 1634 г. двор царевича Авгана разломали во время пожара; по другим сообщениям, он полностью сгорел. При этом погибло все имущество царевича и его людей. Некоторое время Авган со своим двором вынужден был стоять за Покровскими воротами в Борашах «на всполье, на посацком дворе, на огороде». За это царевич Авган получил 100 руб. [РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1630 г., д. 1, л. 92, 93, 191, 192]. После пожара ему дали «на двор» 400 руб., на платье — 100, на платье его людям — 60 руб. Первоначально у царевича имелось только 2 избы, а к середине 30-х годов их стало уже 8, помимо поварни и мыльни [РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1630 г., д. 1, л. 397].

9 декабря 1638 г. у царевича родился сын Мухаммед-Эмин. В честь этого события царевичу пожаловали натуральные выплаты «против дач» на мусульманские праздники [РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1630 г., д. 1, л. 401, 403]. Больше упоминаний о сыне мы не находим. Известно только, что умер он еще при жизни отца, так как в 1648 г., после смерти

царевича, его вдова упоминает только о дочери Кутлусат (Кутлуямалка) [РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1648 г., д. 1, л. 6].

Служилые Чингисиды в России с конца XVI в. начинают верстаться поместным и денежным окладами, главная задача которых заключалась в установлении определенной иерархии между ними. Дело в том, что царевичи не включались в общерусскую систему служилого сословия и представляли в своей совокупности (вместе с другими служилыми мусульманами) некую параллельную структуру. Авган не был пожалован поместным и денежным окладами. Хотя в описи Посольского приказа 1673 г. читаем: «Выписочка о верстанье поместного и денежного окладу с примеры юргенскому царевичю Авгану не помечена» [Опись, 1990, л. 887]. Скорее всего, эти документы отложились в Хивинских делах [РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1622 г., д. 1]. Здесь действительно имеется справка о верстании Чингисидов. Можно предположить, что первоначально Авган не был поверстан из-за своего молодого возраста. Позднее же он сам не инициировал этого. Дело в том, что поместный и денежный оклады не соответствовали материальному положению его обладателя, а только указывали на иерархическое место среди других знатных мусульман [Беляков, 2005, с. 21–35]. Правда, в 1642/43 г. ему пожаловали сельцо Никольское, «что было Холовиных». Документы не дают однозначного ответа, поместье это или вотчина. Известно только, что сельцо запустело и пашня заросла лесом. Авган предпринимал попытки привести его в порядок. С этой целью он просил отпустить себя в новые владения [РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1630 г., д. 1, л. 492–500; 1648 г., д. 1, л. 6].

Росли поденный корм и питье, получаемые царевичем и его людьми. В итоге они стали составлять 2 руб. 30 коп. в день, конский корм на 6 лошадей (имеется упоминание о 10 лошадях; быть может, разница компенсировалась земельным владением) — 4 руб. 31 коп. в месяц, 6 возов дров на неделю, свечи — 2 коп. в день. Это составляло 75 руб. 36 коп. в месяц, или 904 руб. 32 коп. в год, которые выдавались из приказа Большого прихода. Из Большого дворца царевичу полагалось в день по 2 чарки вина двойного, 4 чарки вина рядового, полторы кружки меда вишневого или малинового, 2 ведра меда паточного, 2 ведра меда цеженного, ведро «пива доброго». Людям царевича шло из Новой чети 16,5 чарок вина, 8,5 кружек меда и 9,25 кружек пива. На платье в год давалось 200 руб. [РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1648 г., д. 1, л. 2]. Интересно, что «на пример» царевичу всегда выписывались «дачи» стольника князя Я.К.Черкасского, потому что «опричь того иных ему на пример выписать некого, потому что больши князя Якова никому государева

жалованья поденного корму и питья не дают» [РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1630 г., д. 1, л. 134]. Это очень показательно. Дело в том, что основой материального содержания иных Чингисидов к этому времени стали поместные пожалования и годовые денежные оклады.

Кроме того, царевич ежегодно получал дачи «в стола место» по случаю позволения видеть «царские очи» (иногда это означало наблюдение за царским проходом во время какого-либо праздника [РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1622 г., д. 1, л. 86]), на Рождество Христово, Пасху, Богоявление, Вербное Воскресенье, именины царя и царевичей, а также на два мусульманских праздника — рамадан и ураза-байрам. Такие дачи зафиксированы с 1631/32 г. [РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1630 г., д. 1, л. 300, 374]. По документам очень трудно понять, сколько их было — одна или две.

Праздничные дачи были унифицированы и составляли: из Дворца — калач крупчатый в две лопатки, 2 кружки «романеи», 2 кружки вина двойного доброго, 3 кружки меда обарного, 2 ведра меда паточного, 3 ведра меда цеженного, 2 ведра «пива доброго»; из Большого Прихода — 2 барана с шерстью (известны два варианта пожалования баранины: когда шкуры можно было оставлять у себя и когда их нужно было сдавать в казну), 2 гуся живых, 2 утки живых, 2 тетерева, 2 зайца, 8 кур, 50 яиц, 5 гривенок коровьего масла (около 0,5 кг), на мелкое — 30 коп.; людям из кабака (приказа Новой чети) — 2 ведра вина, 3 ведра меда и 3 ведра пива. На государевы именины к тому же давали именинный пирог в 3 калача [РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1630 г., д. 1, л. 300, 402].

Встречаются и иные разовые пожалования. Так, на Вербное Воскресенье (1638 г.?) царь подарил Авгану аргамака. Царевич тут же попросил сани [РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1630 г., д. 1, л. 377]. Можно предположить, что у царевича имелись и иные источники доходов. Прямых сообщений об этом нет. Известно, что Авган получал в подарок и покупал много ногайских лошадей. Не мог ли он заниматься их перепродажей? Можно допустить, что царевич занимался и ростовщичеством. В 1644/45 г. упоминается долг казанских татар Авгану по заемной кабале в 130 руб. [РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1630 г., д. 1, л. 483].

Это позволяло царевичу и его людям собирать значительные накопления. О них мы можем судить по размерам краж, упоминаемых в челобитных. В 1631/32 г. был куплен ногаец Темир-Булат. Через два года он сбежал, украв у человека царевича Еболды серебряную братину, 15 руб. и 20 руб. [РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1630 г., д. 1, л. 309]. 25 января 1640 г. на Кулишках был пожар. Воспользовавшись этим, от царевича сбежала его девка-татарка, унеся денег и рухляди на 5 руб., а у его

мамки — «мешочек с деньгами, жемчугом и мелкой кузнею» [РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1630 г., д. 1, л. 440].

Обращаться в Посольский приказ, где он ведался, царевичу и его людям приходилось достаточно часто. Причины были различные: бегство людей или, наоборот, обвинения в укрывательстве беглых, кража имущества (в большинстве случаев денег или лошадей), получение разрешения принять во двор нового человека и др. Дела царевича в приказе вел его стряпчий Любим Жданов [РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1630 г., д. 1, л. 411].

Нельзя не отметить одно интересное наблюдение. По каким-то причинам все финансовые прошения Авгана удовлетворялись. При этом часто для назначения новых дач (на татарские праздники, рождение сына) «на пример» в приказе нечего было выписывать. Создается впечатление, что ургенчский царевич являлся своеобразным любимчиком московского царя. Быть может, это объясняется тем, что остальные служилые Чингисиды в рассматриваемый период проживали в Касимове и Ярославле. Авган являлся единственным наличным царевичем, которого в любой момент можно было представить иностранным послам для поднятия престижа Михаила Федоровича. Известно, что сибирские Чингисиды в своих просьбах о тех или иных пожалованиях ссылались на пример царевича Авгана [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1653 г., д. 5, л. 39–44].

Постепенно складывался двор царевича. Сохранился его список за 1641/42 г.:

«Аталык Исенбай мурза Авнашев сын Кайбузаманов;

Девлет-Мамет Надырев з женою, а у нево три сына;

да государю по челобитью царевичову служит сибирской кормовой тотарин Исингилдей Янгилдеев сын Кашкилдеев з женою, а у нево три дочери;

да в прошлом во 134-м году бил челом царевичю кадомский татарин по своей воле, а у государя в службе не бывал и не верстан, по руски Любим, а по татарски Бекбулат Ждан мурзин сын Биглов з женою, а у нево дочь;

тотарин Енбулда Сафаралеев сын з женою, а у нево два сына да дочь;

да приданой человек тотарин Тарбердейко Алабердеев з женою;

Кутлумамет Кулаев з женою, а у нево сын да дочь;

Кулубердейко Тарабердеев з женою, а у нево две дочери;

Темирбулатко Явгаштеев;

Бектемирко Джен-Алеев;

Баженко Баранчеев;

Карашайко Алеев;
Кубечко Тарабердеев;
Исингилдейко Иткарев сын;
Кучук Алабердеев сын з женою, а у нево сын;
Исейко Тарабердеев;
Итемгенко Енкичев;
жонка Сокай Алтын Азидустумова;
Чювак Бектемешева;
Розсултан Кунакова;
Роз-бике Чигирева;
Айше Данаева;
Нагай-беке Дуюнчорова;
Сеинбек Ждюванова;
Кутуйко Беймерелева;
Байшка Сексенева;
Фатма Кулубердеева;
Азепко Дигерева;
Келдишка» [РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1630 г., д. 1, л. 463].

К сожалению, все перечисленные здесь люди даны одним списком, без указания различия в их положении. Все они рассматривались как холопы. Одни из них составляли разновидность военных холопов, им полагался поденный корм из казны, включаемый в суммарный поденный корм царевича. Правда, военную службу, в отличие от ближних людей испомещенных Чингисидов, они не несли. Часто они приобретали своих холопов. Таких слуг Авган рекрутировал среди нововыезжих татар и неверстаных детей служилых татар из Касимова, Кадома, Темникова и некоторых других городов.

Иногда такие холопы по тем или иным причинам пытались уйти от своего господина. Так, в 1628/29 г. царевич взял себе во двор нигде до этого не служившего касимовца Мухаммеда Алышева. Ургенчский царевич назначил ему поденный корм, женил в Касимове, заплатив калым из своих денег. В общей сложности на слугу за 14 лет извели более 300 руб. Но в 1642 г. он «ложно бил челом в царскую службу», т.е. забыл упомянуть о своих обязательствах по отношению к Авгану [РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1630 г., д. 1, л. 461, 462]. Другие холопы покупались или служили по закладу (кабале). Здесь встречались целые династии. Например, упоминается купленный татарчонок аталыка Иш-Мухаммед (Ишмачко) Иткарин сын Тлеев. Ранее во дворе служили его родители, отпущенные в Касимов «за старостью» [РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1630 г., д. 1, л. 194]. Данные слуги содержались царевичем из своих

денег, хотя их число также учитывалось при назначении поденного корма Авгану.

Люди царевича получали по челобитью своего господина некоторые экстраординарные выдачи из казны. Как правило, они связаны с заключением браков. В 1629 и 1640 гг. Авган женил своего человека — выехавшего с ним Девлет-Мухаммеда Надырева. Царевич просил деньги на калым и свадьбу. Первый раз дали яловую корову, 2 барана, 3 гуся, 3 утки, 10 кур, четь пшеничной муки, 2 чети ситной муки, 10 пудов меда, 5 четей солода ячного и 20 руб. «На пример» была приведена дача на свадьбу крымского Пашай-мурзы Дербышева сына Куликова, выехавшего в Россию вместе с царевичем Мурад-Гиреем, с дочерью астраханского царевича Абдуллы ибн Ак-Кобека. После этого последовало увеличение Девлет-Мухаммеду поденного корма. А «на пример» ему выписали дачи мурз Мурад-Гирея, оставшихся в России после смерти царевича. В 1640 г. за Девлет-Мухаммеда сговорили дочь романовского служилого татарина Ахмеда Янгилдеева. В тот раз дали только 10 руб. [РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1630 г., д. 1, л. 112–116, 421а, 433–435].

Умер царевич Авган 19 сентября 1648 г. После этого его вдова, царица Алтынсач, вынуждена была расстаться с большей частью своего двора. Сельцо Никольское отдали окольничему И.А.Милославскому и думному дьяку М.Волошенину. После царевича остался долг в 200 руб. А в поденный корм царице с дочерью назначили только 50 коп. Алтынсач решила переехать в Касимов и там же похоронить своего супруга. На провоз и погребение тела ей дали 100 руб., а также судно до Касимова, «а на нем чердак лубяной небольшой». Осенью того же года она уже была в Касимове [РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1648 г., д. 1].

Весной или летом Алтынсач начала строить кирпичное *текие* (мавзолей) для покойного мужа. Это прямоугольное сооружение приблизительно 14 на 8 аршин и высотой 6 аршин (соответственно 10×6×4,5 м). Вход в *текие* находится посередине длинного западного фасада. В здании имеется 6 окон. По два — с длинных и по одному — с коротких сторон. Наличники окон, фронтон, пилястры и карнизы оформлены в соответствии с канонами русской каменной архитектуры XVII в. и украшены цветными изразцами. Во фронтон вмазан камень с арабской надписью: «В 1058 году благословенного месяца рамазан в 9 день, в год мыши, сын Араб-Мухаммед-хана Авган-Мухаммед-султан отошел от сего мира. Над ним соорудила это здание супруга его Алтын-ханым, дочь Хаджим-султана». Другая надпись сообщала, что на постройку было затрачено 500 руб. — очень значительная сумма для

того времени. Тем более что доходы вдовы значительно сократились. В *текие* находились надгробные камни. В.В.Вельяминов-Зернов отметил, что к XIX в. их число, возможно, постепенно сократилось (с 5 до 3) [Вельяминов-Зернов, 1866, с. 276–298].

В 1886 г. в *текие* были проведены археологические раскопки. Обнаружили четыре надгробия: царевича Авгана; Тюге-султана ибн Ишим-султана ибн Хаджи-хана (Кучума); Алтын-ханым, поставленное самой царицей в 1651 г., и царицы Ай-ханым [Селиванов, 1887, с. 28–30; Корш, 1889, с. 18–20; Трутовский, 1891а, с. 149–152; 1891б, с. 195–211; Радлов, 1890, с. 1–8; Кобеко, 1893, с. 87, 88; 1895, с. 63, 64]. Таким образом, помимо ургенчского царевича здесь были похоронены его дальние и близкие родственники — потомки сибирского хана Кучума. Мавзолей сохранился до наших дней. Строительство *текие*, судя по всему, было обусловлено нехваткой мест в мавзолеях Шах-Али и Арслана ибн Али. Тогда можно предположить, что часть денег на строительство была предоставлена другими Кучумовичами, в первую очередь касимовским царевичем Сеид-Бурханом ибн Арсланом.

Следует отметить, что Касимов как минимум с середины XVII в. становится местом предпочтительного захоронения некрещеных Чингисидов в России [Беляков, 2004б, с. 153–161]. Вплоть до начала XX в. здесь стремились быть похороненными и мусульмане ряда европейских губерний. Площадь татарского кладбища составляла до 17 гектаров [Гордлевский, 1927, с. 25].

На этом история царевича в России закончилась. Ему, как и большинству Чингисидов, не удалось оставить свою династию на новой Родине. Не имел он большого военного или внешнеполитического влияния. Но несмотря на это, его биография позволяет приоткрыть некоторые неизвестные ранее страницы жизни служилых царевичей в России XVII в., в частности во взаимодействии с теми или иными представителями тогдашнего общества.

Беляков, 2004а — *Беляков А.В.* Новые документы к биографии астраханского царевича Арслан-Али ибн Кайбулы // Русский дипломатарий. Вып. 10. М., 2004.

Беляков, 2004б — *Беляков А.В.* Город Касимов XV–XVII вв. как сакральный центр Чингисидов в России // Верхнее Подонье: Природа, Археология. История. Ч. 2. Тула, 2004.

Беляков, 2005 — *Беляков А.В.* Участие сибирского царевича Алтаная ибн Кучума в событиях Смутного времени и его судьба // Мининские чтения. Нижний Новгород, 2005.

Боярская книга, 1999 — Боярская книга 1639 г. М., 1999.

Боярская книга, 2004 — Боярская книга 1658 г. М., 2004.

Вельяминов-Зернов, 1866 — *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. III. СПб., 1866.

Гордлевский, 1927 — *Гордлевский В.А.* Элементы культуры у касимовских татар (Из поездки в Касимовский уезд) // Тр. Общества исследователей Рязанского края. Вып. 10. Рязань, 1927.

Дворцовые разряды, 1850 — Дворцовые разряды. Т. I. СПб., 1850.

Журнал, 1887 — Журнал заседаний Рязанской ученой архивной комиссии. Заседание от 22 сентября 1886 г. Рязань, 1887.

Кобеко, 1893 — *Кобеко Д.Ф.* Надгробные надписи в Касимове // Тр. Рязанской ученой архивной комиссии. 1892. Т. VII. Вып. 5. Рязань, 1893.

Кобеко, 1895 — *Кобеко Д.Ф.* Еще о надгробных надписях в Касимове // Тр. Рязанской ученой архивной комиссии. 1894. Т. IX. Вып. 1. Рязань, 1895.

Корш, 1889 — [*Корш Ф.Е.*] О татарских надписях в касимовской текиэ // Древности. Тр. Восточной комиссии Имп. Московского археологического общества. Т. 1. Вып. I. М., 1889.

Котошихин, 1906 — *Котошихин Г.* О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906.

Любимов, 1915 — *Любимов С.* Опыт исторических родословий: Гундоровы, Жижемские, Несвицкие, Сибирские, Зотовы и Остерманы. Пг., 1915.

Миллер, 2001 — *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. II. М., 2001.

Опись, 1977 — Опись архива Посольского приказа 1626 года. Ч. 1. М., 1977.

Опись, 1990 — Опись архива Посольского приказа 1673 года. Ч. 1. М., 1990.

ПСРЛ, 2005 — Полное собрание русских летописей. Т. XX. Львовская летопись. М., 2005.

Радлов, 1890 — *Радлов В.В.* Разбор надписей надгробных камней, найденных в 1886 г. в Касимове // Зап. Имп. Академии наук. Т. LXI. СПб., 1890.

Разрядная книга, 1994 — Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. IV. Ч. 2. М., 1994.

Селиванов, 1887 — *Селиванов А.* Раскопки в г. Касимове в 1886 г. // Тр. Рязанской ученой архивной комиссии. Т. II. 1887. Вып. 2. Рязань, 1888.

Трутовский, 1891а — *Трутовский В.К.* Надгробные надписи из текие Афган Мохаммед Султана в г. Касимове // Тр. Рязанской ученой архивной комиссии. 1890. Т. V. Вып. 9. Рязань, 1891.

Трутовский, 1891б — *Трутовский В.К.* Текие Афган Мохаммед Султана в г. Касимове и вновь открытые в ней могильные плиты с надписями // Древности восточные. Т. II. Вып. 2. М., 1891.

Эскин, 1994 — *Эскин Ю.М.* Местничество в России XV–XVII вв. Хронологический реестр. М., 1994.

Юзефович, 1988 — *Юзефович Л.А.* «Как в посольских обычаях ведется...». М., 1988.

РГАДА — Российский государственный архив древних актов.

О.Г.БОЛЬШАКОВ
(Санкт-Петербург)

К вопросу о коварстве арабской графики

Все, кому приходилось иметь дело с арабоязычными рукописями, хорошо знают, как искажаются слова пропуском или неверной расстановкой диакритических точек. Со студенческих лет запомнился пример, что «Море Найтас», упоминаемое в некоторых арабских географических текстах, на самом деле должно называться «Бунтус», т.е. Понт (Евксинский). Обычно описки такого типа в часто употребляющихся словах данного языка достаточно просто корректируются и в печатных текстах бывают исправлены. Хуже обстоит дело с иноязычными именами, топонимами и титулами, которые были неверно записаны с самого начала или исказились при переписках. Здесь уже не только исчезают, пропадают или перескакивают точки, но и искажается порой и согласная основа: «вав» может превратиться в «ра», конечный «лам» в «нун» и т.д. Отгадать первоначальное написание в этих случаях не всегда удается, и такие изуродованные имена и термины иногда долго живут в печатных текстах, становятся привычными, и над ними перестают задумываться.

Начнем с простейшего случая. В «Книге завоеваний» Ибн ал-А'сама ал-Куфи упоминается правитель лакзов اربيس. Это имя З.М.Буниятов передает как Арбис [Куфи, VIII, с. 80; Буниятов, 1981, с. 56]. Этот же персонаж, правитель Лакза, бежавший от Марвана б. Мухаммада в 736 г., у историка первой половины IX в. Халифы б. Хаййата носит совершенно иное, на первый взгляд, имя ورتبيس.

В той же форме это имя встречается у Ибн ал-Асира, повторяющего сообщение Халифы [Халифа, с. 363]. А.П.Новосельцев, имевший в своем распоряжении при рассмотрении событий 736 г. тексты ал-Куфи и Ибн ал-Асира (сочинением Халифы он не пользовался), предпочел

© О.Г.Большаков, 2007

написание имени по Ибн ал-Асиру, не указав причину своего выбора. Для нас в данном случае важно выяснить, почему так различается имя одного и того же человека.

Попробуем написать оба имени без диакритических точек, и тут же мы сразу увидим их почти полное совпадение, за исключением первой буквы.

Вряд ли можно сомневаться, что перед нами имя Вартанис. Почему оно записано не в форме Вартанос, не суть важно. Восстановление этого имени открывает возможность разгадать и истинное значение имени отца Вартана, которое дано у ал-Куфи в форме بشـــباش . Простая перестановка точек дает вполне осмысленное имя نســـتاس, т.е. (А)Настас. Дальше историкам остается гадать, почему владетель Лакза носил имя Вартан сын Анастаса. Не думаю, что он непременно был армянином, но христианином он был без сомнения. В этом нет ничего удивительного, так как до IX в. христианство было широко распространено на Кавказе.

Следующий случай не столь однозначен. Ибн Русте, описывая государственную структуру Хазарии, отмечает, что, хотя верховная власть номинально принадлежит хакану, войском и финансами распоряжается лицо с титулом اشـا [Ибн Русте, с. 139].

А.П.Новосельцев, опираясь на родство текстов Ибн Русте и Гардизи [Бартольд, 1898, с. 2], реконструирует этот титул как *шад* [Новосельцев, 1990, с. 134].

Есть еще один вариант чтения этого термина, который графически менее убедителен, — видеть в этой полиграфеме искаженное написание титула ايـنال. В этом случае приходится допустить утрату «лама» в конце и превращение двух зубцов в три с тремя точками. Подтвердить эту рискованную реконструкцию могло бы выявление употребления титула у хазар.

Особый случай искажений неарабских названий при транскрипции представляет восприятие начальных букв «ал» или «ил» как арабского определенного артикля. Если в арабской графике еще как-то можно понять их возможное звучание, то в транскрипции, да еще с ассимиляцией такого ложного артикля, истинное звучание слова совершенно исчезает. Вот, пожалуй, наиболее поразительный случай.

В рассказе ат-Табари о восстании согдийцев в 722 г. упоминается царь Ферганы по имени الطار, которое в переводе транскрибировано как ат-Тар [Табари, ser. II, с. 1440; Табари, пер., с. 185]. В такой форме имя явно выглядит как результат искажения. Однако, если прочесть первые две буквы как часть имени, оно приобретает более осмыслен-

ное звучание Алтар или, еще лучше, Илтар. Почувствовав в последнем явно тюркское звучание, я обратился за советом к С.Г.Кляшторному, и он не задумываясь сказал, что это тронное имя царей Ферганы в IV в., и указал на свою статью об этом [Кляшторный, 1986, с. 156–157]. Таким образом, отказ от псевдоартикля оказался вполне оправданным и даже плодотворным, так как засвидетельствовал существование в Фергане одной и той же династии с IV до начала VIII в.

Одновременно возникает вопрос о произношении последней гласной в этом слове. Согласно сингармонизму гласных, присущему тюркским языкам, здесь уместнее было бы ожидать «е», а не долгое «а». Конечно, требовать от средневековых авторов точности фонетической передачи звучания слов чужого языка было бы чрезмерным, но, кажется, в данном случае ее точность была соблюдена. Мы привыкли считать, что звук, обозначенный с помощью «алифа», передает именно долгое «а», однако есть случаи, когда такое «а» произносится как «а имале» («измененное а»), что-то вроде немецкого умлаута (прошу прощения у фонетистов за возможные неточности). Об этом свидетельствует пассаж у ал-Истахри, который, рассказывая о структуре власти у хазар, сообщает: «Царь на их языке называется بك и называется также بيك» [ал-Истахри, с. 220].

А вот другой случай искажения истинного названия восприятием двух первых букв как артикля связан с названием области, которая примерно соответствует современному Азербайджану (в средние века Азербайджаном называлась территория южнее Аракса, между озером Урмия и Каспийским морем). В средневековой арабской географической и исторической литературе الران в транскрипции соответственно — ал-Ран или ар-Ран. Топоним Ран совершенно непонятен и не связан ни с какой топонимической традицией (в античной и средневековой армянской традиции эта область называлась Албания или Алванк). Однако стоит только предположить, что буква «ра» в этом слове есть искаженный «вав», как мы сразу получим единственно возможный в данном случае топоним — Алван. Как и когда произошло это искажение, мы никогда не узнаем.

Наконец, можно привести еще один пример, когда совершенно понятный топоним при транслитерации приобретает искаженную форму. Это Алан, т.е. Алания, что иногда транскрибируют как ал-Лан. Хочется надеяться, что эти беглые заметки помогут кому-нибудь обратить внимание на другие случаи коварства арабской письменности.

Бартольд, 1898 — *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Часть первая. Тексты. СПб., 1898.

Буниятов, 1981 — *Буниятов З.М.* Абу Мухаммад Ахмад Ибн А'сам ал-Куфи. Книга Завоеваний. (Извлечения по истории Азербайджана VII–IX вв.) Пер. с араб. акад. АН Азерб. ССР З.М.Буниятова. Баку, 1981.

Ибн Русте — Kitab al-a'lak an-nafisa auctore Abu Ali Ahmed ibn Omar ibn Rosteh... ed. M.J. de Goeje (BGA, 8). Lugduni Batavorum, 1892.

Кляшторный, 1986 — *Кляшторный С.Г.* Кипчаки в рунических памятниках // Turcologica 1986. Л., 1986.

Куфи — Kitabu'l Futuh by Abu Muhammad Ahmad ibn Atham al-Kufi (d. about 314 A.H. / 926 A.D.). Vol. VIII. Hyderabad (1395 A.H. / 1975 A.D.).

Новосельцев, 1990 — *Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.

Табари — Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari cum aliis edidit M.J. de Goeje, series I–III. Lugduni Batavorum, 1879–1901.

Табари, пер. — «История» ат-Табари. Избранные отрывки / Пер. с араб. В.И.Беляева. Доп. к пер. О.Г.Большакова и А.Б.Халидова. Таш., 1987.

Халифа — The History of Khalifah ibn Khayyat. Ed. by Akram Diya al-Umari. Nagav, 1386/1967.

А.П.ГРИГОРЬЕВ
(Санкт-Петербург)

Историческая география Золотой Орды: местоположение городов, их наименования

Город Орда

Исследования, проведенные в 1953 г. экспедицией Института археологии АН УССР под руководством В.И.Довженка в 30 км к югу от г. Запорожье на левом берегу Днепра в районе целой системы проток впадающей в Днепр реки Конской (Конские Воды), выявили на территории окруженного днепровскими плавнями урочища Великие Кучугуры развалины золотоордынского города площадью около 10 га. Были обнаружены остатки кирпичной мечети, бани и жилого здания дворцового типа. Исследованы фундаменты небольших жилых домов рядового населения с характерными для золотоордынских построек этого типа канами и суфами. Существование города отнесено к XIV–XVI вв. Высказано предположение, что он являлся административным центром большой области [Довженок, 1961, с. 175–193]. В.И.Довженком отмечено свидетельство «Книги Большому Чертежу», которая именно на этом месте помещала «городок Мамаев Сарай» [Книга, 1950, с. 111].

В.Л.Егоров предложил идентифицировать Кучугурское городище с городом, который на некоторых золотоордынских монетах 60-х годов XIV в. фигурировал под арабским названием Шехр ал-Джедид, т.е. Новый город [Егоров, 1985, с. 84–85]. Автор этих строк еще прежде отождествлял Кучугурское (Запорожское) городище, располагавшееся в обширном районе, некогда называвшемся Великим Лугом, с золотоордынским городом Орда (на монетных легендах — Орду) [Григорьев, 1983, с. 34–35]. Здесь мы попытаемся суммировать данные письменных

© А.П.Григорьев, 2007

источников и монетного материала, свидетельствующие в пользу нашего предположения.

События, происходившие в Золотой Орде в 60–70-х годах XIV в., уже подвергались исследованию [Григорьев, 1983, с. 9–54; Григорьев, 1985, с. 160–182]. Восстановим их ход применительно к нашей проблеме. В августе 1361 г. родовой князь Мамай, зять покойного хана Бердибека (1357–1359), поднял мятеж против пришлых с востока ханов, которые не принадлежали к потомкам Бату. Мамай провозгласил ханом Абдуллу (1361–1370). Последний воссел на престол в Новом Сарае в сентябре 1362 г. и продержался там до конца года. Зимой 1362 г. выступивший из Гюлистана (располагавшегося в пределах Булгара) [Григорьев, 1985, с. 172] хан Мюрид (Мурат русских летописей, 1361–1364) разгромил войска Мамая и прогнал его вместе с Абдуллой на правый берег Волги. Начиная с 1363 г. русские летописцы четко отличают Орду «Муротову» от Орды «Мамаева царя» Абдуллы [Рогожский, 1965, стб. 74]. Естественной границей между враждующими сторонами служила Волга. Известно, что под словом «Орда» русские авторы подразумевали и собственно ханскую ставку, и территорию, подвластную данному хану.

В том же, 1363 г. на монетах, регулярно выпускавшихся от имени ставленников Мамая — ханов Абдуллы и Мухаммеда Бюлека (1370–1380), появился помимо прочих новый и главный центр чекана — Орда [Григорьев, 1983, с. 50–51]. Можно ли на основании показаний русских письменных источников утверждать, что в ряде случаев под Ордой подразумевалась не просто территория, а именно ханская резиденция, город, располагавшийся во владениях Мамая в районе Великого Луга и намного переживший его устроителя? Представляем такого рода примеры.

Начнем с того, что русские летописи за соответствующие годы буквально пестрят указаниями на Мамаеву Орду. Зачастую эти указания однозначно воспринимаются автором этих строк как доказательные в пользу нашего понимания. Например, под 1370 г. читаем сообщение о восшествии на престол Мухаммеда Бюлека: «Мамаи у себе в Орде посадил царя другаго Мамат солтан» [Рогожский, 1965, стб. 92]. При этом мы отдаем себе отчет в том, что другие исследователи могут и не согласиться с нашей концепцией, сочтя ее недостаточно обоснованной. Так что поищем примеры более убедительные.

В 1379 г. из Москвы в Константинополь отправился на поставление к патриарху нареченный митрополит Митяй, а вслед за ним туда же бежал суздальский епископ Дионисий. Они шли разными дорогами:

«Митяи поиде по суху к Орде, а Дионисии Влъгою в судех к Сараю [Рогожский, 1965, стб. 137]. Здесь Орда приравнивается летописцем к городу Сараю как равнозначная резиденция хана-соперника.

Если принять летописное свидетельство о наличии постоянной ханской резиденции под названием Орда на территории, которая контролировалась Мамаем, то новое звучание приобретают и выходные данные жалованной грамоты (ярлыка) Бюлека, выданной на имя митрополита Митяя в 1379 г. и дошедшей до нас только в русском переводе. Местом выдачи грамоты названа ханская ставка на Великом Лугу, т.е. как раз в том районе, где было обнаружено Кучугурское городище [Григорьев, 1980, с. 35–38]. Почему же в ярлыке Бюлека Орда не названа Ордой?

Надо полагать, что к тому были препятствия по форме и по существу. Стабильная форма обозначения места выдачи золотоордынских грамот предусматривала слова: «Написана, когда ставка находилась в таком-то месте...». Понятие «ставка» всегда — и по-монгольски, и по-тюркски — передавалось словом «орда». В нашем случае получилась бы явная тавтология. С другой стороны, не исключено, что Орда никогда не возводилась ханами в ранг обычного города. Это было постоянное, хорошо обустроенное убежище, скрытое в днепровских плавнях среди речных проток, озер и болот и не имевшее крепостных стен. Потому-то и название города было необычным — Орда.

Руководствуясь сказанным, можно однозначно воспринимать название Орда и в летописном рассказе о путешествии Митяя в Константинополь в 1379 г. Тогда начальными вехами его пути были названы Москва, Коломна, перевоз через Оку, Рязанская земля. «И проходящим им Орду и ту ят бысть Митяи Мамаем, и немного удръжан быв и пакы отъпущен бысть. И проидоша всю землю Татарьскую и приидоша к морю Кафиньскому (Феодосийский залив Черного моря в Крыму. — *А.Г.*)...» [Рогожский, 1965, стб. 128–129]. Тут же вспоминается поездка Дмитрия Донского в Орду к Мамаю в 1371 г., когда он шел к цели тем же путем, сопровождаемый до переезда через Оку митрополитом Алексием [Рогожский, 1965, стб. 96–97].

После Куликовской битвы Мамай осенью 1380 г. собрал остатки армии, сразился с ханом Токтамышем (1379–1395), был полностью разбит и бежал в Крым. «Царь же Токтамышь посла за ним в погоню воя своя и оубиша Мамая, а сам шед взя Орду Мамаеву и царици его и казны его и улус весь поима...» [Рогожский, 1965, стб. 141]. Иными словами, послав за Мамаем погоню, Токтамыш лично отправился в Орду, являвшуюся ханской резиденцией, и захватил ее. Повествуя за-

тем о событиях третьего года правления Токтамыша, русский летописец уточняет: «...царствующему в Орде и в Сараи» [Никаноровская, 1962, с. 76], что еще раз подчеркивает наличие в недавнем прошлом двух самостоятельных ханских резиденций.

Название Орды как одного из центров чекана фигурирует на монетах Токтамыша и последующих ханов вплоть до 20-х годов XV в. [Федоров-Давыдов, 1960, с. 133–188; Федоров-Давыдов, 1963, с. 185–218]. Следует отметить, что с первых лет XV в. начинается своеобразное вырождение чекана — на монетах год выпуска все чаще не указывается, что сильно затрудняет их датировку. Последним золотоордынским ханом, от имени которого выпускалась монета в городе Орде, был Улуг-Мухаммед (1419–1437) [Федоров-Давыдов, 1963, с. 198, № 445], ставший позднее основателем рода казанских ханов. Подробный летописный рассказ о поездке в ставку Улуг-Мухаммеда — город Орду (сентябрь 1432 — июнь 1433 г.) — внука Донского, Василия Темного, который «сперся о великом княжении» со своим дядей Юрием Дмитриевичем, не сообщает о маршруте путешествия князей [Никаноровская, 1962, с. 102–103]. Однако рассказчик очень точно передает политическую ситуацию того времени, соотношение противоборствующих сил (споры в Орде, «умыкание» Юрия Дмитриевича в Крым, угроза со стороны Кичиг-Мухаммеда, который, как свидетельствует нумизматический материал [Федоров-Давыдов, 1960, с. 167, № 189; с. 168, № 195; Федоров-Давыдов, 1963, с. 199, № 448; с. 217, № 186а], утвердился тогда в Хаджитархане). У читателя возникает уверенность в том, что главные события рассказа разворачивались именно в городе Орде.

Борьба между Улуг-Мухаммедом и Кичиг-Мухаммедом завершилась победой последнего в 1437 г. «Тоя же осени, — передает летопись, — пришед царь Махмут (Улуг-Мухаммед. — *А.Г.*), седе во граде Белеве, оубежав от иного царя» [Никаноровская, 1962, с. 106]. На юг, в свою прежнюю резиденцию, Улуг-Мухаммед больше никогда не возвращался. Выпуск монеты в Орде прекратился. Она, видимо, превратилась в место для размещения походных ставок крымских ханов из рода Гиреев, которые фактически контролировали территорию бывшей Мамаевой Орды. В 1501–1502 гг. ставка крымского хана Менгли-Гирея располагалась на Кобыльей воде. Название реки Конские воды (ныне Конская) является русской калькой с ее тюркского обозначения Йилкы су [Запорожские, 1860, табл. X], где слово *йилкы* может значить и «конь, лошадь (без различия пола)», и «кобыла» [Будагов, 1871, с. 364], а слово *су* — «вода, река». Более древним русским названием

Конских вод было Кобылья вода. Для продолжительного пребывания на берегу этой реки крымский хан, скорее всего, облюбовал заброшенное городище, прежде называвшееся Орда, откуда московский великий князь Иван III получал сообщения русских посланников и ханские письма о последних этапах борьбы Менгли-Гирея с «Ахматовыми детьми» и торжестве над ними крымского хана.

Название прежнего города Орды было забыто. Однако нет сомнения, что среди местного населения долгие годы жила память об этом запустевшем городище, некогда противопоставившем себя главной ставке золотоордынских ханов — Сараю. В 70-е годы XVI в. была составлена «старая разрядная роспись» «полю», т.е. территории между левыми притоками Днепра и правыми притоками Дона. Она служила практическим руководством для русской «государевой службы посылок» [Книга, 1950, с. 3–5]. Составители этой «росписи» не могли обойтись без услуг бывалых, знающих людей, которые и вспомнили, что «городок», сохранившийся в плавнях на левом берегу Днепра, — это Мамаев Сарай. Позднее «роспись» послужила источником для «нового чертежа», который в 1627 г. лег в основу «Книги Большому Чертежу» [Книга, 1950, с. 5].

Город Янгишехр

Вопросы исторической географии Золотой Орды вызывали интерес русских ученых со времени зарождения истории как науки, т.е. с XVIII в. Однако долгие годы разработка этих вопросов носила подчиненный характер. Специалисты, как правило, помещали свой историко-географический комментарий в справочном аппарате публикуемых источников по истории Золотой Орды, делали краткие замечания аналогичного свойства в общих трудах по истории России и Золотой Орды, уточняли местоположение отдельных ордынских населенных пунктов в статьях-заметках. Затем появилось первое монографическое исследование В.Л.Егорова [Егоров, 1985], создавшее ту необходимую первооснову, которая позволяет специалистам более целенаправленно и качественно решать проблемы исторической географии Золотой Орды в целом и отдельные моменты, ее составляющие.

Среди крупнейших золотоордынских городов XIV в. В.Л.Егоров называет Шехр ал-джедид, который именовали также Янгишехром. При этом ученый констатирует, что местонахождение города до настоящего времени не выяснено. Еще в 1826 г. Х.М.Френ предположительно поместил Янгишехр в Средней Азии на Сырдарье. В 1977–

1979 гг. С.А.Янина и Л.Л.Полевой выдвинули более обоснованное допущение, что Янгишехром в XIV в. называлось городище Старый Орхей в Оргеевском районе Молдавии. Эти авторы основывались на изучении 55 ордынских монет, обнаруженных в Старом Орхее. На монетах читалось имя хана Мамаевой орды Абдуллы (1361–1370), а в качестве места чекана назывался город Шехр ал-джедид, или, реже, Янгишехр (оба названия переводятся одинаково — Новый город). На этом и замыкался круг источников и косвенных свидетельств, на основании которых можно было судить о названии и местоположении города [Егоров, 1985, с. 13, 81, 139].

В.Л.Егоров убедительно показал беспочвенность допущения С.А.Яниной и Л.Л.Полевого. Старый Орхей подвергся разгрому в начале 60-х годов XIV в. Ордынцы были навсегда изгнаны из него. На территории Пруто-Днестровского междуречья оформилось Молдавское княжество. Мало того, после разгрома на Синих Водах в 1363 г. влияние Мамаевой орды не распространялось западнее Днепра. Эту территорию контролировал литовский великий князь Ольгерд. А монеты с именем Абдуллы чеканились в Янгишехре от 1363 или 1364 до 1369 г. На место Старого Орхея они могли попасть только в результате торговых операций между Молдавией и Ордой.

В.Л.Егоров высказал собственную догадку, локализовав Янгишехр в границах расположения Мамаевой орды. Он предположил, что городище, обнаруженное и обследованное в 1953 г. в 30 км к югу от г. Запорожье, на левом берегу Днепра, в урочище Великие Кучугуры, в XIV в. как раз и являлось искомым городом Янгишехром [Егоров, 1985, с. 84–85]. Никакого дополнительного вещественного или письменного подтверждения своей догадки В.Л.Егоров не привел. При этом исследователь отметил, что на территории левобережного бассейна Днепра «в различных письменных источниках и на картах встречаются упоминания о развалинах золотоордынских населенных пунктов, локализовать которые на карте не представляется возможным из-за их полной неизученности» [Егоров, 1985, с. 86].

Автор этих строк в 1990 г. на материале ряда вещественных и письменных источников высказал и обосновал гипотезу о том, что ордынский город, возникший на месте Кучугурского городища в 1363 г., со времени основания до осени 1437 г. именовался Ордой [Григорьев, 1990, с. 152–158]. Насколько известно, никто еще этого утверждения не оспорил. Остается искать Янгишехр в другом месте, обязательным условием для чего является расширение круга источников, ибо на территории бывшей Мамаевой орды к настоящему времени локализо-

ваны десятки золотоордынских городищ, подлинные имена которых никому не известны. Даже отмеченные на средневековых итальянских картах населенные пункты вдоль побережья Крыма в большинстве своем не поддаются расшифровке [Егоров, 1985, с. 86, 90, 138].

Среди документов, относящихся к истории ордыно-венецианских связей в XIV в., сохранился итальянский перевод послания, составленного в марте 1356 г. от имени правителя Крыма Зайн ад-Дина Рамадана венецианскому дожу Джованни Граденигo (1354–1356). В письме приводится название корабельного пристанища, предоставленное Рамаданом венецианским купцам в качестве торговой фактории, — «Провато, название которого Новый город» [Diplomatarium, 1899, с. 25, № 15]. Такое необычное двойное наименование объясняется, на наш взгляд, тем, что вначале здесь говорится о старинном обозначении морской бухты и вообще прилегающей местности, а затем о недавнем названии ордынского поселения, возникшего тут же.

Первое обозначение — Провато — убедительно локализовано и истолковано в 1915 г. А.Л.Бертье-Делагардом. В XIV в. венецианцы называли небольшую морскую бухту между Кафой (Феодосия) и Солдайей (Судак) Provato или Provanto. В XV в. то же место генуэзцы именовали Pefidima или Possidima. Наименование бухты и прилегающей к ней местности в форме Провато сохранилось в народе вплоть до присоединения Крыма к России в 1783 г. Местные русские рыбаки переиначили это название по созвучию в Праватку. В таком виде оно бытовало по крайней мере до начала Первой мировой войны, хотя на официальных картах тогда (и по сей день) название бухты значилось как Двуякорная. А.Л.Бертье-Делагард объяснил долговечность венецианского топонима тем, что в основе его лежало старинное греческое название местности, которое в переводе означало «овца, овечье место». Тем более что выпас овец «и до сих пор встречается на этом почти безводном, безжизненном, пустынном месте» [Бертье-Делагард, 1915, с. 254]. Согласно туристской километровой карте Южного берега Крыма, изданной в Киеве в 1992 г., в районе бухты Двуякорной в километре от берега и сегодня располагается овцетоварная ферма.

Второе обозначение — Новый город — до сих пор никем не комментировалось. Представляется крайне заманчивым видеть в итальянском переводе названия Новый город (Citade Nova), зафиксированного в письме Рамадана, тюркское имя города Янгишехр. Дело в том, что к середине XIV в. этнически монгольская часть населения Золотой Орды практически ассимилировалась в языковом отношении с численно

преобладающей тюркской его частью. Языком общения стал тюркский язык. Двуязычие, видимо, сохранялось непосредственно в ханской ставке — в среде правящей элиты. Только в ханской канцелярии официальные, в особенности межгосударственные, документы традиционно оформлялись на монгольском языке, а затем через языки-посредники, в число которых входили тюркский и персидский, переводились на официальный язык данного зарубежного государства.

Ко времени правления хана Джанибека (1342–1357) относится, по монетным данным, перенос ханской резиденции из Сарая в Новый Сарай. Не исключено, что в тот же период ордынцы основали в бухте Провато новое поселение, назвав его по-тюркски Янгишехр. Получив место в этом поселении в качестве компенсации за временно утраченную базу в Азове, венецианцы по необходимости обосновались в Янгишехре. В официальной переписке они, по своему обыкновению, продолжали называть новое пристанище его старинным греческим именем — Провато. Тем более что в такой форме название означало по-итальянски «проверенный», «испытанный». После прихода к власти в Орде Бердибека (1357–1359) в 1358 г. за венецианцами было подтверждено право пользования портом Провато [Diplomatarium, 1899, с. 51, № 25].

Смерть Бердибека в 1359 г. открыла в Орде эпоху «великой замятни» 60–70-х годов XIV в., известную главным образом из материалов русских летописей и по ордынским монетам [Григорьев, 1983, с. 9–54]. На этих последних и только на них обнаружило себя тюркское название Нового города — Янгишехр. Поскольку монетные легенды в Орде выполнялись буквами арабского алфавита, изготовители монетных матриц обычно придерживались правила писать сложные названия городов по-арабски. Например, наименование «Новый Сарай» писалось в форме «Сарай ал-джедид», где корневое имя («Сарай») оставалось тюркским, а определение к нему («новый») читалось по-арабски (*ал-джедид*), сопровождалось арабским определенным артиклем и располагалось после определяемого слова. Поэтому и на большинстве монет с названием Янгишехра мы видим его арабскую форму — Шехр ал-джедид. Конечно, население Орды, в массе своей неграмотное, монетных легенд не читало и в обиходе использовало не арабские, а изначальные наименования городов. Так что и мы оставляем только один вариант названия — Янгишехр.

Допущенное нами тождество венецианского корабельного пристанища Провато, расположенного в непосредственной близости от генуэзской Кафы, с ордынским Янгишехром, возникшим, скорее всего, в

период правления Джанибека, носит пока еще декларативный характер. Попытаемся обосновать это допущение более убедительно, включив его в ткань реальных событий ордынской истории 60-х годов XIV в., которые подтверждаются источниками и достаточно хорошо известны.

В начале 60-х годов XIV в., в самый разгар междоусобицы в Орде, когда только в новосарайской резиденции за период от смерти Бердибека в 1359 г. до воцарения Ордумелика в 1361 г. с калейдоскопической быстротой сменили друг друга Кулпа, Навруз, Хызр и Тимурходжа, русские летописи зафиксировали такое сообщение: «Царь въста, именем Кильдибек, творящеся сын царя Чанибека, и тои многыхъ поби, последи же и самъ убьенъ бысть [Полное, т. 15, вып. 1. Пг., 1922, стб. 70; т. 18. СПб., 1913, с. 101; т. 23. СПб., 1910, с. 113]. Иными словами, в 1361 г. под именем Кельдибека на политическую арену в Орде вышел самозванец.

Какие силы выдвинули на ханство в Золотой Орде Кельдибека? Единственный источник наших сведений об этом — персоязычный автор начала XV в. Муин ад-Дин Натанзи. Согласно его хронике, родовые князья, «согласившись (между собой), возвели на трон царства неизвестного человека под предлогом, что он Кельдибек, сын Джанибек-хана» [Тизенгаузен, 1941, с. 129]. Главным лицом в правительстве Кельдибека, носившим титул великого князя (улугбек), стал человек, при имени которого в хронике Натанзи, составленной по-персидски буквами арабского алфавита, не проставлены диакритические точки, т.е. оно просто не читается. Точнее, существует довольно много вариантов его прочтения.

Издатели русского перевода извлечений из хроники Натанзи ограничились такой формой: «... сын ...». В подстраничном примечании к ней значится: «В рук. неразборчиво» [Тизенгаузен, 1941, с. 129]. Между тем в оригинальном тексте имя главы правительства Кельдибека написано вполне отчетливо (только без диакритики) [Тизенгаузен, 1941, с. 234]. Наиболее приемлемым вариантом его прочтения представляется имя Яглыбай сын Тоглубая. Тем более что имя Яглыбая, вождя рода бахрин, относившегося в улусе Джучи к племенам правого крыла, хорошо известно со времени правления Токтамыша (1379–1395). Яглыбай погиб в сражении с войсками Тимура в 1395 г. [Тизенгаузен, 1941, с. 151, 168, 173, 177, 202, 207, 208].

Княжеский род бахрин находился в родстве с такими могущественными племенами князей правого крыла, как кунграт, найман, джелаир и ушин [Тизенгаузен, 1941, с. 208]. Так определяется родовая

принадлежность князей, объединившихся под главенством бахрина Яглыбая для достижения власти и стабилизации положения в Орде. Они-то и выдвинули подставного хана Кельдибека. Монеты с именем Кельдибека начинают чеканиться в Азове и Новом Сарае с 762 г.х. (11.11.1360 — 30.10.1361). Поскольку на это же время приходится чеканка в названных городах монет с именами Хызра, Тимур-ходжи и Ордумелика, то, надо полагать, утверждение в Азове и Новом Сарае Кельдибека произошло не ранее 1361 г. Лишь среди азовских монет Кельдибека встречаются не только серебряные, но и медные. Последнее обстоятельство является проверенным свидетельством в пользу того, что в Азове в тот год он обосновался раньше и прочнее, чем в Новом Сарае. Следовательно, в 1361 г. Кельдибек был провозглашен ханом в Азове, из которого предпринял поход на Новый Сарай, где сверг с престола и убил Ордумелика. Это событие, видимо, имело место осенью (сентябрь–октябрь) 1361 г. Тогда же власть Кельдибека была провозглашена и в Мохше, свидетельством чему служат его мохшанские монеты от 762 г.х.

В 763 г.х. (31.10.1361 — 20.10.1362) Кельдибек продолжает чеканить монету в Новом Сарае и Азове, причем появляются и его медные новосарайские монеты [Григорьев, 1983, с. 30–39]. Группировка князей во главе с Яглыбаем проводит от имени Кельдибека политику физического устранения своих соперников. Их первой жертвой пал Могулбуга [Тизенгаузен, 1941, с. 129]. Этот военачальник был улугбеком в начале правления Бердибека, оттеснив от власти Тоглубая, родного отца Яглыбая, и сыграл главную роль в возведении Бердибека на трон [Тизенгаузен, 1941, с. 128–129]. Кроме того, с севера Новому Сараю угрожал хан Мюрид, упрочившийся в Гюлистане (Булгаре), возможно, еще в конце 1360 г. Улугбеком в правительстве гюлистанского владыки был сын Могулбуги Ильяс [Григорьев, 1992, с. 11]. Однако до прямого столкновения Кельдибека с Мюридом дело не дошло, так как прежде последовало нападение на Новый Сарай с запада.

Летом 1361 г. из новосарайской группировки князей выделился Мамай, отнявший пост улугбека у Могулбуги в последний год правления Бердибека. Для достижения этого он использовал женитьбу на дочери Бердибека [Тизенгаузен, 1884, с. 389]. Мамай овладел правым берегом Волги, закрепился там и провозгласил ханом родственника Бердибека Абдуллу. Приблизительно летом 1362 г. Мамай сокрушил войско Кельдибека под Новым Сараем, изгнал его из ордынской столицы, а затем и из Азова. Уже в 763 г.х. (видимо, с осени 1362 г.) в названных городах монета начинает чеканиться от имени Абдуллы.

С остатками сил Кельдибек, должно быть, отошел в Крым. До осени 1363 г. его имя в источниках не упоминается.

В 764 г.х. (21.10.1362 — 09.10.1363) Абдулла продолжает чеканить монету в Новом Сарае и Азове. С 1363 г. в русских летописях появляется термин «Муратова орда», обозначавший ордынские земли на восток от Волги [Григорьев, 1983, с. 32]. В том же году Мюрид собрался с силами, выступил из Гюлистана, разгромил Абдуллу, прогнал его из Нового Сарая и обеспечил себе верховную власть на волжском левобережье. Абдулла отступил в Азов и продолжил там чеканку монеты. Помимо этого, осенью 1363 г. Абдулла обустроил себе резиденцию в районе Великого Луга, находившегося в излучине Днепра, и назвал свое убежище Орда. С 765 г.х. (10.10.1363 — 27.09.1364) в Орде производилась регулярная чеканка монеты от имени Абдуллы [Григорьев, 1983, с. 34–35]. С наступлением зимы 1363/64 г. владычество Абдуллы распространяется все дальше на юг. Его улугбек Мамай устраивает ставку в городе Крым (Старый Крым) и энергично подчиняет себе весь Крымский полуостров. Тут вновь всплывает имя Кельдибека.

Вспомним фрагмент из истории деятельности венецианских торговых факторий в Северном Причерноморье. После смерти Бердибека правительство дожа Джованни Дольфина (1356–1361) незамедлительно получило известия об этом и последующих событиях в Орде от своих представителей в Азове и Провато. Не позднее осени 1360 г. в Азове приступил к своим обязанностям новый венецианский представитель Якопо Корнаро, носивший официальный титул консула в Тане (Азов) и «во всей империи Газарии». Последнее словосочетание понималось Е.Ч.Скржинской как обозначение всей территории Золотой Орды [Скржинская, 1973, с. 116–118]. Такое осмысление неверно по существу, ибо в таком случае не было бы нужды в выделении из этого ареала Таны. Под Газарией венецианцы, как и генуэзцы, подразумевали восточную часть Крымского полуострова. В связи с финансовыми трудностями и реальной опасностью для жизни венецианских представителей в Орде в то смутное время правительство Венеции направило Якопо Корнаро консулом не только в венецианский квартал Азова, но также и в Провато (Янгишехр), Калитру (Коктебель, ныне Планерское), Солдайю. Дело в том, что в 1358 г. венецианские купцы получили от Бердибека подтверждение на владение портом Провато и право захода в порты Коктебеля и Судака, на торговлю в них [Diplomatarium, 1899, p. 51, № 25]. Все три пункта располагались в восточной части Южного берега Крыма, т.е. в Газарии.

С осени 1360 до весны 1361 г. новый венецианский консул провел положенную ему работу по организации бесперебойной торговли с Ордой. А затем он оказался перед фактом захвата Кельдибеком Азова. Появился новый хан, с которым Корнаро неизбежно должен был встретиться лично, чтобы получить от него подтверждение на прежние привилегии венецианских купцов. Столь же необходимы были письменные консультации Корнаро с метрополией, ибо получение от Кельдибека новой жалованной грамоты потребовало солидной суммы из государственной казны на подарки хану и его окружению. Значительно более крупные средства тут же понадобились и на финансирование предстоящего похода Кельдибека на Новый Сарай. Нет сомнения в том, что Венеция незамедлительно предоставила своему консулу в Азове и Газа́рии все необходимое. В противном случае Корнаро тут же лишился бы должности и головы, а метрополия потеряла свои торговые представительства в Северном Причерноморье. В сентябре–октябре 1361 г. Кельдибек овладел Новым Сараем и сидел в нем до лета 1362 г. Разбитый Мамаем, он отступил в Азов, но и там не смог удержаться. Преследовавший его по пятам противник выбил Кельдибека из Азова. 18 августа 1362 г. в Азове же кончил жизнь Якопо Корнаро. Эта дата сохранилась на мраморном надгробии венецианского консула, случайно обнаруженном в Азове в 1889 г. [Скржинская, 1973, с. 104–107].

Можно предположить, что Корнаро был убит как пособник Кельдибека по распоряжению ставленника Мамая Абдуллы. Немым свидетельством в пользу такого предположения является полное молчание по этому поводу официальных документов, хранящихся в архивах Венеции. На страницах многочисленных томов регистров, содержащих постановления венецианского сената, нет даже текста документа о назначении Якопо Корнаро консулом в Тану, хотя серия регистров с апреля 1359 по апрель 1363 г. полностью сохранилась [Скржинская, 1973, с. 108]. Видимо, все письменные свидетельства о деятельности Корнаро были специально изъяты тайным правительственным распоряжением. Как, например, были изъяты из протоколов сената все свидетельства о захлестнувшей Италию в 1347–1349 гг. пандемии чумы, косвенными виновниками которой явились и венецианские купцы, занесшие ее на своих кораблях с берегов Черного моря [Ковалевский, 1905, с. 134].

Обстоятельства смерти и имя Корнаро были «забыты» его соотечественниками позднее. В те дни лета и осени 1362 г. события разворачивались настолько стремительно, что у венецианской стороны практически не было возможности для их адекватной оценки и дальнейше-

го прогнозирования. Разгромленный Кельдибек со своими сторонниками отступил в Крым и закрепился на полуострове по крайней мере до осени 1363 г. Своей резиденцией он избрал принадлежавший венецианцам порт Провато (Янгишехр), отметив это событие в 765 г.х. (10.10.1363 — 27.09.1364) чеканкой монет от своего имени [Григорьев, 1983, с. 31–32]. Зимой 1363/64 или весной 1364 г. войска под командованием Мамая очередной раз одержали верх над отрядами Кельдибека. В том же, 765 г.х. на новых монетах Янгишехра чеканилось имя хана Абдуллы.

Кельдибек снова бежал, возможно на венецианском судне. Куда он мог теперь направиться? Выбор был невелик — на Таманский полуостров и далее на восток — в бескрайние степи Северного Кавказа. Влияние Мамаевой орды на ту территорию никогда не распространялось, а у Мюрида на севере были свои проблемы. Осенью 1363 г. он был вынужден отдать Новый Сарай Хайр Пуладу и отступить в Гюлистан. На Северном Кавказе обустройство Кельдибека заняло больше времени, чем в Крыму. Тем не менее уже в 767 г.х. (18.09.1365 — 06.09.1366) Кельдибек вновь сидел в Азове и чеканил там свою монету. И опять в том же году в Азове возобновился монетный чекан Абдуллы [Григорьев, 1983, с. 32]. Канва событий реконструируется однозначно. Между сентябрем 1365 и сентябрем 1366 г. Кельдибек, а точнее, его улугбек Яглыбай, собравшись с силами, овладел Азовом, но вскоре был вынужден вернуть его. Только тогда Яглыбай окончательно разуверился в возможностях ставленника. Он «улучил удобный случай и убил его» [Тизенгаузен, 1941, с. 129], а сам бежал к Токтамышу.

Итак, в Янгишехре монета с именем Абдуллы чеканилась только до 1369 г. После этого янгишехрская монета полностью исчезает. Куда же девался сам город? Очевидно, Янгишехр (Провато) остался на своем месте. Однако в период правления эфемерных ханов 70-х годов XIV в. здесь было просто не до чеканки монет. После того как в 1379 г. Сараем, Новым Сараем, Гюлистаном и Азовом овладел Токтамыш [Григорьев, 1983, с. 47–49], венецианцам удалось подтвердить у него свое право на пользование портом Провато. Путь в Азов им был закрыт на два года после изнурительной войны 1376–1381 гг. с Генуей. Но уже летом 1382 г. гавань Провато была использована Венецией в качестве транзитного пункта для организации торговой экспедиции в Трапезунд. Летом 1383 г. подобная навигация была повторена с заходом еще и в Азов [Карпов, 1981, с. 71–72].

Возможно, история монетного двора Янгишехра не прекратилась после смерти Абдуллы. В 80-е годы XIV в. имели хождение монеты

Токтамыша, битые в Новой Орде (Орду ал-джедид) [Григорьев, 1983, с. 35]. Предшествующие исследователи даже не пытались локализовать этот пункт. Может быть, Токтамыш переименовал Новый город в Новую ставку и Янгишехр стали называть по-тюркски Янгиорду?

На первых русских картах Крыма 70–80-х годов XVIII в. в бухте Двуякорной на месте порта Провато была показана армянская деревушка. Развалины армянской церкви недалеко от морского берега еще довольно хорошо сохранились к 1914 г. [Бертье-Делагард, 1915, с. 254]. В настоящее время на этом месте населенных пунктов нет.

Закончив рассмотрение и интерпретацию доступных источников в пользу локализации Янгишехра на месте порта Провато, автор настоящей статьи припомнил одну деталь, отмеченную в анонимном персоязычном сочинении «Родословие тюрков». Там приведен рассказ о сражении между войсками Токтамыша и Тимура, имевшем место 15 апреля 1395 г. на берегу Терека. Готовясь к битве, Токтамыш укрепил свой левый фланг отрядом из племени бахрин, во главе которого стоял Яглыбай. Полк Яглыбая проявил в бою чудеса храбрости, но был почти полностью истреблен превосходящими силами противника, а сам полководец убит. Будто бы с того самого дня племя бахрин, относившееся к племенам правого крыла, стало числиться среди племен левого крыла державы Токтамыша и всех последующих ордынских ханов [Тизенгаузен, 1941, с. 207–208].

Названная частность в истории рода бахрин послужила отправным пунктом для следующего нашего заключения. Родовой вождь бахрин Тоглубай имел на ордынской территории, отведенной для расселения князей правого крыла, свое владение, называвшееся потюркски «бейлик». В середине XIV в. оно располагалось в Крыму. Княжеской резиденцией служил Янгишехр. Скорее всего, Тоглубай просто подселился к существовавшему издревле на том месте рыбацкому и торговому центру, название которого примерно воспроизвели венецианцы в форме Провато. Кочевники рода бахрин сосуществовали на этой территории с рыбаками и торговцами Провато, которые этнически были греками и армянами. В 1356 г. именно они помогли венецианцам обустроить здесь же свою факторию. В 1357 г. Тоглубай стал во главе заговора, направленного против Джанибека. В результате хан был убит и заменен Бердибеком. Однако более могущественные родовые вожди оттеснили Тоглубая и его племя от кормила власти. Вероятно, он был физически устранен. Вождем племени бахрин, продолжавшего базироваться в Южном Крыму, стал сын Тоглубая Яглыбай.

С началом «великой замятни», разразившейся после гибели Бердибека в 1359 г., Яглыбай в Янгишехре резко активизировался. Пользуясь тайной поддержкой Венеции, он выдвинул подставного хана-самозванца и под именем Кельдибека посадил его в 1361 г. на трон сначала в Азове, а затем и в Новом Сарае. Сам Яглыбай сделался улугбеком в правительстве Кельдибека. Когда более талантливый военачальник Мамай сокрушил в бою Яглыбая и его ставленника, предводитель рода бахрин бежал в свою резиденцию Янгишехр, где в 1363–1364 гг. еще чеканил монету от имени Кельдибека. Затем он оставил Янгишехр и отступил на Северный Кавказ, а позднее — далее на восток — к Токтамышу.

Токтамыш принял Яглыбая и его племя. В 1379 г. он утвердился в Новом Сарае в качестве ордынского хана. В 1380 г., после разгрома Мамая на Куликовом поле, Токтамыш прибрал к рукам правобережье Волги и Крым. Тогда Яглыбай вместе со своим племенем вернулся в родной бейлик, где и возобновил чеканку монеты уже от имени Токтамыша, переименовав Янгишехр в Янгиорду (Новая ставка). В 1395 г. Токтамыш потерпел поражение от Тимура, а Яглыбай был убит. Племя бахрин во главе с новым вождем не сразу перешло в разряд племен левого крыла. Известно, что Токтамыш в 1395 г. потерял престол только в Поволжье. Он отступил в Крым и еще два-три года правил там. В 1398 г. Токтамыш спасся бегством в Великое княжество Литовское. Тогда только племя бахрин, последовав за ханом-изгоем, навсегда покинуло свое родовое гнездо в Янгишехре (Янгиорде), после чего тюркское название их поселения было забыто.

В 1399 г. армии Витовта и Токтамыша были разбиты войсками Едигея на берегах Ворсклы. После этого Токтамыш бежал на восток, вплоть до Сибири, где и кончил свои дни в 1406 г. Вот тогда-то сопровождавшие его представители рода бахрин с полным правом могли относить себя к племени левого крыла.

Прежние названия крепости Чуфут-кале

В 1993 г. издательство «Таврия» выпустило в свет в серии «Археологические памятники Крыма» книгу А.Г.Герцена и Ю.М.Могаричева «Крепость драгоценностей. Кырк-ор. Чуфут-кале»[1]. Точка зрения авторов книги, ученых-археологов, на происхождение и историю этого па-

[1] [Герцен, 1993] (в дальнейшем ссылки на этот источник даются в тексте раздела в скобках только с указанием страницы).

мятника основывается на многолетних археологических исследованиях городища. Не навязывая читателю своей точки зрения, авторы постарались познакомить его с различными гипотезами, существующими в науке по многим проблемам истории древней горной крепости. Автора этих строк интересуют здесь прежние названия крепости Чуфут-кале, их подлинное произношение, значение и этимология. В книге упомянуты названия: Крепость драгоценностей, Топрак-кале, Бутмай и Кырк-ор.

Вынесенное в заголовок статьи название «Чуфут-кале» вроде бы не нуждается в представлении. Десятки тысяч туристов ежегодно посещают руины этой древней крепости, расположенной на горном плато в окрестностях крымского города Бахчисарая. Что касается ее наименования, то общепринятым считается мнение, разделяемое А.Г.Герценом и Ю.М.Могаричевым, что название «Чуфут-кале» может быть переведено как Иудейская крепость. Дело в том, что с середины XVII в. основное население города составляли подданные крымского хана — караимы, которые исповедовали обособленное течение в ортодоксальном (раввинистическом) иудаизме, называвшееся караимизмом, или караитизмом. В Крымском ханстве различали караимов и евреев-раввинистов, но, как считают авторы книги, «называли и тех и других „ягуди“ или „чуфут“». Последнее обозначение носило несколько презрительный оттенок (с. 95).

Обратимся к показаниям турецкого путешественника XVII в. Эвлии Челеби, посетившего Чуфут-кале в 1665 г. На 10-томную «Книгу путешествия» этого автора, извлечения из которой по части Крыма были переведены на польский язык, часто ссылаются А.Г.Герцен и Ю.М.Могаричев. Они даже приложили к своей книге отрывок из польского, далеко не безупречного, перевода в его русском, страдающем многими ошибками переложении (с. 119–124).

Предлагаем свой перевод фрагмента из турецкой публикации «Книги путешествия» относительно вероисповедания и языка народа «чуфут»: «Чуфуты, или джухуды, исповедуют учение, близкое к тому, что у всех иудеев. Другие иудеи, исповедующие это учение, джухудов не любят... Для иудеев эти последние являются подобием кызылбашей. Говорят, что в день Страшного суда эти последние не возвысятся над кызылбашами, а чуфуты дома Израилева в день Страшного суда над кызылбашами возвысятся. Стих гласит: „Тип, отвергший Страшный суд, будет ниже, чем яхуд“. А эти чуфуты, хотя они и относятся к израильтянам и последователям учения Моисеева, читают Тору и Псалтирь. А язык чуфутский они совершенно не знают, все говорят по-татарски» [Evliya Çelebi, 1928, с. 584].

Из приведенного отрывка выясняется, что крымские караимы звались только чуфутами. Данный этноним трансформировался из арабского слова *яхуди* (иудей) через цепочку переходных форм: *яхуди–яхуд–джухуд–чуфут*. Никакого презрительного, по сравнению с *яхуди*, оттенка слово *чуфут* не содержало. В отличие от *яхуди* оно применялось по отношению к иудаистам-сектантам, отрицавшим, в частности, день Страшного суда. Мусульманин-суннит Эвлия Челеби сравнивал их с персами-шиитами, составлявшими основное население Ирана. Последних турецкий бытописатель по старинке именовал «кызылбашами». Так что в наши дни топоним Чуфут-кале с полным основанием можно передавать словами «Караимская крепость».

Название «Крепость драгоценностей» А.Г.Герцен и Ю.М.Могаричев заимствовали у того же Эвлии Челеби (6), который привел в «Книге путешествия» легенду о том, как «татарский хан», сын Чингис-хана Джучи, завоевал Крым и отнял у генуэзцев Чуфут-кале. В эту пору все каменные сооружения крепости были инкрустированы бесценными драгоценными камнями, за что татарские богословы нарекли крепость Гевхер-керманом. Таким было изначальное татарское название крепости. После того как ее хозяевами стали татары, иронично замечает турецкий путешественник, неразумно было бы спрашивать — остались ли на своих местах те драгоценные камни. Однако следы былой инкрустации, утверждает он, отчетливо видны и по сей день. Когда же место татар в крепости заняли чуфуты, ее стали именовать Чуфут-кале [Evliya Çelebi, 1928, с. 587–588]. На первый взгляд все в приведенном рассказе представляется беспочвенным вымыслом. На самом же деле перед нами поэтическое осмысление действительно происходивших когда-то событий.

Для своего времени Эвлия Челеби был довольно хорошо осведомлен о прошлом Крыма. Только источниками его сведений являлись не придворные летописи и всякого рода государственные делопроизводственные документы (хотя об их существовании он, конечно, знал), а собственные неустанные наблюдения, рассказы очевидцев и народные предания в той их форме, какую сохранила память его очередного информатора. Так что каждый рассказ турецкого путешественника нуждается в глубоком осмыслении и сопоставлении со всей суммой знаний, которой располагает интерпретатор по данному вопросу.

Вкратце историческая интерпретация приведенного рассказа выглядит следующим образом. Джучи не был татарским ханом в том смысле, в каком им являлся, например, современник Эвлии Челеби крымский хан Мухаммед-Гирей IV (1641–1644, 1654–1666). Джучи

(ум. 1227) ни разу в жизни и близко не подходил не только к Чуфут-кале, но и вообще к Северному Причерноморью. Генуэзцы никогда не владели крепостью Чуфут-кале. Всерьез говорить о былой инкрустации каменных сооружений крепости драгоценными камнями просто не представляется возможным.

При всем том известно, что монголо-татарское завоевание Крыма, начало которому было положено в 20-х годах XIII в., имело место. К середине XIII в. вся территория Крыма была включена в состав Золотой Орды, которую восточные авторы обычно называли Улусом Джучи. Генуэзцы, с 60-х годов XIII в. располагавшие на черноморском побережье Крыма рядом торговых факторий, к Чуфут-кале отношения не имели. Для историков наших дней это непреложная истина. Только Эвлия Челеби этого не знал. Он был знаком с легендой, которую поведал и своим читателям: ее суть сводилась к тому, что генуэзцы с незапамятных времен населяли Крым, т.е. были его автохтонами. Лишь значительно позднее они колонизовали место нынешней Генуи [Evliya Çelebi, 1928, с. 666–667]. Теперь понятно, почему турецкий автор говорит о том, что ордынцы в свое время переняли власть над крепостью Чуфут-кале у ее местных правителей-«генуэзцев».

Что касается драгоценных камней, якобы вкрапленных когда-то в крепостные стены Чуфут-кале, то это, конечно, вымысел. Однако он имеет под собой некую реальную основу. Дело в том, что городище Чуфут-кале расположено на отроге горного массива, сложенного мшанковыми известняками. Как неоднократно отмечают А.Г.Герцен и Ю.М.Могаричев, именно этот известняк и послужил основным строительным материалом для всех каменных сооружений крепости. Например, наиболее древняя по времени кладки Средняя стена Чуфут-кале сложена из хорошо обтесанных известняковых блоков, плотно подогнанных друг к другу и уложенных ровными рядами. Эти блоки давно уже подверглись сильному выветриванию. Создается впечатление, будто гигантские осы строили в стене свои гнезда. Геологи именуют такие формы выветривания «сотовыми» (с. 6, 12, 13, 15).

Четкие, привлекающие внимание следы сотового выветривания известняковых блоков, слагавших каменные сооружения средневековой крепости, мог видеть Эвлия Челеби и многие поколения его предшественников. При взгляде на симметричное расположение образовавшихся на каменной поверхности лунок создавалось впечатление об их рукотворном происхождении. На этой реальной основе и под впечатлением рассказов стариков о былом великолепии Чуфут-кале могла родиться легенда о Гевхер-кермане. Персидское по происхождению сло-

во *гевхер* значило «жемчужина, драгоценный камень». Словосочетание «Гевхер-керман» воспринималось как «Крепость драгоценных камней». Официально крепость Чуфут-кале никогда так не называлась.

Название «Топрак-кале», датируемое 1634 г., заимствовано А.Г.Герценом и Ю.М.Могаричевым из сообщения о Чуфут-кале торгового префекта Кафы (Феодосии) итальянца Эмиддио д'Асколи (с. 84). Словосочетание Топрак-кале действительно значит по-тюркски «Земляная крепость». Это сочетание, конечно, не было ни новым, ни когда-либо существовавшим наименованием Чуфут-кале. Скорее всего, это название в первой половине XVII в. отражало состояние древних крепостных стен, нижняя часть которых была скрыта под толщей наплывной земли (с. 16).

Заслуживает внимания промелькнувшее в книге А.Г.Герцена и Ю.М.Могаричева еще одно название крепости — Бутмай (с. 6). Эвлия Челеби сообщает только, что так называлась Чуфут-кале «на языке генуэзцев» еще до ее ордынского завоевания. Издатели критического текста 7-го тома «Книги путешествия» в подстраничном примечании отметили, что в других списках название читается еще как «Путмай» и «Бушмай» [Evliya Çelebi, 1928, с. 587]. Авторы книги склоняются к мысли, что с VI по XIV в. крепостью владели аланы («асы» арабских авторов, «ясы» русских летописей), предки осетин. Только между 1342 и 1363 гг. она перешла под прямое управление ордынских ханов (с. 56–57).

Почему турецкий путешественник начинает описание крепости Чуфут-кале с ее «генуэзского» названия? Вспомним, что для него именно генуэзцы были древнейшими насельниками Крымского полуострова. Так что «генуэзское» название крепости для Эвлии Челеби являлось ее изначальным наименованием. Помимо того известно, что итальянские колонисты в Крыму предпочитали называть его населенные пункты их старинными греческими именами. Предстоит разобраться: какому народу принадлежал загадочный топоним Бутмай? Было ли это название действительно старинным греческим, или аланским, или тюркским именем Чуфут-кале или оно является таким же легендарным, как «Крепость драгоценных камней»? Оставляем решение этой проблемы на долю последующих исследователей.

Переходим к рассмотрению определенно тюркского названия Чуфут-кале, того, которое хронологически предшествовало наименованию ее Караимской крепостью.

За «первое несомненное упоминание крепости в источниках» авторы книги принимают сообщение арабского историка Рукн ад-Дина

Байбарса (ум. 1325) о карательной экспедиции в Крым золотоордынского военачальника Чингисида Ногая, имевшей место в 1299 г. Поход последовал в ответ на убийство в генуэзской Кафе (Феодосии) внука Ногая, направленного дедом в Крым для сбора дани. В отместку Ногай ограбил города Сару-керман (Херсонес), Кырк-ери и Керчь (с. 55).

Этот рассказ был опубликован В.Г.Тизенгаузеном в арабском написании и русском переводе [Тизенгаузен, 1884, с. 88–89]. В арабском тексте название города Кырк-ери только наполовину принадлежит перу Байбарса (Кырк). Вторую его половину (ери) домыслил уже сам В.Г.Тизенгаузен и потому заключил ее в круглые скобки [Тизенгаузен, 1884, с. 89]. Зачем он это сделал? Видимо, публикатор арабского текста, достаточно хорошо знакомый с арабскими источниками по истории Крыма, счел этот вариант названия единственно верным.

Тюркское числительное *кырык* или *кырк* («сорок») в арабском написании обозначалось тремя буквами — *крк*. Тюркское название Кырым (Крым) транслитерировалось арабами, как правило, также тремя буквами — *крм*. Не исключено, что обозначение Байбарсом второго города из трех, ограбленных Мамаем в 1299 г., литерами *крк* было просто опиской, вместо *крм*. Несколько ниже тот же автор обозначал название Крымского полуострова согласными *крм* [Тизенгаузен, 1884, с. 95–96]. Два названия городов, расположенных слева и справа от загадочного *Крк*, обозначали крайние западный и восточный населенные пункты Южного берега Крыма. На одной линии с этими городами, на практически равном расстоянии от обоих, располагался город Крым (Старый Крым). Его-то, возможно, и имел в виду Байбарс. Так что безоговорочно принимать спорное название Крк за первое и несомненное упоминание Кырк-ора в источниках, по нашему мнению, преждевременно.

Здесь нельзя обойти молчанием принципиально важный вопрос о названии Кырым, т.е. Крым. Этимология данного названия давно уже прозрачна для автора этих строк. Утверждение А.Г.Герцена и Ю.М.Могаричева о том, что сначала возник город Крым, известный еще под названием Солхат, а в дальнейшем наименование этого города перешло на весь полуостров (с. 55), вызывает протест. Соотношение было как раз обратным. Тюркский топоним Кырым является существительным, образованным от глагольной основы *кыр-* и аффикса *-ым* [Серебренников, 1986, с. 105]. Глагол, лежащий в основе этого слова, мог передавать такие действия, как «скрести, царапать; разбивать, ломать; сокрушать, уничтожать» [Древнетюркский, 1969, с. 445; Будагов, 1871, с. 31–52]. Существительное *кырым* переводилось «яма, ров» [Древнетюркский, 1969, с. 427, 446]. Известно, что еще в эллини-

стической древности ровом был перекопан перешеек, соединявший Таврический полуостров с материком. Этот «перекоп» фрагментарно сохранился до наших дней. Для коней кочевников-тюрков, в частности половцев, с середины XI до начала XIII в. владевших степями и предгорьями Крыма, громадный ров служил значительным препятствием. Этот ров и послужил основанием для наименования всего полуострова Крымом. Позднéе название перешло на административный центр Крымского тюмена Золотой Орды.

Что касается тюркского названия Солхат, то оно еще древнее, чем Крым. Собственно, это не слово, а словосочетание «сол + хат». *Сол* — прилагательное «левый» [Древнетюркский, 1969, с. 508], *хат*, или *кат*, «слой, ряд, сторона» [Древнетюркский, 1969, с. 432; Будагов, 1871, с. 4]. Сочетание понимается как «Левая сторона». В его основе лежит древнейшая ориентация солнцепоклонников. Левая сторона означала для них север (ибо во время молений они обращались лицом к восходящему солнцу, т.е. на восток), а правая сторона — юг. В нашем случае сочетание Солхат служило обозначением северного берега Черного моря и могло толковаться как Северное Причерноморье. Параллельно это сочетание трактовалось как обозначение главного города тюркских поселенцев на Крымском полуострове, т.е. Крыма. Последний в XVI в., после того как новой столицей Крымского ханства сделался Бахчисарай, стал именоваться Старым Крымом. Древнее арабское обозначение левой (северной) и правой (южной) частей Аравийского полуострова сохранилось до наших дней в названиях стран Сирия и Йемен.

Вернемся к прежнему тюркскому названию крымского города Чуфут-кале. А.Г.Герцен и Ю.М.Могаричев дают два его названия — Керкер и Керкри (с. 39), которыми именовал город арабский автор Абу-л-Фида (ум. 1331) в своей географии «Упорядочение стран», законченной в 1321 г. Авторы книги позаимствовали цитату из сочинения Абу-л-Фиды у создателя капитального труда по истории средневекового Херсонеса А.Л.Якобсона. Последний воспользовался французским переводом географии Абу-л-Фиды, выполненным Ж.-Т.Рено в 1848 г. [Якобсон, 1950, с. 30–31]. Иными словами, А.Л.Якобсон процитировал не арабскую передачу тюркского названия, а его французскую транскрипцию. В 1840 г. Ж.-Т.Рено и У.М. де Слэн опубликовали арабский текст географии Абу-л-Фиды [Géographie, 1840].

Обратимся к напечатанному первоисточнику. Там приводится таблица крымских городов. Название интересующего нас города записано четырьмя согласными буквами — Кркр. Говорится о том, что город

находится в стране асов и принадлежит их племени. Точное произношение названия города фиксируется так: «С кесрой при каф и сукуном при ра, сукуном при второй букве каф и кесрой при конечной ра» [Géographie, 1840, с. 214].

В таком случае арабским произношением указанной выше аббревиатуры являлось слово Киркри. Однако здесь же Абу-л-Фида добавляет: «А смысл имени его по-тюркски — „сорок мужей“» [Géographie, 1840, с. 214]. Становится ясным, что арабский ученый, встретив в каком-то письменном источнике непонятное название крымского города, проконсультировался у лица, говорящего по-тюркски. Тот предположил, что речь идет о тюркском сочетании «кырк-эри». *Кырк* — числительное «сорок», *эр* — существительное «муж», *и* — притяжательный аффикс 3-го лица ед. числа, который является необходимым морфологическим показателем для тюркского словосочетания изафет II [Серебренников, 1986, с. 262]. Это искусственное построение не выдерживает критики, ибо изафет II невозможен при сочетании существительного с числительным. Приемлемо лишь написание Кырк-эр.

Название города, приведенное в таблице Абу-л-Фиды, по-тюркски читается Кырк-ри. В написании его арабскими литерами ощущается пропуск гласной буквы «алиф», ибо только с ней возможно чтение Кырк-эри. Сведения о прежнем названии Чуфут-кале, зафиксированные Абу-л-Фидой в таблице, затем повторяются им в свободном изложении. Тогда уже автор не повторяет огласовку названия Кркр, а лишь добавляет в конце этой аббревиатуры букву «йа», которая здесь читается как гласная «и» [Géographie, 1840, с. 215]. Получается чтение Кырк-ри, т.е. то же название, что и в таблице. Следовательно, два разных названия города, приведенные во французском переводе, объясняются ошибкой переводчика. Произношение того и другого названий у Ж.-Т.Рено является неверным.

Отметим еще, что в упомянутой таблице крымских городов приведены два названия города Крым (Солхат и Кырым). По поводу второго названия Абу-л-Фида замечает, что так же называется и вся область [Géographie, 1840, с. 214]. О последней тот же автор писал как о стране «сорока городов» [Géographie, 1840, с. 200].

Авторитет Абу-л-Фиды как ученого был настолько велик, что последующие поколения восточных авторов лишь повторяли его сведения о крымской стране и ее городах. Так поступил и арабский автор 14-томной энциклопедии ал-Калкашанди (ум. 1418), разместивший на западе Крымского полуострова страну асов и их главный город Кркр [Поляк, 1964, с. 35]. Даже в конце XVI в. турецкий ученый Аали Челе-

би (ум. 1599), описывая страну Кырым, говорит об асской крепости Кырк-эр [Смирнов, 1887, с. 104].

Авторы XIX–XX вв., изучавшие историческую географию Крымского полуострова, и в частности, этимологию прежних названий Чуфут-кале, познакомились со многими разноязычными высказываниями на эту тему своих предшественников и изложили собственные догадки. Наиболее компетентными представляются подборки по этому поводу и личные размышления востоковеда В.Д.Смирнова [Смирнов, 1887, с. 102–122]. Одной из последних по времени написания является работа Н.В.Малицкого [Малицкий, 1933, с. 11–13]. Изучив эти труды, А.Г.Герцен и Ю.М.Могаричев остановились (вслед за Ф.К.Бруном) на том, что изначальное тюркское имя крепости Чуфут-кале произносилось Кырк-ор. Оно могло быть переведено как «Сорок замков» (с. 51, 53).

Из сохранившихся тюркских письменных источников самым старым считается текст ярлыка ордынского хана Тимур-Кутлука (1395–1401) от 1398 г., начертанный буквами уйгурского алфавита. В нем прежнее название Чуфут-кале воспроизводится в форме Кырк-ер. Оно традиционно переводится по-русски как «Сорок мест» [Радлов, 1889, с. 29]. Имеются в виду места поселения людей, т.е. населенные пункты. Продолжив эту линию, можно говорить о 40 замках, городах или крепостях. Название Кыркор (не Кырк-ор) воспроизводит только русское произношение названия крепости Кырк-ер. Оно утвердилось в русско-крымской официальной переписке начиная со второй половины XV в. [Смирнов, 1887, с. 103–104]. Наименование Кыркор употреблялось до XIX в. включительно даже в научных трудах русских востоковедов. Например, в 1872 г. И.Н.Березин опубликовал текст ярлыка крымского хана Менгли-Гирея (1466–1475, 1479–1515) от 1467 г., начертанный буквами арабского алфавита [Березин, 1872, с. 1–2]. Воспроизводя тюркское произношение названия интересующей нас крепости, И.Н.Березин обозначил его в русском переводе ярлыка как Кырк-ер. Говоря об этой крепости в примечаниях, он же привел только традиционное русское ее обозначение — Кыркор [Березин, 1872, с. 4, 9]. Наименование в форме Кырк-ор никогда не существовало: от него следует отказаться в пользу Кырк-ер.

Широко распространенное восприятие тюрками наименования крепости как «Сорок мест» так или иначе отразилось и в иноязычных средневековых описаниях Крымского полуострова. Так, посланец французского короля Виллем де Рубрук в 1253 г. посетил Восточный Крым, где услышал, что между Судаком и Херсоном расположены 40 замков

(с. 50). Как отмечалось выше, арабский ученый Абу-л-Фида в 1321 г. называл Крым «страной 40 городов». Такого рода примеры для авторов XV–XVI вв. — обычное явление. Для нас они служат подтверждением факта существования крымской крепости под названием Кырк-ер начиная по крайней мере с середины XIII в.

Казалось бы, с этим утверждением не согласуются только данные из географии Абу-л-Фиды о крепости под названием Кырк-ри. Арабское написание наименования крепости у Абу-л-Фиды отличается от такового же в цитированном ярлыке Менгли-Гирея только положением буквы *йа*. Если в названии Кырк-ри последнюю букву поменять местами с предпоследней, то в новой позиции буква *йа* будет читаться по-русски *е*, а все название получит вид Кырк-ер. Видимо, в своем труде Абу-л-Фида воспользовался названием крепости Кырк-ер, которое было написано с ошибкой. Ошибочное написание он попытался этимологизировать. С некоторой натяжкой он реконструировал тюркское словосочетание Кырк-[э]ри (изафет II). Правильное чтение названия дает тюркское словосочетание Кырк-ер (изафет I), которое не имеет специальных морфологических показателей [Серебренников, 1986, с. 261].

Авторы книги предупреждают, что «искать буквальное соответствие значения топонима особенностям местности довольно опасно. Можно легко впасть в заблуждение» (с. 53). Конечно, опасность ошибиться присутствует при любом исследовании. И все же попытки объяснить подоплеку названия «Сорок мест» исходя из особенностей места расположения крепости Кырк-ер автором этих строк предпринимались, однако они ни к чему не привели.

Выход из создавшегося тупика мне указал в личной беседе тюрколог-лингвист В.Г.Гузев. Он предложил отказаться от восприятия первого слова в словосочетании Кырк-ер как числительного «сорок». Действительно, это числительное издревле произносилось тюрками как *кырык* или *кырк* [Древнетюркский, 1969, с. 446]. Но точно так же произносилось и прилагательное, образованное от тюркской глагольной основы *кыр-* (которую выше мы рассматривали в качестве первой составляющей в существительном *кырым*) и аффикса *-ык*, имеющего значение обладания каким-либо признаком или свойством [Серебренников, 1986, с. 114]. В таком случае слово *кырык*, или *кырк*, значило «разбитый, разломанный» [Будагов, 1869, с. 51], а словосочетание *кырк ер* — «разломанное место, разлом, расселина». Мало того, значение «разлом, расселина» могло иметь и отдельно взятое слово *кырк* [Будагов, 1869, с. 51]. Последнее обстоятельство объясняет, почему в

рукописи арабской хроники Байбарса один из трех городов, ограбленных Мамаем в 1299 г., назывался Кырк. Теперь ясно, что это был сокращенный вариант названия крепости Кырк-ер.

Попытка объяснить новую этимологию прежнего тюркского названия крепости исходя из особенностей ее местонахождения была существенно облегчена детальным описанием Чуфут-кале в книге А.Г.Герцена и Ю.М.Могаричева и привела к следующим результатам. Плато, на котором расположено городище Чуфут-кале, представляет собой отрог горного массива, ограниченный с трех сторон вертикальными обрывами высотой до 50 м. Над уровнем окружающих долин оно поднято на 200 м. Территория городища делится на три хорошо выраженные части: пустырь — незастроенную часть плато с запада площадью ок. 36 га, Старый город — ок. 7 га и Новый город — более 3 га. При первом взгляде на плато кажется, что взобраться на него невозможно. Однако имеются три узкие и крутые расселины, одна — на юго-западном и две — на северо-западном склонах. В расселинах были созданы оборонительные узлы, состоявшие из защитных стен и искусственных пещерных сооружений. В обширном распадке южного склона, ныне закрытом стеной с воротами Кичик-капу, построенными, скорее всего, в XV в., древняя линия обороны проходила у верхней кромки плато и перекрывала узкий извилистый скальный проход (с. 6, 8–9, 16, 43).

Проникнуть на место древнейшей застройки крепости Старый город, высившейся на недоступной для пешехода и всадника крутизне, можно было только по горной дороге, устроенной в скальном разломе, рассекавшем южный склон плато. Этот разлом, или расселина, и был причиной наименования крепости Расселиной (Кырк-ер) тюркским населением предгорных долин. После монголо-татарского завоевания Крыма в середине XIII в. крымская Алания с центром в Кырк-ере вынуждена была подчиниться ордынской власти. Ее правитель получил от хана звание темника. Управляемая им территория обрела статус ордынского тюмена [Тизенгаузен, 1884, с. 92–93, 116–117]. Косвенное управление хана сменилось прямым ордынским управлением Кыркерским тюменом в середине XIV в. Скорее всего, это произошло в смутное время борьбы за власть Джанибека (1342–1357), имевшей место в период от смерти Узбека осенью 1341 г. до утверждения на престоле Джанибека весной 1342 г. [Григорьев, 2002, с. 42–45]. После этого в Кырк-ере резко изменился этнический состав населения, город стал по-настоящему ордынским. Языком общения его жителей сделался тюркский. Прежнее тюркское половецкое значение Кырк-ер, «Рас-

селина», скоро забылось. Возобладала широко распространенная среди ордынских тюрков еще в XIII в. народная этимология названия города Кырк-ер — «Сорок мест».

Рассмотрение прежних наименований Чуфут-кале приводит нас к выводу: единственным документально подтверждаемым прежним названием Чуфут-кале является тюркский топоним Кырк-ер, понимаемый как Расселина.

Загадка крепостных стен города Старый Крым

Известно, что собственно золотоордынские города не имели крепостных стен. Их были лишены такие, например, ордынские центры, как Сарай, Хаджитархан, Укек, Сарайчук и Гюлистан. О точном месте нахождения последнего оповестил научный мир волгоградский ученый И.В.Евстратов лишь в 1997 г. [Григорьев, 2004, с. 215–226].

Ордынский город Крым (ныне — Старый Крым) на Крымском полуострове первоначально, т.е. с 40-х годов XIII до середины XIV в., также не был обнесен крепостными стенами. Во второй половине XIV в., когда Крым являлся центром Крымского тюмена Золотой Орды, каменные стены вокруг города все-таки были возведены. Петербургский ученый М.Г.Крамаровский, многие годы посвятивший организации и проведению археологических раскопок на территории Старого Крыма, создал план-схему города в XIV–XV вв., на котором уверенно прослеживается опоясывающая Крым линия крепостных стен [Крамаровский, 1989, с. 152].

Утверждение некоторых историков о том, что само название «Крым» означает по-монгольски «крепостная стена, крепость», ныне признается заблуждением. Тюркский топоним «Кырым», произносимый нетюрками «Крым», переводится как «яма, ров». Еще в эллинистической древности перешеек, соединявший Таврический полуостров с материком, был перекопан громадным рвом. Следы этого «перекопа» сохранились до наших дней. Для коней кочевников-тюрков, в частности половцев, с середины XI до начала XIII в. безраздельно владевших степями и предгорьями полуострова, ров служил ощутимым препятствием. Этот ров (греч. τάφρος), поражавший воображение степняков, и послужил основанием для названия всего полуострова Крымом. То же наименование перешло и на ордынский экономический и

политический центр полуострова и всего Северного Причерноморья [Григорьев, 1995, с. 21–29].

Более или менее точное время возведения каменных крепостных стен вокруг г. Крым, конкретные обстоятельства, побудившие тогдашнее ордынское руководство предпринять и завершить строительство этого достаточно крупного и в высшей степени затратного сооружения, так же как имя человека, отдавшего приказ на превращение города в крепость и проследившего за неукоснительным исполнением этого предприятия, до настоящего времени продолжают оставаться исторической загадкой. Полагаю, что настало время эту загадку разрешить.

После того как летом 1359 г. в Орде при невыясненных обстоятельствах скончался хан Бердибек (1357–1359), там начался, по словам русских летописцев, период «великой замятни», который захлестнул всю территорию Ордынской державы и закончился не ранее окончательного утверждения на сарайском престоле хана Токтамыша (1378–1395), что произошло лишь в конце 1380 г. [Григорьев, 2004, с. 133–177]. Лихолетье «великой замятни» выдвинуло на историческую арену страны личность, во многих отношениях замечательную, в восприятии значительной части населения Орды харизматическую и по сей день для историков загадочную. Этого человека звали Мамай.

Имя Мамая неотделимо вросло в историю России, где, как мне представляется, и сегодня трудно найти человека, который не слышал бы хоть краем уха это имя в самом неожиданном контексте. Оно вошло в русский фольклор, стало нарицательным. Нередко можно встретить русскую фамилию Мамаев. Каждому русскому понятны словосочетания «мамаево нашествие» и «мамаево побоище». При всем том даже среди отечественных специалистов-историков до сих пор нет человека, который отчетливо представлял бы себе родственные связи Мамая и конкретные обстоятельства, способствовавшие стремительному взлету и непререкаемому авторитету в ордынской среде этого, безусловно, выдающегося государственного деятеля Золотой Орды.

При анализе содержания так называемой «Платежной ведомости Тайдулы», дошедшей до нас в составе коллекции, включавшей в себя десять золотоордынских документов, сохранившихся в архивах Венеции, я выдвинул ряд доводов, которые косвенно свидетельствовали о принадлежности Мамая к роду супруги хана Узбека (1313–1341) Тайдулы, бывшей матерью хана Джанибека (1342–1357) и бабкой Бердибека. То есть Мамай, зафиксированный в «Платежной ведомости Тайдулы» под именем Кичиг-Мухаммед, являлся старшим сыном Кутлугбуги, который в 1351–1357 гг. был беглербеком в правительстве

Джанибека, а в конце 1358 или начале 1359 г. при содействии своей родственницы Тайдулы стал правителем Крымского тюмена [Григорьев, 2002, с. 204–217].

До последнего времени мне была неведома племенная принадлежность Мамая. В современных ему официальных восточных хронографах о ней не упоминалось по причине своей общеизвестности, а русских летописцев она, естественно, не интересовала. Недавно я познакомился с незаслуженно забытым отечественными востоковедами сочинением по истории Золотой Орды под названием «Чингиз-наме» («Книга о Чингисидах»). Оно написано по-тюркски на материале исторических преданий неким Утемишем-хаджи по поручению Шибанида Ишсултана, всего год (1557–1558) правившего Хорезмом. С конца XIX в. выявлен только один неполный список «Чингиз-наме», хранящийся в Узбекистане. Он датируется XVIII — началом XIX в. Востоковед В.П.Юдин (1928–1983) выполнил перевод текста «Чингиз-наме» с тюркского языка на русский, подготовил к изданию его транскрипцию и факсимиле. В 1992 г. издание памятника осуществила в Казахстане Ю.Г.Баранова [Утемиш-хаджи, 1992]. Утемиш-хаджи неоднократно отмечал, что Мамай происходил из племени кыйат [Утемиш-хаджи, 1992, с. XXX, XXXVIII, XLVII (текст), 108, 113, 118 (перевод)]. У меня нет оснований не доверять автору «Чингиз-наме».

Наиболее авторитетный специалист по вопросам о происхождении и составе монгольских и тюркских племен в средние века Абу-л-Фадл Рашид ад-Дин (1247–1318) в своем персоязычном сочинении «Джами ат-таварих» («Сборник летописей») сообщал, что монгольское племя кыйат берет свое начало от прадеда Чингис-хана Кабул-хана. Кыйатами стали называть его детей и внуков. Так что кыйатами были сын Кабула Бартан-бахадур, дед Чингис-хана, и сын Бартана Есугэй-бахадур, отец Чингис-хана [Рашид-ад-дин, 1952, с. 32, 46, 48]. Ко времени жизни Мамая в преобладающей по численности тюркоязычной среде Золотой Орды представители племени кыйат уже утратили монгольский язык и стали говорить по-тюркски, хотя, конечно, все они еще прекрасно осознавали древность и знатность своего происхождения. Помнили об этом все слои золотоордынского общества. Это помогло возвыситься в Орде как самому Мамаю, так и до него его отцу Кутлугбуге и их не менее знаменитой соплеменнице Тайдуле. Позднее, в XV–XVII вв., племя кыйат полностью влилось в состав других тюркских племен Центральной Азии [Султанов, 1982, с. 15, 30, 41, 48].

События, случившиеся в Орде после кончины Бердибека летом 1359 г., Мамай встретил в Сарае. Он жил при ханском дворе и был

женат на сестре Бердибека. При жизни последнего Мамай в качестве ханского зятя завоевал себе право заботиться о безопасности державной семьи — женах, детях и других кровных родственниках хана. После смерти Бердибека он полностью взял эти обязанности на себя и до своей кончины оставался хранителем ханской ставки (орды), т.е. прежде всего семьи и личной казны Бердибека. Мамай в этом своем качестве устраивал всех «законных» Джучидов, бившихся между собой за «высокое место» (*улуг-орун*) — ханский трон. Кроме того, в развернувшейся после смерти Бердибека вакханалии кровавых разборок между Джучидами — претендентами на сарайский престол — каждый из них остро нуждался в материальной и людской поддержке со стороны местных племенных вождей. Мамай, представлявший в Сарае своего отца, правителя Крымского тюмена и предводителя всех князей правого (западного) крыла Золотой Орды, возглавлявшего мощный племенной союз, и в этой ипостаси был нужен каждому претенденту. Поэтому Мамай сравнительно спокойно продолжал жить в Сарае при дворах, последовательно сменявших друг друга, Кулпы, Навруза, Хызра, Халифы, Орды-шейха и Тимура-ходжи [Григорьев, 2004, с. 134–144].

Осенью 1361 г. на Сарай нагрянул самозванец Кельдибек, объявивший себя сыном Джанибека. Самозванца поддерживали племенные вожди, составлявшие оппозицию предводителю князей правого крыла Кутлугбуге. Оппозицию возглавлял родовой князь Яглыбай, сын Тоглубая, для которого Кельдибек служил знаменем, призванным объединить вокруг своей особы всех недовольных приходом к власти в Сарае «чужих» Джучидов, пришедших с Востока и не принадлежавших к роду «своих» Джучидов-Батуидов.

Прежде, опираясь на неосновательные допущения, я предполагал, что Яглыбай был вождем племени бахрин, состоявшего в родстве с кунгратами [Григорьев, 1994, с. 31]. Теперь, ознакомившись с сочинением Утемиша-хаджи, который четко определял принадлежность отца Яглыбая к старинному тюркскому племени канглы [Утемиш-хаджи, 1992, с. XXX (текст), 108 (перевод)], зафиксированному еще Рашид ад-Дином и более поздними авторами [Рашид-ад-дин, 1952, с. 201, 221; Султанов, 1982, с. 30, 41], я изменил свое мнение и принял точку зрения Утемиша-хаджи. Таким образом, установлено, что Яглыбай являлся вождем изначально тюркского племени канглы, в период великой замятни в Орде противопоставлявшего себя властным устремлениям монгольского по происхождению племени кыйат, руководимого отцом Мамая Кутлугбугой. Родовым гнездом служил Яглыбаю портовый город Янгишехр, располагавшийся на юго-востоке Крымского полу-

острова, в районе бухты Двуякорной, к югу от Кафы (Феодосии). Венецианцы называли этот порт Провато [Григорьев, 1994, с. 28–36].

Вначале Яглыбай, ставший улугбеком в правительстве Кельдибека, получил тайную материальную поддержку от венецианского консула в Азаке (Азове), собрал и вооружил армию. Затем, под лозунгом возвращения трона Джучидам-Батуидам, двинул войска на Сарай. В сентябре–октябре 1361 г. Яглыбай выбил из ордынской столицы Тимурходжу, который вскоре был убит. После этого Яглыбай посадил Кельдибека на трон в Сарае, где последний продержался до лета 1362 г. В этот промежуток времени Кельдибек и стоявший за ним Яглыбай преуспели в деле физического устранения ордынской княжеской элиты, состоявшей из вождей племен правого и левого крыла. Погибли «старые» князья: старший брат Кутлугбуги Могулбуга, Сарай-Тимур, Нангудай и др. [Григорьев, 2004, с. 144–145].

После нападения на Сарай Кельдибека Мамай, предвидя скорый захват города, участь своего родного дяди Могулбуги и свою собственную, вместе с бывшей ставкой Бердибека, его женами, детьми и остатками ханской казны перебрался на правый берег Волги, а затем проследовал до резиденции Кутлугбуги в Крыму. Там он провозгласил законным наследником ордынского престола одного из ближайших родственников Бердибека (скорее всего, сына) по имени Абдулла. Потом, при содействии отца и финансовой помощи генуэзцев Кафы, которая располагалась в границах Крымского тюмена, Мамай снарядил войско и весной 1362 г. двинул его в поход на засевшего в Сарае Кельдибека. Летом того же года противники встретились в решающем сражении. Кельдибек был разбит и бежал вместе с Яглыбаем, оставив Сарай победителю. Мамай посадил Абдуллу на общеордынский трон, а сам стал улугбеком в его правительстве. Началась чеканка сарайской монеты с именем Абдуллы. Однако долго продержаться в Сарае новый хан и правивший за него Мамай не смогли. Уже осенью 1362 г. они были изгнаны из столицы младшим братом Хызра Мюридом, который еще при жизни старшего брата обосновался в Гюлистане, приблизил к себе местную родовую знать и в 1361 г. объявил себя ордынским ханом [Григорьев, 2004, с. 145–147].

Мамай, осенью 1362 г. изгнанный Мюридом из Сарая, опять вернулся в отцовский тюмен. Он довольно быстро осознал бесперспективность стремления большинства претендентов на ордынский престол к немедленному захвату традиционной столицы. В те бурные годы, когда число претендентов просто не поддавалось счету, а политическая ситуация в стране непредсказуемо менялась практически еже-

дневно, легче было неожиданным наскоком овладеть столицей, чем удержаться в ней сколько-нибудь продолжительное время. Пример Мюрида показал Мамаю, что прежде следует капитально обосноваться в другом, более спокойном месте. Нужно было подготовить для себя прочный тыл, предельно расширить и укрепить свою материальную и людскую базу, реальными достижениями внушить своим сторонникам спокойную уверенность в будущем, а потом уже решительно и неотвратимо выступить против внешних противников и овладеть Сараем.

Вначале Мамай решил обеспечить безопасность ханской ставки покойного Бердибека, совместив ее с недавно образованной ставкой Абдуллы. Далеко к северу от Крыма, в излучине Днепра, в пределах обширного Великого Луга (Улуг Чаир), было подыскано место, идеально подходившее для постоянного убежища потомков Бердибека. Оно было скрыто в днепровских плавнях среди речных проток, озер и болот. Ныне там находятся развалины золотоордынского города площадью около 10 га. Городище было обнаружено в 1953 г. в урочище Великие Кучугуры в 30 км к югу от г. Запорожье (Украина). В городе-убежище в спешном порядке возвели минимум самых необходимых монументальных кирпичных зданий, в числе которых был и монетный двор. Крепостных стен не строили. Город получил официальное название Орда (Орду). С начала 1363 г. здесь регулярно чеканили серебряные дирхемы и медные пулы от имени Абдуллы (1363–1370) и сменившего его Мухаммеда Бюлека (1370–1380) [Григорьев, 1990, с. 152–158; Григорьев, 1983, с. 50–51].

Что касается самого Мамая, являвшегося не номинальным, а подлинным владыкой на территории правого крыла Золотой Орды, то он задумал обосноваться в резиденции правителя Крымского тюмена — г. Крым, имевшем давние и хорошо отлаженные многосторонние связи со всеми регионами правого крыла и далеко за его пределами. Сам по себе город, будучи расположенным в широкой, открытой лощине, не имел, как и все собственно ордынские поселения, крепостных стен. Для кочевников-степняков, составлявших основную массу населения Золотой Орды, такое положение было обыденно-привычным. Неприемлемым оно показалось лишь такому прирожденному лидеру и стратегу, каким являлся Мамай. Для него не прошли бесследно два с половиной года, с лета 1359 до осени 1361 г., проведенные в Сарае, когда столицу шесть раз одним махом захватывали очередные претенденты на всеордынский престол, когда он сам еще летом 1362 г. торжествовал победу над Кельдибеком в Сарае, а осенью того же года познал горечь поражения и бегства из вожделенной столицы, сметенный уда-

ром конницы Мюрида и перешедшего на его сторону двоюродного брата Мамая Ильяса. Оперативно найдя решение проблемы организации дальнего убежища для ханской ставки в Орде на Днепре, Мамай, выбрав удобное время, столь же энергично и совершенно нетрадиционно для ордынцев, решил и проблему укрепления собственной резиденции на Крымском полуострове — он обнес г. Крым каменными стенами.

Живым примером пользы и необходимости каменных стен для Мамая являлась, конечно, генуэзская крепость Кафа, находившаяся в 26 км к востоку от резиденции правителя Крымского тюмена. С разрешения золотоордынского хана генуэзцы основали торговую факторию в Кафе еще в 70-х годах XIII в. В 1340 г. они начали там строительство каменной крепости, которое закончилось в 1352 г. Реконструкция крепости, выполненная в 1998 г. С.Г.Бочаровым, показывает, что общая длина ее стен составляла около 1440 м, их средняя высота — 13, средняя высота башен — 20 м. Площадь городской территории, защищенная стенами, — 11,3 га.

Это была та самая крепость, которую тюркоязычное население полуострова называло Френк-хисар, т.е. Франкская крепость. Довольно подробное описание крепости, представлявшей собой в середине XVII в. старинную цитадель Кафы, содержится в «Книге путешествия» турецкого бытописателя Эвлии Челеби [Evliya Çelebi, 1928, c. 672–673]. Не успели еще строители завершить возведение крепостных стен вокруг Кафы, как летом 1345 г. к городу подступило ордынское войско под командованием беглербека Могулбуги, не скрывавшего своего намерения овладеть главным оплотом генуэзцев в Северном Причерноморье. Однако в то время генуэзцы сумели предотвратить ордынскую угрозу [Григорьев, 2002, с. 83–84]. В 1352 г., когда было завершено строительство крепости, политическая обстановка в Золотой Орде накалялась с каждым годом. После смерти Бердибека в 1359 г. эта напряженность вылилась в «великую замятню» 60–70-х годов.

Насколько мне известно, до сих пор у историков-медиевистов не возникал вопрос относительно места добычи камня, из которого строились крепостные стены и башни Кафы. Хотелось бы также знать: кто занимался заготовкой и обработкой каменных блоков, кто и как транспортировал их к месту строительства, кто осуществлял кладку названных сооружений? Конечно, свои архитекторы и «прорабы» у генуэзцев имелись, но они были не в состоянии везти за тысячи миль из метрополии в Кафу собственную рабочую силу. Тогдашними коренными жителями Крымского полуострова, имевшими многовековой опыт

обращения с камнем, были греки и армяне, составлявшие, кстати, преобладающую по численности долю населения и самой Кафы. Однако торговцы и городской плебс не могли составить армию строительных рабочих Кафы. Такое дело было по плечу лишь профессиональным каменщикам, которые из поколения в поколение занимались своим ремеслом.

За века проживания на Крымском полуострове греческих и армянских колонистов в их городских центрах постоянно велось строительство всякого рода монументальных каменных сооружений. Строительный материал проще всего было добывать в каменоломнях гористого Южного берега. Последнее обстоятельство привело к созданию там целого ряда поселений, население которых было занято преимущественно добычей, обработкой и транспортировкой камня. Из рядов этих каменщиков вышли и квалифицированные строительные рабочие. Гористая и сильно пересеченная поверхность Южного Крыма не позволяла перевозить по ней массивные каменные блоки на сколько-нибудь значительное расстояние. Гораздо легче было переправлять камень вдоль морского берега по воде на плотах и специальных судах. Идеальным местом для появления поселений каменщиков на Южном берегу было побережье в районе Судакской бухты Черного моря. Там в небольшой, окруженной горами плодородной долине с III в. н.э. существовал город-порт Судак (*алан.* Сугдак, *греч.* Сугдея, *рус.* Сурож, *генуэз.* Солдайя). В XIII в. в Судаке основали свою торговую факторию венецианцы. Последние активно не занимались каменным строительством. Поэтому местное население, сосредоточенное по соседству с Судаком и традиционно занимавшееся «каменным промыслом», свободно могло перевозить камень на запад и восток по морю — например, в Кафу, расположенную всего в 60 км к северо-востоку от Судака. Из этого камня и руками этих строителей и была возведена первая каменная крепость в Кафе.

Сказанное выше приблизило нас к пониманию необходимости для Мамая использовать опыт генуэзцев в деле укрепления собственной резиденции на Крымском полуострове. Орда, скрытая в днепровских плавнях ставка-убежище для последних представителей рода Джучидов-Батуидов, постоянно охраняемая и опекаемая Мамаем, с 1363 г. уже функционировала, а город Крым (будущий Старый Крым) все еще не был защищен крепостными стенами. Тогда Мамай не был готов, ни морально, ни материально, к тому, чтобы отдать приказ на возведение стен.

В начале 1363 г. очередной претендент на ордынский престол — Пулад-ходжа овладел Сараем и вынудил Мюрида вернуться в Гюли-

стан, где последний чеканил от своего имени монету еще с 1360 г. Для русских князей Московского, Нижегородского и Тверского княжеств, постоянно соперничавших между собой в борьбе за великокняжеский престол во Владимире, с начала 60-х годов XIV в. реальное значение представляли две политические и военные силы, персонифицированные в именах Мюрида и Мамая, от лица каждого из которых русским князьям попеременно доставлялись назначения-утверждения на пост великого князя Владимирского. В русских летописях того времени эти силы назывались Мюридова (Муротова) и Мамаева орды.

Между тем «великая замятня» в Золотой Орде продолжалась. Пулад-ходжа и его родственник Азиз-шейх продержались в Сарае до лета 1367 г. Затем, с 1367 до 1374 г., Батуиды Мамаевой орды — Абдулла и Мухаммед Бюлек номинально числились сарайскими владыками, хотя фактически они лишь изредка покидали свою основную базу в Орде на Днепре. В Сарае их представляли в основном наместники и оставляемые там Мамаем военные гарнизоны. Муротова орда после смерти ее создателя в начале 1364 г. довольно быстро сошла на нет. На окружающих ее землях активизировались местные родовые князья. Однако составить серьезную конкуренцию Мамаевой орде никто из князей правой руки уже не мог [Григорьев, 2004, с. 147–162].

В только что описанное время на Крымском полуострове случилось событие, которое для Мамая, вдали от Крыма занятого борьбой за общеордынский престол, вначале прошло незамеченным, но затем вдруг приобрело первостепенное значение. В 1365 г. генуэзцы Кафы овладели Судакским портом. Это дало им возможность, во-первых, потеснить своих извечных торговых соперников венецианцев, а во-вторых, обезопасить свою основную базу Кафу, резко увеличив поставку в нее строительного камня для устройства оборонительных сооружений. Одновременно генуэзцы принялись возводить к востоку от порта укрепление на горе, на месте крепостных сооружений прежних эпох. Эта Судакская крепость фрагментарно сохранилась до наших дней [Опочинская, 1986, с. 256–265; Баранов, 1989, с. 46–62]. Наиболее ранняя из генуэзских строительных плит датирована 1371 г. [Skrzinska, 1928, с. 107].

Между тем осенью 1374 г. подошедшая с востока армия Джучида Уруса через Сарайчук на Яике пробилась к Сараю. Там произошло сражение Уруса с войсками Мамая. Победу одержал Урус, вынудивший Мамая отступить в Крым и провозгласивший себя общеордынским ханом [Григорьев, 2004, с. 162–167]. Вернувшийся в Крым Мамай наконец-то в полном объеме осознал опасность, грозящую ему

в связи с военным укреплением генуэзцев в Судаке и Кафе. Уже в начале 1375 г. Мамай радикально решил генуэзскую проблему. Он распорядился взять под свою руку 18 селений Судакской долины [Balard, 1978, с. 161]. Поток строительного камня, перевозимого по морю из Судака в Кафу, после этого не иссяк, а, наоборот, резко возрос. Только теперь этот камень, после доставки его в Кафинский порт, судакские каменотесы и строительные рабочие стали грузить на телеги и транспортировать далее на запад — в резиденцию Мамая. Из судакского строительного камня и были возведены крепостные стены вокруг г. Крыма. Это строительство продолжалось с 1375 до осени 1380 г. — времени смерти Мамая.

Откуда известно точное число селений Судакской долины, отписанных в 1375 г. в подчинение Мамаю? Это уже отдельная история, документально засвидетельствованная в двух ордыно-генуэзских соглашениях, подписанных на Крымском полуострове в 1380–1381 гг. Их тексты сохранились в старинных переводах на генуэзский диалект итальянского языка и неоднократно публиковались. Однако обстоятельное источниковедческое исследование данных актов по ряду причин до сих пор не проводилось. Поскольку пункт названных соглашений относительно 18 селений, приписанных к Судаку, имеет непосредственное отношение к рассматриваемой мною теме, приведу здесь его полный текст и русский перевод:

Queli dixoto casay li quay eran sotemixi e rendenti a Sodaja quando lo [grande] comun preyse Sodaja po[ss]a Mamaj segnò ge li leva per forza queli dixoto casay sean in la voluntay e bayria de lo [grande] comun e de lo consoro [de Caffa e de tuti li Zenoeysi in lo Imperio de Gazaria] e seam franchi de lo Imperio [de Gazaria] [Desimoni, 1884, с. 163].

«Те восемнадцать селений, которые были подчинены и переданы Судаку, когда Великая коммуна (Генуи) овладела Судаком, и которые затем силой захватил Мамайбек, те восемнадцать селений будут находиться во власти и распоряжении Великой коммуны и консула Кафы и всех генуэзцев в империи Газарии и будут независимы от империи Газарии (т.е. Золотой Орды. — *А.Г.*)»[2].

Отдельные слова в итальянском тексте фрагмента ордынско-генуэзского соглашения, заключенные мною в квадратные скобки, не примыслены мною, а взяты из подобного рода словосочетаний, находящихся в начале текста того же соглашения.

---

[2] Перевод данного фрагмента осуществлен при любезном содействии В.П.Григорьева.

Введем содержание переведенного фрагмента в хронологические рамки. В 1365 г. Генуя овладела Судаком и приписала в подчинение Великой коммуне 18 селений Судакской долины. Прошло 10 лет, и в 1375 г. владыка Мамаевой орды вывел упомянутые 18 селений из подчинения Генуе и представлявшему ее в Золотой Орде кафинскому консулу и взял под свою руку. Началось интенсивное сооружение крепостных стен вокруг резиденции Мамая в Крыму, продолжавшееся до его смерти осенью 1380 г. Пришедший с востока Джучид из рода Тука-Тимура, Токтамыш, овладевший Сараем еще в 1378 г., смог победить Мамая лишь после того, как последний потерпел сокрушительное поражение 8 сентября 1380 г. от русских войск на Куликовом поле. Объединив под своей властью оба крыла Золотой Орды, Токтамыш, через своего представителя, главу Крымского тюмена, подписал 27 ноября 1380 г. в Крыму с уполномоченным дожа Генуи, кафинским консулом, договор, согласно одному из пунктов которого 18 селений Судакской долины возвращались под генуэзское управление. 24 февраля 1381 г. в связи со сменой главы Крымского тюмена указанное выше соглашение, по поручению Токтамыша, было продублировано. В цитированной мною публикации К.Десимони тексты обоих соглашений напечатаны двумя параллельными столбцами [Desimoni, 1884, с. 162–166].

Похоже на то, что местные ордынские чиновники не спешили выполнять условия интересующего нас пункта того и другого соглашений. Поэтому летом 1383 г., по предписанию очередного кафинского консула, оба подлинных текста соглашения, начертанные уйгурскими буквами по-тюркски, были извлечены из архива кафинской канцелярии и 28 июля того же года переведены на генуэзский диалект итальянского языка [Desimoni, 1884, с. 161–162]. Скорее всего, названные переводы были внимательно рассмотрены консулом Кафы и его советниками и отредактированы на предмет усиления доводов о необходимости скорейшего возвращения 18 судакских селений под генуэзское управление. Новое рассмотрение этого дела ордынской администрацией привело наконец к его подлинному разрешению в том же, 1383 г. Судакский строительный камень и квалифицированные каменщики из злополучных 18 селений Судакской долины тотчас стали использоваться генуэзцами для широкомасштабных работ по возведению внешнего оборонительного кольца вокруг цитадели Кафы [Бочаров, 1998, с. 82–116]. В дошедшем до нас переводе на латынь ордыно-генуэзского соглашения от 1387 г. отсутствует всякое упоминание о проблеме 18 селений [Basso, 1991, с. 25–26].

Город Гюлистан

Автор этих строк с некоторым опозданием познакомился с нумизматическим исследованием волгоградского ученого И.В.Евстратова [Евстратов, 1997, с. 88–118]. Результаты этого знакомства заставили меня пересмотреть целый ряд своих прежних воззрений на нюансы конкретной исторической ситуации, приведшей к созданию некоторых золотоордынских письменных источников, рассмотренных мною ранее.

Работа И.В.Евстратова заслуживает того, чтобы с нею познакомились все исследователи истории средневековой России, в особенности те, чьи труды связаны с исторической географией Золотой Орды. Считаю своим долгом повторить основные выводы, к которым пришел И.В.Евстратов.

Исследователь начал с того, что, поставив перед собой задачу уточнить названия золотоордынских городов, находившихся в Поволжье на местах Селитренного и Царевского городищ, разработал оригинальный метод локализации золотоордынского города, известного как место чеканки монет. Он пришел к заключению, что такой город следует локализовать на том городище, где встречаемость различных типов медных монет, чеканенных в искомом городе, равно как и частота встречаемости большинства из них, выше, чем на других городищах. Иными словами, новый метод предусматривал сравнительное изучение нескольких монетных комплексов и не учитывал наличия в них серебряных монет [Евстратов, 1997, с. 88–95].

Материалом для исследования И.В.Евстратову послужили монеты из опубликованных в научной литературе монетных комплексов Булгарского, Царевского и Селитренного городищ. Результаты приложения его метода к названному монетному материалу выглядели следующим образом. Попытка локализовать Новый Сарай показала, что из 30 монетных типов с именем этого города в монетной легенде на Булгарском городище зарегистрировано 14 типов, на Царевском — 16, на Селитренном — 25. Приоритеты по частоте встречаемости каждого типа распределялись так: Булгарское городище имеет приоритет 4 раза, Царевское — 7 раз, Селитренное — 18 раз. Если не учитывать монеты, чеканенные в Новом Сарае в огромных количествах при Джанибеке и Хызре, которые представлены на всех трех городищах, то преимущество Селитренного станет просто подавляющим. Оставшиеся 19 типов новосарайских монет суммарно представлены на Булгарском городище 13 монетами, Царевском — 11 и Селитренном — 131 монетой.

Проведенный анализ позволяет уверенно локализовать Новый Сарай на месте Селитренного городища [Евстратов, 1997, с. 95–98].

Очень убедительно, на мой взгляд, развенчав общепринятый миф о расположении Нового Сарая на Царевском городище, И.В.Евстратов решает выяснить подлинное название города, находившегося на месте этого городища. Априори он предположил, что там был размещен загадочный город Гюлистан, местонахождение которого прежние исследователи (Х.М.Френ, В.В.Григорьев, Н.И.Веселовский) предполагали в окрестностях Царевского городища в качестве пригорода Нового Сарая [Евстратов, 1997, с. 98–99].

Здесь можно добавить, что в наши дни археолог А.Г.Мухамадиев обратил внимание на то обстоятельство, что основная масса серебряных и медных монет чекана Гюлистана обнаружена на Булгарском городище. Это дало ему основание утверждать, что и сам Гюлистан находился где-то в пределах Булгара, возможно в самом Булгаре, поскольку монеты булгарской чеканки периода 50–70-х годов XIV в. неизвестны [Мухамадиев, 1983, с. 21–23]. На основании того, что на некоторых монетах название «Гюлистан» сопровождалось эпитетом «Присарайский», археолог В.Л.Егоров предположил, что город находился на левом берегу Ахтубы, где-то неподалеку от нынешнего Царевского городища [Егоров, 1985, с. 114]. Резюмируя эти мнения, археолог Г.А.Федоров-Давыдов пришел к заключению, что и сегодня место города Гюлистана остается загадкой [Федоров-Давыдов, 1994, с. 23]. Убежденный в том, что Гюлистан находился севернее обоих Сараев, я вначале принял допущение А.Г.Мухамадиева о нахождении города где-то в пределах Булгара [Григорьев, 1985, с. 172]. Затем расстояние между Булгаром и Новым Сараем показалось мне слишком большим для того, чтобы Булгар смог устроить Тайдулу в качестве ее резиденции. Ханша нуждалась в постоянной устойчивой связи со ставкой ордынского хана, осуществлять которую, находясь в Булгаре, было бы слишком сложно. Поэтому позднее автор этих строк значительно сократил прежнее расстояние между ставкой Тайдулы и Новым Сараем, предположительно локализовав Гюлистан на месте золотоордынского города Укека (на правом берегу Волги, возле нынешнего Саратова) [Григорьев, 2004, с. 122–126].

Локализация города Гюлистана с помощью метода И.В.Евстратова по медным монетам оказалась затрудненной тем обстоятельством, что пока известны только четыре их типа, один из которых является широко распространенным на территории Золотой Орды, а еще один, наоборот, представляет большую редкость. На Булгарском городище

встречаются три из четырех типов и все четыре — на Царевском и Селитренном. По частоте встречаемости каждого типа Булгарский комплекс имеет приоритет один раз, Царевский — три раза, Селитренный — ни разу. Проведенный анализ показывает преимущество Царевского городища для отождествления с ним города Гюлистана. Состав монетных кладов, найденных на Царевском городище, подтверждает (хотя и косвенно) вывод о локализации Гюлистана именно на этом городище [Евстратов, 1997, с. 98–101].

Локализовав Новый Сарай на месте Селитренного городища и Гюлистан на месте Царевского городища, И.В.Евстратов задался вопросом о месте бытования города Сарая. Для выяснения этого ученый провел методический анализ типов пулов с обозначением места чеканки «Сарай». Для большей убедительности он сделал это отдельно по монетам Узбека и Токтамыша. Из 7 типов медных сарайских монет Узбека на Булгарском городище встречаются 5, на Царевском — 2, на Селитренном — 6. По частоте встречаемости каждого типа Булгарское городище имеет приоритет 2 раза, Царевское — ни разу, Селитренное — 5 раз. Из 10 типов медных монет Токтамыша чеканки Сарая на Булгарском городище зарегистрировано 7, на Царевском — 2, на Селитренном — 9. По частоте встречаемости каждого типа Булгарское городище имеет приоритет 3 раза, Царевское — ни разу, Селитренное — 5 раз. Общая численность сарайских монет Токтамыша составляет в Булгарском комплексе 18 монет, в Царевском — 2, в Селитренном — 70. Анализ показывает значительное превосходство Селитренного городища для локализации на нем города Сарая [Евстратов, 1997, с. 101–103].

Получается, что в Золотой Орде за все время ее существования была только одна столица — Сарай, который располагался на левом берегу волжского рукава Ахтубы на территории Селитренного городища (в 120 км выше нынешней Астрахани). На некоторых легендах сарайских монет, выполненных буквами арабского алфавита по-арабски, город в период от конца правления Узбека (1313–1341) до конца правления Токтамыша (1378–1395) назывался Новым Сараем (Сарай алджедид) [Евстратов, 1997, с. 116–118]. По письменным источникам впервые определение «новый» по отношению к Сараю стало известным из сообщения анонимного арабоязычного автора — биографа мамлюкского султана Мухаммада ан-Насира Насир ад-Дина (1294–1295, 1299–1309, 1309–1340). Сообщая о коннице Узбека, этот автор уточнил, что умер хан в Новом Сарае [Тизенгаузен, 1884, с. 254 (текст), 263 (перевод)]. Обычно это сообщение ученые трактовали как доку-

ментальное подтверждение факта одновременного существования двух Сараев — «старого» и «нового». И.В.Евстратов допускает, что сообщение о смерти Узбека в Новом Сарае могло соответствовать действительности, но это совсем не означало, что Новый Сарай находился на значительном удалении от Сарая «старого». Исследователь предполагает, что хорошо известное отсутствие (в достаточных количествах) на Селитренном городище материальных свидетельств жизни города в XIII в. объясняется подъемом уровня Каспийского моря в конце XIII в., меандрированием русла Ахтубы и сезонными паводками, которые могли смыть и похоронить под слоем песка часть города или весь город, существовавший в XIII в. Город, видимо, отступая дальше от реки, отстраивался заново. Этим и объясняется наречение его «новым» в XIV в. [Евстратов, 1997, с. 89, 103].

Еще более часты ссылки ученых на слова арабоязычного автора XV в. Ибн Арабшаха: «Между построением Сарая и разрушением тамошних мест (прошло) 63 года» [Тизенгаузен, 1884, с. 463]. Указанный срок формально позволял исследователям считать, что речь шла о разрушении Сарая войсками Тимура в 1395 г., которое случилось через 63 года после построения этого города в 1332 г. В то время всем известный Сарай уже давно существовал. Значит, речь шла о другом городе — Новом Сарае. И.В.Евстратов прочитал русский перевод рассказа Ибн Арабшаха более внимательно, чем его предшественники. Он заметил, что чуть выше арабский автор говорил о том же самом городе следующее: «Столица Дешта — Сарай... Султан Берке... приняв ислам, построил его (Сарай), избрал его столицей (своего) царства и возлюбил его» [Тизенгаузен, 1884, с. 460]. Выходило, что, во-первых, между построением Сарая ханом Берке и событиями, случившимися в 1395 г., прошло не 63 года, а значительно более продолжительное время. Следовательно, во-вторых, явно ошибочное число 63 нельзя рассматривать в качестве доказательства одновременного существования в Золотой Орде двух Сараев [Евстратов, 1997, с. 89–90].

Здесь можно предложить следующее объяснение причины появления ошибочного числа 63 в рукописи сочинения Ибн Арабшаха. Если считать, что Берке принял ислам в 1261 г. и после этого сразу заложил Сарай, то разрушение Сарая Тимуром произошло примерно через 134 солнечных года, или через 140 лунных лет. Небрежно начертанное подлинными арабскими цифрами число 140 переписчик текста рукописи (или его издатель) вполне мог принять за число 63, ибо арабская единица могла выглядеть очень похожей на шестерку, четверку легко спутать с тройкой, а нуль арабы изображают в виде простой точки.

В качестве третьего, последнего свидетельства существования двух Сараев привлекалась круговая карта мира, составленная в 1457–1459 гг. для Венецианской республики картографом Фра Мауро (ум. 1460). Последний уже в середине XV в. сделал шаг вперед по сравнению с величайшим авторитетом в области картографии — древнегреческим математиком, астрономом и картографом Клавдием Птолемеем (90–168 гг. н.э.), труд которого «География», попавший в Европу через посредство арабов, в начале XV в. был переведен на латинский язык. При создании своей карты Фра Мауро широко пользовался трудами предшественников, в особенности «Географией» Птолемея. В то же время он писал о себе: «Я все время старался проверить описание опытом, занимаясь многие годы и сообщаясь с людьми, достойными веры, видевшими собственными глазами то, что я правдиво указываю» (цит. по [Салищев, 1948, с. 56]).

На карте Фра Мауро показано Каспийское море. С севера в него впадает Волга, на левом берегу которой, в направлении от устья к северу, нарисованы два города, названные Сарай и Большой Сарай. Первый внимательный исследователь фрагмента карты Фра Мауро, включавшего территорию Поволжья, Ф.Ф.Чекалин отождествил Сарай со Старым Сараем на месте Селитренного городища и Большой Сарай — с Новым Сараем на месте Царевского городища [Чекалин, 1889, с. 19–20; Чекалин, 1890, с. 248–249].

Ф.Ф.Чекалин дополнительно привлек к своему исследованию две другие итальянские карты — братьев Пицигани (1367 г.) и Каталонский атлас (1375 г.), на которых значился только один Сарай. Фрагмент карты Фра Мауро ученый заимствовал из части ее, обнимающей территорию России, которая еще в 1871 г. была опубликована Археографической комиссией. Названное издание осуществлялось не с подлинника (хранящегося в Венеции во Дворце дожей), а с факсимиле, напечатанного в середине XV в. португальским ученым М.Сантаремом [Чекалин, 1890, с. 247].

Публикуя свою копию фрагмента карты Фра Мауро, Ф.Ф.Чекалин развернул ее ве́рхом вниз, ибо оригинал карты был ориентирован на юг, а потом уже сделал на ней все подписи. И.В.Евстратов обратил внимание на то, сколь многократные изменения претерпела подлинная карта Фра Мауро при переиздании ее Ф.Ф.Чекалиным. Исследователь отметил очевидную необходимость нового издания карты с венецианского оригинала и привлечения к расшифровке ее не только историков, но также географов и лингвистов. Только после такого комплексного исследования можно будет сделать окончательный вывод: что означа-

ют надписи на карте и насколько эта карта соответствует изображенной на ней местности [Евстратов, 1997, с. 90–91].

Автор этих строк в принципе согласен с предложенной И.В.Евстратовым перспективой — новым изданием карты Фра Мауро и последующим комплексным ее изучением. Более того, не мешало бы собрать воедино и переиздать все известные науке европейские средневековые карты, на которых нашли хоть какое-то отражение территории России и Золотой Орды, составив при этом их общий указатель географических названий. Затем следует комплексно, методично, в хронологической последовательности изучить эти карты, сопоставляя их данные с описаниями тех же территорий средневековыми восточными авторами, показаниями «Книги Большому Чертежу» и современными картами. Уверен, что подобное исследование даст свои плоды. В частности, оно поможет в деле привязки определенных ордынских населенных пунктов к десяткам уже разведанных, но пока безымянных городищ. На сегодняшний день известны следующие карты XIV–XV вв.: М.Санудо (1320 г.), П.Весконте (1327 г.), А.Дульцерта (1339 г.), анонима (1351 г.), братьев Ф. и Д. Пицигани (1367 г.), Каталонского атласа (1375 г.) и Фра Мауро (1459 г.). Пока предпринимались лишь робкие попытки их комплексного обзора [Егоров, 1985, с. 130–139].

И все-таки сказанное выше предлагает читателю не решение проблемы сегодня, а более или менее отдаленную перспективу ее решения, в то время как на взгляд автора этих строк в отношении зафиксированных на карте Фра Мауро двух Сараев уже сегодня можно вынести обоснованное и окончательное суждение.

Дело в том, что часть карты Фра Мауро, включающая в себя земли России и Золотой Орды, неоднократно публиковалась отечественными учеными в ее изначальной, южной, ориентации. Первая ее публикация 1871 г. далеко не всем доступна [Материалы, 1871], а последние издания, принадлежащие уже цитированному географу-картографу К.А.Салищеву, не очень удачны в смысле полиграфического исполнения [Салищев, 1948, с. 58, рис. 25б]. Существует хорошее издание карты в виде вклейки в исследование Л.С.Багрова [Багров, 1917, с. 16–17, рис. 24]. Данное исследование существует как отдельный оттиск из «Вестника археологии и истории, издаваемого Петроградским археологическим институтом» (Пг., 1917. Вып. 22. II + 136 с.). Названный номер выпуска «Вестника» так и не был издан в связи с революционными событиями в Петрограде. Труд Л.С.Багрова повторно опубликован без всяких изменений текста и с той же отдельной нумерацией

страниц в выпуске 23 «Вестника» (Пг., 1918). Там же имеется и вклейка интересующей нас карты. Фрагмент из нее приводится мною в настоящем издании.

Посмотрим, каким образом отмечались на карте Фра Мауро названия стран и населенных пунктов. На запад от русла Волги и в полосе Прикамья простирались земли страны, называемой Фра Мауро Татарией (TARTARIA). Это название шесть раз единообразно запечатлено на указанном пространстве карты печатными буквами латинского алфавита. Буквы, одинаковые в каждом отдельном названии, можно распределить по четырем размерам. Буквы первого, самого крупного, размера, все прописные, смотрятся как широкие белые литеры с тонкой черной окантовкой. Буквы второго размера, также все прописные, но чуть менее крупные, выполнены тонкими черными линиями. Буквы третьего размера значительно более мелкие, чем второго. В названии, начертанном ими, первая буква выделяется как прописная, а остальные пишутся как строчные. Буквы четвертого размера заметно меньше, чем третьего. В названиях, трижды начертанных ими, все литеры строчные, одинаковые по высоте. Итак, по одному разу название страны написано буквами первого, второго и третьего размеров и три раза — буквами четвертого размера.

Нелишне будет вспомнить, что название страны — Татария, отмеченное на карте Фра Мауро, не имеет прямой связи с нынешним Татарстаном. Словом «Татария» Фра Мауро именовал территорию на запад от Волги, захваченную в XIII в. кочевыми народами, которых возглавляли монголы. Теперь эту территорию историки называют Золотая Орда. Этноним «монгол» в ряде стран (и на Руси в том числе) не употреблялся. Его заменял этноним «татар», который тогда являлся названием одного из монгольских племен. В наши дни, чтобы отличить тех татар от современных, ученые пользуются двойными обозначениями: татаро-монголы или монголо-татары. Теперь посмотрим, какими по размеру буквами Фра Мауро обозначал населенные пункты Татарии. Например, названия большого города, лежавшего в низовье Волги на ее правом, западном, берегу, — Хаджитархана (azetrechan) и города Азака (Азова), располагавшегося в устье Дона и именуемого итальянцами Тана (latana), картограф одинаково обозначал мельчайшими буквами четвертого размера.

Обратив взор на территорию, отмеченную на карте Фра Мауро к востоку от русла Волги, видим на ней три страны, названия которых тщательно выписаны буквами первого размера. С востока на запад это Чагатай (ÇAGATAI), Ургенч (ORGANÇA) и Большой Сарай (SARAY

Фрагмент круговой карты

мира Фра Мауро

GRANDO). Все три страны имеют и другие обозначения типа военных округов, называемых Фра Мауро «ордами». Они написаны буквами второго размера и воспринимаются как Чагатайская орда (L ORDO DE ÇAGATAI), Ургенчская орда (L ORDO DE ORGANÇA) и Сарайская орда (L ORDO DE SARAY). В землях Чагатая буквами четвертого размера написаны названия таких, например, городов, как Кеш (ches) и Бухара (bocara). На территории Ургенча, т.е. Хорезма, можно прочитать названия старой и новой его столиц — Ургенча (Organza) и Нового Ургенча (Organça nuova). Эти названия выполнены буквами, размер которых приближается к третьему. Они начинаются с прописной буквы.

На пространстве Большого Сарая, или Сарайской орды, на левом, восточном, берегу Волги буквами четвертого размера обозначено название города Укека (lochachi). Много ниже по течению мы видим название города Сарая (Saray), начертанное буквами третьего размера. Севернее Сарая нарисован большой город, но вместо названия под ним читается обозначение всей страны — Большой Сарай. Это обозначение ни в коем случае нельзя принимать за имя города, ибо названия городов на карте Фра Мауро выполнялись только буквами четвертого или третьего размеров, а не второго или тем более первого размеров.

Придя к формально обоснованному и окончательному выводу относительно безымянности приволжского города на карте Фра Мауро, попробуем восстановить его подлинное название. Кстати, на карте 1459 г. нарисовано довольно много городов без названий. Решим загадку имени одного из них. Здесь трудно не увидеть очевидное. Если картограф поместил город Сарай в низовьях Волги на левом ее берегу, то это, конечно, и есть тот самый Сарай, или Новый Сарай, который располагался на нынешнем Селитренном городище. Его безымянный собрат, находившийся на том же берегу Волги выше по течению, просто не мог быть иным крупным населенным пунктом, кроме как Гюлистаном, от которого в наши дни осталось Царевское городище. Оба города лежали на левом берегу волжского рукава Ахтубы. Их разделяли 230 км.

Заслуга в локализации Гюлистана целиком принадлежит И.В.Евстратову. Мне хотелось бы лишь уточнить полное наименование этого города.

Благодаря «Карте монетной чеканки дирхемов Золотой Орды», составленной тем же И.В.Евстратовым [Евстратов, 1997, с. 116–118], можно заключить, что собственный монетный двор в Гюлистане был открыт в 1344 г. С этого времени дирхемы Гюлистана регулярно чеканились в течение всего времени правления Джанибека. С 1351 по

1356 г. наблюдаются ежегодные превышения объемов эмиссии дирхемов в Гюлистане над таковыми же в Сарае в 1,5–3 раза и более [Евстратов, 1997, с. 106]. Приведенные сведения хорошо дополняются письменными источниками. Именно в Гюлистане 26 декабря 1347 г. был составлен ярлык Джанибека венецианским купцам Азова [Григорьев, 2002, с. 34–77]. Мать Джанибека Тайдула выдала проезжую грамоту русскому митрополиту Алексию 10 февраля 1354 г. в том же Гюлистане [Григорьев, 2004, с. 67–71]. Там же 4 марта 1356 г. были написаны письмо правителя Крымского тюмена Рамадана венецианскому дожу и уведомление его венецианским купцам в Янгишехре [Григорьев, 2002, с. 168–184].

Приведенные взаимодополняющие свидетельства источников говорят, видимо, о том, что находившаяся в Гюлистане ставка старшей жены Узбека Тайдулы с 40-х годов XIV в. до 1356 г. фактически служила ставкой и для ее сына Джанибека. Однако бурный рост Гюлистана после смерти Узбека зиждется не на авторитете Джанибека, а на экономической и политической деятельности его матери. «Христианская заступница» Тайдула со времен Узбека пользовалась правом прямого сбора в свою пользу части ввозной пошлины с европейских торговых кораблей в Азове [Григорьев, 2002, с. 153]. Южный водный торговый путь русских купцов начинался с верховьев Дона. Этот район контролировался городом Тулой, которым владела и управляла через своих наместников все та же Тайдула [Григорьев, 2004, с. 126]. Прямой водный маршрут по Ахтубе в Сарай всем русским посланцам преграждала с севера ее ставка Гюлистан. Политическую и военную поддержку Тайдуле обеспечивали ее кровные родственники — родовые князья правого крыла. Со своей стороны она всегда поддерживала их материально [Григорьев, 2002, с. 204–217].

При внуке Тайдулы Бердибеке, когда правящий род Джучидов-Батуидов фактически самоистребился и доживал свои последние дни, а Золотая Орда находилась на грани распада, Тайдула и Гюлистан достигли пика своего могущества. Родственник Тайдулы Могулбуга занимал высший пост в правительстве Бердибека — беглербека. Его родной брат и соперник Кутлугбуга к началу 1359 г. сделался наместником Крымского тюмена [Григорьев, 2002, с. 209]. Старший сын Кутлугбуги Мамай, женатый на сестре Бердибека, занимал в столице Сарае высокое положение ханского родственника [Григорьев, 2002, с. 209–214]. В последние два года правления Бердибека эмиссия гюлистанских дирхемов в два-три раза превышала выпуск дирхемов сарайских [Евстратов, 1997, с. 117]. Сохранилось послание Тайдулы вене-

цианскому дожу, составленное 4 марта 1359 г. Место его написания читалось как Гюлистан-Сарай [Григорьев, 2002, с. 196–203].

Прежде мы не задумывались над содержанием этого обозначения, считая, что Гюлистан-Сараем назывался Гюлистанский дворец Тайдулы [Григорьев, 2002, с. 199]. Теперь осмысление мною этого словосочетания изменилось. Изначально слово «гюлистан» означает «розарий» или просто «цветник», слово «сарай» — «дворец». Однако нельзя забывать, что для самих ордынцев название их столицы — Сарай — к 1359 г. давно потеряло свой первоначальный смысл и воспринималось не как «дворец», а именно как «Главная Ставка», «Столица». Сарай в их представлении был вечным и неизменным. Поэтому, когда Гюлистан, по представлению его владычицы, по своему значению в стране достиг положения Сарая, Тайдула позволила себе официально приравнять название своей ставки к названию общеордынской столицы. Так возникло двойное название города, оба составляющих слова которого по-русски следует писать с большой буквы, соединяя их дефисом: Гюлистан-Сарай. Приблизительный русский перевод — толкование словосочетания — Гюлистан-Равностоличный. Такое определительное словосочетание, не имеющее морфологических показателей, в тюркской грамматике носит название изафет I [Серебренников, 1986, с. 261].

Дальнейшая история Гюлистана в схеме известна. Тайдула пережила в своей ставке смерть Бердибека (лето 1359 г.), короткие правления последних Батуидов — Кулпы (лето–осень 1359 г.) и Навруза (осень 1359 — лето 1360 г.). Затем на ордынском троне утвердился Ордуид Хызр (лето 1360 — лето 1361 г.), который прошел в Сарай через Гюлистан, где им была убита Тайдула. Видимо, Хызр по достоинству оценивал местоположение Гюлистана и отдавал ему предпочтение перед Сараем. Эмиссия гюлистанских дирхемов Хызра превышала выпуск его сарайских дирхемов. Мало того, Хызр первым стал чеканить в Гюлистане и медные монеты (пулы) [Евстратов, 1997, с. 112].

Сохранились два гюлистанских дирхема с именем Хызра, на которых выбита дата 763 г.х. (31 октября 1361 — 20 октября 1362 г.), а место чекана обозначено по-арабски словами «Гюлистан лис-Сарай». Таинственное словечко, которое читается как «лис», объясняется так. Оно составлено из арабского предлога «ли», обозначающего совместность, и арабского определенного артикля «ал», который перед «солнечной» буквой «син» (с нее начинается слово Сарай) надлежит произносить «ас». Сочетание «ли» + «ас» и дает «лис». Так что арабское словосочетание Гюлистан лис-Сарай равнозначно тюркскому Гюли-

стан-Сарай. Для родного брата и преемника Хызра — Мюрида Гюлистан являлся постоянной резиденцией. От него осталась масса гюлистанских дирхемов, которые датируются 760–765 гг.х. (декабрь 1358 — сентябрь 1364 г.). Сохранилось восемь его дирхемов чеканки 762–763 гг.х. (ноябрь 1360 — октябрь 1362 г.), место чекана которых обозначено по-арабски словами Гюлистан лис-Сарай. Так что, возможно, Гюлистаном-Равностоличным именовал свою ставку только один Мюрид уже после смерти Хызра.

Название города Гюлистан-Сарай на монетных легендах после Мюрида никогда более не встречается. Преемник Мюрида Ордуид Азиз-шейх чеканил дирхемы Гюлистана до 768 г.х. (1366/67 г.) включительно. В том же году войсками Мамая город был сожжен и практически полностью разрушен. Монетная чеканка в нем прекратилась [Евстратов, 1997, с. 104]. Со времен Азиз-шейха до нас дошли сарайские дирхемы 767 г.х. (1365/66 г.), на которых название столичного города передается по-арабски словами «ал-Сарай ал-джедид» (читается *ас-Сарай ал-джедид*), т.е. Новый Сарай [Федоров-Давыдов, 1980, с. 69, табл. IV]. Арабский определенный артикль перед словом Сарай встречается на легендах ордынских монет исключительно редко.

Здесь автор заканчивает изложение основных выводов, к которым пришел в своем исследовании И.В.Евстратов, а также собственных соображений в развитие и поддержку некоторых положений труда И.В.Евстратова. В нескольких словах все это резюмируется так. Ордынская столица Сарай была единственной за всю историю Золотой Орды. Иногда к тому же городу, располагавшемуся на месте Селитренного городища, применялось название Новый Сарай. На месте Царевского городища размещался город Гюлистан. В отдельные моменты истории название его писалось Гюлистан-Сарай. Последнее воспринималось ордынцами как Гюлистан-Равностоличный.

В связи с изложенным выше содержавшие географические названия Сарай, Новый Сарай, Гюлистан и Укек исторические экскурсы, которые предшествовали непосредственной реконструкции содержания текстов, исследованных когда-либо прежде лично мной или в соавторстве с В.П.Григорьевым ордынских документов, нуждаются в пересмотре. Сделать это при помощи простой замены одних названий другими не представляется возможным. Каждое отдельное историческое построение требует привлечения максимально полного набора источников. Изменение содержания хотя бы одного источника в любом конкретном комплекте неизбежно влечет за собой пересмотр построения в целом.

Багров, 1917 — *Багров Л.С.* История географической карты: Очерк и указатель литературы. Пг., 1917.

Баранов, 1989 — *Баранов И.А.* Периодизация оборонительных сооружений Судакской крепости // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI вв. Ростов-на-Дону, 1989.

Березин, 1872 — *Березин И.Н.* Тарханные ярлыки крымских ханов // ЗООИД. 1872. Прибавление к сборнику материалов.

Бертье-Делагард, 1915 — *Бертье-Делагард А.Л.* Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // ЗООИД. 1915, т. 32.

Бочаров, 1998 — *Бочаров С.Г.* Фортификационные сооружения Каффы (конец XIII — вторая половина XV в.) // Причерноморье в средние века / Под ред. С.П.Карпова. СПб., 1998, вып. 3.

Будагов, 1869 — *Будагов Л.З.* Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Т. 1. СПб., 1869.

Будагов, 1871 — *Будагов Л.З.* Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Т. 2. СПб., 1871.

Герцен, 1993 — *Герцен А.Г., Могаричев Ю.М.* Крепость драгоценностей. Кырк-ор. Чуфут-кале. Симферополь, 1993.

Григорьев, 1980 — *Григорьев А.П.* К реконструкции текстов золотоордынских ярлыков XIII–XIV вв. // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки / Отв. ред. А.Д.Желтяков. Л., 1980, вып. 5.

Григорьев, 1983 — *Григорьев А.П.* Золотоордынские ханы 60–70-х годов XIV в.: хронология правлений // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки / Отв. ред. Г.Я.Смолин. Л., 1983, вып. 7.

Григорьев, 1985 — *Григорьев А.П.* Шибаниды на золотоордынском престоле // Востоковедение / Отв. ред. В.Б.Касевич, Ю.М.Осипов. Л., 1985, вып. 11.

Григорьев, 1990 — *Григорьев А.П.* Золотоордынский город Орда // Востоковедение / Отв. ред. В.Г.Гузев, О.Б.Фролова. Л., 1990, вып. 16.

Григорьев, 1992 — *Григорьев А.П.* Обращение к ордынскому хану и его сановникам в посланиях венецианского дожа XIV в. // Вестник С.-Петерб. ун-та. 1992, сер. 2, вып. 4.

Григорьев, 1994 — *Григорьев А.П.* Золотоордынский город Янгишехр // Вестник С.-Петерб. ун-та. 1994, сер. 2, вып. 2.

Григорьев, 1995 — *Григорьев А.П.* Прежние названия Чуфут-кале // Вестник С.-Петерб. ун-та. 1995, сер. 2, вып. 3.

Григорьев, 2002 — *Григорьев А.П., Григорьев В.П.* Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции: Источниковедческое исследование. СПб., 2002.

Григорьев, 2004 — *Григорьев А.П.* Сборник ханских ярлыков русским митрополитам: Источниковедческий анализ золотоордынских документов. СПб., 2004.

Довженок, 1961 — *Довженок В.Й.* Татарське місто на Нижньому Дніпрі часів пізнього середньовіччя // Археологічні пам'ятки УРСР. Київ, 1961, т. 10.

Древнетюркский, 1969 — Древнетюркский словарь. Л., 1969.

Евстратов, 1997 — *Евстратов И.В.* О золотоордынских городах, находившихся на местах Селитренного и Царевского городищ: Опыт использования монетного материала для локализации средневековых городов Поволжья // Эпоха бронзы и ранний железный век древних племен южнорусских степей: Материа-

лы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения П.Д.Рау (1897–1997). Ч. 2 / Отв. ред. И.И.Дремов. Саратов, 1997.

Егоров, 1985 — *Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985.

Запорожские, 1860 — Запорожские урочища // ЗООИД. 1860, т. 4, отд. 2–3.

Карпов, 1981 — *Карпов С.П.* Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII–XV вв. М., 1981.

Книга, 1950 — Книга Большому Чертежу / Подготовка к печ. и ред. К.Н.Сербиной. М.; Л., 1950.

Ковалевский, 1905 — *Ковалевский М.М.* К ранней истории Азова // Труды XII археологического съезда в Харькове. 1902. Т. 2. М., 1905.

Крамаровский, 1989 — *Крамаровский М.Г.* Солхат — Крым: К вопросу о населении и топографии города в XIII–XIV вв. // Итоги работ археологических экспедиций Государственного Эрмитажа. Л., 1989.

Малицкий, 1933 — *Малицкий Н.В.* Заметки по эпиграфике Мангупа // Изв. Гос. Академии истории материальной культуры. [Б.м.], 1933, вып. 71.

Материалы, 1871 — Материалы для историко-географического атласа России. СПб., 1871.

Мухамадиев, 1983 — *Мухамадиев А.Г.* Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв. М., 1983.

Никаноровская, 1962 — Никаноровская летопись // ПСРЛ. Т. 27. М.; Л., 1962.

Опочинская, 1986 — *Опочинская О.И.* Судакская крепость // Архитектурное наследство. М., 1986, вып. 34.

Поляк, 1964 — *Поляк А.Н.* Новые арабские материалы позднего средневековья о Восточной и Центральной Европе // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы / Под ред. А.С.Тверитиновой. Т. 1. М., 1964.

Радлов, 1889 — *Радлов В.В.* Ярлыки Токтамыша и Темир-Кутлуга // ЗВОРАО. Т. 37. 1889.

Рашид-ад-дин, 1952 — *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей / Пер. с перс. О.И.Смирновой, примеч. Б.И.Панкратова и О.И.Смирновой; под ред. А.А.Семенова. Т. 1, кн. 2. М.; Л., 1952.

Рогожский, 1965 — Рогожский летописец // ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. М., 1965.

Салищев, 1948 — *Салищев К.А.* Основы картоведения: Часть историческая и картографические материалы. М., 1948.

Серебренников, 1986 — *Серебренников Б.А., Гаджиева Н.З.* Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. М., 1986.

Скржинская, 1973 — *Скржинская Е.Ч.* Венецианский посол в Золотой Орде: По надгробию Якопо Корнаро, 1362 г. // Византийский вестник. М., 1973, т. 35.

Смирнов, 1887 — *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887.

Султанов, 1982 — *Султанов Т.И.* Кочевые племена Приаралья в XV–XVII вв.: Вопросы этнической и социальной истории. М., 1982.

Тизенгаузен, 1884 — *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды: Извлечения из сочинений арабских. Т. 1. СПб., 1884.

Тизенгаузен, 1941 — *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды: Извлечения из персидских сочинений. Т. 2. М.; Л., 1941.

Утемши-хаджи, 1992 — *Утемши-хаджи.* Чингиз-наме / Факсимиле, перевод, транскрипция В.П.Юдина. А.-А., 1992.

Федоров-Давыдов, 1960 — *Федоров-Давыдов Г.А.* Клады джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. Т. 1. М., 1960.

Федоров-Давыдов, 1963 — *Федоров-Давыдов Г.А.* Находки джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. Т. 4. М., 1963.

Федоров-Давыдов, 1980 — *Федоров-Давыдов Г.А.* Клад серебряных джучидских монет с Селитренного городища // Нумизматика и эпиграфика. Т. 13. М., 1980.

Федоров-Давыдов, 1994 — *Федоров-Давыдов Г.А.* Золотоордынские города Поволжья. М., 1994.

Чекалин, 1889 — *Чекалин Ф.Ф.* Саратовское Поволжье в XIV в. по картам того времени и археологическим данным // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Саратов, 1889.

Чекалин, 1890 — *Чекалин Ф.Ф.* Нижнее Поволжье по карте космографа XV в. Фра Мауро // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Т. 2, вып. 2. Саратов, 1890.

Якобсон, 1950 — *Якобсон А.Л.* Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.) // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1950, № 17.

Balard, 1978 — *Balard M.* La Romanie Génoise (XIII — début du XVe siècle). T. 1. Roma; Genova, 1978.

Basso, 1991 — *Basso E.* Il "bellum de Sorcati" ed i trattati del 1380–87 tra Genova e l'Orda d'Oro // Studi Genuesi. Nuova serie, vol. 8 (1990). Genova, 1991.

Desimoni, 1884 — *Desimoni C.* Trattato dei Genovesi col chan dei Tartari nel 1380–1381, scritto in lingua volgare // Archivio storico italiano, 4.^{a} Ser. Firenze, 1884, t. 20.

Diplomatarium, 1899 — Diplomatarium Veneto-Levantinum, sive Aeta et Diplomata res Venetas, Graecas atque Levantis illustrantia / Ed. R.Predelli. Pars 2. Venetiis, 1899.

Evliya Çelebi, 1928 — Evliya Çelebi Seyahatnamesi. İstanbul, 1928, c. 7.

Géographie, 1840 — Géographie d'Aboulféda. Texte arabe / Publie par M.Renaud et MacGuckin de Slane. P., 1840.

Skrzinska, 1928 — *Skrzinska E.* Inscriptions latines des colonies génoises en Crimée (Théodosie, Soudak, Balaklava) // Atti della Società Ligure di storia Patria. Genova, 1928. Vol. 56.

ЗООИД	—	Записки Имп. Одесского общества истории и древности
ЗВОРАО	—	Записки Восточного отделения Имп. Русского археологического общества. СПб.
ПСРЛ	—	Полное собрание русских летописей

Э.А.ГРУНИНА
(Москва)

Из диалектных материалов Западного ареала Анатолии

Описания диалектных зон языкового пространства современной Турции выявляют факты, которые в силу своей уникальности и ограниченной локализации не могут учитываться как классифицирующий признак, являя собою скорее объект исследования сравнительно-исторической тюркологии. В этой заметке предлагается к рассмотрению одно из таких явлений, на которое турецкие диалектологи обращали внимание, но без его детального рассмотрения и истолкования.

В основном в говорах Западной (Ушак, Измир) и Северо-Западной Анатолии (Зонгулдак, Бартын, Карабюк и др.) отмечен показатель претерита *-dın/-din/-dun/-dün* (в дальнейшем дается только вариант *-din*), формально соответствующий 2-му л. ед. ч. претерита литературного языка, но в указанных говорах выступающий как 3-е л. Таким образом, парадигма претерита в обеих подгруппах Западного ареала Анатолии (по классификации Л.Карахан) представлена так:

в говорах диалектной зоны Зонгулдака: *yatdım* 'я лег', *yatdıñ* // *yatdıy* 'ты лег', *yatdı* // *yatdın* 'он лег', *yatdúk* 'мы легли', *yatdıñız* 'вы легли', *yatdılā* 'они легли' [Eren, 71];

в говорах Ушака: *geldim* 'я пришел', *geldiñ* 'ты пришел', *geldi* // *geldin* 'он пришел', *geldik* 'мы пришли', *geldiñiz* 'вы пришли', *geldiler* 'они пришли' [Gülsevin, 98]. Таким образом, 3-е л. ед. ч. в обеих парадигмах представлено двумя формами: *-di* и *-din*. То же в именном сказуемом: *zevkliydi* // *zevkliydin* 'ему было приятно'.

З. Коркмаз впервые обратила внимание на то, что *-din* как форма 3-го л. отмечена не в претерите как таковом, но в его вышедшей из

© Э.А.Грунина, 2007

парадигмы форме от недостаточного глагола **i-* ‘быть’ [Korkmaz, 27].

Возникает вопрос: может ли *-din* рассматриваться как переосмысленная форма 2-го л. или мы имеем совершенно особое явление, некий грамматический омоним 2-го л.?

Морфонологический аспект вопроса. Фонетическая система говоров, в которых отмечено *-din*, сохраняет /ñ/ как в основах, так и в формантах (*deñiz* ‘море’, *seniñ* ‘твой’), имея следующие особеннности: в зоне северо-запада Анатолии наряду с сохранением /ñ/ отмечен и /n/, хотя и не в форме претерита; в подгруппе Бартын–Чайджума–Амасра есть /ñ/ > *v* (*doñuz* > *dovuz* ‘свинья’), но не в претерите. Как особый признак в говорах северо-запада отмечается /ñ/ > /y/ (Бартын, Амасра, Чайджума) при наличии /ñ/ > /ng/, /ñ/ > /ğ/ и /ñ/ > /ğ/ > /ø/.

Переход /ñ/ отмечен в румелийских говорах, что привело к утрате /ñ/ > /n/ в говоре Стамбула, Бурсы, Измита, а также на северо-востоке Анатолии (Ризе–Трабзон–Гиресун, частично Орду и др.).

Отсутствие или слабая представленность /ñ/ является отличительной чертой Восточного и Северо-Восточного ареалов Анатолии. Переход /ñ/ > /n/ характеризует диалектное пространство Ардагана и Пософа, Карса, хотя /ñ/ частично сохраняется в его азербайджанских говорах, оно редко отмечается в северо-восточной части диалектной зоны Эрзерума. В говорах с преобладанием /ñ/ > /n/ аффикс *-din* не отмечен, но представлен в тех говорах Западного ареала, где /ñ/ или его вариант /y/ сохраняются. Тем самым 2-е л. претерита *-diñ* исключает *-din* как форму претерита.

Правда, в говоре Ушака, по данным Г.Гюльсевина, форма претерита 2-го л. имеет два варианта: *-diñ* и *-din* [Gülsevin, 97], хотя и с оговоркой, что последний формант встречается «очень редко».

Формант *-din* входит в состав морфемы неопределенного имперфекта (*-irdi*), а также именного сказуемого (очень часто с предикативом *var* + *idin* ‘было’, ‘имелось’) и признаковых имен. Типичные примеры употребления:

(1) esgiden bayramnarda… millet ġüreş ėderdin, deve yapallādın… gezellēdin [Eren, 169] ‘раньше на праздниках народ борьбу устраивал, игры играли, гуляли’ — Эфлани;

(2) milletde bi saygı vardın! bėúúnu küçúúnu sayādın [Eren, 169] ‘в народе уважение было! и старого, и малого уважали’ — Эфлани;

(3) beyle bi faḳırlıḳ vardın ammá [Eren, 169] ‘ну такая была бедность!’ — Эфлани;

(4) goynumuz guzumuz olurdun, ot yolādık da arkamızla öğleniñ sıcānda gettiridik [Gülsevin, 364] ‘у нас были и овцы с ягнятами, мы собирали траву и таскали ее на спине по жаре’ — Ушак;

(5) ne zaman evlendiñ? — …Düvúnúm yani dåvulsuz ıdın ámmá zevkliydın [Eren, 172] ‘ты когда женился? — …свадьба у меня была без музыки, но (все равно) было весело’ — Сафранболу;

(6) ertesi gün de geline, gonuñ gomşuñ hısım akrabā toplanırdın [Gülsevin, 364] ‘а на следующий день (отправлялись) в дом невесты, собирались соседи, родственники’ — Ушак, Карахаллы;

(7) esgiden böle bilgili yoğudu, doktor yoğudun [Gülsevin, 365] ‘раньше не было таких знающих, да и докторов-то не было!’ — Ушак, Карахаллы;

(8) o zamān āşıḳ töŕki°leri çok söylelēdin ġarşılıḳlı söylelēdin [Eren, 149] ‘тогда много пели любовных (свадебных) песен, друг другу пели’ — Амасра.

Грамматическое значение *-din* как формы 3-го л. в составе глагольной словоформы в основном неопределенного имперфекта проявляется в семантико-синтаксической структуре предложений. Обычно это структуры с обобщенным субъектом, который лексически передавался именем со значением коллективной множественности (примеры 1, 4, 6, 8). При лексически не выраженном субъекте *-din* в глаголе обычно сочетается с формой мн. ч. (1, 8, 8) или страдательным залогом для передачи неопределенно-личного значения.

Содержательно типы предложений с *-din* в составе глагола имеют характер обобщения, регулярности события в прошлом, что соответствует грамматическому значению данной временной формы.

Употребление *-din* более частотно в западных районах Анатолии, о чем говорят материалы говора Ушака. На северо-западе Анатолии *-din* имеет скорее островной характер распространения.

Употребление *-din* часто отмечается в монологическом повествовании говорящего, но при обязательном наличии слушателя. В своей речи говорящий акцентирует некоторые явления прошлого, стремясь вовлечь собеседника в круг его переживаний и эмоций.

Попытка интерпретации анализируемого явления. В понимании *-n* / *-in* в частице *-din* может быть полезным аналогичное построение *-miş-in* в туркменском языке, которое носителями языка не идентифицируется с каким-либо значимым элементом. Так, в байке об украденном у соседа ведре с клевером: *öýüne alyp gelse, bede arkasyndan düşmänmişin, aýaly synanypmişyn düşürip bilmänmişin* и т.д. [Туркмен дили, 261] ‘пришел домой, а ведро со спины не падает, жена попробовала

помочь, не смогла снять' — частица *-mişin* имеет четко выраженный эмоциональный оттенок. Ср.: *Şu ýerde sen düýpten ters yazypsyň! — Onu nämesi tersmişin?* 'Вот здесь ты совсем неправильно написал! — Ну и что же тут неправильного?' (реплика с оттенком недоброжелательности). Сохранение частицы *-mişin* в туркменском объясняется тем, что сама временная форма *-miş* в языке не сохранилась.

Северо-Запад Анатолии являл собой значительное диалектное смешение, отразившееся в современных говорах. Форма *-mişin* как показатель 3-го л. здесь не сохранилась в силу укрепления *-miş* в качестве временной парадигмы с регулярными показателями лица (или с ø как формантом 3-го л.). Диалектная пестрота этого региона Анатолии, возможно, отразила более древнюю модель претерита, в которой *-n* мог быть отзвуком сказуемостного элемента — указательного тюркомонгольского местоимения **i*, **in* 'он', 'тот' [Севортян, 149].

Диалектная зона, в которой обнаружен *-din*, в описаниях отмечается как территория расселения юрюков, ранних пришельцев в Западную Анатолию. Возможно, их язык был субстратом для позднейших наслоений, в том числе и туркменских. Можно предположить, что в субстрате *-din* был показателем 2-го л. ед. ч., но давление инодиалектной парадигмы с *-diñ* постепенно привело к выпадению *-din* и его превращению в частицу по туркменской модели *-mişin* с уже утраченной связью с лицом.

В современном состоянии *-din* — элемент речевого акта, сохраняющий указание на наличие собеседника — участника речевой ситуации, но не участника факта прошлого.

В типе *milletde bir saygı vardın* (2) 'у народа тебе и уважение было' имплицитно присутствует обращение говорящего к собеседнику — неучастнику прошлой ситуации. То же в глагольном типе сказуемого: *millet ġureş èderdin, gezellēdin* (1) 'народ тебе и борьбу устраивал, и гулял'. Эта двойственность синтаксической структуры высказывания корректируется снятием синтаксического подлежащего > трансформацией в обобщенно-личное предложение *gezellēdin* или замены на нормативную форму > *èderdi*.

Однако для западноанатолийского *-din* может быть предложено другое объяснение, материал для которого дают говоры другой периферии огузского языкового мира, классифицируемые как хорезмская группа огузских говоров (кишлаки Карнак и Икан в р-не Туркестан–Чимкент). Ср. примеры:

(7) *tätäñ durusmĭ — hä, durusıñ* 'твой отец здоров? — здоров (спасибо // и тебе здоровья), букв. 'здоровый твой'.

(8) *ul aytadıñ* 'он расскажет' (*-dıñ* был бы возможен в претерите *ayttıñ* и при другом субъекте *-sen*).

(9) *sänïñ pulïñ barmï? — yoğıñ* 'у тебя деньги есть? — нет (к сожалению)', букв. 'нет твоего' [Абдуллаев, 57]. К сожалению, примеры даны вне контекста, автор лишь отмечает, что показатель, «похожий на аффикс принадлежности 2-го л.», в основном передает значение почтительности к собеседнику.

В структуре примеров (в ответах на «правильные» вопросы) участвует формальный показатель 2-го л. ед. ч., который не указывает ни на субъект носителя признака (7), ни на субъект действия (8), ни на субъект обладания (9), т.е. является не элементом семантико-синтаксической структуры предложений, но скорее явлением речевой ситуации.

Функциональное сопоставление *-din* и *-ıй /-ıй* обнаруживает, что налицо экспрессивно-эмоциональная коннотация и на втором плане «тень» посессивного аффикса 2-го л. ед. ч.

Наиболее примечательно для обеих зон несовпадение семантической и синтаксической структур высказывания. Эта двойственность синтаксической структуры — морфологического согласования предикативной конструкции через показатели принадлежности — возможно, рефлекс пратюркского состояния этой категории [СИГТЯ, 1988, 238]. Синтаксическая и семантическая неупорядоченность снимается изъятием подлежащего (> обобщенно-личная структура) или лексически — введением имен коллективной множественности, что в результате приводит к стиранию значения 2-го л. в *-din*, уже превратившегося в частицу.

Тот же процесс, как представляется, имеет место и в примерах из Карнака — типа *pulïñ barmï — yoğuñ* (не *yoğum*!).

Таким образом, оба явления отражают не столько переосмысление претерита, но рефлекс особого положения аффикса принадлежности 2 го л. в эпоху пратюркского с его перерождением в эмоционально-экспрессивную частицу.

Eren — *Eren E.* Zonguldak–Bartın–Karabük İlleri Ağızları. Ankara, 1997.
Gülsevin — *Gülsevin G.* Uşak İli Ağızları. Ankara, 2002.
Karahan — *Karahan L.* Anadolu Ağızlarının Sınıflandırılması. Ankara, 1996.
Korkmaz — *Korkmaz Z.* Bartın ve Yöresi Ağızları. Ankara, 1994.
Абдуллаев — *Абдуллаев Ф.А.* Узбек тилининг ўғуз лахжаси. Ташкент, 1978.
Севортян — *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974.
Туркмен дили — *Азымов П., Сопыев Г., Чөңдәев Я.* Туркмен дили. Ашгабат, 1992.

СИГТЯ — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. М., 1988.

И.В.ЗАЙЦЕВ
(Москва)

«Пропавшая грамота»
(ярлык крымского хана Селим-Гирея Мустафе-аге 1693 г.)*

В конце XIX в. известный историк Крыма Ф.Ф.Лашков пожертвовал Московскому археологическому обществу ярлык крымского хана Селим-Гирея Мустафе-аге «о подтверждении ежегодного пожалования ему бочки молдавского меда (1104 г.х. — 1692/3 гг.)» [Древности, 1901, с. 155]. Долгое время о судьбе этого документа ничего не было известно. Недавно, в процессе описания тюркских рукописей и документов в Архиве РАН, мне посчастливилось обнаружить «пропавшую грамоту». Публикуемые документы сохранились в составе личного фонда выдающегося отечественного востоковеда-турколога В.А.Гордлевского (АРАН, ф. 688, оп. 1, ед. хр. 166). В деле четыре документа — оригинал ярлыка, сопроводительное письмо Ф.Ф.Лашкова, черновик перевода текста ярлыка и неполный текст ярлыка, переписанный легко читаемым почерком *насх* (последние два документа, вероятно, написаны рукой самого В.А.Гордлевского).

Листы дела не нумерованы, поэтому номера листов даются здесь в квадратных скобках условно. Орфография приближена к современной.

I. Письмо Лашкова с благодарностью за избрание его членом Археографической комиссии Московского археологического общества и сообщением о присылке ярлыка[1]. Лист плотной бумаги, сложенный

* Исследование проведено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта 07-01-00131а.

[1] О Ф.Ф.Лашкове и его трудах (включая библиографию печатных и неопубликованных работ) см. [Маркевич, 1918, с. 203–207; Непомнящий, 1998, с. 113–128; Непомнящий, 2000, с. 312–317; Непомнящий, Шарапа, 1993, с. 175–181].

© И.В.Зайцев, 2007

пополам. Чернила документа черные, в верхнем левом углу проставлен номер 317 и дата (отправки?) 23 мая [18]97 г. Сверху над текстом Лашкова другими коричневыми чернилами (вероятно, Гордлевским) на документе сделана пометка: «Письмо в Археогр. Ком. В прот. № 58 (стр. 155) сообщено краткое резюме, но грамота сама еще не издана».

[л. 1а] В Археографическую комиссию Императорского Московского Археологического Общества.

Вследствие продолжительного отсутствия из Симферополя я только теперь нашел возможным принести глубокую свою благодарность за лестное избрание меня членом комиссии и выразить [л. 1б] (одно слово зачеркнуто) искреннее желание по мере скромных своих сил содействовать делам комиссии.

При этом имею честь препроводить в Комиссию ханский ярлык, принадлежащий фамилии Эмировых. Прошу принять его как пожертвование.

С глубоким почтением
Ф.Лашков
Симферополь
18 мая 1897 г.

II. Оригинал ярлыка. Размеры сохранившейся части 15–15,3× 19,5–20 см. Бумага светло-бежевого цвета, шероховатая, подклеена с обратной стороны другой бумагой (вероятно, позже составления документа). Верхняя часть с тугрой укреплена синими нитками (после того как эта часть была повреждена и могла окончательно оторваться). В верхней части коричневыми чернилами проставлены цифры 1 и 12 — вероятно, много позже написания текста; возможно, они отражают порядок следования документа в какой-то подборке. Ниже даты выдачи карандашом приписано «1690»[2].

III. Текст (деление на строки согласно тексту ярлыка, кроме приписок).

هو

Тугра: الحاج سليم كراى خان ابن بهادر كراى خان

سوزوم

باعث تحرير فرمان شريف خانى بودركه اشبو دارنده امر شريفم اولان
اختيار قولومز مصطفى آغايه بوغداندن گلن بالدن اسلافمز اولان
اغاجالريمز بر فوچى بال احسان بيوروب ويرنده اولان فرمان شريفلرى
موجبنجه اخذ ايده گلدوكنى طرف ساهانمه عرض اتمه سيله بهرسنه بر فوچى بال

[2] Дата неверна.

بنم دخی احسانم اولوب امرم ویرلمشدر. بیوردمکه امرم مجبنجه بوغدان طرفندن گلن بالدن برفوچی بال هرکیم بال کتخداسی اولور ایسه ویروب تسلیم ایله سنه فرمانمدر. مساراليه قولوم دخی اخذایدوب دوام عمر دولتم ادعیه سنه مداومت کوسترہ بو بابده افراد افریده کم کمسنه مداخله ایتمیه لر شویله بلەلر تحریراً فی جمادی الآخر سنه ۱۱۰۴

Печать: الحاج سلیم کرای خان

Приписки на полях:

متوفای مذکورك اوغلی علی جان (نه؟) منوال مشروحه اوزره بنم دخی احسانم اولمشدر افراد دن برفرد مانع و نراحم اولمیەلر شویله بلەلر تحریراً فی شهر محرم الحرلم سنه ۱۱۱۵

منوال مشروح اوزره بنم دخی احسانم اولمشدر.بو بابده برفرد مانع اولمیەلر فی غره ذی آلقعده سنه ۱۱۱۶ غازی کرای خان ابن الحاج سلیم کرای خان

IV. Перевод ярлыка. Синий карандаш. Слова от переводчика выделены ***полужирным курсивом***.

«***Тугра***: Эль-Хадж Селим-гирей-хан б. Бехадыр-Гирей хан (***сверху неразборчиво написанный титул, если не*** خط شریف, ***то что-нибудь в этом роде***).

Причина написания ханского высочайшего повеления заключается в том, что так как [нам было представлено][3] [как][4] повелено моего высочайшего приказа, нашему престарелому рабу Мустафе-аге, государи наши предки ежегодно жаловали по бочке меду, поступающего из Молдавии, и что он получал его на основании их высочайшего [приказа][5] [повеления][6], мною также отдан приказ о ежегодном пожаловании ему бочки меду. Я приказал, чтобы в силу моего предписания всякий, в чьем ведении будет мед, из поступающего со стороны Молдавии меду ему выдавал. Получив это, упомянутый раб мой да [про-

[3] Написано над строкой.
[4] Зачеркнуто.
[5] Зачеркнуто.
[6] Написано над строкой.

должает][7] творить молитвы за многолетие моей жизни и царствования. В этом деле никто из людей да не препятствует. Пусть так и знают. Издано в Джумади-ль-ахире [л. 1б] 1104 года[8] (***печать***: Эль-хадж Селим-гирей хан (***верхняя часть***) сын Багадир-гирей-хана (***?***) صحيح) [***для которой грамота была перевернута низом***][9].

(***Сверху***): Сыну упомянутого Али-Джану по его смерти[10] я [пожаловал][11] то же [выше][12] объясненным порядком. Никто да не оказывает препятствий и затруднений. Пусть так и знают. Издан в месяце Мухаррем связанном 1115 год[13]. ***Печать (стертая — вероятно, того же Селим-Гирея). Сверху надпись*** „верно". ***Приписка ниже***: Я также пожаловал объясненным порядком. В этом деле пусть никто не оказывает препятствий. В начале зуль-ка'да 1116 года[14]. ***Печать***. Гази-Гирей хан, сын Эль-Хадж-Селим-Гирей-хана. ***Сверху подпись*** — „верно"»[15].

Комментарии к тексту ярлыка[16].

Возможно, что упомянутый в тексте Мустафа-ага, — это крымский посол, побывавший в Москве в начале 1670-х годов. Сохранились документы о приезде посла Мустафы-аги от хана Адиль-Гирея и запись приема царем Алексеем Михайловичем посла Мустафы-аги и переговоров с ним (РГАДА, ф. 123, д. 51). В феврале–марте 1693 г., когда имело место пожалование, он вполне мог быть уже довольно старым человеком: в тексте Мустафа-ага назван «наш старый раб» (اختيار قولومز).

---

[7] Написано над строкой.

[8] Сверху карандашом написано: «1692-3». Джумада II 1104 г.х. соответствует 7 февраля — 7 марта 1693 г.

[9] Вставлено над строкой. В.А.Гордлевский имел в виду, что для того, чтобы поставить печать, грамоту перевернули.

[10] Сначала написано: «по его смерти Али-Джану», но потом над «Али-Джану» поставлена цифра 1, а над выражением «по его смерти» — 2.

[11] Написано над строкой вместо зачеркнутого «даровал».

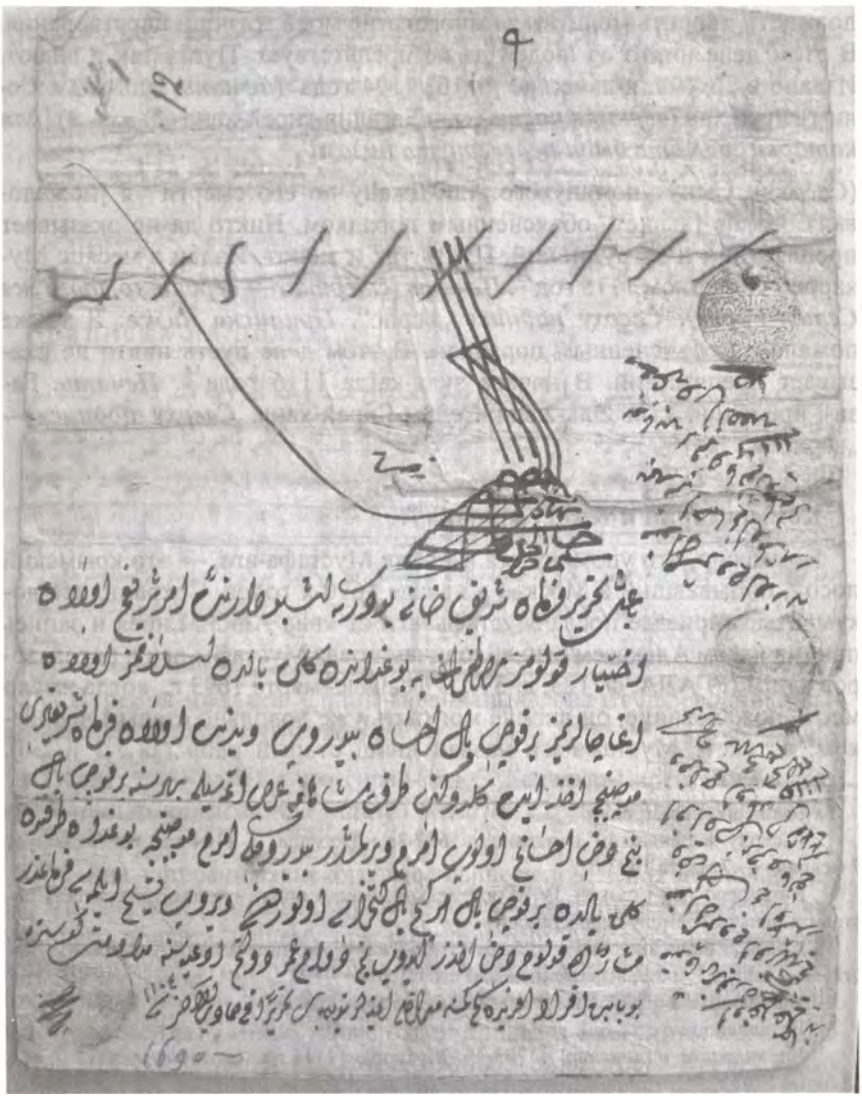
[12] Вставлено над строкой.

[13] Карандашом приписано: «1703-4». Мухаррам 1115 г.х. соответствует 17 мая — 15 июня 1703 г.

[14] Карандашом приписано: «1704-5». Этот месяц начался 25 февраля 1705 г.

[15] Ниже текста перевода черными чернилами в две строки написано: «Селим-Гирей (1082 мухарр. = 1671 май — 1116 шааб. 24 = 1704 дек. 22 // Гази-Гирей (1704–1707 = 1119)».

[16] В транскрипции и переводе опущена инвокация: *ху* (араб. «он», т.е. «Бог») Об инвокациях джучидских ярлыков см. подробнее [Усманов, 1979, с. 184–186]). Не переведена и не транскрибирована интитуляция ярлыка («неразборчиво написанный титул»): оборот سوزوم — «слово мое» [Усманов, 1979, с. 186–205].



Оригинал ярлыка
(АРАН, ф. 688, оп. 1, ед. хр. 166)

Умер он, во всяком случае, до середины мая 1703 г., когда пожалование было подтверждено его сыну Али-Джану.

Богдан (или Кара-Богдан) — это османское название Молдавии (см. [Decei, 1944]). Часть меда попадала в Крым из Молдавии (Валахии), которая платила долю *хараджа* Крыму натурой. Так, в 1587 г. крымчанин «Пиралей» (Пир-Али) говорил московскому посланнику И.Судакову: «...посылал ево царь (Ислам-Гирей II. — *И.З.*) во Влохи збирати меду и кобыл и волов, почему они царю дани дают з году на год» [Статейный, 1891, с. 64]. Ежегодно в августе Крым получал из Валахии 100 бочек меда (а также определенную сумму серебра и некоторое количество лошадей). Мирза, который отвечал за сбор этой дани, носил титул *балчи-баши*, или, на османский манер, *балчи-агасы* [Uzunçarşılı, 1959, с. 88, 89; Le khanat, 1978, с. 247]. В тексте ярлыка встречаем синонимичный термин *бал-кетхюдасы* (بال کتخداسی). Молдавский мед потом распределялся среди высокопоставленных крымчан пожалованиями хана, чему свидетельство — публикуемый текст. Есть и более поздние аналогичные документы. Так, в 1755 г. Халим-Гирей ярлыком назначил некоему Худай-Берди натуральную пенсию в размере одной бочки молдавского меда ежегодно [Акчокраклы, 1932, с. 15, № 35] (см. подробнее [Зайцев, 2001]).

Печать и тугра, которые используются в публикуемом тексте, схожи с тугрой и печатью в *мухаббат-наме* Селим-Гирея 1672 г. [Фаиз, 2002, ил. 57–59].

«Умный и талантливый» (см. [Кримський, 1930, с. 5]) Хаджи Селим-Гирей[17] (1636 — 22 декабря 1704 /24 ш'абана 1116 г.х.) [Hammer, 1831, с. 114] правил четырежды с перерывами с 1671 по 1704 г.[18]. Ярлык относится к его третьему правлению. Ханами стали и шесть его сыновей, в том числе Гази-Гирей, подтвердивший пожалование отца в 1705 г. *Тахаллус* (или *махлас*, т.е. поэтический псевдоним) Селим-Гирея — «Ремзи» (от араб. «знак, символ») означает «символичный». Сам

[17] Его не следует путать с другим Селим-Гиреем (сыном Девлет-Гирея, сына Бахт-Гирея), умершим в начале шеввала 1141 г.х. (1728 г.) [Надписи, 1848, с. 508].

[18] По Хасану Ортекину, в 1081–1088 (1670–1677), 1095–1102 (1684–1691), 1103–1109 (1692–1698), 1114–1116 гг.х. (1702–1704) [Ortekin, 1938, с. 11, 12]. Однако есть свидетельство, что вторично хан вступил на престол 12 ноября 1683 г. [События, 1856, с. 132]. Согласно Хусам-Гирею, первый раз Селим правил 7 лет, второй — 6 лет и 11 месяцев, третий — 6 лет и 8 месяцев, четвертый — 2 года и 11 месяцев (см. [Hammer, 1831, с. 114; Хюсам, [б.г.], с. 129–134]). Полная родословная хана такова: Селим-Гирей б. Бехадыр-Гирей б. Селямет-Гирей б. Девлет-Гирей б. Мубарек-Гирей б. Менгли-Гирей б. Хаджи-Гирей [Ассеб о-ссейяр, 1832, с. 181; Ortekin, 1938, с. 14, 15].

он был сыном поэтов — Бехадыр-Гирея (писавшего под *тахаллусом* «Резми») и Хан-заде Хани (дочери Гази-Гирея II)[19], прославился как *хафиз*, т.е. человек, знающий Коран наизусть, композитор и поэт. Хан покровительствовал наукам. В Бахчисарайском собрании рукописного отдела РНБ, где сохранилась часть библиотеки крымских ханов, имеется список четвертого тома *тафсира* (комментария Корана) автора XIII в. Мухаммеда б. Ахмеда ал-Куртуби, переписанный, возможно, в начале XV или даже в XIV в. Согласно записи на л. 272об. манускрипта, он был подарен ханом Селим-Гиреем в 1103 г.х. (1691/92, т.е. в начале его третьего правления) «ученым Бахчисарая» [Васильева, Лебедев, 1983, с. 131, 132]. Довольно большой очерк о жизни и творчестве Хаджи Селим-Гирея опубликовал другой представитель ханской династии, Хюсам-Гирей [Хюсам, [б.г.], с. 129–134].

Выдающийся отечественный тюрколог В.Д.Смирнов писал о хане: «Личность Селим-Герая очень замечательна. Уже важно то, что все решительно историки, и крымские и османские, в один голос превозносят его и как умного правителя, и как хорошего человека. Прежде всего он не был так властолюбив, как остальные предшествовавшие ему и следовавшие за ним его родичи, и не один раз он добровольно порывался сложить с себя ханское достоинство, сопряженное с великими трудностями управления... Скитальческая жизнь с самой юности выработала в Селиме практическую сметливость и крайне гуманную снисходительность к людям...» [Смирнов, 1887, с. 587][20]. Хан очень почитался сыновьями. Сохранилась надпись в соборной мечети Бахчисарая (1153 г.х. / 1740 г.), постр̀оенной при Селямет-Гирее, сыне Селима, в которой были такие строки: «Хаджи-Селим-хан (да помилует Бог сего праведного мужа!) был лучшим из ханов. Сколько ни расцвело роз в родном его цветнике, все они, в свою очередь, украшали владетельный дом»

حاجی سلیم خان کم ذبدة خانان ایدی // غرقه غفران حق اوله اومرد خدای
کلشن صلبی آنک هر نقدر آجدی کل // نوبت ایله اولدیلر زیور تخت سرای

[Надписи, 1848, с. 497].

[19] Хотя очень «темный» и сомнительный (см. [Зайцев, 2003]) крымский историк начала XVIII в. (?) Ибрахим б. Али специально пояснил в примечании к своему труду, что мать Селима происходила из черкесов Темир-Куя и была дочерью Хамзы Сады-оглу [Кефеви, 1933, без паг.] (см. также [Ibrahim Ben Ali, 1935, с. 23]).

[20] Дело в том, что хан еще ребенком был отдан на воспитание аталыку в деревню Айлан, после вынужден был скрываться от недоброжелателей, жил подолгу в Янболу недалеко от Адрианополя и в других местах Османской империи. Подробнее см. [Смирнов, 1887, с. 585 и сл.].

Акчокраклы, 1932 — *Акчокраклы О.* Крымско-татарские и турецкие исторические документы XVI–XIX вв., вновь поступившие в Крымский Центрархив // Бюллетень Центр. Архивного управления Крымской АССР. Симферополь, 1932, № 2 (8).

Ассеб о-ссейяр, 1832 — Ассеб о-ссейяр, или Семь планет, содержащий историю крымских ханов от Менгли-Гирей хана 1-го до Менгли-Гирей хана 2-го, т.е. с 871/1466 по 1150/1737 г. Сочинение Сейида Мухаммеда Ризы. Казань, 1832.

Васильева, Лебедев, 1983 — *Васильева О.В., Лебедев В.В.* Бахчисарайское собрание восточных рукописей // Источники по истории отечественной культуры в собраниях и архивах отдела рукописей и редких книг. Л., 1983.

Древности, 1901 — Древности восточные // Тр. Восточной комиссии Имп. Московского археологического общества. Т. II. Вып. 2. М., 1901.

Зайцев, 2001 — *Зайцев И.В.* Алкоголь в Золотой Орде и Крымском ханстве (XIV–XVIII вв.) // Orientalistica Iuvenile: Сборник статей аспирантов и молодых сотрудников ИВ РАН. Вып. II. М., 2001.

Зайцев, 2003 — *Зайцев И.В.* «История татарских ханов, Дагестана, Москвы и народов Дешт-и Кипчак» Ибрахима б. Али Кефеви // Дешт-и Кипчак и Золотая Орда в становлении культуры евразийских народов. М., 2003.

Кефеви, 1933 — Ibrāhīm ibn ʻAlī Kefevi Tevārīh-i Tatar Hān ve Dagistān etc. Pazarcik, 1933 (ابراهيم افندى بن على افندى كفوى .تواريخ تاتار خان و طاگستان ومسقو و دشت قبجاق اولكه لرينكدر).

Кримський, 1930 — *Кримський А.* Сторінки з історії Крима та кримських татар // Студії з Криму. I–IX. Київ, 1930 (Відбитки з «Записок Історично-Філологічного Відділу Всеукраїнської Академії Наук, № 89).

Маркевич, 1918 — *Маркевич А.И.* Памяти Ф.Ф.Лашкова // Изв. Таврической ученой архивной комиссии. Т. 48. Симферополь, 1918.

Надписи, 1848 — Бахчесарайские арабские и турецкие надписи // Зап. Одесского общества истории и древностей. Т. II. Одесса, 1848.

Непомнящий, 1998 — *Непомнящий А.А.* Очерки развития исторического краеведения Крыма в XIX — начале XX века. Симферополь, 2000.

Непомнящий, 2000 — *Непомнящий А.А.* Музейное дело в Крыму и его старатели (XIX — начало XX века). Библиографическое исследование. Симферополь, 2000.

Непомнящий, Шарапа, 1993 — *Непомнящий А.А. Шарапа В.Ф.* Лашков Ф.Ф. — краевед Крыма // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. 3. Симферополь, 1993.

Смирнов, 1887 — *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887.

События, 1856 — События, случившиеся в Крыму в царствование Шагин-Гирей-хана (перевод с еврейской современной рукописи, сочиненной караимом Рабби-Азарья сыном Илии). Пер. А.С.Фирковича // Временник Имп. Московского общества истории и древностей российских. Кн. 24. М., 1856.

Статейный, 1891 — Статейный список московского посланника в Крым Ивана Судакова в 1587–1588 году // Изв. Таврической ученой архивной комиссии. Т. 14. Симферополь, 1891.

Усманов, 1979 — *Усманов М.А.* Жалованные грамоты Джучиева Улуса XV–XVII вв. Казань, 1979.

Фаиз, 2002 — *Фаиз С.* Тугра и вселенная. Мохаббат-наме и шерт-наме крымских ханов и принцев в орнаментальном, сакральном и дипломатическом контекстах. Москва; Бахчисарай, 2002.

Хюсам, [б.г.] — *Хюсам-Герай.* Хаджи Селим-Герай хан // Kırım mecmuası. İstanbul, [б.г.]. Год 1-й. Вып. 7 (حسم کرای. حاجی سلیم کرای خان // قریم مجموعه سی).

Decei, 1944 — *Decei A.* Boğdan // İslâm Ansiklopedisi. İslâm Âlemi Tarih, Coğrafya, Etnografya ve Biyografya Lûgati. Cilt 2. İstanbul, 1944.

Hammer, 1831 — *Hammer J., von.* Geschichte des Osmanischen Reiches. Bd. 7. Pest, 1831.

Ibrahim Ben Ali, 1935 — *Ibrahim Ben Ali.* Przyczynki do historji (Z dziejów naródów Kaukazu, Nadczarnomorza, Krymu, Moskwy i Polski). Warszawa, 1935.

Le khanat, 1978 — Le khanat de Crimée dans les archives du Musée du palais de Topkapi. P., 1978.

Ortekin, 1938 — *Ortekin H.* Kırım Hanlarının Şeceresi. İstanbul, 1938.

Uzunçarşılı, 1959 — *Uzunçarşılı İ.H.* Osmanlı Tarihi. Cilt IV. Sayı 2. Ankara, 1959.

АРАН — Архив Российской академии наук. М.

РГАДА — Российский государственный архив древних актов. М.

РНБ — Российская национальная библиотека. СПб.

Т.М.КАЛИНИНА
(Москва)

Тюрки в «образе мира» средневековых арабо-персидских писателей

Арабо-персидские средневековые ученые рассматривали мир с разных позиций. В ранний период истории, до возникновения ислама арабы отличали себя от других народов сохранением перечня поколений и памятью о системе родства [Грязневич, 1982, с. 83–84, 124–126]. Рост исторического сознания арабов связывается с возникновением ислама и его священной книги Корана [Резван, 2000, с. 27–29]. Первые комментаторы Корана собирали сведения о происхождении мира и человека, об истории древних народов, религиозно-философские сюжеты и образы. Эти данные зачастую попадали к арабам из иудео-арамейской и сиро-христианской среды. Коран легко воспринял библейскую генеалогию народов мира, поскольку она исходила из общих ближневосточных преданий о начале человечества. В Коране приводятся версии, берущие начало в иудейских и христианских представлениях, о сотворении Творцом из земной пыли Адама (Коран. III, 52; XXII, 5; XXIII, 12–14; XXXV, 12; LXXVI, 2; XC, 3–4; XCVI, 1–2), от которого произошли все народы, и о его потомках. Коран передает легенду о Ное (араб. *Нух*), которая, восходя к библейскому преданию, имеет, однако, аравийские реалии: после потопа Ной спасался на горе ал-Джуди в Аравии; Ной уговаривал народ уверовать в единого Бога, уподобившись в этом пророку, и за это подвергся гонениям [Пиотровский, 1991, с. 174–175, примеч. 3]. Историко-генеалогические предания (*ахбар*) были собраны в VIII–IX вв. и включены в состав исторических трудов. Это были легенды о прародителях арабов, родословия исчезнувших народов (‘ад, самуд, джурхум и др.), генеалогии, возводившие народы к Адаму и его потомкам. К середине VIII в. систематизация

© Т.М.Калинина, 2007

родословных арабских племен была завершена; ученые обратились к изучению происхождения других народов, что было связано с расширением границ Халифата и знакомством с чужеземными странами.

Знакомство арабов с тюрками произошло после смерти Мухаммада. Поэтому в Коране тюрки не названы, однако в хадисах этот народ фигурирует как якобы упомянутый в речах Мухаммада и праведных халифов, о чем писали арабские авторы [Зайончковский, 1966, с. 194–201; Асадов, 1993, с. 22]. Ибн ал-Факих и Кудама ибн Джа'фар говорили о предостережениях, якобы высказанных Мухаммадом и первыми халифами, от военных действий против тюрок как весьма сильных противников, от которых лучше защититься валом или стеной, как некогда это сделал Зу-л-Карнайн против народов йаджудж и маджудж [Ибн ал-Факих, МР, л. 168а; Кудама ибн Джа'фар, 323]. Ат-Табари (839–923) упомянул, что однажды Мухаммад отдыхал в некоем «тюркском шатре», а также рассказал о добыче, захваченной в Ктесифоне (Мадаине), среди которой были сосуды с золотом в «тюркских шатрах» [ат-Табари, I, 1468, 2444–2445]. Столкновений арабов с тюрками в это время еще не было, поэтому упоминания ат-Табари могут быть лишь косвенным подтверждением участия в войнах арабов с персами отрядов тюркских наемников [Асадов, 1993, с. 22].

Как полагали арабские знатоки генеалогий, народ *ат-турк* был потомком Яфета (*Йафиса*), сына Ноя (*Нуха*). Ал-Йа'куби (IX в.), обращаясь к библейской родословной, писал, что народ ат-турк произошел от одного из потомков Яфета — Маша[1] [ал-Йа'куби, с. 13, 17], который идентичен библейскому Мешеху (Быт. 10, 1–2). Ат-Табари тоже называл тюрок потомками Яфетида Тираша [ат-Табари, I, с. 211, 216–218][2]. Яфетидами считали тюрок Ибн Кутайба (IX в.) [Ибн Кутайба, с. 14], ал-Мас'уди (ум. 956) [ал-Мас'уди, I, с. 78–79; III, с. 66], Са'ид ибн ал-Битрик (ум. 939) [Сейппель, I, 53], автор анонимного произведения «Мухтасар ал-'аджа'иб» (X в.) [Крюков, 1983, с. 194–208], Мутаххар ибн Тахир ал-Макдиси (2-я пол. X в.) [ал-Макдиси, III, 28], неизвестный персидский автор труда «Муджмал ат-таварих» («Собрание историй», XII в.; он называл «родоначальников» народов: Турка, Чина, Хазара, Руса, Саклаба) [Новосельцев, 1990, с. 78], Гардизи (XI в.), со ссылкой на Ибн ал-Мукаффу (VIII в.) [Бартольд, 1973, с. 41–42], ал-Бекри (ум. 1094), со ссылкой на Са'ида ибн Мусеййаба (ум. 713/714) [ал-Бакри, I, 87–88, 446–448], и многие другие.

---

[1] По Библии, Маш — сын Арама и внук Сима, а не сын Яфета (Быт. 10, 22–23).

[2] Тираш — библейский персонаж Фирас (Быт. 10, 1–2).

Но не только библейские версии разделения Земли бытовали в арабской литературе: была также распространена персидская традиция, по которой первый владыка Земли Афридун разделил Землю так, что восточная часть досталась его потомку Туджу и была населена народами Китая (*ас-син*) и тюрками (*ат-турк*). Ибн Хордадбех (IX в.) писал: «Владыки Земли в древние времена и их владения: Афридун разделил Землю между тремя сыновьями. Ал-Магриб (запад) он отдал во владение Саламу — а это Шарам. Владыки ар-Рума и ас-Сугда — из числа его потомков. Ал-Машрик (восток) отдал во владение Тушу, он же Тудж. Владыки ат-турк и ас-син — из его потомков... Их (Хосроев) поэт сказал: „Мы разделили наше владение. Наша судьба [подобна] участи мяса на доске мясника. Мы определили аш-Шам и ар-Рум до места заката солнца благородному Саламу. Туджу определили [страну] ат-Турк...“» [Ибн Хордадбех, 1889, с. 16; 1986, с. 60]. Подобные представления, вероятно имеющие единый первоисточник или восходящие к труду Ибн Хордадбеха, фигурируют в «Хронологии» Абу Рейхана ал-Бируни (XI в.) [ал-Бируни, 1957, с. 111]. В труде ат-Табари помимо библейской генеалогии тюрок присутствует и персидская: тюрки вместе с Китаем рассматриваются как потомки Афридуна, который, в свою очередь, сопоставлялся ат-Табари с библейским Ноем [ат-Табари, I, с. 216–218].

В представлениях арабов о разделении Земли отразились и античные традиции. Так, по материалам ал-Хорезми, труд которого являлся переработкой на основе новых данных «Географического руководства» александрийского ученого II в. Клавдия Птолемея, часть света Скифия была населена тюрками; по координатам она соответствует Внутренней Скифии Птолемея [ал-Хорезми, с. 32; Калинина, 1988, с. 40]. Отдавая дань античной теории, Ибн Хордадбех, а за ним Ибн ал-Факих (сочинение было написано ок. 903 г.) писали, что земля делится на четыре части — Европу, Ливию, Эфиопию и Скифию, и именно в Скифии располагаются земли тюрок [Ибн Хордадбех, 1889, с. 155; 1986, с. 125; Ибн ал-Факих, 1885, с. 7].

Арабами была воспринята и теория семи климатов. Античные ученые разделяли Землю на четыре четверти, одна из которых была обитаема и членилась, в свою очередь, на параллельные экватору зоны. Такая широтная зона называлась «климатом» и определялась в зависимости от сравнительной долготы дня или угла наклона Солнца к экватору. Это учение, наиболее отчетливо выраженное в «Географическом руководстве» Птолемея, было полностью воспринято арабами. Впервые его применил Мухаммад ибн Муса ал-Хорезми в первой трети

IX в., заменив 21 климат Птолемея на семь. Ал-Фергани (IX в.), описывая семь климатов, писал: «Седьмой климат начинается с востока от севера страны йаджудж, затем идет через страну тюрок, затем по побережью моря Джурджана [с той стороны], что примыкает к северу. Затем пересекает море Рума[3], идет в страну бурджан и славян[4] и примыкает к Западному морю. А что касается того, что́ вокруг этих климатов — до завершения известных нам населенных мест, — то это начинается с востока от страны йаджудж, затем через страну тогузгузов и землю тюрок, затем через страну алан, затем через страну татар[5], затем через бурджан, затем через славян и примыкает к Западному морю» [ал-Фергани, с. 38; Калинина, 1988, с. 129, 130].

Ибн Русте в начале X в. отмечал: «Седьмой климат начинается на востоке, от севера [страны] йаджудж. Затем переходит к земле тюрок, затем по побережью моря Табаристана, проходя по его северу... А что касается [земель] вокруг этих климатов, до конца обитаемых мест, которые известны, то они начинаются от востока, от страны йаджудж. Затем проходят по стране тогузгузов и земле тюрок, затем по стране алан, затем по [земле] авар[6], затем по [областям] бурджан и славян и доходят до Западного моря» [Ибн Русте, с. 98]. Заметим, что фрагмент почти дословно повторяет рассказ ал-Фергани о седьмом климате и близлежащих землях. Подобное описание седьмого климата и земель «за седьмым климатом» с различными модификациями встречается у многих других восточных ученых X–XII вв.: Кудамы ибн Джа'фара, ал-Мукаддаси, ал-Бакри, ал-Марвази и др. Более подробно, по той же

---

[3] Морем Рума (Византии) арабы именовали Средиземное море, куда включались и моря Эгейское, Мраморное, а также проливы. Однако в ряде случаев морем Рума могло называться и Черное, особенно когда для него не было специального описания и названия. В данном случае, возможно, имеется в виду Черное море [Калинина, 1988, с. 137].

[4] В оригинале: *ас-сакалиба*. Этноним *ас-сакалиба* применялся арабскими писателями, как правило, к этническим славянам, хотя были и исключения [Мишин, 2002]. В данном случае *сакалиба* упоминаются вместе с *бурджанами* после упоминания моря Рума. Это дает основание полагать, что имеется в виду славянское население Европы в целом [Калинина, 1988, с. 137].

[5] В изданной рукописи нет диакритических знаков (точек), от которых зависит начертание слова. В зависимости от их количества (одна или две) и постановки (вверху или внизу) буква может читаться по-разному. Чтение, выбранное Я.Голиусом, исследователями считается весьма сомнительным, так как ни один арабо-персидский источник до XI в. не упоминает этноним «татар». В связи с этим существует много предположений относительно названного этникона, которые относятся к прикавказским или причерноморским территориям [Калинина, 1988, с. 138].

[6] Вместо «ат-татар» у ал-Фергани стоит название «ал-абар», т.е. упомянуты авары. Возможно, вариант Ибн Русте более точен.

схеме, что ал-Фергани, описывал эти территории ал-Бируни, хотя он населял тюрками шестой, а не седьмой климат [ал-Бируни, 1975, с. 115–116]: «Что касается шестого климата, то он начинается в местах кочевий восточных тюрок кай и кун[7], киргизов, кимаков, токуз-огузов, [проходит] через страну туркмен и фарабов[8], через город хазар[9] и северную часть их моря[10], через [страну] алан [и асов][11], между этим морем и морем Трапезунда[12]... и заканчивается в Западном океане». Как видно из приведенных примеров, арабы относили места обитания тюрок к шестому или седьмому климату, но само описание местностей, за исключением данных ал-Бируни, вполне традиционно, зависит от сведений ал-Фергани и почти не меняется с течением времени.

Кроме делений на семь климатов арабы знали персидскую традицию деления Земли на семь *кешваров*, хотя арабские ученые чаще и в этом случае употребляли термин «климат». Такие климаты выглядели как круги, расположенные вокруг центрального круга и соприкасающиеся с ним. В центре каждого круга находилось название той страны или нескольких стран, которые относились к этому климату. Ал-Мас'уди так описал эту систему климатов: «Разделение климатов обитаемой земли Севера сделано так, что они расположены по окружности. В ее середине помещен 4-й климат, т.е. климат Вавилона, а шесть [остальных] — по окружности вокруг него. Каждый климат имеет 700 фарсахов как в длину, так и в ширину. 1-й климат — Индия, 2-й — Хиджаз и Эфиопия, 3-й — Египет и Тунис, 4-й — Вавилон и Ирак, 5-й — Византия, 6-й — Йаджудж и Маджудж, а 7-й — Й.а.м.арис и Китай» [ал-Мас'уди, 1894, с. 32]. Ал-Мас'уди не называет тюрок среди обитателей этих климатов, однако, по счастью, в книге

---

[7] Среди исследователей нет единого мнения по идентификации тюрок «кай и кун».

[8] Фараб — область недалеко от впадения в Сырдарью реки Арыс, с центром в городе Отрар [Бартольд, 1973, с. 404].

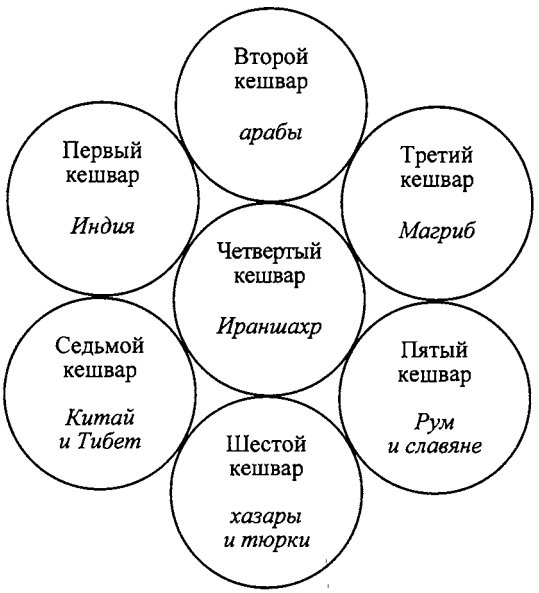
[9] Город хазар — судя по тому, что ниже упоминается северная часть моря хазар, т.е. Каспийского (см. сл. примеч.), речь идет об Итиле — столице Хазарии до середины 60-х годов X в., когда Итиль был захвачен и разгромлен русским князем Святославом. Не исключено, что во времена ал-Бируни восстановленный или частично оставшийся Итиль еще считался хазарским городом, хотя власть в Нижнем Поволжье постепенно переходила к Волжской Булгарии [Новосельцев, 1990, с. 219–231].

[10] Северная часть моря хазар (Каспийского) — области Нижнего Поволжья — принадлежала хазарам до XI в.

[11] Асы — в квадратных скобках вставлено слово, не ясное для переводчика. Древнерусские источники асами (ясами) называли алан, которых ал-Бируни упомянул выше (об аланах см. [ал-Фергани, примеч. 31]).

[12] Трапезунд (совр. Трабзон в Турции) — город и порт на юго-восточном побережье Черного моря; соответственно море Трапезунда — Черное.

ал-Бируни «Вразумление начаткам науки о звездах» сохранилась схожая схема такой картины климатов, сохранившая название *кешвар*, в которой присутствуют и тюрки [ал-Бируни, 1975, с. 115].



Помимо представлений арабов о местоположении тюрок в системе семи климатов в целом, имеются и подробные описания тюрок внутри седьмого климата. Так, Ибн ал-Факих писал: «Седьмой климат — это тюрки. Их мужчины и женщины имеют вид тюрок по причине холода. Их звери низки ростом, нет там ни насекомых, ни пресмыкающихся. Люди живут в домах, которые строят из досок, и переносят их на телегах, запряженных быками. А скот их содержится в пустынной местности. Детей у них мало» [Ибн ал-Факих, 1885, с. 7]. Очень схожий мотив о седьмом климате ойкумены встречается у церковного историка X в. Агапия Манбиджского, который, впрочем, не назвал обитателей его тюрками [Агапий, с. 614–616]: «Седьмой климат известен и относим к Борисфену. Это климат, который населяет народ, называемый по-гречески йумидис, т.е. „сонливые“. Они народ малосильный, не сноровистый, вследствие чрезмерного сильного холода у них, поскольку недалеко от них — сторона севера и мест, которые необитаемы и не населены. Большая Медведица, из числа созвездий, недалеко от зени-

та, постоянно вращается над ними. Скот и звери их страны очень малы. Не бывает у их коров и овец рогов из-за сильного холода там. Не встречаются в их стране никакие пресмыкающиеся. Они не могут и нет у них возможности строить для себя [постоянные] дома. Однако они строят дома из половинок дерева, покрывают их и перевозят на повозках, тащимых быками. Они живут в них и ездят днем и ночью до тех пор, пока не найдут для себя средства, необходимые для жизни, для своей страны, и пастбища для своего скота. Они во всей своей судьбе несчастны по причине плохих обстоятельств жизни. Говорят, что, когда они заболевают тяжелой болезнью, они сажают больного на повозку, снимают с него одежду мужчины и надевают одежду женщины, и они выздоравливают». Очевидно, что сведения обоих авторов восходят к единому первоисточнику. Возможно, отнесение тюрок к описываемому народу на севере — плод компиляции Ибн ал-Факиха. Тем не менее ал-Мас'уди отмечал особо, что тюрки обитали «под Козерогом», т.е. на севере [ал-Масуди, I, 78–79; III, 66]. Рассказывая о жителях севера ойкумены, он утверждал, что «[в земле] тех тюрок, которые обитают далеко на севере, из-за дальности от места обращения солнца в положении его восхода, выпадает много снега, и в тех местах, где они живут, преобладают холод и влажность. Поэтому тела их расслабляются и становятся толстыми, позвонки их спин и шей бывают такими гибкими, что им удается метать стрелы как во время атаки, так и при бегстве. Из-за обилия их плоти суставы уходят в глубь [тела]. Лица их стали круглыми, а глаза маленькими по той причине, что в их лицах [должно] удерживаться тепло, когда их телами овладевает холод. А поскольку холодный темперамент порождает обилие крови, цвет [их тел] становится красным: ведь последствие охлаждения таково, что тепло собирается в одном месте и проявляется здесь» [ал-Мас'уди, 1894, с. 24]. Анонимный персидский автор труда «Худуд ал-'Алам» (80-е годы X в.), пользовавшийся многими трудами предшественников и составивший свое собственное, основанное на книжном знании впечатление о расселении людей на Земле, утверждал, что шестьдесят пять различных народов, населявших северную часть Земли, «являются видами тюрок» [Худуд ал-'Алам, с. 101].

Гардизи называл каждый вид тюрок, как писал он сам, «как я нашел его в книгах» [Бартольд, 1973, с. 26, 42]. Из этих слов явствует, что сведения о тюрках им собраны из разных источников. Перечислены следующие «тюркские» народы: карлуки, кимаки, ягма, киргизы, обитатели Тибета и дороги туда, жители Барсханы и пути к ним, то-

гузгузы и их маршруты, Китай и пути в эту страну; далее речь идет о печенегах, хазарах, буртасах, булгарах, мадьярах, славянах, русах, стране ас-Сарир, аланах, области Хайзан, джикилях и тюргешах [Бартольд, 1973, с. 25–41, 42–62]. Как видно, Гардизи причислил к числу тюрок народы, к ним совсем не принадлежавшие, в том числе такие хорошо известные в XI в., как население Китая, Тибета, славяне, русы, аланы и др. Следует отметить, что еще в IX в. Ибн Хордадбех, описывая пути на востоке, в землях тюрок, более верно описал их виды, обычаи некоторых из них и границы. В частности, он писал: «Страна тюрок-тогузгузов — самая обширная из тюркских стран. Граничат они с Китаем, Тибетом. [Затем идут] карлуки, кимаки, гузы, чигили, тюргеши, азкиши, кыпчаки, киргизы, которые имеют мускус, карлуки и халаджи, [обитающие] по ту сторону реки» [Ибн Хордадбех, 1889, с. 27–31; Ибн Хордадбех, 1986, с. 64–66]. Ибн ал-Факих сокращенно привел эти же сведения [Ибн ал-Факих, МР, л. 168а]. Однако позднее представления о местоположении и родах тюрок изменились.

Причина такого искажения, как представляется, выявляется из «Книги о животных» Шараф аз-Замана Тахира ал-Марвази, написанной столетием позднее, чем труд Гардизи. Ал-Марвази передал те же сведения о тюрках, что и Гардизи, используя, видимо, тот же оригинал, но добавив свои данные. Среди тюрок он назвал, кроме приведенных у Гардизи, еще гузов и северные народы — ису, йура и «жителей приморья». Китаю Ал-Марвази отвел отдельную главу, исключив таким образом эту страну из числа территории тюрок. Весьма значимо то, что в конце раздела о тюрках ал-Марвази привел фрагмент, аналогичный встречающемуся у Гардизи, упомянув все, что удалось узнать о тюрках из разных книг. Далее ал-Марвази перечислял рассуждения других авторов: «Гален говорит, что люди, именуемые сурмат (савроматы), имеют маленькие глазки и узкий разрез глаз...»; «Гиппократ говорит, что в стране Европа есть народ тюрок и что тюрки похожи друг на друга, но не похожи на других людей, [вот так же] как египтяне похожи друг на друга, потому что вырастают в жаре, а тюрки — в холоде» [ал-Марвази, с. 35]. Книги Гиппократа и Галена, на которые ссылается ал-Марвази, были переведены на сирийский и арабский языки в IX в. [Пигулевская, 2000, с. 365]. Хотя в книге Гардизи фрагмента о савроматах нет, но общее сходство главы о тюрках в трудах Гардизи и Марвази заставляет полагать, что оба автора опирались на один первоисточник, в котором обитатели севера и северо-востока Земли, и в том числе тюрки, приравнивались к сарматам античных

писателей — жителям холодного севера. Точно таким же образом античные и византийские ученые называли скифами любых восточноевропейских «варваров», с которыми они знакомились.

Среди тюрок Марвази называл гузов, киргизов, карлуков, кимаков, печенегов, хазар, а также славян, русов, северные народы — весь и югру [ал-Марвази, с. 23, 35–36]. Анонимный персидский автор труда «Муджмал ат-таварих» точно так же относил к тюркам северные и восточные народы, жившие в Китае, Тибете, а также русов, славян, булгар, буртасов, хазар.

Иное представление о климатах и месте тюрок в них высказывал ал-Истахри, географ X в.: «Сам ас-Син (Китай) — это климат (*иклим*), все страны тюрок мы относим к нему как к царству, так же как мы название всего царства Рум [относим] к земле Румийа и Кустантинийа, и как прочие все царства ислама — к Ираншахру, а это земля Бабил (Вавилон)...» [ал-Истахри, с. 10]. В данном случае ясно, что под «климатом» ал-Истахри разумеет не просто область, а некое цивилизационное пространство под главенством того государства, которое он (или его предшественник ал-Балхи, поскольку ал-Истахри опирался на его сочинение) считал наиболее важным.

Ссылаясь на Ибн Хордадбеха, Гардизи отмечал, что «тюрки принадлежали к китайцам» [Бартольд, 1973, с. 25, 41]. Не исключено, что здесь Гардизи или Ибн Хордадбех следуют той же традиции, что отразилась и в книге ал-Истахри, хотя с карто- и географической традициями, отмеченными именами ал-Балхи, ал-Истахри и Ибн Хаукала, ни Ибн Хордадбех, ни Гардизи не были знакомы. Хотя все они принадлежали разным научным направлениям, но следовали общим представлениям о вхождении людских общностей в определенные «царства» как главные составляющие целого, вне зависимости от расовых или национальных признаков, почему и соединялись вместе народы, совсем не родственные друг другу.

Таким образом, помимо сближения народов по генеалогическому признаку (как Яфетидов и как Афридунидов) у арабов был распространен и взгляд на объединение людской общности в рамках одного «климата» (*иклим*) или царства (*мамлакат*) как главное составляющее целого, вне зависимости от расовых или национальных признаков, почему и соединялись вместе народы, совсем неродственные друг другу. Располагались тюрки, по воззрениям арабов, на северо-востоке и востоке обитаемой земли и рассматривались как «сарматы», т.е. варвары, жившие далеко от цивилизованного мира ислама.

Агапий — Kitab al-'Unwan. Histoire universelle écrite par Agapius (Mahboub) de Menbidj // Patrologia Orientalis. P., 1910. Vol. V. Fasc. 4.

Асадов, 1993 — *Асадов Ф.М.* Арабские источники о тюрках в раннее средневековье. Баку, 1993.

ал-Бакри — Kitab al-Masalik wa-l-Mamalik d'Abu Ubaid al-Bakri. T. I–II. Tunis, 1992.

Бартольд, 1973 — *Бартольд В.В.* <Извлечение из сочинения Гардизи «Зайн ал-ахбар»> // Соч. Т. VIII. М., 1973.

ал-Бируни, 1957 — *Ал-Бируни Абу-р-Райхан Мухаммад ибн Ахмад.* Памятники минувших поколений // Избранные произведения. М., 1957.

ал-Бируни, 1975 — *Ал-Бируни Абу-р-Райхан Мухаммад ибн Ахмад.* Книга вразумления начаткам науки о звездах // Избранные произведения. Т. VI. Таш., 1975.

Грязневич, 1982 — *Грязневич П.А.* Развитие исторического сознания арабов // Очерки истории арабской культуры V–XV вв. М., 1982.

Зайончковский, 1966 — *Зайончковский А.* Старейшие арабские хадисы о тюрках (VIII–XI вв.) // ТС. К шестидесятилетию А.Н.Кононова. М., 1966.

Ибн Кутайба — Ibn Coteiba's Handbuch der Geschichte... / Ed. F. Wüstenfeld. Göttingen, 1850.

Ибн Русте — Kitâb al-A'lâk an-nafîsa VII auctore Abu Alî Ahmed ibn Omar Ibn Rosteh... / Ed. M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1892.

Ибн ал-Факих, МР — *Ибн ал-Факих ал-Хамадани.* Ахбар ал-булдан. Фотокопия Мешхедской рукописи. Ин-т востоковедения. СПб.

Ибн ал-Факих, 1885 — Compendium libri Kitab al-Boldân auctore Ibn al-Fakîh al-Hamadhâno / Ed. M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1885.

Ибн Хордадбех, 1889 — Kitâb al-Masâlik wa'l-Mamâlik (Liber viarum et regnorum) auctore Abu'l-Kâsim 'Obaidallah ibn 'Abdallah Ibn Khordâdhbeh... et Excerpta e Kitâb al-Kharâdj auctore Kodâma ibn Dja'far... / Ed. M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1889.

Ибн Хордадбех, 1986 — *Ибн Хордадбех.* Книга путей и стран. Пер. с араб., коммент., исслед., указ. и карты Наили Велихановой. Баку, 1986.

ал-Истахри — Viae regnorum. Descriptio ditionis moslemicae auctore Abu Ishak al-Farisi al-Istakhri. Leiden, 1870.

ал-Йа'куби — Ibn Wadhîh qui dicitur al-Ja'qûbî. Historiae. T. I. Leiden, 1883.

Калинина, 1988 — *Калинина Т.М.* Сведения ранних ученых Арабского халифата. Тексты, пер., коммент. М., 1988.

Крюков, 1983 — *Крюков В.Г.* Сообщения анонимного автора «Ахбар аз-заман» («Мухтасар ал-'Аджаиб») о народах Европы // ДГ. Материалы и исследования. 1981 год. М., 1983.

Кудама ибн Джа'фар — Kitâb al-Masâlik wa'l-Mamâlik (Liber viarum et regnorum) auctore Abu'l-Kâsim 'Obaidallah ibn 'Abdallah Ibn Khordâdhbeh... et Excerpta e Kitâb al-Kharâdj auctore Kodâma ibn Dja'far... / Ed. M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1889.

ал-Макдиси — Le Livre de la Création et de l'histoire de Motahhar b. Tahir el-Maqdisi attribué à Abou-Zéïd Ahmed b. Sahl el-Balkhi... T. III / Ed. Cl. Huart. P., 1903.

ал-Марвази — Sharaf al-Zaman Tahir Marvazi on China, the Turks and India / Arabic text (c. A.D. 1120) with an English Translation and Commentary by V.Minorsky. L., 1942.

ал-Мас'уди — *Maçoudi.* Les Prairies d'or / Texte et traduction par C.Barbier de Meynard et Pavet de Courteille. T. I. P., 1861; t. III. 1864.

ал-Мас'уди, 1894 — Kitâb at-tanbîh wa'l-ischrâf auctore al-Masûdî... / Ed. M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1894.

Мишин, 2002 — *Мишин Д.Е.* Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннее средневековье. М., 2002.

Новосельцев, 1965 — *Новосельцев А.П.* Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. (Второе изд.: Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. Памяти чл.-кор. РАН А.П.Новосельцева. М., 2000.)

Новосельцев, 1990 — *Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.

Пигулевская, 2000 — *Пигулевская Н.В.* Имя «Рус» в сирийском источнике // *Пигулевская Н.В.* Сирийская средневековая историография. СПб., 2000.

Пиотровский, 1991 — *Пиотровский М.Б.* Коранические сказания. М., 1991.

Резван, 2000 — *Резван Е.А.* Коран и его толкования. Тексты, пер., коммент. СПб., 2000.

Сейппель — Rerum normannicarum fontes arabici... Fasc. I / Ed. A. Seippel. Christiania, 1896.

ат-Табари — Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari cum aliis edidit M.J. de Goeje. Leiden, 1879.

ал-Фергани — Muhammedis Filii Ketiri Ferganensis qui vulgo Alfraganus dicitur. Elementa Astronomica, arabice et latine. Amstelodami, 1669.

ал-Хорезми — Das Kitab Surat al-ard des Abu Ğa'far Muhammed Ibn Musa al-Huwarizmi / Ed. H. v. Mžik. Lpz., 1926.

Худуд ал-'Алам — Hudud al-'Alam. The Regions of the World / Translated and explained by V.F.Minorsky. L., 1937.

А.К.КАМАЛОВ
(Алматы)

Тюрки в позднетанском Китае: уйгурская династия абузов в Хэбэе

В Танской империи (618–907) достаточно важную роль играли выходцы из Внутренней и Центральной Азии, в особенности представители тюркских и ираноязычных народов. Положение и роль иноземцев, к которым относились тюрки и иранцы, в политической жизни танского Китая были разными на разных этапах 300-летней истории этой средневековой Китайской империи. В начальный период истории Тан политика первых правителей династии была направлена на укрепление и расширение границ Поднебесной, в связи с чем иноземцы стали использоваться императорами в качестве военной силы в завоевательных походах [Кляшторный, 1964, с. 22–24; Попова, 1999, с. 193–196]. Тюркские подразделения, инкорпорированные в танскую армию, внесли свою лепту в распространение новой власти на прилегающие к Китаю территории. Положение иноземцев в Танской империи усилилось к первой половине VIII в., когда их предводителей стали допускать к управлению приграничными провинциями и расположенными там армиями. Усиление власти военных губернаторов неханьского происхождения в приграничных областях империи сделало неизбежным рост центробежных тенденций и привело к грозному восстанию в 755 г., которое возглавил Ань Лушань, генерал согдийско-тюркского происхождения [Pulleyblank, 1955, с. 7–23]. Хотя это восстание и было подавлено в 762 г. благодаря помощи уйгуров и в Китае была восстановлена власть танской династии, однако оно стало, по выражению де Ротура, «началом конца» Танской империи [Rotours, 1962, с. 2].

© А.К.Камалов, 2007

Несомненно, положение тюрков и иранцев в Танской империи должно было измениться после подавления восстания Ань Лушаня. Новая политика в отношении иноземцев в стране стала осуществляться императором Дэ-цзуном (с 778 г.), который предпринял серьезные меры по ограничению их влияния, не допуская к высоким военно-административным должностям. Однако такая политика могла проводиться в жизнь только в районах, находящихся под контролем танской династии. В приграничных районах, особенно на северо-востоке страны, в Хэбэе, где началось восстание Ань Лушаня и куда власть танского императора распространялась лишь номинально, иноземцы продолжали играть достаточно важную роль [Pulleyblank, 1976, с. 47–50]. Среди высокопоставленных лиц здесь было много выходцев из народов, обитавших в приграничных районах, таких, как кидани и мохэ. Достаточно хорошо представлены были здесь также тюркские народы, например уйгуры и западные тюрки-шато.

Уйгурское население Хэбэя, особенно округа Ю-чжоу, сильно увеличилось после появления здесь в 842 г. беженцев с территории Уйгурского каганата [Малявкин, 1974, с. 28, 29]. Хотя нужно отметить, что численность уйгуров в пограничных районах Танской империи была высокой и задолго до этого события. Из среды уйгуров, поселившихся на этих землях в еще более ранние периоды танской истории, вышли такие выдающиеся военачальники, как Ван Тинцзоу, происходивший из уйгурского племени абуз, братья Ли Гуанцзинь и Ли Гуанянь из племени эдиз и Хунь Чжэнь из племени кун. В данной статье мы рассмотрим историю династии абузов, правившей в округе Чэндэ провинций Хэбэй в VII–IX вв.

Основателем этой династии был Ван Тинцзоу, который происходил, по сообщению династийных хроник, из уйгурских абузов (кит. *хуэйху абусы*) [Синь Тан шу, 1986, цз. 211, с. 5953]. Первые упоминания абузов в танских источниках относятся ко времени крушения Второго Восточно-тюркского каганата, когда в 742 г. вместе с высокородными тюрками в Танской империи находит убежище Абуз-ябгу. Абузы принадлежали к телеским (огузским) племенам. По мнению Э.Пуллиблэнка, абузы были родовым подразделением токуз-огузского (уйгурского) племени сыцзе [Pulleyblank, 1956, с. 39, 42]. Часть этого племени, которую и возглавлял Абуз-ябгу, была тесно связана с правящими кругами восточных тюрков. В 753 г. из-за конфликта с танскими властями Абуз-ябгу покинул Северный Китай, но был настигнут правительственными войсками, привезен в столицу Чанъань и казнен там в 754 г. [Czegledy, 1973, с. 266–267; Камалов, 2001, с. 91–93]. Очевидно,

часть его соплеменников продолжала оставаться в пределах Танской империи. Не ясно, были ли предки Ван Тинцзоу из этих абузов или принадлежали к другой группе, поселившейся в Китае позже. Обращает внимание на себя указание на то, что «он был по происхождению из уйгурского рода абуз». Скорее всего, группа абузов, к которой принадлежал Ван Тинцзоу, не имела в прошлом связей с восточными тюрками. Из предков Ван Тинцзоу в источниках упоминается его прадед У-гэчжи, который жил в Аньдунском наместничестве (на границе с современной Кореей) и служил Ли Сяньчэню, вождю племени си, который, в свою очередь, служил в Фаньяне под предводительством будущего предводителя повстанцев Ань Лушаня. Сообщается, что предки Ван Тинцзоу из поколения в поколение занимали должность помощника полководца (*би-цзян*). В его воспитании и становлении карьеры большую роль сыграл военный губернатор Ван Уцзюнь (735–801), происходивший из киданей: он «растил его (Ван Тинцзоу) как сына, поэтому [тот] принял имя Ван». Ван Уцзюнь был одним из тех, кто поддержал восстание хэбэйских губернаторов в 781–786 гг., однако затем он перешел на сторону танской династии [Камалов, 1991, с. 95–97].

В связи с усыновлением Ван Тинцзоу киданем Ван Уцзюнем стоит сказать несколько слов об уйгурско-киданьских отношениях за пределами Танской империи. В период уйгурского господства в степи кидани находись в зависимости от уйгуров. Как и в период господства тюрков, правитель киданей получал от уйгурского сюзерена титул *эркин*. Кочевья киданей, расположенные на территории современной Южной и Центральной Маньчжурии, не были включены в состав Уйгурской империи, но их правитель признавал вассальную зависимость от уйгурского кагана, выдававшего ему печать на правление. Недавно изданные М.Дромпом письма танского министра Ли Дэюя, касающиеся «уйгурского кризиса» 842–848 гг. в Северном Китае, вызванного появлением беженцев с территории каганата, показывают, что среди подчиненных уйгурам племен, в том числе киданей, постоянно пребывали уйгурские наместники, наподобие монгольских наместников *даругачи* в более позднюю эпоху монгольских завоеваний [Drompp, 2005, с. 202].

Касаясь танско-киданьских отношений, «Синь Тан шу» («Новая история династии Тан») сообщает, что кидани регулярно присылали к императорскому двору посольства с подношениями, «однако Сын Неба, недовольный тем, что кидани подчинились уйгурам, не жаловал их вождям должностей и титулов» [Синь Тан шу, 1986, цз. 219, с. 171].

После падения Уйгурского каганата в 842 г. источники фиксируют стычку группы уйгуров, бежавшей в Северный Китай, с киданями, в результате которой вождь последних Цюйшу изъявил желание подчиниться Танам. В связи с этим военный губернатор танского приграничного округа Ю-чжоу обменял «старую печать, выданную уйгурами, и пожаловал киданям новую, выданную Танской династией, на которой было написано „печать киданей, служащих государству“» [Материалы, 1984, с. 163, 171]. В конце IX в. происходит усиление позиций киданей: к 907 г. их вождь Абаоцзи (872–926) сумел объединить все племена и, приняв титул императора, провозгласил образование империи, позже, в 947 г., получившей название Ляо.

Тесные контакты уйгуров и киданей в уйгурскую эпоху обусловили большое влияние уйгуров на киданей и другие монголоязычные племена. Так, кидани переняли у уйгуров культуру выращивания арбузов, которая была достаточно развитой в Уйгурском каганате: «Рассказывают, что кидани, разбив уйгуров, взяли у них арбузные семечки. Арбузы сажают под навесами... величиной арбузы с китайскую восковую тыкву и сладки на вкус» [Sinor, 1998, с. 212]. Киданьскому роду хэйчэцзы (букв. «черные телеги») китайские источники приписывают заимствование у уйгуров конструкции телеги с расположенной на ней юртой: «...предки киданей всегда служили хуэйхэ (уйгурам. — *А.К.*), но затем подняли восстание и бежали, после чего хэйчэцзы научились делать телеги с юртами» [Sinor, 1998, с. 213].

Уйгурское влияние прослеживается и в происхождении некоторых киданьских племен. Достаточно сказать, что и-ши, второе племя в иерархии после правящего рода киданей Елюй, а также род сяо, катуньская фратрия, имели уйгурское происхождение. Известен интересный факт, отражающий прежние вассальные отношения между киданями и уйгурами: в 924 г. киданьский император Абаоцзи, прибыв в Каракорум, бывшую столицу Уйгурского каганата, приказал стереть надпись в честь уйгурского кагана и поместить вместо нее трехъязычную (киданьско-тюркско-китайскую) надпись, восхваляющую его деяния. К сожалению, неизвестно, надпись какого уйгурского кагана была стерта, но и заменившая ее надпись не дошла до нас. Еще более интересным фактом является предложение Абаоцзи уйгурам Турфанского княжества Кочо переселиться на их старые кочевья, находившиеся на территории нынешней Северной Монголии, но уйгуры не пожелали покидать Турфан. Д.Синор сравнивает это предложение с

ностальгическим отношением бывших подданных Британской империи или империи Габсбургов к тем временам, когда они находились в вассальной зависимости [Sinor, 1998, с. 229].

Возвращаясь к истории уйгуро-киданьских контактов на территории Танской империи, следует заметить также, что во время восстания хэбэйских губернаторов уйгуры заняли антитанскую позицию и посылали подразделения на помощь повстанцам в 781–783 гг. Во время военных действий уйгурская кавалерия находилась в тесном взаимодействии с киданьским военачальником Ван Уцзюнем, приемным отцом Ван Тинцзоу.

Сам Ван Тинцзоу принадлежал к поколению, выросшему в Китае, и, очевидно, был китаизирован. Об этом свидетельствует отмеченная историографами его любовь к китайским книгам: «...он любил читать *Гуй-гу* и все книги по военному делу». Тем не менее китайские историки особо выделяют его «варварские» черты, сообщая, что он «с рождения имел могучий торс, был похож на хищника, говорил очень мало». Сравнение с хищниками очень характерно для китайского представления об иноземцах, согласно которым «варвары» внешне похожи на людей, но внутренне сродни диким зверям.

Северо-восточные провинции Китая, в которых были сильны тенденции к самостоятельности, после неудачной попытки выйти из-под контроля танской династии во время правления Дэ-цзуна номинально продолжали подчиняться власти императора, но фактически сохраняли независимость в местном управлении. Особый статус этих провинций заключался также в том, что в отличие от других районов Китая, губернаторы которых назначались императором, должность губернатора стала здесь наследственной, и со временем появились династии местных правителей. Такая династия и была создана абузом Ван Тинцзоу.

Как известно, в биографиях тех или иных деятелей, включенных в династийные истории, получали отражение факты, с точки зрения их составителей представлявшие интерес для истории Китая. Из биографии Ван Тинцзоу известно следующее. Одним из событий, в которых он принял участие, было восстание Ван Чэн-цзуна (806 г.), губернатора округа Чэндэ, расположенного на западе провинции Хэбэй. После его смерти (821 г.) танский двор смог добиться уступок от этой провинции. Историографы также рассказывают о его действиях против посланника танского двора, направленного в приграничные армии. Ван Тин-цзоу удалось настроить армию против танского посланника и поднять бунт. В это время он служил в должности *бинмаши*.

В 7-м месяце 806 г. Ван Тинцзоу захватил власть в Чэн-дэ и провозгласил себя правителем без позволения танского двора. Император Му-цзун (821–825) издал указ, приказывающий армиям всех прилегающих к Чэндэ областей организовать совместное выступление против Ван Тинцзоу. Когда действия, направленные против него, не возымели успеха, был организован новый карательный поход во главе с генералом Пэй Ду для подавления восстания на западе провинции Хэбэй. Пэй Ду (765–839) должен был объединиться с силами соседней провинции Хэдун и нанести удар по мятежникам. Биография Ван Тинцзоу рассказывает о некоторых сражениях полководцев Пэй Ду с восставшими. Один из них, Ду Шулян, преследовал войска Ван Тинцзоу до Ҳуэйсина, но сам попал в окружение в крепости Шэньчжоу. Ему удалось бежать с места боя с семьей, укрыться у губернатора северного округа Лин-у. Его бегство воодушевило Ван Тинцзоу, который, перейдя в контратаку, разгромил верные центральному правительству силы.

Восстание в северо-восточных провинциях подрывало хозяйство страны, «император жаловал подарки без меры, казна была пуста». В 821 г. взбунтовался Ши Сянь-чэн, правитель округа Вэбо, и императору пришлось прекратить военные действия против Ван Тинцзоу. 12 апреля 822 г. император был вынужден «помиловать» его, пожаловав ему должность *цзянь-цзяо ю сань-цзи чан ши* и пост военного губернатора Чэндэ.

В дальнейшем, во время правления императора Вэнь-цзуна (827–840), Ван Тинцзоу поддержал Тун Цзе, который самовольно «наследовал» должность умершего отца, Ли Цюаньлюэ, в округе Цанчжоу. Когда Вэнь-цзун отказался утвердить в должности Тун Цзе, последний поднял мятеж. Был организован карательный поход против Тун Цзе, но Ван Тинцзоу «ослабил северные окраины, чтобы сковывать [действия правительственных войск]». Он также задержал танских посланников, чем вызвал гнев Вэнь-цзуна, который издал указ «прекратить получение подношений от него». В указе далее говорилось: «Тун Цзе взбунтовался, [Ван] Тинцзоу является соучастником злодея. Следует лишить [его] титулов; всем по разным путям отправиться в карательный поход [против него]. Того, кто сможет обезглавить [Ван] Тинцзоу, наградить 200 тыс. связок монет. Все чиновники, которые [помогут] подчинить города и веси, будут щедро награждены в соответствии с рангами» (Синь Тан шу, 1986, цз. 211). Но императору не удалось подавить бунт, ему пришлось амнистировать восставших и простить Ван Тинцзоу. Через некоторое время Ван Тинцзоу был удостоен

титулов «главный наставник наследного принца» (*тай-цзы тай-фу*) и «князь» (*цзюнь-гун*) области Тай-юань.

Участвуя в многочисленных бунтах против танской династии, Ван Тинцзоу, как и многие другие хэбэйские губернаторы, попал в число непокорных подданных, которые номинально признавали власть династии, но не подчинялись императорским приказам. Историографы дают ему такую характеристику: «Что до [Ван] Тинцзоу, у него был такой характер, что он шел против справедливости, участвовал по своему произволу в двадцати смутах, не выполнял долг подчиненного, не был человеколюбивым. [Как и все] варвары *и* и *ди*, [он] не изъявлял покорности» [Синь Тан шу, 1986, цз. 211, с. 5961].

Ван Тинцзоу умер в 834 г. и был посмертно пожалован титулом *тай-вэй*. Когда он умер, на должность губернатора Чэндэ претендовал его сын Юаньда. «В армии просили [императорского] приказа о [назначении Ван] Юаньда. Император послушался, передал ему как преемнику [должность] *цзе-ду*» [Синь Тан шу, 1986, цз. 211, с. 5961].

Ван Юаньда (812–854) был вторым сыном Ван Тинцзоу. В его правление округ Чэндэ наладил хорошие отношения с танским двором. Он «знал церемонии и правила, ежегодно представлял дань [ко двору], как полагается слуге». Это послушание было следствием мер, предпринятых танским домом, который заключил с ним брачный союз: ему была отдана в жены танская принцесса Шоуань, дочь князя У (цзянван У). Тогда «[Ван] Юаньда послал людей представить подарки в честь сговора ко двору, преподнес тысячу подносов с едой, прекрасных лошадей, туалетные принадлежности, рабынь». Император У-цзун использовал лояльность Ван Юаньда для борьбы с другими антитанскими бунтами в Хэбэе. Так, Ван Юаньда был назначен комиссаром по умиротворению бунта Цзянь Цзи в соседней области И-у. Получив приказ, Ван Юаньда немедленно отправился на подавление бунта и, разгромив армию военачальника Яо Шаня, подчинил округ Бинчжоу. За эти заслуги он был назначен на должность *цзянь-цзяо сыту* и одновременно с этим получил пост советника-контролера по делам Императорской канцелярии (*чжун шу мыньшя пин-чжан-ши*). Кроме того, император пожаловал ему почетный титул наставника наследного принца (*тайцзы тай-ши*), титул князя области Тайюань и предосвил во владение 200 дворов. Ван Юаньда скончался в 854 г. в возрасте 43 лет. В знак признания верности танской династии ему было пожаловано посмертное имя *Чжун* («верный»).

После смерти Ван Юаньда должность губернатора Чэндэ занял его сын Ван Шаодин, который был рожден от брака с танской принцессой и был уже наполовину китайцем. По китайской традиции ему было дано детское имя: он был назван Сы-сян («наследник предков»). Он не обладал особыми административными или военными способностями и проводил время в развлечениях: «...злоупотреблял [напитками], пил запоем, был распущенным, жестоким по характеру, незаконно взымал налоги [с населения], поднимался на верх здания и ради забавы стрелял по прохожим. Люди были возмущены его жестокостью» [Синь Тан шу, 1986, цз. 211, с. 5961]. Он управлял областью недолго и скончался после болезни. Точное время его смерти неизвестно, но произошло это в правление императора Сюань-цзуна (847–866). Поскольку в тот момент сын Ван Шаодина был еще маленьким и не мог заменить его, то губернатором был назначен его младший брат Шао-и, о котором практически ничего не известно. Он также, как и Ван Шаодин, был сыном танской принцессы. Сообщается лишь, что он «управлял просто и легко». Он получил титул *сяньбо* Тайюаня и должность главного советника (*цзянь-цзяо сыкун*). Скончался Ван Шао-и в правление императора И-цзуна, в 866 г.

Ван Шао-и наследовал Ван Цзинчун (847–883), уже подросший сын Ван Шаодина, внук танской принцессы. Когда Ван Шао-и серьезно заболел, он вызвал к себе Ван Цзинчуна и сказал: «Прежний правитель (*цзюнь*) передал управление мне. Нужно было, чтобы ты вырос, и тогда [я] передал бы [должность] тебе. Теперь я серьезно болен. Хотя ты мал, приложи усилия [к исполнению] обязанностей по управлению армией, соблюдай этикет (*ли*) в отношении соседей-иноземцев (*фань*) и делай подношения двору, тогда дела семьи не придут в упадок» [Синь Тан шу, 1986, цз. 211, с. 5962]. Когда императору стали известны наставления Ван Шао-и, он был очень доволен и назначил Ван Цзинчуна сначала помощником губернатора (*люхоу*), а затем губернатором (*цзедуши*). Известно, что Ван Цзинчун был губернатором 14 лет.

Во время бунта Пан Сюня (868–869) Ван Цзинчун, наряду с кавалерией тюрков-*шато*, послал войска на помощь правительственным силам для подавления восстания. Мятеж начался в Южном Китае, но восставшие совершили поход на север и при поддержке местного населения достигли Сюйчжоу на северо-востоке. Мятежники были умиротворены только через год во многом благодаря привлечению иноземных воинов. Из области Тайюань были созваны войска, состоявшие из туюйхуней, да-да, ци-би и трех племен шато. Особую роль в

подавлении повстанцев сыграла трехтысячная кавалерия шато во главе с вождем чжу-юэ Чисинем, который возглавил «варварско»-ханьскую армию. За заслуги этот тюрок был пожалован императорской фамилией Ли и ханьским именем Кэчан. Его сын, Ли Кэюн, впоследствии основал собственную династию Поздняя Тан [Cambridge History, 1979, с. 697–700].

Среди сил, брошенных на подавление повстанцев, были и войска под командованием Ван Цзинчуна, который за участие в войне на стороне Тан получил очередное повышение — должность правого *пу-е* кабинета министров (*цзянь-цзяо шан-шу пу-е*). Ван Цзинчун также имел детское имя — Мэн-ань. Он был любимцем бабушки, танской принцессы, и матери. Его мать, очевидно, была китаянкой, о чем говорит ее фамилия Чжан. Когда скончалась бабушка, император дал ей посмертное имя Чжан-хуэй, и «[Ван] Цзинчун соблюдал траур согласно этикету». Он очень скорбел, когда вскоре скончалась его мать: забросив все дела, он управлял через помощников.

В конце 870-х годов Ван Цзинчун получил ряд повышений: его произвели в почетные правители столичной области и пожаловали титул чжао гун. В 878 г. он получил княжеский титул ван Чан-шань. Ван Цзинчун принимал активное участие в подавлении восстания Хуан Чао (885 г.). Он оказал военную помощь губернатору Ю-чжоу в действиях против тюрков-шато, которые атаковали этот округ. В том же году он скончался в возрасте 37 лет.

Преемником Ван Цзинчуна на посту губернатора стал его сын Ван Жун (883–907), который управлял округом в период возвышения в Северном Китае шатоского вождя Ли Кэюна. Ли Кэюн сыграл важную роль в подавлении. восстания Хуан Чао. Усиление Ли Кэюна сопровождалось войной, охватившей северо-восточные провинции. Во время восстания Хуан Чао Ван Жун был на стороне Ли Кэюна и его сторонников. Однако позже, когда Ли Кэюн предпринял попытку взять под контроль эти провинции, Ван Жун выступил против него. Генералы Ли Кэюна стали стали грабить земли, подконтрольные Ван Жуну. В военных действиях против сторонников Ли Кэюна танская сторона пыталась оказать помощь армии Ван Жуна. Тот объединился с другим амбициозным военачальником, Ли Куанвэем, и вместе они нанесли сильный удар по войскам Ли Кэюна в районе гор Чаншань. Ван Жун возглавил 100-тысячную армию, обезглавил 20 тысяч воинов, захватил в плен 300 латников, тем самым вынудив Ли Кэюна скрыться в крепости Луаньчэн. За этим последовало нападение Ли Кэюна на армию Ван Жуна. Союз Ван Жуна с Ли Куан-

вэем помог некоторое время одерживать верх над сторонниками шатоского лидера.

В период правления Гуан-хуа (898–901) танской династией была предпринята попытка взять под контроль ситуацию в Хэбэе. Для этого в Хэбей была отправлена армия Цюань Чжуна, которой удалось подчинить себе несколько округов. Ван Жун, однако, не торопился присоединяться к танскому военачальнику, тем более что его пытались привлечь на свою сторону генералы Ли Кэюна, атаковав один из округов, захваченных танскими силами. Однако Цюань Чжун сумел добиться того, чтобы Ван Жун отправил к нему в качестве заложника своего сына Ван Чжаоцзо, которого он женил и держал при себе в чиновниках. На рассказе о союзе Ван Жуна с танским генералом прерывается повествование о его жизни в династийных историях. Говоря о личных качествах Ван Жуна, историографы отмечают, что на него сильное влияние оказывала мать, которая, судя по фамилии Хэ, имела согдийское происхождение. После ее смерти Ван Жун начал обогащаться, завел тысячу наложниц и не следовал этикету в выборе одежды. Он построил Храм матери Западного князя (*си-ван му сы*), который часто посещал с жертвоприношениями. Он также стал очень нетерпимым к служащим [Синь Тан шу, 1986, цз. 211, с. 5963].

Очевидно, Ван Жун правил до конца Танской династии, поскольку китайские историографы особо отмечают, что от правления Ван Тинцзоу, узурпировавшего власть в Чэндэ в начале IX в., до последнего представителя уйгурской династии абузов Ван Жуна прошло сто лет. За такой долгий период правления уйгурской династии в округе Чэндэ сложились семейные легенды, которые зафиксированы в жизнеописаниях представителей этой местной династии: «Когда [Ван] Тинцзоу занимал низкое положение, в Е (Анъяне) был некий даосец, который сделал предсказание и, взяв [книгу] *Цянь-чжи-кунь*, сказал: „Господин будет иметь землю“. Когда [он] получил [в управление] Чжэнь[-чжоу], очень почтительно встретил службу.

[Он] вновь спроосил: „[Что можете сказать] о долголетии? О детях и внуках?“ Ответ был [таков:] „У господина (*гун*) спустя тридцать лет будет два князя (*ван*)“. [И действительно,] [Ван] Тинцзоу скончался, пробыв на должности 13 лет, в этом было скрытое значение, [поскольку] Цзин-чун и Жун оба были ванами (т.е. имели княжеский титул. — *А.К.*). Когда-то [Ван] Тинцзоу дошел до Хэяна и, опьянев, заснул в дороге. Кто-то из прохожих увидел его и воскликнул: „Необычный человек!“ Сопровождавший сообщил об этом [Ван] Тинцзоу, он быст-

ро догнал его и спросил, почему [он так сказал], тот ответил: „Я вижу, как вы, господин, отдыхаете — слева от вас как будто стоит дракон, а справа как будто стоит тигр. [Ваши] сыновья и внуки будут ванами сто лет. [Ваша] семья имеет большое дерево, посещайте часто храм [предков], и господин будет преуспевать“... От [Ван] Тинцзоу до [Ван] Жуна прошло всего сто лет» [Синь Тан шу, 1986, цз. 211, с. 5965–5966].

Брачный союз династии абузов в Чэндэ с танским домом, конечно, способствовал китаизации этой семьи «варваров». Следует сказать, что основатель династии Ван Тинцзоу представлял не первое поколение абузов, переселившихся в Танскую империю из степи, и уже был китаизирован, хотя сохранял «варварские» корни. Историографы, обращавшие внимание на «варварское» происхождение при характеристике Ван Тинцзоу, перестают упоминать что-либо подобное в отношении его потомков. Уже с третьего поколения губернаторов все правители дома абузов имели смешанное тюркско-ханьское происхождение, что выразилось и в их китайских детских именах, в соблюдении ими китайского этикета и традиций. Потомки Ван Тинцзоу сами могли жениться на китаянках. Мать последнего представителя династии, Жуна, носила фамилию Хэ, которую обычно имели согдийцы, происходившие из Кушана. Очевидно, Ван Цзинчун, его отец, был женат на согдийке. Это не вызывает удивления, так как в приграничных провинциях до конца империи Тан существовало достаточно большое согдийское население, которое было уже китаизированным. Согдийское происхождение того или иного человека можно установить только по фамилиям.

Материалы о династии абузов в Чэндэ содержат ценные сведения о том, как Танам удалось превратить династию мятежных губернаторов одной из областей Хэбэя в послушных союзников. Если основатель этой династии Ван Тинцзоу самовольно занял должность губернатора и активно участвовал в антитанских мятежах, то его потомки были верны двору, который уже не вмешивался в процесс наследования, утверждая в должности губернатора всех преемников Ван Тинцзоу в течение почти ста лет. Этот союз губернатора Чэндэ с танским двором был достигнут благодаря (династийному браку) (*хэцинь*). Как и предполагалось, брачные союзы привели к власти правителей смешанного варварско-ханьского происхождения, которые, будучи наполовину ханьцами, должны были хранить верность правящему дому.

Губернаторы Чэндэ из племени абуз были не единственной династией иноземного происхождения в позднетанском Китае. После восстания Хуан Чао (885 г.), когда прямое имперское управление было ограничено только столицей Чанъань и двумя соседними провинциями, в семи северо-восточных провинциях правили губернаторы тюркского и монгольского происхождения. Кроме Ван Жуна к ним относились Тоба Сыкун (881–890) в Сясуе, Ли Кэцюй (876–885) в Лулуне, Хэ-лянь До (880–891) в Датуне, Ли Кэчан (883–887) в Тайбее, Ли Кэюн (883–907) в Хэдуне и Ли Кэсю (883–890) в Чаои [Cambridge History, 1976, с. 764–766]. Эти иноземные правители активно участвовали в междоусобной борьбе в Танской империи в последний период ее существования, контролируя достаточно большую часть Северо-Восточного Китая.

Камалов, 1991 — *Камалов А.К.* Об участии уйгуров в мятеже хэбэйских губернаторов (781–786) // Общество и государство в Китае. Тезисы докл. XXII научн. конф. Ч. 1. М., 1991.

Камалов, 2001 — *Камалов А.К.* Древние уйгуры. VIII–IX вв. Алматы, 2001.

Кляшторный, 1964 — *Кляшторный С.Г.* Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964.

Малявкин, 1974 — *Малявкин А.Г.* Материалы по истории уйгуров в IX–XII вв. Новосибирск, 1974.

Материалы, 1984 — Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху / Пер. В.Таскина. М., 1984.

Попова, 1999 — *Попова И.Ф.* Политическая практика и идеология раннетанского Китая. М., 1999.

Синь Тан шу, 1986 — *Синь Тан шу* (Новая история династии Тан). Сост. Оу Янсю. 2-е изд. Пекин, 1986.

Cambridge History, 1979 — The Cambridge History of China. Vol. 3. Sui and T'ang China. Pt I / Ed. by D.Twitchett. Cambridge; New York; Melbourne: Cambridge University Press, 1979.

Czegledy, 1973 — *Czegledy K.* Gardizi on the History of Central Asia (746–780 AD) // Acta Orientalia Hungarica. T. XXVII. Pt. 3. 1973.

Drompp, 2005 — *Drompp M.R.* Tang China and the Collapse of the Uighur Empire. A Documentary History. Leiden; Boston, 2005.

Pulleyblank, 1955 — *Pulleyblank E.G.* The Background of the An Lu-shan Rebellion. London; New York; Toronto, 1955.

Pulleyblank, 1956 — *Pulleyblank E.G.* Some Remarks on the Toquz-Oghuz Problem // Ural-Altaische Jahrbücher. Bd. XXVIII, 1–2. Wiesbaden, 1956.

Pulleyblank, 1976 — *Pulleyblank E.G.* The An Lu-shan Rebellion and the Origins of Chronic Militarism in Late T'ang China // Essays on T'ang Society: The In-

terplay of Social, Political and Economic Forces / Ed. by J.Perry and B.L.Smith. Leiden, 1976.

Rotours, 1962 — *Rotours R., des.* Histoire de Ngan Lou-chan. P., 1962.

Sinor, 1998 — *Sinor D.* The Kitan and Kara-Khitay // History of Civilizations of Central Asia. Vol. V. UNESCO Publishing, 1998.

С.Г.КЛЯШТОРНЫЙ
(Санкт-Петербург)

«Второй памятник из Тувы» (Е 50): интерпретация и дата

Основная трудность, с которой сталкивается историк, интерпретирующий енисейские рунические надписи, связана с неопределенностью их абсолютной даты и трудностью увязки содержания каждой отдельной надписи с содержанием иных надписей или близкими по времени создания иноязычными текстами. Прорыв обозначился лишь после того, как мне удалось достаточно достоверно датировать две надписи с Алтын-кёля (Е 28, Е 29), связав их содержание с событиями, описание которых имеется в больших орхонских памятниках. Стало очевидно, что мемориант одной из надписей Алтын-кёля, кыргызский каган Барс-бег, был правителем кыргызов, который погиб зимой 710–711 гг. в сражении с тюркским войском близ своей зимней резиденции в черни Сунга на северных склонах Восточно-Саянского хребта [Кляшторный, 1976, с. 258–268]. Новый опыт датировки нескольких енисейских памятников и привязки их мемориантов к событиям, известным из других источников, был предпринят мною позднее [Кляшторный, 2006, с. 344–349].

Однако, перечисленными случаями не исчерпываются возможности датирования надписей или историко-культурной оценки их содержания. Здесь будет рассмотрена возможность интерпретации еще одной надписи, впервые опубликованной С.В.Киселевым [Киселев, 1939, с. 132]. Ныне стела с этой надписью хранится в Минусинском музее и известна как «второй памятник из Тувы».

Точное место первоначального нахождения стелы не установлено. Наиболее подробное описание памятника содержится в изданиях С.Е.Малова [МЕПТ, 1952, с. 98–99], Д.Д.Васильева [КЕР, 1983, с. 32] и И.В.Кормушина [ТЕЭ, 1997, с. 276–279]. По принятой системе обозна-

© С.Г.Кляшторный, 2007

чений енисейских памятников во всех этих трех изданиях надпись указывается под шифром Е 50.

Текст памятника в транскрипции я воспроизвожу, с некоторыми поправками, по изданию И.В.Кормушина [ТЕЭ, 1997, с. 278] и ниже предлагаю ее уточненный перевод.

Транскрипция

(1) teŋri qanym elim esizim-e
(2) kök amaš tutuq erdem üčün serdim
(2_a) adyryldym-a
(3) tört qadašym esiz-e adyryldym-a
(4) bačγa (bač aγa?) er atym begdeki atym
(5) etrük ben ki…

Перевод

(1) Моего божественного хана, мой эль я [покинул]. Увы!
(2, 2_a) Из-за доблести Кёк амаш тутука я претерпел [гибель] и разлучился [с этим миром]. Увы!
(3) О мои четверо сородичей, я разлучился с вами! Увы!
(4) Мое мужское имя Бачга (Бач ага?), мой княжеский титул —
(5) Этрюк…

Примечания

К стк. 4: *bačγa* (*bač aγa*?)?; возможно также чтения *byčaγ-a* «нож, кинжал» и *bačaγ-a* «религиозный пост, постящийся» (в тюркской христианской, манихейской и буддийской лексике) [Clauson, 1972, с. 293]. Тогда следует переводить: «мое мужское имя — Бачаг (Бычак), увы!»
К стк. 5: *etrük*, возможный дериват *ötrük* «ловкий, искусный, хитрый» [Clauson, 1972, с. 66].

Интерпретация и дата

Ключевым для интерпретации текста является содержание второй строки. Правильное чтение слов *kök amaš tutuq* (с пометкой «чиновник») установил С.Е.Малов [МЕПТ, 1952, с. 99]. И.В.Кормушин увидел здесь «этническое имя» народа *кёкмюш*, неизвестное по другим источникам, и перевел «тутук кёкмюшей». Чтение второго слога *-müš*,

однако же, сомнительно, так как для второго слога узкий губной *-ü-* обычно обозначается графически, что в нашем случае не произошло. Очевидно, что чтение С.Е.Малова предпочтительнее и не оставляет иных вариантов.

Между тем в древнеуйгурских текстах из Дуньхуана и Восточного Туркестана исходные фонетические варианты слова *amaš* встречаются достаточно часто: *amač, amača, amaš, amanč, ämränč*. Последние два случая К.Рёрборн относит за счет уйгурской народной этимологии (аналогия титулам *inanč, tajanč*), тем более что они проявляются в сравнительно поздних списках буддийских сочинений [UW, 1979, с. 115]. В наиболее ясных и относительно ранних контекстах (вторая половина IX — начало X в.) это слово неоднократно фиксируется в уйгурском переводе с тохарского буддийского текста Аранеми-джатаки; приведем здесь наиболее часто повторяемый оборот *qamay ynančlar amačlar*, который переводится вполне однозначно — «все советники [государя] и министры» (Pelliot Ouïgour I, л. A, recto, стк. 35, 44, 49 в [Hamilton, 1986, с. 4, 9, 15]). Разночтение *amač/amaš* полностью объясняется историей слова — оно заимствовано в древнеуйгурский из тохарских языков A и B (карашарского и кучанского), куда оно, в свою очередь, попало из санскритских (палийских) текстов (санскр. *āmātya-*, палийск. *amacca*) и было адаптировано в тохарском сразу в двух формах как *amač/amaš*, полностью сохраняя свою семантику («доверенное лицо государя, министр», «высший государственный чиновник»; об этимологии и семантике слова см. [Thomas, 1964, с. 163]). Впрочем, не исключено для древнетюркского текста и воздействие собственной фонетики, для которой перебой *č/š* в инлауте и ауслауте достаточно обычен: *byčaq/byšaq, ayač/yyač/ayaš* [Clauson, 1972, с. 79–80, 293].

За пределами Индии титул *amač/amaš* использовался только в городах-государствах Восточного Туркестана, где правили буддийские династии тохарского и сакского происхождения. Согласно китайским источникам, в суйское и начало танского времени (VI–VIII вв.) титул *a-mo-tche* входил в титулатуру царей Кучи, Кашгара и Хотана [Chavannes, 1903, с. 121, 207]. В период тибетской оккупации Восточного Туркестана (VIII — сер. IX в.), судя по многочисленным упоминаниям в тибетских текстах из Дуньхуана, титул *a-ma-ča* использовался для обозначения высших должностных лиц. В тибетском сочинении VIII в. «Каталог княжеств» этот титул, упомянутый в весьма смутном контексте, как будто отнесен к советнику тюргешского князя, который именуется там *иркин*; надо, впрочем, иметь в виду, что во втором–

третьем десятилетиях VIII в. власть тюргешей распространялась на часть Таримского бассейна [Кляшторный, 1981, с. 134–135; Uray, 1979, с. 301].

Следует отметить, что чуждый для тюркской иерархической номенклатуры титул *amač/amaš* в цитированном древнеуйгурском тексте и в надписи Е 50 дублируется и разъясняется парными тюркскими титулами *ynanč* и *tutuq*, терминами близкими по своему иерархическому уровню, по своей функциональности и означающими высших и особо доверенных лиц в системах государственного управления.

Итак, еще раз констатируем, что во всех известных случаях использования и цитации в китайских источниках и источниках сериндийского круга титул *amač/amaš* обозначал высшее должностное лицо только в буддийских государствах Восточного Туркестана. Это жесткое территориальное ограничение зоны использования титула сразу же привязывает имя врага тюркского бега Этрюка, Кёк амаш тутука, врага, «из-за доблести» которого, т.е. в схватке с войском которого, погиб герой надписи, к определенному событию и определенной дате — походу кыргызского отряда через Ганьсуйский коридор в Восточный Туркестан вплоть до Кучи между 840–843 гг., т.е. к событию, упомянутому, по крайней мере, еще в двух других енисейских памятниках: Уйбатском № 6 (Е 98) и Бегре (Е 11), а также находящемуся в связи с Тэсинской наскальной надписью в Северо-Западной Монголии [Кляшторный, 2006, с. 346–349].

Никакие иные военные предприятия енисейских кыргызов в Восточном Туркестане в источниках не зафиксированы. Тем самым определяется и дата гибели мемориата, т.е. дата памятника, и связь надписи Е 50 с иными текстами, и тот исторический фон, с которым связано появление памятника.

КЕР, 1983 — *Васильев Д.Д.* Корпус рунических надписей бассейна Енисея. Л., 1983.

Киселев, 1939 — *Киселев С.В.* Неизданные надписи енисейских кыргызов // Вестник древней истории. Вып. 3. 1939.

Кляшторный, 1976 — *Кляшторный С.Г.* Стелы Золотого озера (к датировке енисейских рунических памятников) // Turcologica. К семидесятилетию академика А.Н.Кононова. Л., 1976.

Кляшторный, 1981 — *Кляшторный С.Г.* Мифологические сюжеты в древнетюркских памятниках // ТС 1977. М., 1981.

Кляшторный, 2006 — *Кляшторный С.Г.* Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. СПб., 2006.

МЕПТ, 1952 — *Малов С.Е.* Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы. М.; Л., 1952.

ТЕЭ, 1997 — *Кормушин И.В.* Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования. М., 1997.

Chavannes, 1903 — *Chavannes E.* Documents sur les Tou-kiue (Turcs) Occidentaux. СПб., 1903 (Сборник трудов Орхонской экспедиции. Т. VI).

Clauşon, 1972 — *Clauson G.* An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxf., 1972.

Hamilton, 1986 — *Hamilton J.* Manuscrits ouïgours du IXe–Xe siècle de Touen-Houang. T. I. P., 1986.

Thomas, 1964 — *Thomas W.* Tocharisches Elementarbuch. Bd. 2. Heidelberg, 1964.

Uray, 1979 — *Uray G.* The Old Tibetan Sources of the History of Central Asia up to 751 A.D. // Prolegomena to the Sources of the History of Pre-Islamic Central Asia (ed. by J.Harmatta). Budapest, 1979.

UW, 1979 — *Röhrborn K.* Uigurisches Wörterbuch. Sprachmaterial der vorislamischen Türkischen Texte aus Zentralasien. Lief. 2. Wiesbaden, 1979.

Н.А.КУЗНЕЦОВ
(Новокузнецк)

Монеты из памятников верхнеобской культуры

Средневековая история Кузнецкой котловины неразрывно связана с историей всей Южной Сибири и Северного Алтая в частности. Но этот регион сравнительно хуже изучен. Несмотря на наличие весьма интересных археологических памятников VIII–X вв., многие из которых исследованы, вопросов по этнополитической истории в Кузнецкой котловине того периода остается больше, чем ответов.

Это положение усугубляется отсутствием письменных источников по истории Кузнецкой котловины в средние века. В отличие от Хакасии, Тувы, Горного Алтая, там нет ни древнетюркских могильных эпитафий, ни наскальных надписей, исполненных «руническим» письмом.

Малое количество исследованных поселенческих памятников тоже не способствует тому, чтобы оценивать ситуацию с изучением средневековых памятников Кузбасса оптимистически. Однако материалы погребальных памятников здесь весьма интересны. На них и строятся основные гипотезы об этнокультурной истории региона.

Следует отметить, что на сегодняшний день практически все исследователи сошлись на том, чтобы относить средневековые памятники VIII–X вв. в бассейне р. Иня и ее притоков, включая Новосибирское Приобье, к верхнеобской археологической культуре [Троицкая, Новиков, 1998, с. 82]. Но что касается этнической составляющей этой культуры, то вопрос ни в коей мере не прояснен. Разные исследователи придерживаются зачастую противоположных точек зрения. Непримиримые точки зрения «объединили» А.В.Новиков и Т.Н.Троицкая, «создав» не очень понятный конструкт: культура угро-самодийская, в которой наблюдается некоторая тюркизация [Троицкая, Новиков, 1998, с. 86]. Очевидно, такое определение этнической сущности культуры не

© Н.А.Кузнецов, 2007

может являться удовлетворительным, поскольку подразумевает, что население, достаточно компактно проживавшее в Новосибирском Приобье и Кузнецкой котловине, говорило одновременно на языках, относящихся к совершенно разным языковым семьям, и имело одинаковые религию, обрядность, хозяйственно-культурный тип, материальную культуру.

Подобные интерпретации возможны потому, что мы не располагаем информацией, которая позволила бы прийти к однозначному выводу по проблеме этнической идентификации средневекового населения бассейна реки Ини.

Наибольшее сочувствие у археологов вызывает гипотеза А.М.Илюшина, который идентифицирует носителей верхнеобской культуры с народом бома, известным из средневековых китайских династийных хроник и географических сочинений [Илюшин, 2005, с. 114–119]. При этом без достаточно веской аргументации он объявляет бома самодийцами. К сожалению, возражений по данной гипотезе, высказанных Д.Г.Савиновым и автором этих строк [Савинов, 1994, с. 125–128; Кузнецов, 1995, с. 37–40], А.М.Илюшин не воспринял. Более того, вслед за ним локализуют в Западной Сибири бома Ю.С.Худяков [Бутанаев, Худяков, 2000, с. 66], а также — с некоторыми колебаниями — А.В.Новиков и Т.Н.Троицкая [Троицкая, Новиков, 1998, с. 85]. Между тем имеющиеся источники определенно указывают на локализацию бома в очень удаленном от Западной Сибири регионе, а именно в районе р. Ангара.

По нашему мнению, гораздо более интересной и перспективной представляется другая версия А.М.Илюшина — о миграции части тюргешей после их окончательного разгрома карлуками из Семиречья в Саяно-Алтай и Кузнецкую котловину в частности [Илюшин, 1989, с. 28, 29; Илюшин, 2005, с. 127–130]. Эта версия в свое время была отмечена Д.Г.Савиновым как «представляющая несомненный интерес» [Савинов, 1994, с. 97]. Базировалась она на таких аргументах, как вполне реальная близость предметного комплекса археологических памятников Семиречья и комплекса могильника Сапогово, исследованного в Кузбассе [Илюшин и др., 1992, с. 46–48], и несколько натянутом утверждении, что названия отдельных сеоков в составе северных алтайцев звучат как *кереш*, *керген* и это якобы трансформация названия *тюргеш* [Илюшин, 2005, с. 128].

Семиречье — область древней и богатой истории, хорошо развитой экономики, культуры, один из древнейших центров земледелия, основанного на искусственном орошении. В середине I тыс. н.э. там скла-

дывается сложная этнополитическая ситуация. В Семиречье одновременно проживают представители разных этнических групп, но главная роль принадлежит тюркам, китайцам и согдийцам. Тюрки считаются господствующим этносом, китайцами укомплектованы военные гарнизоны в укрепленных поселениях, а согдийцы населяют города и поселки, занимаются земледелием и торговлей, являются податным населением для тюрков.

В богатом Семиречье находился центр Западно-Тюркского каганата. Это политическое образование при кагане Шаболо Хилиши (634–638) разделилось на 10 частей, образовав союз «народа десяти стрел». Несмотря на то что это была конфедерация кочевых племен, в нее входила и часть населения, занимавшегося землепашеством, ремеслом и торговлей. «Народ десяти стрел» делился на два союза племен — пять к западу и пять в востоку от р. Чу. Первый назывался нушиби, второй — дулу. В 651 г. Западно-Тюркский каганат потерпел поражение от китайских войск, и на его территории были образованы два китайских административных округа, которыми управляли китайские чиновники. Китайцы устроили свои укрепленные фактории на трассе Великого Шелкового пути, который проходил и через Семиречье. Китайские гарнизоны, размещенные на завоеванных землях, обеспечивали защиту торговли и стояли на страже интересов Китая. Международная торговля по Великому Шелковому пути велась как никогда интенсивно. Однако уже в 70-е годы VII в. власть китайских чиновников была скорее символической, чем реальной.

Тюргеши — одно из племен дулу — пришли к власти в Семиречье в 704 г. Им приходилось вести упорную и длительную борьбу с внешними врагами. Врагом был возродившийся Второй Тюркский каганат, и появился новый опасный враг — арабы. После разгрома, нанесенного тюргешам полководцем Второго Тюркского каганата «мудрым Тоньюкуком», им пришлось пережить очень сложные времена. Только в 716 г. группировке «черных» тюргешей удалось восстановить независимость и возродить государство. Каганом его стал Сулук (716–738).

Раннесредневековая городская и земледельческая культура Западно-Тюркского каганата была создана в основном с участием согдийцев, основавших свои торгово-земледельческие колонии на Великом Шелковом пути, в том числе и в Семиречье. Искусные земледельцы, ремесленники и торговцы, согдийцы были основными посредниками в торговле на международной трассе Великого Шелкового пути (подробно см. [Кляшторный, 2003, гл. IV]).

В VI–VII вв. в Чуйской и Таласской долинах возникают крупные согдийские города, такие, как Тараз, Суяб и др. Согдийцы, выходцы из Самарканда, Бухары, Тохаристана и Чача, перенесли в Таласскую и Чуйскую долины свою религию, культуру и товарно-денежные отношения, история которых в самом Согде уже насчитывала не одно столетие. Согдийцы отливали бронзовые монеты от имени тюргешских каганов.

Гибель Сулука положила начало длительной борьбе за власть между «желтыми» и «черными» тюргешами, что и привело к ослаблению Тюргешского каганата. Воспользовавшись его фактическим распадом, китайская (танская) администрация Западного края постепенно подчинила своей власти Семиречье, а имперская армия продвинулась на рубеж Сырдарьи [Кляшторный, Султанов, 2004, с. 109, 113].

Но в июле 751 г. на р. Талас арабское войско под руководством Зияд ибн-Салиха, воспользовавшись неожиданной поддержкой карлуков, наголову разгромило 30-тысячный корпус китайцев и их союзников. Таласское сражение «положило конец попыткам танского Китая вмешиваться в среднеазиатские дела» [Большаков, 1980, с. 132].

На этом надолго закончились попытки Китая продвинуться на запад, тем более что в 755 г. он был вынужден уступить Тибету Кашгарию. Продолжить борьбу Китаю помешало восстание Ань Лушаня [Малявкин, 1992, с. 228]. Тем не менее арабам также не удалось установить свою власть в Семиречье. Считается, что арабы были остановлены в битве при Таласе; и действительно, дальше на восток они не продвинулись. Тюргешский каганат прекратил свое существование только в 766 г. Он был завоеван карлуками. Очевидно, карлуки воспользовались своим положением сильнейшего из племен в буферной зоне между арабами и китайцами.

Эта смена правящего этноса в Семиречье не привела к заметным изменениям ни в городском жизненном укладе, ни в денежном хозяйстве, поскольку продолжал находиться в обращении основной тип монеты с титулом тюргешского кагана. Для рядового согдийского населения городов сменилась только правящая элита, а все остальное осталось по-старому. Массовое переселение согдийцев в этот период способствовало дальнейшему росту городов и поселений в Семиречье. Веротерпимость тюрков позволяла сосуществовать здесь зороастрийцам, общинам христиан-несториан, манихейцев, буддистов, что привлекало сюда людей из занимаемых арабами областей. Но постепенно новая религия — ислам — стала главенствовать и здесь.

По версии А.М.Илюшина, часть тюргешей мигрирует на север непосредственно после 751 г., спасаясь от арабов [Илюшин, 2005, с. 127,

128]. В качестве одного из основных аргументов появления тюргешей в Кузнецкой котловине он приводит наличие тюргешских монет в погребальных комплексах.

Как заметил В.Н.Татищев, древние монеты — источник скудный, однако же не совсем бесполезный. Это высказывание как нельзя лучше подходит для определения монетного комплекса памятников верхнеобской культуры в Кузбассе. Поскольку выборка монет из этих памятников достаточно скромная, информации мы можем получить немного. Но все-таки источник этот достаточно интересный.

К сожалению, на сегодняшний день нет достаточно представительной серии средневековых монет с территории Кузнецкой котловины.

Монеты, которые были обнаружены в памятниках верхнеобской культуры, использовались средневековым населением Северного Алтая не по своему прямому назначению. Денежного обращения у средневековых кочевников Южной Сибири, очевидно, не было. Привозные монеты использовались как амулеты. О таком употреблении говорят и монеты из Центральной Азии с благопожелательными надписями [Кляшторный, 1973]. Исключение составляют полулегендарные золотые монеты из Терехинского клада, обнаруженного крестьянином Ф.Пономаревым в 1908 г. близ г. Кузнецк. Золото использовалось именно как драгоценный металл, как сокровище. «Полулегендарными» мы называем эти монеты потому, что не сохранилось до наших дней ни их точного описания, ни тем более изображения. То, что на них имелось изображение человека с крестом, позволяет предполагать, что монеты были византийскими, но твердой уверенности в этом нет (см. [Киселев, 1951, с. 548; Коротаев, 1979, с. 144]).

Монеты из драгоценных металлов имели «внутреннюю» стоимость. Они представляли собой «клейменный» государством кусочек благородного металла определенного веса и пробы. Китайские же и тюргешские медные и бронзовые монеты такой внутренней стоимости не имели. Обращаться по принудительному курсу они за пределами страны-эмитента или ее колоний не могли.

Китайские бронзовые монеты были зафиксированы на территории Кемеровской области в таких памятниках верхнеобской культуры, как курганные могильники Сапогово, Саратовка, Шабаново-I, Шестаки-II.

Три монеты (две — из могильника Саратовка и одна — из могильника Шестаки-II) хранятся в фондах музея Кузнецкая крепость. Одна из них, *чанпин ушу*, изготовлена в Китае (государство Северное Ци) в 553 г. Эмиссия таких монет относится только к одному году. Они предназначались для закупок риса в государственные хранилища в

урожайные годы, в связи с чем долго держались в казне и впоследствии находились в обращении длительное время. Две другие монеты имеют номинал в 5 *шу* (*ушу*). Несмотря на то что монеты такого номинала имеют даты выпуска от 118 г. до н.э. до 581 г. н.э. [Воробьев, 1971, с. 15–28], наши монеты относятся к 581 г., к эмиссии династии Суй[1].

Наиболее многочисленны в средневековых памятниках Кузбасса монеты *кайюань тунбао*. Однако на территории Кузбасса их известно тоже менее десятка. Основная масса их изготовлена в государстве Тан. Монета *кайюань* из Шабаново, хранящаяся в музее археологии Кемеровского университета, датирована В.Г.Кошеваром и относится к ранней эмиссии (621 г. — до середины VIII в.).

В курганах могильников верхнеобской культуры в Новосибирском Приобье Юрт-Акбалык-8, Умна-3, Красный Яр-1, Каменный Мыс, Чингис-2 известны девять монет *ушу*, две монеты *юнтун ваньго* эпохи Северного Чжоу (выпускались в 579–580 гг.), четыре монеты *чанпин ушу* 553 г. и восемь танских *кайюань тунбао* [Троицкая, Новиков, 1998, с. 30; Масумото, 2001, с. 49–52].

Рис. 1.
Основной тип тюргешских монет 1

Кроме того, в памятниках верхнеобской культуры присутствуют и монеты, изготовленные не в Китае. Известны одна сасанидская и одна хорезмийская (VI–VII вв.) [Троицкая, Новиков, 1998, с. 31]. Но для рассматриваемой темы наибольший интерес представляют четыре монеты, отлитые по образцу китайских, но с надписью, выполненной согдийским алфавитом, которая гласит: *βyy twrkys γ'γ'n pny*, что означает «господина тюргешского кагана фан». *Фан* — это обозначение номинала монеты. Название происходит от китайского названия

[1] Атрибуция монет проведена В.Г.Кошеваром. Приношу ему искреннюю благодарность за консультацию.

монет — *цянь* [Камышев, 2002, с. 42]. На тюргешских монетах изображена тамга в виде лука, или в ее начертании усматривают один из вариантов написания рунической буквы *ат* (t^{-2}) (рис. 1).

Эти четыре монеты относятся к наиболее распространенному типу тюргешских монет. Время начала эмиссии — начало VIII в. По мнению В.Г.Кошевара, в Чуйской долине такие монеты по своему прямому назначению начали использоваться не позже середины IX в.

Всего на рассматриваемой территории насчитывается около 40 экземпляров монет (10 *ушу*, 2 *юнтун ваньго*, 5 *чанпин ушу*, более 15 *кайюань тунбао*, 4 тюргешских *фана*, сасанидская и хорезмийская монеты). Даты эмиссии китайских монет в основном укладываются в рамки 553–621 гг. В обращении находились они вплоть до позднего средневековья.

Среднеазиатских и восточнотуркестанских монет найдено шесть. Из них, повторю, четыре тюргешские датируются началом VIII в. Таким образом, получается несколько странный временной разброс с середины VI по VIII в. Монеты образуют несколько хронологических групп: 580-е, 630-е и 740-е годы. Но обнаружены они в составе инвентаря памятников, которые датируются приблизительно VIII–X вв.

Наличие китайских монет в археологических комплексах Северного Алтая, синхронных верхнеобским, уже привлекало внимание нумизматов. Так на X Всероссийской нумизматической конференции был представлен доклад В.В.Серова «О причинах появления первых монет на Алтае». Автор выделяет две хронологические группы монет и выдвигает следующие версии, объясняющие причины появления монет на Алтае.

1. Первое поступление монет в этот регион связано с включением его территории в состав Тюркского и I Восточно-Тюркского каганатов, а также с активностью алтайских тюрок, привозивших монеты из военных походов.

2. Другая партия монетного материала датируется периодом второй половины VII — VIII в. По-видимому, основным источником поступления монет на Алтай в то время оставались походы тюрок. Нумизматический материал отражает участие алтайских тюрок в походах в Семиречье и против Танской империи.

3. После VIII в. поступление монет на Алтай прекращается [Серов, 2002, с. 49].

Весьма любопытно совпадение в выделении хронологических групп монет Северного Алтая и Новосибирского Приобья (включая Кузнецкую котловину). Очевидно, что причины формирования этого «монет-

Рис. 2.
Фрагмент срединной накладки от лука из памятника Шестаки-II 3

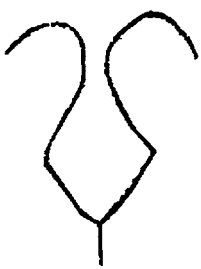


Рис. 3.
Прорисовка тамги

ного запаса» на двух соседствующих территориях аналогичны. Этот «массив» монет единый. При этом археологические культуры на названных близких территориях не идентичны, что позволяет считать, что эти территории были заселены разными этническими группами. Предположение В.В.Серова, будто монеты появляются в Кузнецкой котловине вследствие дальних военных походов, нам представляется слишком натянутым.

Другая версия появления монет на юге Западной Сибири высказана Т.Масумото. Согласно представлению японского исследователя, «китайские монеты проникали на север через Южную Сибирь в процессе тюркизации западносибирской территории». При этом достаточно упрощенно представляя себе историю Сибири, Т.Масумото утверждает: «Приток тюркского населения на север из южной степи шел тремя

волнами: первая совпадает с периодами максимальной экспансии Первого и Второго тюркских каганатов во второй половине VI и VIII в. Вторая волна приходится на середину и вторую половину IX в., эпоху активной экспансии каганата древних хакасов. Третья волна приходится на XI и XII вв. и была обусловлена подвижкой кочевых племен начала II тысячелетия н.э.». В связи с этим Т.Масумото делает вывод: «Можно предполагать, что и китайские монеты проникали в Западную Сибирь поэтапно. С первой волной связано появление „У-шу", „Чанпин у-шу" и „Юнтун вань го", найденных в могильниках Умна, Юрт-Акбалык и Лихачево. Вторая волна „принесла" монеты „Кайюань тунбао"» [Масумото, 2001, с. 52].

Рис. 4.
Монета из Семиречья

Однако, несмотря на попытки нумизматов распределить монеты по двум хронологическим группам, мы обнаруживаем в материалах одного памятника монеты разных хронологических групп. Важно то, что более ранние из них — это китайские монеты VI в. И хотя нам известна дата их выпуска, мы не можем точно определить время, когда монеты данных типов перестали обращаться. Все эти «ранние» монеты продолжали оставаться в обращении на протяжении всего времени существования империи Тан.

Вопреки представлению А.М.Илюшина об «исходе» тюргешей из Семиречья, оказывается, что снижение интенсивности товарно-денежных отношений в восточной части Чуйской долины произошло только в IX — начале X в. [Кошевар, 2004, с. 38, 39]. Это говорит о том, что, несмотря на сложную политическую ситуацию и частые войны, экономическая ситуация после утраты тюргешами власти оставалась достаточно стабильной и благоприятной. Явных причин к миграции не появилось.

Кроме китайских и восточнотуркестанских монет в памятниках Кузбасса встречается довольно много безусловно привозных вещей.

В частности, в могильнике Шестаки-II нами были найдены такие предметы, как бронзовый кувшин с арабской надписью, срединная костяная накладка от лука с вырезанной на ней тамгой (рис. 2, 3). Любопытно, что тамга находит практически точную аналогию на одной из восточнотуркестанских монет (рис. 4). И наконец, большой интерес представляет находка серебряного позолоченного брактеата, из которого была изготовлена ременная накладка. Эти предметы могут способствовать объяснению появления монет на юге Западной Сибири, особенно брактеат, который переиспользован с единственной целью — скрыть изображение лица человека. Очевидно, эта переделка связана с требованиями ислама, запрещающими изображать людей и животных. Ислам стал господствующей религией в Семиречье не сразу. Этот процесс растянулся на долгие годы и совпадает по времени с господством в Семиречье карлуков.

В пользу того, что привозные предметы (монеты в том числе) попадают в Новосибирское Приобье и на Северный Алтай во время господства карлуков, свидетельствует то, что памятники, в которых обнаружены монеты VI–VIII вв., датируются VIII–X вв. Сами предметы (бронзовые монеты, недорогие предметы быта) свидетельствуют о том, что скорее всего они не являлись военной добычей. Это материальное свидетельство торговли, которая велась предприимчивыми семиреченскими купцами (вероятно, согдийцами) с племенами Северного Алтая. Во времена господства карлуков, которые контролировали не только Семиречье, но и, возможно, значительную часть Алтая, такая торговля была относительно безопасна и чрезвычайно выгодна. За предметы быта, которые производились в ремесленных мастерских Суяба, Чача и десятков других городов, купцы получали шкурки соболя, бересту (с дерева *хаданг*) и прочие подобные товары, которые позволяли получить хорошую прибыль. По нашему мнению, привозные вещи, которые обнаруживаются в памятниках верхнеобской культуры, в том числе и ранние монеты, отлитые в VI в., попали в Сибирь в результате торговых операций в течение VIII–IX вв. В X в. в Семиречье наблюдается кризис товарно-денежных отношений. Что же касается территории Кузбасса, то в X в. здесь тоже происходит резкая смена археологических культур. На смену верхнеобским приходят памятники сросткинского типа (погребения с конем, в подбое).

Большаков, 1980 — *Большаков О.Г.* К истории Таласской битвы (751 г.) // Страны и народы Востока. 1980. Вып. 22. Кн. 2. М., 1980.

Бутанаев, Худяков, 2000 — *Бутанаев В.Я., Худяков Ю.С.* История енисейских кыргызов. Абакан, 2000.

Воробьев, 1971 — *Воробьев М.В.* К вопросу определения древних китайских монет «5 шу» («ушуцянь») // Эпиграфика Востока. Т. XX. М., 1971.

Илюшин, 1989 — *Илюшин А.М.* Политические события середины VIII века в Средней Азии и миграционные процессы в лесостепной зоне Западной Сибири // Исторический опыт социально-демографического развития Сибири. Вып. 1. Новосибирск, 1989.

Илюшин, 2005 — *Илюшин А.М.* Этнокультурная история Кузнецкой котловины в эпоху средневековья. Кемерово, 2005.

Илюшин и др., 1992 — *Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., Гузь В.Б., Стародубцев А.Г.* Могильник Сапогово — памятник древнетюркской эпохи в Кузнецкой котловине. Новосибирск, 1992.

Камышев, 2002 — *Камышев А.М.* Раннесредневековый монетный комплекс Семиречья (История возникновения денежных отношений на территории Кыргызстана). Бишкек, 2002.

Киселев, 1951 — *Киселев С.В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951.

Кляшторный, 1973 — *Кляшторный С.Г.* Монета с рунической надписью из Монголии // ТС 1972. М., 1973

Кляшторный, 2003 — *Кляшторный С.Г.* История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб., 2003.

Кляшторный, Султанов, 2004 — *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье. СПб., 2004.

Коротаев, 1979 — *Коротаев А.М.* К истории археологического изучения верхнего и среднего течения р. Томи // Изв. Лаборатории археологических исследований. Вып. 10. Кемерово, 1979.

Кошевар, 2004 — *Кошевар В.Г.* Новые нумизматические свидетельства торговых отношений в Семиречье VII–XII вв. // Диалог цивилизаций. № 2 (5). Бишкек, 2004.

Кузнецов, 1995 — *Кузнецов Н.А.* К вопросу о народе «Бома» // Интеграция археологических и этнографических исследований. Материалы III Всерос. науч. семинара, посв. 110-летию со дня рождения С.И.Руденко. Ч. 1. Омск, 1995.

Малявкин, 1992 — *Малявкин А.Г.* Борьба Тибета с Танским государством за Кашгарию. Новосибирск, 1992.

Масумото, 2001 — *Масумото Т.* Китайские монеты из средневековых погребений Западной Сибири // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск, 2001.

Савинов, 1994 — *Савинов Д.Г.* Государства и культурогенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего средневековья. Кемерово, 1994.

Серов, 2002 — *Серов В.В.* О причинах появления первых монет на Алтае // 10-я Всерос. нумизматическая конф. Тез. докл. М., 2002.

Троицкая, Новиков, 1998 — *Троицкая Т.Н., Новиков А.В.* Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск, 1998.

И.А.МУСТАКИМОВ
(Казань)

Османская империя и татарские ханства Поволжья в историографии

(труды татарских и татарстанских историков)

До недавнего времени в отечественной исторической науке проблема целей и интересов Османской империи по отношению к Казанскому, Астраханскому, Сибирскому ханствам, Ногайской и Большой Ордам специально не затрагивалась (см. [Зайцев, 2002, с. 269]). В 1990 г. вышло исследование татарстанского исследователя С.Х.Алишева, в котором дан обзор в основном отечественной историографии по проблеме присоединения Среднего Поволжья к России. Автор останавливается и на вопросе освещения проблемы османского вмешательства в события, происходившие в Среднем Поволжье в XVI в., в исторических сочинениях [Алишев, 1990, с. 11–20].

Сегодня целенаправленную разработку этой проблемы осуществляет И.В.Зайцев, опубликовавший результаты своих изысканий [Зайцев, 2002; Зайцев, 2004, с. 11–48]. В числе прочих трудов при разработке указанной проблемы им привлекались и работы некоторых татарских и татарстанских историков: Ш.Марджани, Х.Атласи, Р.Фахретдинова, из современных — С.Х.Алишева и М.А.Усманова. В основном дана краткая характеристика их взглядов. Кроме того, за пределами рассмотрения И.В.Зайцева остались позиции некоторых татарских и татарстанских исследователей XIX–XX вв.

В то же время выявление источников формирования взглядов и концепций татарских и татарстанских историков является необходимым фактором изучения собственно татарской и татарстанской историографии.

© И.А.Мустакимов, 2007

Под татарской историографией мы понимаем комплекс научных исследований по истории тюрко-мусульманского населения Волго-Уральского региона, осуществленных тюрко-татарскими авторами в конце XIX — 70-е годы XX в., причем после 1917 г. — в основном в эмиграции.

Возникновение татарстанской историографии связано с образованием в 1920 г. Татарской АССР. Первыми ее представителями можно считать Г.С.Губайдуллина, М.Г.Худякова, Н.Н.Фирсова.

Мы отдаем себе отчет в несовершенстве предложенного нами деления, но, учитывая сравнительно малую степень разработанности истории развития татарской и татарстанской историографии, при исследовании обозначенной нами проблемы предложенная классификация на сегодняшний день представляется оправданной.

Дореволюционные татарские авторы в основном опирались на известные труды русских, а также турецких и других зарубежных (в русском или турецком переводе) историков, опубликованные восточные источники. В большинстве эти исследователи не были профессиональными историками. Необходимо учитывать и то, что все вышеназванные авторы творили в период этнокультурного подъема и постепенной эмансипации российских мусульман. Поэтому целью большинства этих авторов являлось не столько научное изучение прошлого, сколько просвещение соплеменников. Все это сказывалось на широте охвата проблем и глубине научного анализа.

В силу ряда объективных и субъективных причин в центре внимания большинства татарских (не говоря уже о татарстанских) авторов оказывалась история Казанского ханства. История Астраханского ханства, Ногайской Орды, других постордынских государств в контексте османо-татарских отношений затрагивалась гораздо реже. Большинство историков отмечали сопряженность «волжской» политики Османской империи и Крымского ханства.

Дошедшие до наших дней наиболее крупные татарские исторические источники, происходящие из Волго-Уральского региона — «Джами ат-таварих» Кадыр-Али-бека (1602 г.), «Дафтар-и Чингиз-наме» (последняя четверть XVII в.), «Таварих-и Булгария» (конец XVIII в.)[1], ничего не говорят о контактах Казани и других постордынских государств с Османами в XV–XVI вв.

Первый татарский автор, сделавший попытку написать «светскую» историю Казани и Казанского края с древних времен, краевед Хусаин

[1] О датировке этих источников и их подробную характеристику см. [Усманов, 1972].

Амирхан, в своей работе «Таварих-и Булгария», изданной в 1883 г., не приводит никаких данных об османо-казанских контактах в XV–XVI вв. В его труде вскользь упоминаются лишь крымско-казанские отношения. Казанский хан Ибрагим, «внук» хана Халиля, опасаясь усилившихся «русских беков» (князей), стремился подчиниться «стране ислама», для чего обменивался письмами с неким крымским «ханом Ахмед-Гиреем». В одном месте Амирхан цитирует одно такое «письмо» с просьбой хана Ибрагима о помощи от одолевающих «князей неверных» и ответ Ахмед-Гирея, который успокаивает своего адресата тем, что подчинение неверным еще не означает выхода из состава *дар ал-ислам* [Ћмирхан, 1883, с. 59]. Вообще, работа Х.Амирхана, написанная на основании преданий и сохранившихся рукописей, полна фактических и хронологических ошибок, хотя полностью игнорировать ее данные также было бы неверно.

На оценку османских планов в постордынском пространстве у Шигабутдина Марджани, Мурада Рамзи и, возможно, Хади Атласи несомненное влияние оказали османские исторические сочинения, в первую очередь работа турецкого историка XIX в. Ахмеда Джевдет-паши.

Первые создатели более или менее целостных трудов по истории татар Ш.Марджани и М.Рамзи приводят пространную цитату на эту тему из «Тарих-и Джевдет». В ней говорится о том, что османский султан Сулейман I Кануни не принял мер по «возвращению» (*истирдāд*) (sic!) Казани и Астрахани после присоединения их к Московскому государству, отвоевать же эти области самостоятельно крымцы не могли. Причиной пассивности Порты Джевдет-паша считал ее опасение перед усилением крымских ханов вследствие присоединения к Крыму Казани и Астрахани «по причине склонности их (ханов. — *И.М.*) к мятежам». Кроме того, в то время помыслы Сулеймана были направлены на завоевания в Австрии. Джевдет-паша, а вслед за ним Марджани и Рамзи бездействие султана расценивают как политическую ошибку, впоследствии приведшую к тому, что «русские стали угрожать Богохранимым пределам (т.е. Османскому государству. — *И.М.*)» [Марджани, 1897, с. 136–138; Рамзи, 1908, с. 157–159].

Что касается «турецкого протектората» над Казанью, то, по словам Марджани, в период пребывания ханом Казани Сахиб-Гирея Казань была подчинена Крыму, а Крым, в свою очередь — Османской империи. В связи с этим в Казани читалась хутба во имя османского падишаха [Марджани, 1897, с. 128].

Тезис о подчинении Казани османскому падишаху через посредство Крыма явно заимствован Марджани из сочинения крымско-османского автора первой половины XVIII в. Сейида Мухаммеда Ризы «Ас-саб' ас-саййар фи ахбар мулук татар» («Семь планет в известиях о татарских царях»), которое он использовал при написании своего труда[2]. При этом Марджани не приводит фактов, которые свидетельствовали бы об интересе самих Османов к Казанскому ханству в то время. Назначение на крымский престол Девлет-Гирея, повлекшее за собой убийство Сахиб-Гирея, ученый расценивает как одну из крупных ошибок Сулеймана Кануни, приведшую к тому, что Казань осталась без поддержки перед лицом русского завоевания. Падение же Казани в конце концов имело плохие последствия и для Османов [Марджани, 1897, с. 129] (ср. с высказыванием Джевдет-паши).

Мурад Рамзи в историческом сочинении «Соединение сведений и оплодотворение источников о событиях Казани и Булгара», опираясь на слова Н.М.Карамзина, пишет о том, что, несмотря на объявление Сахиб-Гиреем своего вассалитета в отношении Сулеймана Кануни и просьбы к последнему о помощи против Москвы, султан не уделил этому должного внимания. По мнению Рамзи, везиры ввели султана в заблуждение относительно ситуации вокруг Казани, вследствие чего

[2] Сейид Мухаммед Риза пишет: «Долгое время ханы Казани и Хаджи-Тархана (т.е. Астрахани. — *И.М.*) были подчинены ханам Крыма, через посредство [которых] считались подвластными Высокому Государству (т.е. Османской империи. — *И.М.*)» [Сейид Мухаммед Риза, 1832, с. 64–65]. Очевидно, что в этом высказывании Ризы нашли отражение претензии крымских ханов на золотоордынское наследство. Так, известно, что уже казанский хан Мухаммед-Амин признавал ранговое превосходство крымского государя. На это недвусмысленно указывает его грамота Менгли-Гирею от 1492 г. с «челобитьем» и «поклоном», украшенная пышными эпитетами (между прочим, ставящими крымского хана выше «турского» и «азямского» [персидского] государей) [Сборник, 1884, с. 146]. В то же время направленная Мухаммед-Амину в том же году грамота Менгли-Гирея ограничивается передачей адресату «многих поклонов» [Сборник, 1884, с. 154]. Что касается астраханских ханов, то они, будучи наследниками государей Большой Орды, никогда не признавали верховенство Гиреев. Не хотели они признавать и более высокий статус османских падишахов. В направленном Порте в 938 г.х. (1531–1532) послании астраханский хан обращается к нему как к равному: «брат мой» (*карындашым*) [Le khanat, 1978, с. 118]. В письме Сулейману Кануни от 1534–35/36 г. Ислам-Гирей, претендент на крымский престол, в случае назначения ханом в Крыму Саадет-Гирея вместо Сахиб-Гирея обещает, «если последует священный указ счастливого падишаха», пойти на Астрахань, стать в ней ханом и ввести там чтение хутбы на имя султана (т.е. официально признать верховенство османского государя) [Le khanat, 1978, с. 128]. К слову, в самом Крымском ханстве хутба во имя султана была введена, по-видимому, лишь при Ислам-Гирее II (правил в 1584–1588 гг.) [Сейид Мухаммед Риза, 1832, с. 107].

для предотвращения вмешательства России в казанские дела Сулейман удовлетворился направлением в Москву в качестве посланника «одного из своих рабов», по словам Рамзи, подкупленного там великим князем [Рамзи, 1908, с. 91, 92, 156]. Хотя после падения Казани крымские ханы продолжали походы на русские земли, целью этих акций был не возврат завоеванных русскими татарских земель, а грабеж и полон [Рамзи, 1908, с. 156]. Для иллюстрации отношения Османов к русскому завоеванию Казани и Астрахани М.Рамзи приводит уже упоминавшуюся цитату из «Тарих-и Джевдет».

Хади Атласи в своем труде «Казанское ханство» также отмечал безразличие османских правителей к судьбе Казани. Непринятие во внимание значения Казанского ханства в сравнении с землями, являвшимися целью европейских кампаний, в которых гибли тысячи османских воинов, оставление Сахиб-Гирея без помощи в бытность его казанским ханом историк расценивал как стратегический просчет Сулеймана. Атласи с сожалением констатирует, что Османы в то время военную экспансию предпочитали мирному расширению своих пределов [Атласов, 1914, с. 130] (таким образом, возможность вхождения Среднего Поволжья в состав Османской империи этим автором не отрицалась).

Ризаэтдин Фахретдинов также пишет о равнодушии «самого могущественного турецкого султана» Сулеймана Кануни, следовавшего словам своих советников, к судьбе «казанских мусульман» [Фәхретдин, 1908а, с. 397; Фәхретдин, 1908б, с. 746, 747]. Р.Фахретдинов выражал сомнение в том, что султан обратился к ногаям перед завоеванием Казани Иваном IV с письмом, где призывал оказать ей помощь[3]. «Даже если это было и так, то, поскольку ногаи не подчинялись Турции и не знали должным образом Сулеймана Кануни, понятно, что смысла в таких письмах не было». Он упрекает Османов в убийстве крымского хана Сахиб-Гирея руками Девлет-Гирея. Вина же первого «состояла лишь в том, что он сочувствовал казанцам и поддерживал их» [Фәхретдин, 1908б, с. 746, 747].

В отличие от вышеназванных исследователей Ахмет-Заки Валиди и Газиз Губайдуллин не отрицают изначальной активности Османской империи на постордынском пространстве и ее враждебности России. По мнению этих историков, Крымское ханство служило лишь проводником османской политики в этом регионе.

[3] Это весьма распространенный в русской историографии сюжет — см. [Карамзин, 1993, с. 496; Соловьев, 1989, с. 467].

А.-З.Валиди считал сопротивление казанцев Русскому государству инспирированным крымскими ханами. Враждебность же Крымского ханства России он объяснял подчиненностью Крыма османскому султану (таким образом, Османское государство априори считалось им враждебным Московии). Астраханские ханы вошли в состав России добровольно [Вәлиди, 1917, с. 92, 94]. В одной из своих позднейших работ он относил начало активной антимосковской политики Османов к 1535 г., не поясняя свой выбор этой даты [Velidi, с. 200]. Кажется, А.-З.Валиди всю жизнь оставался сторонником теории активности Османской империи в Поволжье XV–XVI вв., хотя в своих работах и не привел убедительных фактов, подтверждающих эту точку зрения.

Татарский историк Гайнетдин Ахмаров в своей книге «История Казани» (1910) ограничился пересказом распространенной в российской историографии версии о попытке установления так называемого турецкого протектората после обращения к султану в 1524 г. казанского хана Сахиб-Гирея [Әхмәрев, 2000, с. 123][4]. В 1552 г. казанцы ожидали помощи от «стамбульского султана». Последний для недопущения захвата Казани русскими призвал «мусульман Европы» (т.е. постордынских татарских государств. — *И.М.*) противостоять русским за веру ислама. Крымский правитель Девлет-Гирей также прилагал большие усилия для защиты Казани [Әхмәрев, 2000, с. 150].

В 1920-е годы, с образованием Татарской республики, начинает развиваться местная историография. Довольно большое место исследованию места Османской империи во внешней политике Казанского ханства уделил М.Г.Худяков. В своей наиболее известной работе ученый однозначно поддерживает тезис о существовании османского сюзеренитета над Казанским ханством в период правления Сахиб-Гирея (1521–1524), причем приводит даже условия некоего «договора» между «казанским и турецким правительством», «заключенного» в это время [Худяков, 1991, с. 87, 88]. В период похода московского войска на Казань в 1552 г. «крымское и турецкое правительства не остались безучастными к судьбе казанского народа и оказали поддержку казанцам, совершив нападение на Россию, хотя эта поддержка и не дала больших результатов» [Худяков, 1991, с. 149, 165]. Заинтересованность Османов М.Г.Худяков поясняет цитатой из В.В.Вельяминова-Зернова: «Видимое тогда расширение русской власти сильно тревожило все окрестные мусульманские земли. В особенности были озабочены Турция и Крым» [Худяков, 1991, с. 149]. «Ни одно из мусульманских

[4] Другую версию событий, связанных с «установлением турецкого протектората» над Казанским ханством см. [Зайцев, 2004, с. 121–130].

государств Восточной Европы не могло остаться равнодушным к падению Казанского ханства: Турция, Крым, Астраханское ханство, Ногайское княжество — все были опечалены гибелью мусульманского государства в Среднем Поволжье и постарались оказать ту или иную поддержку единоверным и единоплеменным собратьям» [Худяков, 1991, с. 164]. Поражение крымских войск на р. Лопасне в 1572 г. окончательно сняло «казанский вопрос» с повестки дня [Худяков, 1991, с. 167]. В вышеприведенных тезисах М.Г.Худякова явно прослеживается влияние построений Н.М.Карамзина и С.М.Соловьева.

Н.Н.Фирсов в научно-популярной работе «Прошлое Татарии» обходит проблему османских интересов в Поволжье, отмечая, однако, «сепаратистские стремления булгаро-татар» во второй половине XVI — начале XVIII в., которые надеялись «с самого начала зависимого существования... на поддержку единоверных Крыма и Турции» [Фирсов, 1926, с. 37].

В 1920-е годы вопрос татарско-русско-османских отношений в своих работах рассматривал Г.С.Губайдуллин. Историк считал, что ведущую роль в борьбе за обладание волжским путем, наряду с Крымом и Москвой, играла Османская империя (через своих вассалов — крымских ханов) [Газиз, 1925, с. 169; Губайдуллин, 2002, с. 144]. Он выделяет следующие факторы, определявшие борьбу за Среднее и Нижнее Поволжье в XVI–XVII вв.: во-первых, стремление Крыма и Османов, с одной стороны, и Московского государства — с другой, к обладанию важным в экономико-географическом отношении регионом; во-вторых, стремление Османов наладить евроазиатский торговый путь через Волгу и Каспий, минуя сефевидский Иран; в-третьих, стремление Крыма, ссылаясь на незаконность захвата Москвой Поволжья — «крымского юрта», осуществлять грабительские набеги на Российское государство и требовать с Москвы дань [Газиз, 1923, с. 21]. Нельзя не обратить внимание на явное противоречие между первым и последним тезисами. В другой работе этот исследователь выделяет две основные причины османской активности в Поволжье: во-первых, захват Астрахани явился «сильным ударом по экономической жизни Турции, ее торговле и таможне» (не поясняется, почему); во-вторых, Османы стремились завоевать сефевидский Иран, выйдя в Каспий, для чего Поволжье должно было быть в руках Османов или их вассалов [Газиз, 1925, с. 169, 170]. Исходя из своих построений он объявляет «Крымскую орду» со второй половины XV в. «полностью подчиненной османам», причем Крым с этого времени стал «автономной областью Османского султаната». Поэтому всех казанских ханов из

династии Гиреев (Сахиб-Гирея, Сафа-Гирея, даже младенца Утемиш-Гирея) он автоматически включает в число «турецких вассалов» [Газиз, 1923, с. 21; Газиз, 1925, с. 146, 170; Губайдуллин, 2002, с. 144].

В исследованиях Г.Губайдуллина, с одной стороны, чувствуется влияние старой российской историографии (Н.М.Карамзина, С.М.Соловьева и др.) (см. [Газиз, 1923, с. 19–37; Газиз, 1925, с. 169–179]). С другой стороны, на его работы, как и на работы многих других советских историков 1920-х — начала 1930-х годов, большое влияние оказала господствовавшая тогда в науке концепция «экономического материализма» М.Н.Покровского. Следует также отметить ограниченность источниковой базы Г.С.Губайдуллина, даже на фоне ряда предшествующих татарских историков. В частности, при рассмотрении названной проблемы им почему-то не привлекались исследования османских и татарских авторов.

В 50–80-е годы XX в. татарстанская историография фактически слепо копировала построения общесоюзной исторической науки, которая с 1940-х годов, после окончательного утверждения в политике и идеологии СССР великодержавных тенденций, культивировала тезис о безусловной прогрессивности присоединения нерусских народов к России и довела до абсурда дореволюционный тезис российской историографии об активности и антирусской направленности османской политики на постордынском пространстве (см., например, [История, 1951, с. 158, 164–168, 198; История, 1955, с. 120, 121, 131, 134; История, 1973, с. 34, 35; История, 1980, с. 34, 35])[5].

Роль Турции в событиях в Поволжье в XV–XVI вв. продолжает интересовать одного из татарских ученых-эмигрантов Абдуллу Баттала-Таймаса. Он, как и Ш.Марджани, М.Рамзи, Х.Атласи и Р.Фахретдинов, отмечает безразличие Османов к событиям в Поволжье. Только приближение «московитов» к границам Крыма и Османской империи в результате завоевания Казани и Астрахани начинает беспокоить Бахчисарай и Стамбул. По мнению А.Баттала-Таймаса, к вмешательству в дела Поволжья Крым и Османов побуждали и обращения только что завоеванных Московским царством народов. Однако ввиду того, что истинной целью крымского хана Девлет-Гирея в то время было получение богатых даров из Москвы в обмен на согласие не ставить на повестку дня крымско-московских отношений проблему Казани и Астрахани, хан всячески препятствовал османским инициативам в этом направлении (предотвратил поход на Астрахань в 1563 г., стремил-

[5] Характеристику этой историографии см. [Алишев, 1990, с. 13–20].

ся сорвать поход 1569 г.). С конца XVI в. Стамбул и Бахчисарай об Астрахани и Казани «забыли совсем» [Battal-Taymas, 1988, с. 37–42].

Возврат к изучению истории взаимоотношений Османской империи с постордынскими татарскими юртами в Татарстане произошел в перестроечный и постперестроечный периоды (М.А.Усманов, С.Х.Алишев, М.В.Гайнутдинов). Два первых автора отрицают заинтересованность Османской империи в судьбах Поволжья. С.Х.Алишев, признавая факт объявления Сахиб-Гирея вассалом османского султана, отрицает реальность «турецкого протектората» над ханством [Алишев, 1995, с. 65]. М.А.Усманов также отрицает наличие серьезных политических интересов, связанных с Казанью, как Стамбула, так и Бахчисарая [Соседи, 1997, с. 43, 44].

Свой взгляд на политику Османской империи на постордынском пространстве предлагает М.В.Гайнутдинов. В очерке, посвященном сочинению одного из приближенных Сахиб-Гирея Реммалѣ Ходжи «Тарих-и Сахиб-Гирай хан», исследователь высказывает свою точку зрения на роль османов в событиях в Восточной Европе в период правления в Крыму хана Сахиб-Гирея (1532–1551). М.В.Гайнутдинов не отрицает, что Порта проводила активную политику в этом регионе, однако считает ее направленной на союз с Москвой против Крыма. По его мнению, после кратковременного правления Сахиб-Гирея Казанским ханством всю оставшуюся жизнь основной целью его деятельности было спасение Казани от поглощения усиливающимся Московским государством, для чего он стремился использовать ресурсы Крымского и Астраханского юртов. Однако и Москва, и Стамбул по разным причинам опасались усиления Крымского ханства, тем более — объединения Казанского и Астраханского ханств под эгидой крымских правителей, что привело бы к фактическому восстановлению Золотой Орды. Общие опасения побуждали две державы координировать свои действия по недопущению усиления Крыма. Таким образом, по мнению М.В.Гайнутдинова, Казань стала жертвой, с одной стороны, экспансии мощного Московского государства, а с другой — великодержавной политики султана Сулеймана I, видевшего в мероприятиях Сахиб-Гирея, направленных на предотвращение гибели Казанского ханства, угрозу интересам Османской империи [Гайнетдин, 2004, с. 47–59].

Представляется, что в целом интересы Москвы и Порты М.В.Гайнутдиновым охарактеризованы верно. Однако нельзя согласиться с его тезисом о некоем союзе Стамбула с Москвой в XVI в. Хотя в Стамбуле

действительно опасались чрезмерного усиления своих крымских вассалов, османы в XVI в. не вступили бы для недопущения этого в «сговор» с заметно более низкоранговым государством, каковым в их глазах была Московия. Поэтому не могло быть и речи о каком-либо «подыгрывании» Порты Москве в этом вопросе, а тем более о заключении антикрымского союза с ней. Даже учитывая возросшее могущество Крыма при Сахиб-Гирее, Турция все же обладала достаточными дипломатическими и военными возможностями, чтобы самостоятельно нейтрализовать вассала, показавшегося ей слишком сильным. Это и продемонстрировала умело проведенная в 1551 г. операция по ликвидации бывшего казанского хана.

Также нуждается в корректировке оценка М.В.Гайнутдиновым целей Сахиб-Гирея на крымском престоле. Вопреки его тезису предотвращение аннексии Казанского ханства Московским государством было не основной целью, а одним из аспектов политики этого хана, направленной на объединение земель бывшего «Узбекова юрта»[6] под эгидой Гиреев (что формально действительно означало бы возрождение золотоордынского государства). Разными путями объединить волжские юрты с Крымом стремились еще Менгли-Гирей I (1468–1515) и Мухаммед-Гирей I (1515–1523).

Таким образом, можно заключить, что большинство татарских исследователей придерживались мнения об отсутствии или малой заинтересованности османов в делах татарских государств Поволжья в XV–XVI вв. Исключение составляют довольно слабо аргументированные взгляды А.-З.Валиди, противоречивые высказывания Г.Губайдуллина, обусловленная зависимостью от русских источников позиция М.Худякова, а также толкование официальных советских «Историй ТАССР» 1950–1980-х годов. Последние были полностью зависимы от официальной советской науки, с конца 1930-х годов воспринявшей российскую историографическую традицию подозрительного отношения к южному соседу России — Османской империи. Интересно отметить, что с учетом результатов исследований русских историков ряд татарских исследователей (М.Рамзи, Х.Атласи, Р.Фахретдинов, А.Баттал-Таймас) сделали выводы о роли османов в Волго-Уральском

[6] Термин «Узбеков юрт» был использован Москвой для обозначения Среднего и Нижнего Поволжья в ответ на крымские притязания в 1560-х годов (см. [Соловьев, 1989, с. 577]). По-видимому, эти территории считались доменом ханов правого крыла улуса Джучи. Очевидно, «Узбеков юрт» являлся синонимом понятия «Саинов (= Батыев) юрт».

регионе, прямо противоположные точке зрения традиционной российской историографии[7].

Алишев, 1990 — *Алишев С.Х.* Исторические судьбы народов Среднего Поволжья. XVI — начало XIX в. М., 1990.

Алишев, 1995 — *Алишев С.Х.* Казань и Москва: Межгосударственные отношения в XV–XVI вв. Казань, 1995.

Губайдуллин, 2002 — *Губайдуллин Г.* Из прошлого татар // Газиз Гобәйдуллин: Фәнни-биографик ҡыентык (Газиз Губайдуллин: Научно-биографический сборник). Казань, 2002.

Зайцев, 2002 — *Зайцев И.В.* Историография истории отношений постордынских «юртов» с Россией и Османской империей // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани (1223–1556). Казань, 2002.

Зайцев, 2004 — *Зайцев И.В.* Между Москвой и Стамбулом: Джучидские государства, Москва и Османская империя (начало XV — первая половина XVI в.). М., 2004.

История, 1951 — История Татарской АССР. Т. I. Казань, 1951.

История, 1955 — История Татарской АССР. Т. I. Казань, 1955.

История, 1973 — История Татарской АССР. Казань, 1973.

История, 1980 — История Татарской АССР. Казань, 1980.

Карамзин, 1993 — *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. VIII. Калуга, 1993.

Сборник, 1884 — Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 41. СПб., 1884.

Сейид Мухаммед Риза, 1832 — *Сейид Мухаммед Риза.* Ассеб о-ссейяр, или Семь планет, содержащих историю крымских ханов. Казань, 1832.

Соловьев, 1989 — *Соловьев С.М.* Соч. Кн. III. М., 1989.

Соседи, 1997 — Соседи называли их «татарами» (Беседа В.Трепавлова с М.Усмановым) // Родина. 1997. № 3–4.

Усманов, 1972 — *Усманов М.А.* Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. Казань, 1972.

Фирсов, 1926 — *Фирсов Н.Н.* Прошлое Татарии. Казань, 1926.

Худяков, 1991 — *Худяков М.Г.* Очерки по истории Казанского ханства. М., 1991.

Атласов, 1914 — *Атласов Н.* Казан ханлыгы. Казан, 1914.

Әхмәрев, 2000 — *Әхмәрев Г.* Казан тарихи // Гайнетдин Әхмәрев: Тарихи-документаль ҡыентык. Казан, 2000.

Вәлиди, 1917 — *Вәлиди Ғ.* Кыскача төрек-татар тарихы. Казан; Уфа, 1917.

Газиз, 1923 — *Газиз Г.* Идел буе өчен көрәш тарихыннан // Мәгариф. 1923. № 5–6.

Газиз, 1925 — *Газиз Г.* Татар тарихы. М., 1925.

Гайнетдин, 2004 — *Гайнетдин М.* Гасырлар мирасы. Казан, 2004.

[7] Ср., например, комментарий к сюжету о «помощи» ногаев Казани «по приказу султана» у С.М.Соловьева и Р.Фахретдинова [Соловьев, 1989, с. 467; Фәхретдин, 1908б, с. 746, 747].

Марджани, 1897 — *Марджани Ш.* Әл-кыйсмел-әүвәл мин китабе «Мөстәфадел-әхбар фи әхвале Казан вә Болгар». Казан, 1897.

Рэмзи, 1907 — *эр-Рэмзи М.-М.* Талфик ал-ахбар ва талких ал-асар фи вэкаиг Казан ва Болгар вэ мулук ат-татар. Оренбург, 1908. Эл-моḱэллэдес-сани.

Фәхретдин, 1908а — *Фәхретдин Р.* Сахиб-Гәрәй хан // Шура. 1908. № 13.

Фәхретдин, 1908б — *Фәхретдин Р.* Ядкяр хан (Казанның соңгы ханы) // Шура. 1908. № 24.

Ћмирхан, 1883 — *Ћмирхан Х.* Тәварихы Болгария. Казан, 1883.

Battal-Taymas, 1988 — *Battal-Taymas A.* Kazan Türkleri: Türk tarihinin hazin yaprakları. Ankara, 1988.

Le khanat, 1978 — Le khanat de Crimée dans les archives du Musée du Palais de Topkapi. P., 1978.

Velidi — *Velidi Toğan Z.* Kazan Hanlığında İslam Türk Kültürü (Kanuni zamanında 1550 de Kazandan gönderilen bir rapor) (Türk Şarkiyat Derneğinde 8.10.1964 tarihinde okunan bir tebliğdir). S.l., s.a.

Д.М.НАСИЛОВ
(Москва)

Как нам быть с *ärinč*?

Вернуться к спорам о значении и функции модального слова *ärinč*, которое встречается в древнетюркских памятниках, нас побудила недавняя публикация И.В.Кормушина. В своей статье «„Сожаление о смерти“ в енисейских эпитафиях» он включил в число деплоративов (от лат. *dēplōrāre* ‘горько плакать, горько оплакивать’) и лексему *ärinč*, определив ее значение как ‘несчастье’ [Кормушин, 2006а, с. 69–70]. И.В.Кормушин придерживается традиционного взгляда на происхождение этого слова от глагола *är-* ‘быть’. Он пишет, что от полнозначного слова *ärinč* ‘несчастье’ «отпочковалась синсемантичная модальная частица. Фактически разница между полнозначным и междометным употреблением в этом случае сводится к меньшей или большей синтаксической автономности слова *ärinč*» [Кормушин, 2006б]. Обратимся к приведенным в опубликованной статье примерам; в енисейских текстах пока отмечено три случая употребления *ärinč*: в памятнике с Алтын Кёля, II (E 29), из Кёжээлиг-Хову (E 45) и из Уюк-Оорзака, II (E 109). Приведем их в транскрипции и переводе И.В.Кормушина [Кормушин, 2006а].

E 29_4 — *ärdämlig bolsar bodun isrik jörümädi ärinčim ikizim-ä*
‘Народ, обладавший доблестью, пьяным не слонялся, несчастье мне, о мой брат-близнец’.

E 45_9 — *elim äsiz ärinč jüz kümül bodunum äsiz ärinč*
‘Мое государство — как жаль, какое несчастье — мой народ Ста (родов) кюмюлей, — как жаль, какое несчастье’.

E 109_3 — *är ärdämi toquz oɣdamdam ilig är ölürdim ärinč*
‘[Ради моей] доблести мужа-воина, [во имя народа] Девяти огдамдамов я убил пятьдесят мужей-воинов (врага) — о несчастье’.

© Д.М.Насилов, 2007

Среди этих примеров наименее спорен E 109_3, так как употребление в нем *ärinč* после формы прошедшего категорического времени на *-DI* известно по орхонским памятникам (например, Тон. 38; БК 35).

Более детального рассмотрения требует пример E 45_9, поскольку приведенный текст явно недостаточен для анализа функций *ärinč*. Первые пять строк надписи из Кёжээлиг-Хову посвящены описанию жизненного пути мемориата, который, по-видимому, являлся главой одного из тюркских племенных объединений на территории древней Тувы [Кормушин, 2004, с. 244–246].

Строки 6–8 и частично 9 содержат перечень адресатов прощания, здесь перечислены владения и имущество мемориата, его родственники и окружение:

(6) *Kürsi jamda elim äsizim-ä jerim subum äsizim-ä qujda qunčujum tul qalty äsizim-ä*
'Государство мое в Кюрси Яме — как жаль мне! Моя земля, мои реки-озера — как жаль мне! Мои супруги в женских покоях остались вдовами — как жаль мне!';

(7) *Kinim qadašïm äsizim-ä oylanïm qïzïm-a örüŋüm qaram äsiz jüz elig ärim-ä äsizim-ä*
'Мои потомки, мои кровные родственники — как жаль мне! Мои сыновья, мои дочери, мое светлое и темное (имущество) — жаль! Сто пятьдесят мужей-воинов моей (дружины) — как жаль мне!';

(8) *Bïŋ bodraq jont äsizim-ä*
'Тысяча привольно пасущихся моих коней — как жаль мне!';

(9) *Elim äsiz ärinč jüz kümül bodunum äsiz ärinč // az kümülüg üküš boltï*
'Мое государство — как жаль, какое несчастье! Мой народ Ста (родов) кюмюлей — как жаль, какое несчастье! // Мало(численные) кюмюли стали многочисленными';

(10) *Jabïzïy kümülimin bädük qïltïm äsizimä bökm[ädim]*
'Моих ничтожных кюмюлей я сделал великими — как жаль мне, я не насладился!' [Кормушин 1997, с. 218–219].

Как видно, в тексте используется единая синтаксическая модель: после названия предмета расставания следует модальное слово (~ частица) *äsiz*, обычно с аффиксом принадлежности 1-го лица *-m* и часто с вокативным окончанием *-ä*. Такое построение текста с *äsiz(-im-ä)* является весьма распространенным в енисейских рунических памятниках, по сведениям И.В.Кормушина, встречается около 100 случаев [Кормушин, 2006а, с. 65–66].

Если обратиться к содержательной стороне данного фрагмента памятника, то можно заметить здесь наличие некоего кольцевого повтора: отрывок начинается с сожаления о расставании с государством — *elim* — в стране Кюрси Яма (6-я стк.) и заканчивается снова прощанием с государством (*elim*) и его народом (*bodunum*) — последнее как прием образного прибавления в стилистической фигуре (первая часть 9-й стк.). И вот в заключительном повторе появляется интересующее нас слово *ärinč*. Примечательна и вторая часть 9-й строки, содержание которой усиливает 10-я строка: мемориант отмечает свои заслуги перед народом кюмюлей, который под его властью преумножился и возвеличился. И это ли не причина скорбного прощания с достигнутым! Здесь также обращают на себя внимание формы прошедшего категорического времени (если верны реконструкции текста), которые противостоят, контрастируют именным формам сказуемого, используемым при назывании адресатов расставания. Напомним, что прошедшее на *-DI* в рунических текстах имело сильную модальную и стилистическую маркировку как указание на реальность и очевидность свершившегося события. Наблюдаемая оппозиция форм предикатов в рассматриваемом фрагменте памятника представляется удачным изобразительным приемом автора самого объемного енисейского текста, посвященного видному тюркскому сановнику.

Отходя от художественно-стилистической характеристики текста, возвращаемся к слову *ärinč*, которое, на наш взгляд, завершает в 9-й строке стилистическую фигуру фразового повтора, является как бы содержательной и формально-грамматической цезурой перед эмоционально выделенными последними фразами памятника о заслугах мемориантa. Поэтому есть все основания согласиться с И.В.Кормушиным, который в своем комментарии отметил значимость государства Ста кюмюлей и роль его первого (?) верховного сюзерена. «Древнетувинское государство „Шести уделов“ сначала было зависимым и управлялось тутукомнаместником (согласно надписям Моян-чора и E 1). Затем, вероятно, в самый поздний период „Шести уделов“, это государство обретает независимость и управляется *огя* (согласно E 49). Затем на смену независимому государству „Шести уделов“ приходит независимое государство „Ста кюмюлей“ (E 45). Этот переход был сопряжен с заменой одной правящей этнополитической группировки другой. Об этом мы судим по тому, что надписи периода „Шести уделов“ (E 1 и E 49) сопровождаются тамгой западного типа ᛉ, тогда как правитель „Ста кюмюлей“ (E 45) обладает тамгой восточного типа ᛘ» [Кормушин, 2004, с. 246].

Конечные знаки в 4-й строке памятника Е 29 не вызывают сомнения, поэтому чтение *ärinčim* представлено во всех изданиях второго памятника с Алтын-Кёля. Слово *ärinčim* стоит после отрицательной формы прошедшего времени на *-DI*, занимая в этом отношении обычную позицию (ср. орхонские тексты БК$_{35}$ и Е 109). Интересно только его расширение *-im*, которое И.В.Кормушин предлагает рассматривать как частицу «смягчения эмфазы» [Кормушин, 1997, с. 73]. По-видимому, это пока единственный случай присоединения к модальному слову *ärinč* модально-эмоциональной частицы.

Таким образом, из трех представленных в енисейских памятниках примеров в двух случаях, когда *ärinč* занимает обычную для руни-ческих текстов позицию после форм прошедшего на *-DI* (Е 29 и Е 109), вывести его особую семантику как модального слова с деплоративным значением, видимо, не удается. Остается третий пример (Е 45), в котором стоят рядом модальное слово (частица) *äsiz(-im-ä)* с определенно деплоративным значением 'увы', 'жаль', что, возможно, дает повод видеть и в *ärinč* показатель деплоративности, если воспринимать эти две соседствующие словоформы как парное слово. Позволим себе с таким толкованием не согласиться.

Как видно из предложенного выше анализа выразительных средств фрагмента памятника из Кёжээлиг-Хову (стк. 6–9), слово *ärinč*, с нашей точки зрения, также занимает типичную позицию, завершая речевой период, а его повторение в конце этого периода является опять-таки стилистической фигурой усиления сожаления, выражаемого словоформой *äsiz*. Обратим внимание на тот факт, что при перечислении адресатов прощания используется словоформа *äsiz-im-ä* с вокативными усилениями, а в конце этой фразы — без этих показателей.

С грамматической точки зрения ни в тексте Е 45, ни в других енисейских памятниках употребление *ärinč* не отклоняется от совокупности всех известных ранее случаев использования этого модального слова — в руни-ческих памятниках оно занимает позицию как после именного сказуемого, так и глагольного в формах перфекта на *-mIš* или претерита на *-DI*, а в древнеуйгурских — также настоящего на *-(I)r* и будущего на *-gAj* [Röhrborn, 1998, с. 430]. Поэтому соседство в Е 45$_9$ двух модальных слов *äsiz* и *ärinč* грамматически можно толковать не как парное слово с деплоративной семантикой, в котором *ärinč* имеет то же значение, что и *äsiz*, и усиливает последнее, а как сочетание именного сказуемого и другого модального слова *ärinč*. В таком случае *äsiz* является ядерным грамматическим и семантическим компонентом, занимающим позицию именного предиката с деплоратив-

ным значением, *ärinč* выступает как модальное слово (~ частица) с оценочным значением существа высказывания.

Если мы признаем за *ärinč* функцию модального слова, против чего, как представляется, не возражают современные исследователи древнетюркских памятников, то остаются среди них некоторые разногласия в оценке значения этой лексемы. «Радловский период» трактовки этого слова, как известно, подытожил П.М.Мелиоранский, который сближал *ärinč* с «именными отглагольными образованиями на *-ынч, -инч / -ын + ч, -ин + ч*» [Мелиоранский, 1899, с. 101]). Сам В.В.Радлов, считавший словоформу *ärinč* Verbum finitum и назвавший ее «Form der Vollendung» [Radloff, 1897, с. 67), во всех своих переводах рунических текстов практически игнорировал это слово, передавая значение только предшествовавшего ему именного или глагольного предиката. Так же поступил и П.М.Мелиоранский, давший к *ärinč* только небольшой грамматический комментарий. Однако он отверг предложенное В.Томсеном сопоставление *ärinč* с латинским наречием *jăm* [Мелиоранский, 1899, с. 101], которое в этом языке имеет значения: «1) 'уже' (служит для означения наступления окончания действия во всякое время) (ср. термин В.В.Радлова „Form der Vollendung". — *Д.Н.*]; 2) соединительная частица при переходе к чему-то новому, но тесно связанному с предыдущим, особо в заключениях и следствиях — 'теперь', 'итак'; ...иногда = 'даже', 'действительно'» [Петрученко, 1914, с. 346–347].

В.Томсен, вернувшийся позднее к толкованию *ärinč*, подтвердил свое мнение о данной словоформе как производной от глагола бытия *är-* 'быть' и поставил ее в один ряд с дериватами типа *ökünč* 'раскаяние', *säbinč* 'радость' и *qorqunč* 'страх' [Thomsen, 1916, с. 42]. На основе анализа всех известных ему случаев употребления *ärinč* он пришел к выводу, что это слово прошло путь от самостоятельного существительного (со значением типа 'событие', 'факт') до служебного слова, которое выразило уже «не реальный факт, но только утверждение справедливости суждения или предположения». Добавление *ärinč* привносит в предложение существенный оттенок, который можно передать «примерно как 'разумеется', 'без сомнения', 'следует верить, что', 'по всей видимости' или аналогичными оборотами» [Thomsen, 1916, с. 44]. В.Томсен как бы встраивает в тюркские высказывания некое подобие модальной рамки с семантикой аффирмативности, это можно видеть из его предположения, что в них первоначально было добавлено предложение **ärinč ol* 'это — факт / событие', 'вот это правда'. Таким образом, В.Томсен впервые в рунологии предпринял попытку семанти-

чески и в функциональном аспекте представить необычную и интересную синтаксическую конструкцию в рунических текстах, характеризующуюся специфическими модальными свойствами. Позицию В.Томсена относительно семантики, функции и словообразовательной модели поддержал В.Банг [Bang, 1917, с. 278–283].

Последующие исследователи рунических памятников на многие годы отошли от указанных находок В.Томсена и В.Банга. Так, Х.Н.Орхун в словарной части своих изданий рунических памятников для *ärinč* использовал толкование Махмуда Кашгарского, относящееся, видимо, к иной лексеме: «erinç — iyi yaşayış, nimet içinde ömür sürme» [Orkun, 1986, с. 801/49]. Однако в переводах соответствующих мест он также пренебрегал отражением этого слова (см. [Orkun, 1986, с. 30, 41–42, 100 и др.]); например: *teñri anča temiş erinç* 'tanrı böyle demiş'.

Иным путем пошел в своем известном труде С.Е.Малов [Малов, 1951]. В Словаре он тоже опирался на толкование *ärinč*, данное в Диване Махмуда Кашгарского: «*ärinč* 'пожалуй, возможно, надо думать'» [Малов, 1951, с. 365], хотя в этой словарной статье и приводились ссылки на работы В.Томсена и В.Банга. В переводы рунических текстов С.Е.Малов впервые в российской традиции добавляет модальный компонент, используя обычно вводные слова *пожалуй* или *надо думать*; например: *täŋri anča tämis ärinč* 'небо, пожалуй, так сказало'. И в других изданиях этих памятников практически повторялись переводы текстов, предложенные С.Е.Маловым; ср., например, варианты — узбекский: '*тангри шундай деган шекилли*' [Абдураҳмонов, 1982, с. 71], казахский: *тәңірі былай деген екен* [Жолдасбеков, 2005, с. 171], так же было у Г.Айдарова [Айдаров, 1971, с. 356]; то же значение *ärinč* дает для енисейских памятников И.А.Батманов: «*эринч* = пожалуй, возможно, надо думать» [Батманов, 1959, с. 211]. Эти переводы, освященные авторитетом С.Е.Малова, получили повсеместное распространение и, например, попадали также и в труды историков (см. [Кляшторный, 2003, с. 99]); это нашло отражение и в некоторых статьях «Древнетюркского словаря» (ДТС, с. 36, 85, 178).

А.Н.Кононов в «Грамматике языка тюркских рунических памятников VII–IX вв.» основным значением *ärinč* считает указание на предположение — 'возможно, может быть, вероятно', ссылаясь на данные Дивана Махмуда Кашгарского [Кононов, 1980, с. 194]. Правда, здесь же А.Н.Кононов указывает, что после прошедшего времени на *-DI* это слово может предавать и смысл 'конечно, несомненно, действительно'. Таким образом, модальность двух типов автор связывает с типом формы основного предиката: *-mIš ärinč* = предположение, *-DI ärinč* =

утверждение; представляется, что А.Н.Кононов не учитывает существующую в рунических памятниках категорию эвиденциальности, которая была связана с оппозицией временных форм *-DI — -mIš*. А.М.Щербак ставит в одну линию модальные слова *эрміш, эрінч, эркэн* 'оказывается' [Щербак, 1987, с. 93, 108]. И.В.Кормушин в упомянутой выше статье о деплоративных словах опирается, естественно, на толкование *ärinč*, данное А.М.Щербаком в «Древнетюркском словаре» (ДТС, с. 178) и поддержанное А.Н.Кононовым.

Действительно, закреплению за словом *ärinč* субъективных модальных значений предположения, сомнения, неуверенности, допущения способствовало, несомненно, его толкование в Словаре Махмуда Кашгарского (МК I, с. 48, 118; III, с. 311), где дан арабский эквивалент لعل, имеющий значение 'может быть, вероятно, пожалуй, авось' [Баранов, 1957, с. 924]. Насколько можно доверять этому толкованию? Известно, что *ärinč* в памятниках из Восточного Туркестана встречается очень редко [Röhrborn, 1998, с. 430], причем в этих текстах *ärinč* функционально не отличается от рунических; из памятников караханидской эпохи известно несколько употреблений этого модального слова в «Кутадгу билиг» и фиксация его Махмудом Кашгарским. Во всех его примерах *ärinč* стоит после формы прошедшего на *-DI*, но везде автор приписывает ему субъективно-модальное значение предположения: *ol keldi ärinč* 'он, вероятно, пришел'; *ol bardï ärinč* 'он, возможно, пошел'; *jandï ärinč oγrayï / keldi berü tïγrayï* 'возможно, он отказался от своего намерения / назад пришел его гонец' [Hacıeminoğlu, 1996, с. 100].

Очевидно, что слово *ärinč* в модальном значении было известно в языке караханидской эпохи, что подтверждают стихотворные примеры у Махмуда Кашгарского и стихи в «Кутадгу билиг», однако, видимо, это был последний период его функционирования перед исчезновением из тюркского лексического фонда. Поэтому, естественно, возникает вопрос, правильно ли уловил это модальное значение Махмуд Кашгарский, когда *ärinč* в его примерах стоит после претерита на *-DI*. Здесь можно высказать два предположения. Во-первых, можно думать, что Махмуд Кашгарский определенно знал это слово из фольклорных текстов, но, учитывая сложность определения вообще модальных оттенков, а также то, что функции *ärinč* в живой речи жителей Восточного Туркестана, видимо, уже затухали, он не смог точно выявить его семантику и остановился на распространенном модальном значении предположения у тюркских постпредикативных частиц; об этом косвенно свидетельствуют его краткие и, как представляется,

искусственные примеры с этим показателем. Во-вторых, можно допустить, что в караханидских памятниках у слова *ärinč*, хотя и редко употребляемого в языке, было именно то значение, которое знал Махмуд Кашгарский, но это было уже иное модальное содержание, чем в языке рунических памятников: значение истинностной оценки высказывания сменяется модальностью предположения, возможности. Здесь учтем три момента. Самый главный — отличное от рунической строение временнóй системы в древнеуйгурском и караханидском языках; в последних не было системной и последовательной модальной оппозиции претерита на *-DI* и перфекта *-mIš* в рамках категории эвиденциальности, обязательной в рунических текстах. Поэтому у *ärinč* в караханидском языке было более свободное пространство для развития семантики, к тому же языки рунический и караханидский отстоят друг от друга по крайней мере на два-три века. Что касается указанной выше динамики значения от истинности до предположения, то о такой возможности сказал еще В.Банг, сославшись на грамматиста и лексиколога Я.Гримма, отметившего филиацию значения немецкого *gewiß* 'определенно' и 'вероятно' [Bang, 1917, с. 283]; ср. рус. *наверно* 'несомненно' и 'по всей вероятности'. Наконец, последние широкие исследования по разным тюркским языкам категории эвиденциальности и передаваемых в ее рамках смыслов (индирективности, перцептуальности, инференциальности, миративности и пр.), с одной стороны, показывают значимость данной категории для тюркской грамматики, а с другой — позволяют уточнить место аффирмативной модальности, формально слабо представленной в тюркских языках.

Из сказанного выше следует, видимо, важный вывод о том, что без весомых аргументов не следует распространять значение слова *ärinč*, приписываемое ему Махмудом Кашгарским, на язык памятников рунической письменности — орхонских и енисейских — и осторожно относиться к функциям этого модального слова в памятниках караханидского периода.

Между тем в тюркологии продолжала существовать линия толкования *ärinč*, совпадающая с точкой зрения В.Томсена и В.Банга. В «Уйгурском словаре» А.Джафероглу *ärinč* переводится 'tamamile, şübhesiz' [Caferoğlu, 1934, с. 54]. Утвердительные значения приписывает этому слову и А.Габен, хотя *ärinč* рассматривается в параграфе «Предположение» вместе со словом *ärki* [Gabain, 1974, с. 157, 324]. В очерке языка орхоно-енисейских памятников В.М.Насилов также считал, что *ärinč* использовалось для передачи модальности: оно «выражает действие как переход к внутреннему, имманентному состоянию, ко-

гда действие становится самодовлеющим» [Насилов В., 1960, с. 68–69].

В 1968 г. вышла «Грамматика орхоно-тюркского языка», написанная турецким тюркологом Талятом Текином. Это было важное событие в современной западноевропейской рунологии, поскольку этот труд (в основе — докторская диссертация автора) был посвящен именно языку пяти больших надписей и в нем была сделана попытка интерпретировать их язык (начиная с графики и фонологии до синтаксиса) на основе достижений тюркологии середины XX в. Что касается слова *ärinč,* то автор здесь осторожен, в его толковании это модальное слово предстает в двух значениях — предположения и утверждения, однако в переводах предложений с *ärinč* он последовательно использует модальные слова со значением истинности. Такой же подход к интерпретации интересующего нас слова мы видим и в последующих трудах Талята Текина, внесшего большой вклад в изучение тюркских рунических памятников (что стоит, например, его знаменательное толкование модальной частицы *äsizämä*! [Tekin, 1964]) и истории тюркских языков в целом — ученый трактует слово *ärinč* как бесспорный показатель аффирмативной модальности — 'şübhesiz, muhakkak ki...' [Tekin, 1988; Tekin, 2003].

М.Эрдал рассматривает *ärinč* как эпистемическую модальную частицу (так же как и частицу *ärki*), которая выражает отношение говорящего или пишущего «к вероятности содержания высказываемого суждения», и определяет ее значение как 'по-видимому, возможно, без сомнения, очевидно' [Erdal, 2004, 3.343], т.е. он допускает, что *ärinč* может передавать и аффирмативную, и ассумптивную модальность. Однако в переводах рунических текстов с *ärinč*, данных в «Грамматике», М.Эрдал использует, как правило, английский эквивалент *presumably* ('возможно', 'по-видимому'): «*täŋri anča temiš ärinč*: *xan bertim*... 'Небо, возможно, говорило следующим образом: „я дало хана..."» [Erdal, 2004, 3.343].

Между тем нам, естественно, ближе мнение К.Шёнига о значении *ärinč*, которое М.Эрдал также воспроизводит в своей «Древнетюркской грамматике»: «Шёниг (в лекции на VATEC-симпозиуме, сентябрь 2002 г.) указал, что случаи употребления этой частицы в надписях с Орхона выражают уважение по отношению к более высоким силам, чьи действия и побуждения не предполагают, чтобы кто-то знал о них слишком подробно» [Erdal, 2004, 3.343].

В 60-е годы прошлого века, занимаясь системой глагольных времен в рунических и древнеуйгурских памятниках, мы также пришли к вы-

воду, что аффикс *-Inč,* присоединяясь к глаголу *är-*, передающему бытие, стабильность каких-либо признаков у предмета-субъекта, образует отглагольное имя *ärinč* со значением 'нахождение в состоянии покоя, бытие в самом себе и само по себе'. Как модальное же слово *ärinč* обозначает результативность действия, его переход к внутреннему состоянию, выражает характеристику его как такового в самом себе, показывает, что определенные признаки внутренне присущи их обладателю [Насилов Д., 1960]. В связи с этим, может быть, и был прав В.В.Радлов, называя *ärinč* «формой завершения», т.е. не только конечного члена предиката, но и показателя окончательного перехода к определенному состоянию субъекта действия. Употребление *ärinč* в рунических текстах, действительно, подтверждает сказанное выше. Обычно это слово употребляется там, где говорится о качествах, поведении, повелевании высших сил, т.е. там, где в том или ином виде проявляются внутренние качества, свойства, интимные побуждения действующих лиц, но отстоящих социально или духовно от говорящего и занимающих более высокий статус. Здесь приходится только удивляться, насколько тонким было восприятие рунических текстов у первых их издателей и интерпретаторов — В.В.Радлова, В.Томсена, В.Банга.

Поэтому мы продолжаем считать, что модальной функцией *ärinč* в предложении было не выражение отношения говорящего к достоверности события и передача предположительности, как это понимают некоторые тюркологи, а указание на то, что в именном или глагольном сказуемом выражаются возникшие свойства или душевные проявления субъекта — носителя статического или динамического признака. Следовательно, в рунических текстах с Орхона и Енисея это модальное слово является четким маркером аффирмативной модальности.

Абдураҳмонов, 1982 — *Абдураҳмонов Г., Рустамов А.* Қадимги туркий тил. Тошкент, 1982.

Айдаров, 1971 — *Айдаров Г.* Язык орхонских памятников древнетюркской письменности VIII века. А.-А., 1971.

Баранов, 1957 — *Баранов Х.К.* Арабско-русский словарь. М., 1957.

Батманов, 1959 — *Батманов И.А.* Язык енисейских памятников древнетюркской письменности. Фрунзе, 1959.

ДТС — Древнетюркский словарь. Л., 1969.

Жолдасбеков, 2005 — *Жолдасбеков М., Сартқожаулы Қ.* Орхон ескертіштерінің толық атласы. Астана, 2005.

Кляшторный, 2003 — *Кляшторный С.Г.* История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб., 2003.

Кононов, 1980 — *Кононов А.Н.* Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–IX вв. Л., 1980.

Кормушин, 1997 — *Кормушин И.В.* Тюркские енисейские эпитафии: Тексты и исследования. М., 1997.
Кормушин, 2004 — *Кормушин И.В.* Древние тюркские языки. Учебное пособие. Абакан, 2004.
Кормушин, 2006а — *Кормушин И.В.* «Сожаление о смерти» в енисейских эпитафиях // Вопросы тюркской филологии: Материалы Дмитриевских чтений. Вып. 6. М., 2006.
Кормушин, 2006б — *Кормушин И.В.* Тюркские енисейские эпитафии: Грамматика. Текстология. М. (в печ.). (Мы благодарим автора за предоставленную возможность ознакомиться с данной работой.)
Малов, 1951 — *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности: Тексты и исследования. М.; Л., 1951.
Мелиоранский, 1899 — *Мелиоранский П.М.* Памятник в честь Кюль-Тегина. СПб., 1899.
Насилов В., 1960 — *Насилов В.М.* Язык орхоно-енисейских памятников. М., 1960.
Насилов Д., 1960 — *Насилов Д.М.* К вопросу о модальных словах *äринч*, *äркі* и *äркän* в древнетюркских языках // Труды Самаркандского ун-та. Новая серия, вып. 102. Самарканд, 1960.
Петрученко, 1914 — *Петрученко О.* Латинско-русский словарь. М., 1914.
Щербак, 1987 — *Щербак А.М.* Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: Наречие, служебные части речи, изобразительные слова. Л., 1987.

Bang, 1917 — *Bang W.* Orientalistische Studien // Fritz Hommel zum 60. Geburtstag am 31. Juli 1914 gewidmet von Freunden, Kollegen und Schülern. Bd. 2. Lpz., 1916 (Mitteilungen der Vorderasiatischen Gesellschaft. 22 (1917)).
Caferoğlu, 1934 — *Caferoğlu A.* Uygur Sözlüğü. 1. bölüm. İstanbul, 1934.
Erdal, 1991 — *Erdal M.* Old Turkic Word Formation. 2 vols. Wiesbaden, 1991 (Turcologica 9).
Erdal, 2004 — *Erdal M.* A Grammar of Old Turkic. Leiden, 2004 (Handbuch der Orientalistik 8, 3).
Gabain, 1974 — *Gabain A., von.* Alttürkische Grammatik. 3. Aufl. Wiesbaden, 1974.
Hacıeminoğlu, 1996 — *Hacıeminoğlu N.* Karahanlı Türkçesi Grameri. Ankara, 1996 (TDKY, 638).
Orkun, 1986 — *Orkun H.N.* Eski Türk Yazıtları. 2. Baskı. Ankara (TDKY, 529).
Radloff, 1897 — *Radloff W.W.* Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Neue Folge. SPb., 1897.
Röhrborn, 1998 — *Röhrborn K.* Uigurisches Wörterbuch. Sprachmaterial der vorislamischen türkischen Texte aus Zentralasien. 6. Lfg. Wiesbaden, 1998.
Tekin, 1964 — *Tekin T.* On a Misinterpreted Word in the Old Turkic Inscriptions // UAJb 25.
Tekin, 1968 — *Tekin T.* A Grammar of Orkhon Turkic. The Hague: Mouton (Uralic and Altaic Series, vol. 69).
Tekin, 1988 — *Tekin T.* Orhon Yazıtları. Ankara, 1988 (TDKY, 540).
Tekin, 2003 — *Tekin T.* Orhon Yazıtları: Kül Tigin, Bilge Kağan, Tunyukuk. 3. baskı. İstanbul, 2003.
Thomsen, 1916 — *Thomsen V.* Turcica. Étude concernant l'interprétation des inscriptions turques de la Mongolie et de la Sibérie. Helsingfors, 1916 (MSFOu, 37).

И.А.НЕВСКАЯ
(Новосибирск),
Р.ГЕРКЕ
(Франкфурт-на-Майне)

Электронный корпус древнетюркских текстов доисламского периода (*VATEC*)

Электронный корпус древнетюркских текстов доисламского периода (*VATEC — Vorislamische Alttürkische Texte: ein Elektronisches Corpus*) создавался с июля 1998 по февраль 2003 г. во Франкфурте-на-Майне, Берлине и Гёттингене группой тюркологов: Якобом Таубе (Берлин), Михаэлем Кнюплером и Зекине Ёзсой (Гёттинген), Ириной Невской — и специалистом по компьютерной лингвистике Ральфом Герке (Франкфурт-на-Майне). Проектом руководили известные тюркологи и признанные специалисты по древнетюркскому языку: профессоры Марсель Эрдал, Петер Циме и Клаус Рёрборн, а также специалист по сравнительно-историческому языкознанию и компьютерной лингвистике Йост Гипперт. Проект финансировался Немецким научно-исследовательским обществом. Координация работы осуществлялась во Франкфурте И.А.Невской.

Целью проекта являлась новая или первая редакция ряда древнетюркских текстов, составленных в период доисламских завоеваний, и создание их электронного корпуса[1]. Хотя большинство текстов корпуса уже было опубликовано в разное время, с момента расшифровки и первого издания памятников прошли многие десятилетия. За это

[1] В корпус не вошли тексты памятников рунического письма Монголии и Саяно-Алтая.

© И.А.Невская, Р.Герке, 2007

время исследования древнетюркского языка намного продвинулись вперед благодаря и публикациям все новых памятников в России (особенно массовым в последние десятилетия в Германии, Японии, Китае) и фундаментальным исследованиям словарного состава древнетюркского языка и его грамматического строя. Новая редакция текстов, изданных ранее, стала назревшей задачей для тюркологии.

Новый электронный корпус призван решить эту задачу и дать возможность поместить новые редакции этих текстов в интернете, чтобы сделать их доступными для широкой научной общественности в любой точке земного шара.

Понятие «тексты доисламского периода» определяет только отчасти действительное время написания манускриптов, вошедших в базу данных (конечно, в той степени, насколько мы вообще способны датировать тот или иной манускрипт). Отдельные списки могли быть сделаны и гораздо позже, в XIV или даже XV в., но по своим языковым особенностям они все же могут отражать доисламский период в истории тюркских языков, поскольку священные тексты продолжали копироваться и переписываться практически без изменения их языковой формы и гораздо позже.

Нашей задачей было создание репрезентативной базы древнетюркских текстов, поэтому корпус включает в себя тексты различных жанров, написанные разными видами письменности, в свое время употреблявшимися для фиксации древнетюркского языка — руническим, манихейским, согдийским, уйгурским и сирийским письмом. Все тексты даны в базе *VATEC* в транслитерации и унифицированной транскрипции, переведены на немецкий или английский языки, проведены поморфемная их разбивка и глоссирование. Попутно решались задачи уточнения состава и функций графем различных алфавитов, используемых для записи древнетюркских текстов, проводилась сверка более ранних изданий с оригиналом, уточнение орфографических особенностей каждого памятника и их фиксирование в транслитерации, уточнение состава и вариативности грамматических и лексических единиц, изучение особенностей передачи в древнетюркском языке заимствований из других языков.

Хотя мы отталкивались от известных публикаций привлеченных манускриптов, в процессе обработки уточнялась их транслитерация, транскрипция и перевод, дополнялись комментарии, вводились ссылки на параллельные тексты из нашей базы данных. В дополнение к этому новая редакция манускриптов впервые содержит по-

морфемную разбивку и глоссирование текстов, что делает их идеальным учебно-методическим материалом для изучающих древнетюркский язык.

Наряду с обработкой каждого отдельного манускрипта мы вели работу с группами фрагментов одного содержания для установления сводного текста. Так, сводные тексты *Сутры золотого блеска* были составлены Якобом Таубе (на основе берлинских и петербургских манускриптов) и *Хвастванифта* — Ириной Невской (на основе лондонского, петербургского и берлинского списков). Опорой при чтении текстов служили параллельные тексты на других языках Восточного Туркестана, на которые делались построчные ссылки с анализом расхождений.

В результате анализа и сопоставления всех известных нам написаний древнетюркской лексемы и ее соответствий в современных тюркских языках была выработана нормативная древнетюркская транскрипция, представляющая собой определенную абстракцию от всех возможных диалектных и ареальных вариантов произношения фонем в древнетюркский период. Такой подход дал возможность представлять лексему в словаре только один раз в качестве леммы, что позволяет вести поиск всех контекстов с данной лексемой в нашей базе данных. Объективные сведения о графическом облике древнетюркского слова представлены параллельно с нормативной транскрипцией в виде транслитерации, что вплотную подводит нас к теме структуры нашей базы данных.

Первичная база данных создавалась в программе *Shoebox*, позволяющей в значительной степени автоматизировать морфологический анализ, создавать и постоянно пополнять словарь лексем и аффиксов по мере заполнения текстовой базы данных. Представляем примеры структуры текстовой и лексической баз данных (рис. 1, 2, 3).

Комментарий к рис. 1. Каждая строка манускрипта получала свой порядковый номер (\ref), была транслитерирована специальными знаками, разработанными на основе латинского алфавита, отталкивающимися от существующих конвенций транслитерации древнетюркской письменности (\tl), фонетически интерпретирована с помощью специально разработанной системы «точной» транскрипции, в которой фиксировались тип и особенности письма (например, выделение отдельных фрагментов красным цветом), лакуны в не полностью сохранившихся текстах, реконструкции потерянного текста на основе параллельных манускриптов, исправления возможных орфографических ошибок в манускрипте, фрагменты или цитаты, написанные на-

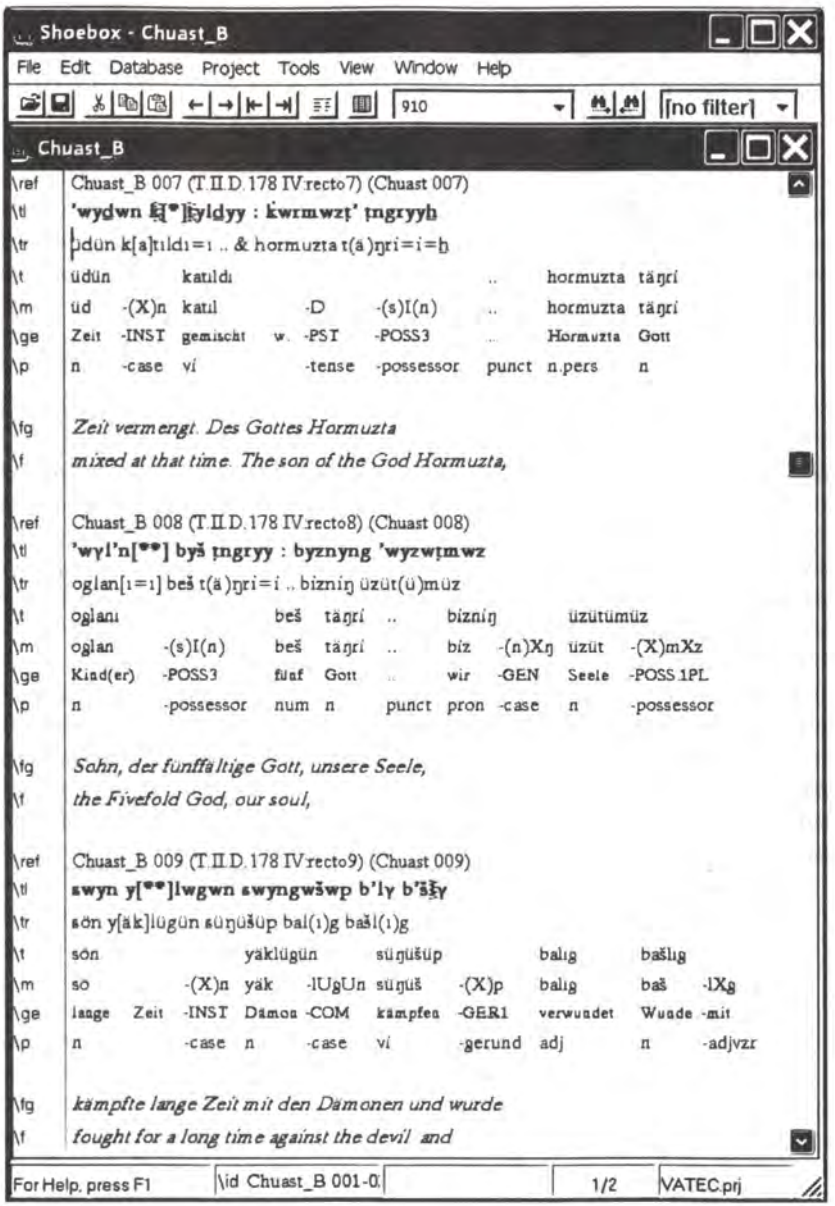


Рис. 1.
Структура текстовой базы данных в формате *Shoebox*

\lx Lexeme	tut
\ps Part of speech	vt
\sn Sense number	1
\ge English gloss	aufhalten
\sn Sense number	2
\ge English gloss	halten
\nt Notes (general)	
\dt Date (last edited)	18/Aug/1999

Рис. 2.
Структура словарной базы данных в формате *Shoebox* (пример лексемы)

ином языке, графические особенности передачи текста, например эмфаза и т.п. (\tr); далее следовали четыре строки морфологического анализа: собственно транскрипция только полностью или частично сохранившихся слов, т.е. реконструкции на основе других манускриптов не подвергались морфологическому анализу (\t), поморфемная разбивка (\m), глоссирование (\ge), функциональные классы: для лексем — часть речи, для аффиксов — грамматическая категория (\p), перевод на немецкий (\fg) и/или английский (\f) язык, при необходимости комментарий (...).

Комментарий к рис. 2. Каждая лексема была переведена на немецкий язык (\ge), в случае полисемантической лексемы ее значения нумеровались (\sn), а также указывалась ее принадлежность к части речи (\ps), при необходимости указывались ее варианты (при этом только истинные варианты, подтвержденные реальными написаниями, а не разные фонетические интерпретации одного написания), синонимы или антонимы.

\lx Lexeme	-GInčA
\ps Part of speech	gerund
\a alternate	-ginčä
\a alternate	-gınča
\a alternate	-kınča
\a alternate	-kinčä
\ge English gloss	LIMGER
\an Antonym	-mAzkAn
\nt Notes (general)	
\dt Date (last edited)	30/Jul/1999

Рис. 3.
Структура словарной базы данных в формате *Shoebox* (пример аффикса)

Комментарий к рис. 3. Для аффиксов указывался его функциональный класс, т.е. принадлежность к определенной грамматической категории (\ps), его конкретное значение в рамках этой категории (\ge), его морфофонологические варианты (\a), в случае необходимости — синонимы, антонимы, варианты.

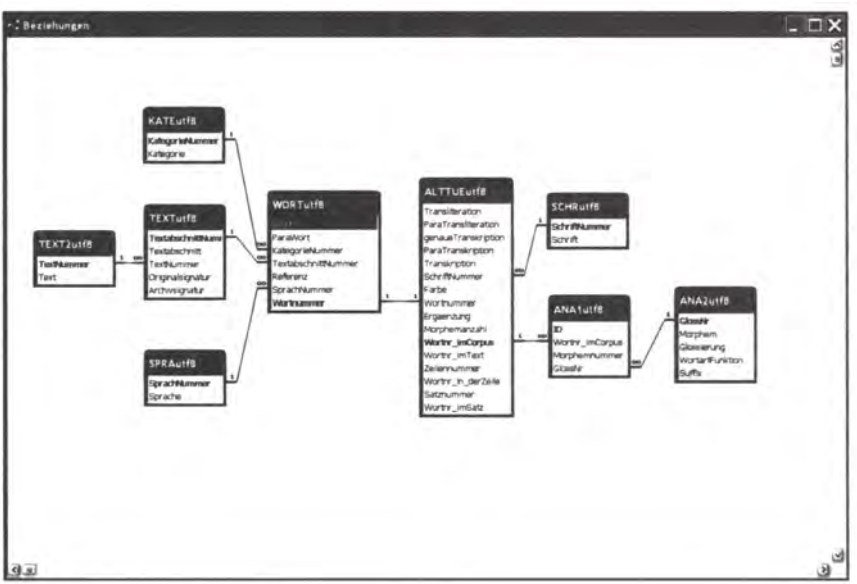
Работа шла параллельно в трех городах Германии, но с использованием одного и того же лексикона, служащего основой для морфологического анализа и первоначально заложенного И.А.Невской. Лексикон расширялся по мере обработки текстов каждым из исследователей самостоятельно. Тем самым через короткий промежуток времени из первоначального лексикона возникало уже три различающихся варианта лексикона. Для того чтобы вновь привести эти лексиконы в соответствие друг с другом, периодически проводилась частично автоматизированная сверка лексиконов с помощью программы, написанной Ральфом Герке. Сверка проводилась во Франкфурте И.А.Невской. На время сверки работа по анализу текстов приостанавливалась. После того как выяснялись все расхождения в трактовках фонетического облика и семантики лексем в разных местах реализации проекта, руководителями проекта и исполнителями вырабатывалось единое мнение, все изменения суммировались и создавался новый нормативный лексикон, который получали все исполнители, на местах исправлявшие свои тексты в соответствии с выработанными трактовками. Далее работа по анализу текстов продолжалась до следующей сверки лексиконов. Нам не известно аналогов такого подхода к выработке базы данных по какому-либо иному историческому языку. Обычно в результате подобных проектов возникают авторские трактовки, которые часто плохо совместимы друг с другом. В результате обмена мнениями при сверке лексиконов в данном проекте удалось выработать довольно последовательный и непротиворечивый подход к обработке древнетюркских текстов, была создана нормативная, унифицированная транскрипция, которая, несомненно, заинтересует всех тюркологов.

Кроме того, в целях еще более полной скоординированности обработки текстов периодически проводилось сравнение уже проанализированных текстов с нормативным лексиконом с помощью специальной программы, подготовленной Ральфом Герке. Это позволяло выявить расхождения между глоссами в анализе текстов и нормативным лексиконом (например, лексем или значений слова, которых не было в словаре) и исправить их.

На последующих этапах первичные данные вводились в базу данных *ACCESS*, позволяющую проводить поиск контекстов по целому ряду

одновременно заданных критериев. Кроме того, все тексты были представлены в интернете в формате *HTML* (*http://vatec2.fkidg1.uni-frankfurt.de*) и соединены ссылками с электронным архивом турфанских манускриптов, хранящихся в Турфанском собрании Берлинско-Брандербунгской Академии наук. Обработанные тексты (только сам древнетюркский текст и его перевод) представлены на сайте проекта также и в формате PDF.

Структура базы данных в формате *ACCESS* состоит из девяти таблиц, связанных между собой системой соответствий. База данных имеет следующий вид (см. схему).



Структура базы данных в формате *ACCESS* (*схема*)

В настоящее время на страницах проекта в интернете действуют несколько видов поиска информации в базе данных, созданных Ральфом Герке.

1. Поиск контекстов с определенным словом (или комбинацией знаков) во всей базе данных, включая комментарии и перевод. При этом пользователь может специфицировать категорию информации (древнетюркский текст, перевод на английский или немецкий языки, комментарии и т.п.), язык (помимо древнетюркского в текстах встречаются цита-

ты или отдельные слова на китайском, сирийском и других языках; в комментариях, например, сопоставляются исходное слово языка-донора и то, какую форму оно приняло в древнетюркском языке при заимствовании, эту информацию можно получить в данном виде поиска).

2. Поиск контекстов с определенным словом (или комбинацией знаков) только в древнетюркском тексте. Можно специфицировать язык (иногда древнетюркский текст включает вставки на ином языке), категорию (транслитерация, точная транскрипция, нормативная транскрипция), цвет шрифта; при этом можно искать только полностью сохранившиеся фрагменты или частично сохранившиеся и восстановленные обработчиками фрагменты.

3. Поиск всех написаний отдельной лексемы в разных графических системах.

4. Поиск контекстов с заданными комбинациями морфем. Возможно задать лексему, причем можно специфицировать ее значение или функционально-грамматический вариант (например, функционирование именной лексемы в синтаксической позиции существительного, прилагательного, наречия или послелога и т.п.). Помимо лексемы можно задать поиск и до двух аффиксов, выбрав из списка всех имеющихся аффиксов (по их символической записи, отражающей все их морфофонологические варианты, или по их глоссам), либо можно выбрать функциональный класс аффиксов (например, аффиксы принадлежности, времени, наклонения и т.д.). Если пользователь задал только лексему, то результатом поиска будут все контексты с этой лексемой. Если пользователь задает конкретный аффикс и конкретную лексему, то в результате он получает все контексты с этой лексемой с данным аффиксом. Если пользователь определяет функциональный класс аффикса, то получает все контексты с аффиксами данного функционального класса (например, все контексты с аффиксами принадлежности). Если заданы комбинации аффиксов, то соответственно результатом поиска будут все контексты с заданной комбинацией аффиксов, и т.д. Дополнительно можно задать контексты с определенным порядком аффиксов. Хотя на первый взгляд это кажется излишним для тюркских языков с их фиксированным порядком аффиксов (например, аффикс множественного числа должен предшествовать аффиксу принадлежности), но в текстах встречается и «неправильный» порядок аффиксов (например, аффикс множественного числа следует за аффиксом принадлежности), что, конечно, представляет огромный интерес для лингвистов, занимающихся тюркскими языками.

Этот вид поиска является исключительным достижением данного проекта, нам не известны аналоги в иных имеющихся базах языковых данных.

При всех видах поиска результаты сначала представлены в таблицах со списком контекстов. Ссылка при каждом из контекстов открывает текст, где находится этот контекст.

Процесс поиска контекстов по заданным комбинациям морфем проиллюстрируем рядом фотографий состояния монитора (рис. 4–10).

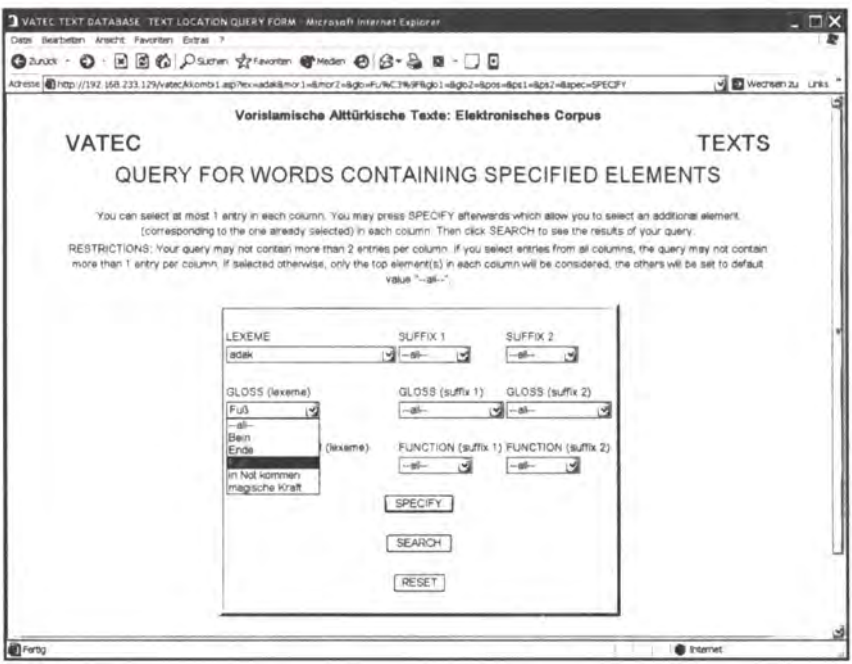


Рис. 4.
Выбор лексического элемента для поиска контекстов
(др.-тюрк. слово *adak* ‘ступня’)

Комментарий к рис. 4. Пользователь, выбрав слово *adak* из списка лексем (верхняя строка выбора слева), специфицирует его значение для дальнейшего поиска, выбрав из списка всех зафиксированных в базе данных значений (вторая строка выбора сверху слева) значение *Fuß*. Параметр поиска задается нажатием курсора на кнопку *specify*.

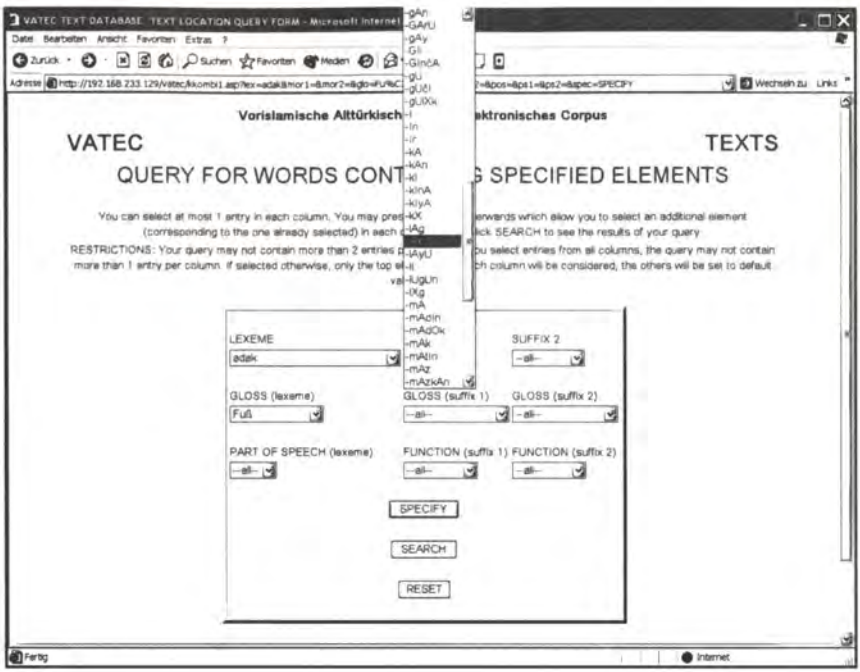


Рис. 5.
Ограничение контекстов со словом *adak* ‘ступня’
сочетаниями с аффиксом множественного числа *-Lar*

Комментарий к рис. 5. Пользователь далее специфицирует параметры поиска показателем множественного числа *-Lar*, выбирая его из списка аффиксов в строке выбора посередине сверху. Этот параметр можно было бы и задать, указав конкретное грамматическое значение аффикса (в данном случае *plural*), выбрав его из списка значений в строке выбора посередине снизу. Параметр поиска задается нажатием курсора на кнопку *specify*.

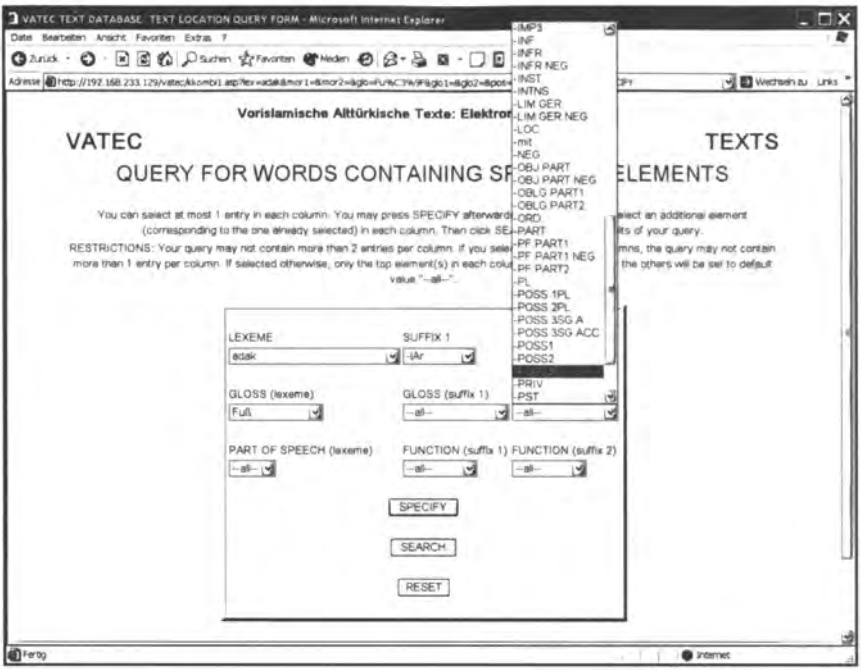


Рис. 6.
Ограничение контекстов со словом *adak*
'ступня' в сочетании с аффиксом
множественного числа *-Lar* сочетаниями с аффиксом
принадлежности 3-го л.

Комментарий к рис. 6. Пользователь далее специфицирует параметры поиска показателем аффикса принадлежности 3-го л.; этот параметр можно было бы также задать, указав конкретную форму аффикса *-(s)X(n)*, выбрав его из списка аффиксов в строке выбора справа сверху. Параметр поиска задается нажатием курсора на кнопку *specify*.

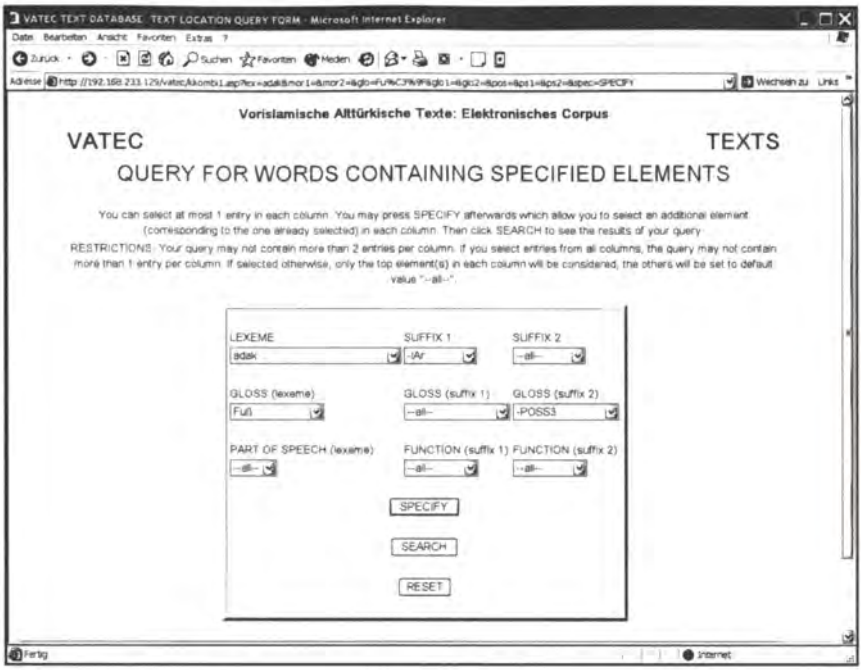


Рис. 7.
Поисковая маска
с выбранными параметрами поиска

Комментарий к рис. 7. Показаны заданные параметры поиска контекстов: лексема *adak* ‘ступня’ с аффиксом множественного числа *-Lar* с показателем принадлежности 3-го л.

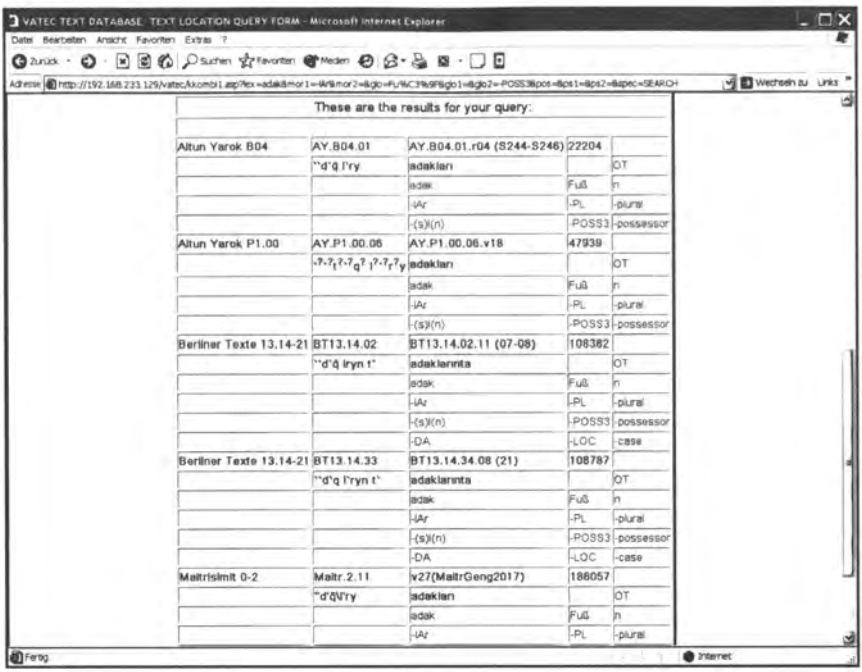


Рис. 8.
Начало полученной таблицы с контекстами, соответствующими параметрам поиска

Комментарий к рис. 8. Первый столбик дает название текста с искомым контекстом; второй столбик дает транслитерацию и указывает конкретный фрагмент текста с искомым контекстом; третий столбик дает словоформу с разбивкой ее на морфемы, а также указывает на референтный номер строки текста с искомым контекстом; четвертый столбик содержит глоссирование морфем словоформы и дает номер словоформы в базе данных *ACCESS*. Поставив курсор на искомую словоформу, пользователь может переместиться непосредственно в текст с данным контекстом (рис. 9).

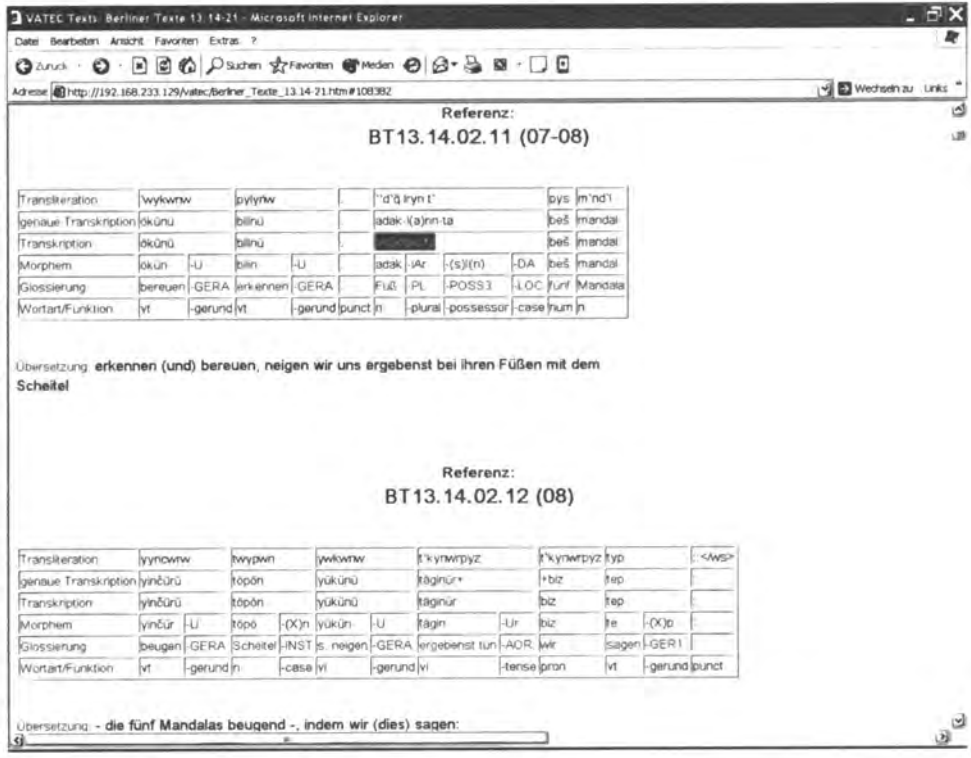


Рис. 9.
Начало полученной таблицы с контекстами, соответствующими параметрам поиска

Р.Ю.ПОЧЕКАЕВ
(Санкт-Петербург)

Сведения о Золотой Орде в «Книге о Великом хане»

«Книга о Великом хане» (Le livre du grant Caan) была составлена предположительно доминиканцем Жаном де Кора, архиепископом Султании, около 1330 г. по повелению папы римского Иоанна XXII (1316–1334) на основе сообщений братьев-миноритов и европейских купцов, побывавших в Восточной Азии. Латинский оригинал «Книги» не сохранился, а его перевод на старофранцузский язык (вероятно, нормандский диалект) был обнаружен французским исследователем Э.Жаке (E. Jacquet) в Королевской библиотеке в составе одного из манускриптов XVI в., представлявшего собой сборник описаний путешествий, и был впервые опубликован им же в 1830 г. [La Livre, 1830, с. 57, 59; Cathay, 1866, с. 238] (см. также [Книга странствий, 2006, с. 277–278]).

По мнению самого Э.Жаке, «Книга о Великом хане» является весьма ценным источником о Китае и Монгольской империи, содержащим преимущественно фактическую информацию, а не описания многочисленных «чудес», которыми наполнены такие сочинения, как «Книга о разнообразии мира» Марко Поло, «Цветник историй земель Востока» Гайтона или «Путешествия сэра Джона Мандевиля» [La Livre, 1830, с. 58]. Не вполне разделяя точку зрения исследователя в отношении сочинений Марко Поло и Гайтона, вместе с тем согласимся, что сведения «Книги» представляют большой интерес и имеют более прикладной характер, чем упомянутые труды. По-видимому, целью автора «Книги о Великом хане» было создание не «энциклопедии Востока», а практического руководства для будущих католических миссионеров в Восточной Азии.

«Книга о Великом хане» повествует о «самом могущественном среди всех королей в мире», проводимой им политике, его богатствах,

© Р.Ю.Почекаев, 2007

владениях, обычаях его подданных, а также религиозных отношениях в державе Великого хана и роли в них католических миссионеров. Представлена также краткая информация, касающаяся отдельных улусов Монгольской империи, среди которых наше внимание привлек небольшой пассаж, содержащий сведения также о Золотой Орде: «Le grant kaan de cathay est tres puissans entre tous les roys du monde. a ly sont subget et font hommaige tous les grans seigneurs de ce pays. especialement trois grans empereurs. cest assauoir lempereur de cambalech. lempereur de boussay. et lempereur uzbech. ces trois empereres enuoient tous les ans luppars tous vifs camelz gerffauls. et tres grant plante des autres precieux ioiaus au dit kaan leur seigneur. car ilz le recognoissent leur seigneur et leur souseraign. cil troy empereur sont tres renomme et tres puissant comme il appert. car comme lempereur usborch auoit guerre et se deuoit combatre contre lempereur de boussay il amena sur le champs vij.^{c} mille et vij.^{m} hommes a cheual sans riens du monde greuer son empire. quelle done et com grant sera la puissance du grant kaan qui dessoubs lui a telz et si puissans barons subgis»[1].

Перевод этого текста выглядит следующим образом:

«Великий хан Китая (*cathay*) — самый могущественный среди всех королей в мире. Ему подчинены и приносят присягу все великие сеньоры той страны, особенно три великих императора — император Альмалыка (*lempereur de cambalech*)[2], император Буссая (*lempereur de bussay*)[3] и император Узбек (*lempereur usbech*). Эти три императора посылают ежегодно указанному хану леопардов, быстрых верблюдов, кречетов и огромное количество драгоценных камней, поскольку они признают его своим сеньором и сюзереном. Эти три императора, как оказалось, весьма знамениты и могущественны. Так, когда император Узбек (*lempereur usborch*) имел войну с императором Буссая и намеревался сражаться с ним, он вывел на поле боя семьсот семь тысяч всадников без каких-либо тяжелых последствий для своей импе-

[1] Текст приводится по [La Livre, 1830, с. 59–60] (с сохранением орфографии и пунктуации).

[2] В тексте указано «Ханбалык», но исследователи и прежде обращали внимание на эту явную ошибку и исправляли на «Альмалык», поскольку город Ханбалык (Даду) являлся резиденцией самого великого хана (см. [Cathay, 1866, с. 238; Книга странствий, 2006, с. 279]).

[3] Автор книги, как видим, принял собственное имя иранского ильхана Абу Саида (1316–1335) за название государства. Отметим, что Г.Юл [Cathay, 1866, с. 238] и вслед за ним Н.С.Горелов [Книга странствий, 2006, с. 279] не уделили внимания этой детали и представили *lempereur de boussay* в своих переводах как собственное имя правителя, что соответствует истине, но не отражает своеобразие текста «Книги».

рии. Каково же должно быть могущество великого хана, которому служат столь могущественные сеньоры?»[4].

Следует отметить, что этот фрагмент уже неоднократно привлекал внимание исследователей, однако они предпочитали рассматривать и комментировать его в рамках исследования истории Монгольской империи, а точнее — империи Юань (см., например, [Cathay, 1866, с. 238–239; Вернадский, 2000, с. 93–94; Гумилев, 1992, с. 173–174]). Как источник сведений о Золотой Орде эта информация до сих пор не исследовалась. Между тем для истории Золотой Орды она представляется весьма ценной, поскольку, несмотря на небольшой объем, позволяет пролить свет на статус Золотой Орды в отношениях с империей Юань в первой половине XIV в.

Обращает на себя внимание сообщение о подчинении великому хану «императора» Узбека, хана Золотой Орды, наряду с Абу Саидом, ильханом Ирана и «императором Альмалыка», т.е. правителем Чагатаева Улуса. Эта информация на первый взгляд совершенно противоречит имеющимся сведениям о политической ситуации в монгольских государствах в первой половине XIV в., когда от единства и могущества Монгольской империи не осталось и следа. Уже Л.Н.Гумилев отмечал явный анахронизм этого сообщения, считая, что автор «Книги», не будучи осведомленным об истинном положении дел в Центральной Азии, изложил ситуацию так, как это представлялось европейским путешественникам конца XIII в. [Гумилев, 1992, с. 173–174].

Однако в трудах путешественников и миссионеров, на которые, как полагают исследователи, опирался автор «Книги», мы не находим подобных сведений! Напротив, уже Марко Поло в конце XIII в. отмечал, что правители Улуса Угедэя и Улуса Чагатая находятся в состоянии войны с императором Китая, а правители Улуса Джучи не подчиняются никому [Книга Марко Поло, 1997, с. 353–356, 367–368, 370–371]. И в сообщениях авторов более позднего времени, писавших в самом деле по личным наблюдениям, — Джованни де Монтекорвино, Журдена де Северака, Одорико де Порденоне, Джованни Мариньоли — нет сведений о каком-либо подчинении улусов Чингизидов великому хану (см. [После Марко Поло, 1968]).

Из всего круга источников, близких по времени создания к «Книге о Великом хане», аналогичные ей сведения присутствуют лишь в «Путешествии сэра Джона Мандевиля»: его автор также сообщает, что и Золотая Орда (собственно *Tartary*), и Иран (*Persia*) являются владе-

[4] Перевод мой. Осуществлен по [La Livre, 1830, с. 59–60] (ср. [Книга странствий, 2006, с. 279–280]).

ниями (*holden*) великого хана Китая (*great Chan of Cathay*) [Mandeville, 1910, с. 81, 154]. Однако уже современники прекрасно понимали, что «Путешествие» — это произведение развлекательного характера и даже более того — своеобразный памфлет на подлинные записки путешественников в восточные страны и потому не может считаться надежным источником. Лучше всего о недостоверности «Путешествия» свидетельствует тот факт, что автор, написавший его около 1372 г., многословно говорит о могуществе императора Китая, его власти над Золотой Ордой и Ираном, хотя к этому времени власть юаньской династии в Китае уже пала, да и в Иране более 30 лет уже не правили прямые потомки Чингис-хана[5].

Означает ли сказанное, что мы должны однозначно признать недостоверными сведения «Книги о Великом хане», касающиеся Золотой Орды и ее статуса в рамках Монгольской империи? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо рассмотреть политическую обстановку, сложившуюся на территории Монгольской империи ко времени появления «Книги».

Как известно, в 1269 г. на берегу р. Талас (в Чагатаевом Улусе) состоялся курултай, на котором представители трех улусов Монгольской империи — потомки Джучи, Чагатая и Угедэя — произвели передел среднеазиатских владений и официально объявили себя независимыми от власти великого хана Хубилая (1260–1294). Видимо, именно с этого времени правители Улуса Джучи официально приняли ханский титул. Предпринятые Хубилаем попытки восстановить свою власть над отпавшими улусами успеха не имели. Лишь ильханы Ирана еще в течение какого-то времени продолжали признавать сюзеренитет великого хана: так, Рашид ад-Дин сообщает, что ильхан Абага (1265–1282) в 1270 г., а затем и его сын Аргун (1284–1291) в 1286 г. получали ярлыки от Хубилая, официально назначавшего этих правителей ханами Улуса Хулагу [Рашид ад-Дин, 1946, с. 67, 86, 116]. О том, что последующие ильханы также принимали инвеституру из рук великих ханов, сведений не имеется.

Наследник Хубилая, его внук Тэмур (Олджейту-хан, император Чэн-цзун, 1295–1307), продолжил политику своего деда по восстановлению контроля над отпавшими улусами. Первоначально ему это не удавалось: Рашид ад-Дин, повествуя о событиях начала XIV в., сообщает об активном противостоянии великому хану Угедэида Хайду (1268–1301) и Чагатаида Дувы (1282–1307) [Рашид ад-Дин, 1960,

[5] Тем не менее автор «Путешествия», по-видимому, опирался либо на сведения «Книги о Великом хане», либо на производные от нее сочинения.

с. 212]. Однако несколькими годами позже ситуация разительно изменилась, о чем свидетельствует уникальный документ — письмо иранского ильхана Олджейту (1304–1316) французскому королю Филиппу IV Красивому (1285–1314), датированное 1305 г. и обнаруженное в архивах французским исследователем Абель-Ремюза (Abel-Remusat) в начале XIX в. Ильхан сообщает: «Теперь Мы, а также Темур-каган, Тохога, Чапар, Тога и другие потомки Чингизхана, озаренные свыше, положили с помощью Неба конец взаимным обвинениям, длившимся 45 лет, объединили наши государства от восхода солнца до моря Талу и слили наши почтовые службы. Мы связали себя обещанием, что если кто-нибудь из нас подумает иначе, то все мы сообща будем защищаться против него» (цит. по [Посольство, 1996, с. 107]; см. также [Abel-Remusat, 1824, с. 394–395]). Как видим, в письме упомянуты имена правителей всех улусов — самого ильхана Олджейту, а также Тэмура («Темур-каган») — великого хана и императора из династии Юань, Токты — хана Золотой Орды («Тохога», Тохтогу, 1291–1312), Чапара — правителя Улуса Угедэя (1301–1306) и Дувы («Тога») — хана Чагатаева улуса.

Армянский князь Гайтон в сочинении «Соцветие историй земли Востока» (La flor des estoires de la terre d'Orient), составленном в начале XIV в. (т.е. примерно в то же время, что и письмо иранского монарха), также сообщает: «Еще там есть три других короля (императора) татар, обладающих большим могуществом, и все они почитают великого императора и повинуются ему. И все споры, которые возникают между ними, они передают ко двору императора на его суд. Первый из этих королей зовется Чапар, другой — Токтай и еще один — Карбанда» [Hayton, 1906, с. 214][6]. Как видим, перечислены те же правители трех улусов, что и в письме Олджейту: «Харбандэ» или «Худабандэ» — персидское имя ильхана Олджейту (см. [Шараф-наме, 1976, с. 54]).

Таким образом, к 1305 г. была предпринята попытка воссоединения Монгольской империи. По странному совпадению у власти во всех улусах в это время находились относительно миролюбивые правители[7], решившие положить конец междоусобицам и улаживать разногласия мирным путем. В этих условиях великий хан стал номинальным верховным правителем и третейским судьей, верховенство которого признавали остальные улусные владетели, в том числе золотоор-

[6] Перевод мой (ср. [Книга странствий, 2006, с. 269]).

[7] За исключением, пожалуй, Дувы, который годом позже разгромил Чапара и присоединил его улус к собственным владениям.

дынский хан Токта, а за ним — и его преемник Узбек (1313–1341). Возможно, именно эти события и нашли отражение в сообщении автора «Книги о Великом хане»: «Ему подчинены и приносят присягу все великие сеньоры той страны, особенно три великих императора — император Альмалыка, император Буссая и император Узбек».

Означало ли это, что великий хан вновь обрел тот статус, каким обладали в первой половине — середине XIII в. Угедэй (1229–1241) и Мунке (1251–1259)? Весьма сомнительно, чтобы улусные правители, объявившие себя ханами, т.е. независимыми монархами (и в первую очередь столь деятельные ханы Золотой Орды, как Токта и Узбек), вновь добровольно согласились подчиниться великому хану — да еще Тэмуру, которому было весьма далеко до своих властных и энергичных предшественников. Тем не менее имеются основания полагать, что между золотоордынскими правителями и императорами династии Юань в первой половине XIV в. существовали отношения типа «вассал–сюзерен».

Подтверждение этому мы находим в китайской династийной истории «Юань ши», составленной в 1369 г. В ней сообщается, что «во втором году девиза царствования Чжи-юань (1264 г.) Юецзибе прислал послов, просил выделить ему земли и назначить ежегодные пожалования (передать доход с этих земель), с тем чтобы оказать помощь армии и (содержанию) почтовых станций. У столицы (Пекина) изначально не имелось (во владениях Юецзибе) управляемых ею административных центров (*фу*, губернаторств). [Поэтому] в третьем году девиза царствования Чжи-юань (1265 г.) Императорский секретариат (*Чжуншу*) подал императору (Хубилаю, Ши-цзу) прошение об учреждении (во владениях Юецзибе) управлений *цзунгуаньфу* (генерал-губернаторств). (Самому Юецзибе) пожаловали основной ранг третьей степени и печать» [Кычанов, 2002, с. 32]. Эти отношения продолжались также при сыне и преемнике Узбека — хане Джанибеке (1342–1357), которому «по-прежнему были выделены и пожалованы земли округов Пинъян, Цзиньчжоу и Юнчжоу с ежегодным доходом с этих земель в пересчете на ассигнации в 2400. Средства начали выделять с пятого года девиза царствования Чжи-юань (1339) под циклическими знаками *сы-мао*» [Кычанов, 2002, с. 32][8].

[8] Следует отметить, что составители «Юань ши» допустили явную ошибку, отнеся действия Узбека к эпохе правления Хубилая. Девиз правления «Чжи-юань» использовался не только Хубилаем в 1263–1294 гг., но и его потомком Тогон-Тэмуром (Ухагату-хан, император Шуньди, годы правления 1332–1368) в 1335–1340 гг. (см. [Базарова, 2006, с. 227]). Несомненно, сообщение относится ко второму году Чжи-юань правления

Чтобы лучше понять смысл этого фрагмента, необходимо вернуться к событиям эпохи великого хана Угедэя, середине 1230-х годов, когда земли только что завоеванной империи Цзинь в Северном Китае были поделены между Чингизидами. Согласно «Юань ши», в 1236 г. Бату, правитель Улуса Джучи, получил владение Пинъян(фу). Еще в первой половине 1250-х годов он имел право на получение доходов с этой области [Бичурин, 2005, с. 182, 211; Кычанов, 2002, с. 40–41; Юань ши, 2004, с. 488] (см. также [Почекаев, 2006а, с. 78–79, 262–263]).

О судьбе данного владения в течение последующих нескольких десятилетий нет никаких сведений, но мы вправе предположить, что оно было конфисковано великим ханом Хубилаем в начале 1260-х годов, когда золотоордынский правитель Берке (1257/58–1266) фактически перестал признавать власть великого хана и открыто начал войну с его братом — Хулагу, ильханом Ирана (1256–1265). По крайней мере с владениями Джучидов в Средней Азии нечто подобное произошло: по сообщению персидского историка начала XIV в. Вассафа-хазрета, «около этого времени каан отправил посла, который произвел новую перепись (*шумаре*) Бухары. Из общего числа 16 000 (человек), которые были сосчитаны в самой Бухаре, 5000 (человек) принадлежало (к улусу) Бату, 3000 — Кутуй-беги, матери Хулагу-хана, остальные же назывались „улуг кул", т.е. „великий центр", которым каждый из сыновей Чингиз-хана, утвердившись на престоле ханском, мог распоряжаться, как (своею) собственностью. Эти пять тысяч, принадлежавшие Бату, вывели в степь и на языке белых клинков, глашатаев красной смерти, прочли им смертный приговор. Не были пощажены ни имущество, ни жены, ни дети их» [СМИЗО, 1941, с. 81–82] (см. также [Бухарский вакф, 1979, с. 15]). Маловероятно, что Хубилай, распорядившийся уничтожить власть Берке в регионах Средней Азии, сохранил за ним области в самом Китае.

Однако после того как Токта вместе с другими улусными правителями согласился признать первенство великого хана, несомненно, был поднят вопрос о возврате этих утраченных областей прежним владельцам. И как видно из вышеприведенного отрывка «Юань ши», Узбек не только получил область Пинъян, которой некогда владел его предок Бату, но и «приращение» к ней в виде Цзиньчжоу и Юнчжоу.

Шуньди, т.е. 1336 г., когда на троне Золотой Орды действительно находился Узбек. Однако поскольку составители «Юань ши» представили последнего как брата Бату [Кычанов, 2002, с. 150], то вполне логично, что они отнесли его царствование к эпохе Хубилая. В сообщении, касающемся Джанибека, имеется в виду уже хронологически верный девиз Чжи-юань правления Тогон-Тэмура.

Джанибек, по-видимому сохранявший дружеские отношения с империей Юань, унаследовал от отца и владения в Китае. Получаемые с них доходы шли на поддержание системы ямской связи на территории империи — не случайно и в письме ильхана Олджейту к Филиппу Красивому, и в «Юань ши» подчеркивается внимание правителей к организации почтовых служб. Другая не менее важная статья расходов — поддержание боеспособной армии для защиты общих имперских интересов, для противостояния внешним врагам и подавления внутренних междоусобиц, что также нашло отражение в обоих документах.

Есть все основания полагать, что в отношении своих китайских владений ханы Золотой Орды являлись вассалами императоров Юань и в качестве таковых были включены в имперскую иерархию как обладатели «основного ранга третьей степени», согласно «Юань ши». По словам Муин ад-Дина Натанзи, такие отношения начали складываться в Монгольской империи еще при Чингис-хане: «Когда в старину Чингис-хан производил раздел между четырьмя сыновьями, он каждому сыну назначил собственность (*мульк*) во владениях (*мамлакат*) другого сына, чтобы из-за этого между ними постоянно ездили послы...» [СМИЗО, 1941, с. 155, примеч.] (см. также [Петров, 2003, с. 106]). Арабский автор XIV в. ал-Муфаддаль упоминает о том, что доходы с города Судак в Крыму (т.е. во владениях Джучидов) «делились между четырьмя татарскими царями» [СМИЗО, 1884, с. 195]; Джузджани сообщает: «В каждой иранской области, подпавшей под власть монголов, ему (Бату) принадлежала определенная часть ее, и над тем округом, который составлял его удел, были поставлены его управители» [СМИЗО, 1941, с. 155]; согласно Муин ад-Дину Натанзи, «в Хорезме, который является владением Джучи, он (Чингис-хан. — *РП.*) дал Чагатаю Кят и Хиву» [СМИЗО, 1941, с. 155].

Информация, приводимая Муин ад-Дином Натанзи, отражает политику монгольских государей эпохи расцвета империи (время правления Угедэя и в особенности Мунке), хотя историк и приписывает ее самому Чингис-хану. Отношения «взаимного сюзеренитета–вассалитета» должны были обеспечивать единство империи и возможность великому хану контролировать все улусы через своих чиновников (ср. [Федоров-Давыдов, 1973, с. 31–34]).

Подобная практика была отнюдь не редкой в различных странах и регионах в средние века. Так, например, король Англии в XII–XIV вв. являлся вассалом французского короля в отношении герцогств Анжу и Гиень, находившихся на территории Франции (см., например, [Bemont, 1886]). Другой пример (более близкий к нашей теме) — признание

князьями Литвы, а затем и королями Речи Посполитой зависимости от крымских ханов в отношении земель Юго-Западной Руси, на которые литовские и польские правители получали ханские ярлыки (см. подробнее [Почекаев, 2006б]).

И империя Юань, и Золотая Орда от подобных отношений выигрывали. С одной стороны, великие ханы имели юридические основания считать золотоордынских правителей своими вассалами, поддерживая собственный статус номинального главы Монгольской империи. С другой стороны, подобный вассалитет был совершенно не обременителен для джучидских ханов, поскольку они получали с китайских областей определенные финансовые поступления, при этом не лишаясь ни малой толики своей самостоятельности.

Последнее вытекает и из содержания «Книги о Великом хане»: «Так, когда император Узбек имел войну с императором Буссая и намеревался сражаться с ним, он вывел на поле боя семьсот семь тысяч всадников без каких-либо тяжелых последствий для своей империи». Несомненно, речь идет о военном конфликте Золотой Орды с Ираном в правление Узбека, имевшем место в 1318/19 г., когда многочисленные войска Узбека вторглись в Арран и были разбиты немногочисленным отрядом совсем юного ильхана Абу Саида [СМИЗО, 1941, с. 86–89, 92] (см. также [Cathay, 1866, с. 238–239]). Сомнительно, что сообщение могло касаться второго похода Узбека на Иран, состоявшегося в 1335 г., поскольку папа Иоанн XXII, по приказу которого была написана «Книга о великом хане», скончался в 1334 г.

Согласно монгольскому (и даже более древнему тюркскому) праву, верховный правитель, хан, обладал правом объявления войны и заключения мира (см., например, [Кляшторный, Султанов, 2004, с. 198]). Поэтому сам факт ведения войны Узбеком (номинальным подданным великого хана) с Абу Саидом (другим номинальным подданным того же великого хана) красноречиво свидетельствует, что одна из важнейших функций верховного правителя не признавалась другими Чингисидами за императором династии Юань. В источниках нет ни одного сообщения о том, что великий хан предпринимал какие-то действия, чтобы урегулировать конфликт между Золотой Ордой и Ираном, или что сами правители противоборствующих стран пытались обратиться к его суду. Как видим, это сообщение фактически противоречит приведенным выше сведениям автора «Книги» о признании «тремя императорами» своего вассалитета по отношению к великому хану, но весьма объективно отражает реальные взаимоотношения Чингисидов в первой половине XIV в.

В связи с этим неизбежно возникает вопрос об источнике сведений рассматриваемого пассажа «Книги о Великом хане», столь разительно отличающегося от сведений европейских путешественников конца XIII — первой трети XIV в. Вне всякого сомнения, информатором автора «Книги» был человек, много времени проведший при дворе великого хана и знакомый с официальной информацией, исходящей от императора и высших сановников, — по-видимому, той же самой, которая легла и в основу сообщений «Юань ши» о Золотой Орде. Имеется несколько подтверждений в пользу подобного соображения.

Первое из них — выявленное еще Г.В.Вернадским соответствие информации «Книги о Великом хане» в рассматриваемом нами пассаже еще одному источнику — общей карте Монгольской империи, подготовленной Советом ученых Пекина в правление Ток-Тэмура (Дзайгату-хан, император Вэн-цзун, прав. 1328, 1329–1332). На карте обозначены владения Ду-лай Тье-мурха (Чагатаид Дува-Тимур, прав. 1328–1330), Бу сай-ина (ильхан Абу Саид) и Йюе-дсу-бу (золотоордынский хан Узбек) [Вернадский, 2000, с. 93–94].

Другим подтверждением служит сообщение из самой «Книги о Великом хане» «Эти три императора посылают ежегодно указанному хану леопардов, быстрых верблюдов, кречетов и огромное количество других драгоценностей, поскольку они признают его своим сеньором и сюзереном». Обмен богатыми подарками был вообще весьма характерен для дипломатических отношений на Востоке в средние века, особенно если это был обмен между постоянными партнерами и союзниками. Например, арабские авторы XIII–XV вв. подробно описывают, какие богатые дары отправлял египетский султан Бейбарс (1260–1277) золотоордынскому правителю Берке: «Писание священное, писанное, как говорят, (халифом) Османом, сыном Аффана, разноцветные подушки и ковры для (совершения) молитвы; венецианские материи и левантские платья; ковры из кож с навесами и из шкур; мечи калджурские с насечками; позолоченные булавы; франкские шлемы и позолоченные латы; крытые фонари; шандалы; механизмы (органы?) с футлярами, светильники двойные, с плакированными подставками; седла хорезмские; коврики для совершения намаза; уздечки — все это с инкрустациею из золота и серебра; луки с кольцами, луки для метания ядер и луки для метания нефти; копья камышовые и дротики; стрелы в ящиках; котлы из змеевика; позолоченные лампады на серебряных позолоченных цепочках; черных служителей и прислужниц-поварих; быстроногих арабских коней и нубийских верблюдиц; ходких вьюч-

ных животных; обезьян, попугаев и разные другие предметы» [СМИЗО, 1884, с. 100] (см. также [СМИЗО, с. 60–61, 152]). Как видим, перечень этих подарков даже более впечатляющий, чем приведенный в «Книге Великого хана». Тем не менее нет ни единого упоминания о том, что египетский султан являлся вассалом ордынского правителя.

Более того, сами правители Чингисиды нередко богато одаривали своих вассалов: русские летописцы сообщают о «чести», воздаваемой ордынскими ханами русским князьям (см., например, [Приселков, 2002, с. 322, 323, 325, 335]), а восточные хронисты — о подарках персидских ильханов своим вассалам в связи с вступлением последних на трон [Тарих-и Систан, 1974, с. 376–377, 378]. Естественно, вручение подобных подарков не означало, что монгольские правители признавали зависимость от собственных вассалов (ср. [Жуковская, 1988, с. 105–109])!

Конечно, золотоордынские ханы в процессе дипломатического обмена с императорами династии Юань направляли последним богатые дары — в соответствии с дипломатическим протоколом. Помимо различных экзотических животных и драгоценностей, упомянутых в «Книге», имеются сведения о том, им неоднократно преподносились в дар русские рабы. Довольно много их оказалось в Китае как раз в эпоху правления Узбека, войска которого в 1327 г. жестоко подавили восстание в Твери и угнали в плен большое количество местных жителей. Судьба упомянутой в «Юань ши» русской «гвардии» великого хана Ток-Тэмура, сформированной около 1330 г., т.е. как раз вскоре после подавления тверского восстания, неоднократно привлекала внимание историков и публицистов (см., например, [Серебренников, 1938; Хара-Даван, 1996, с. 256, 274; Вернадский, 2000, с. 94; Вершинский, 1994; Вершинский, 2000]).

Возможно, следует принимать во внимание традиционную для Поднебесной идеологию, в соответствии с которой китайские императоры еще в XVIII–XIX вв. воспринимали подарки, преподносимые им представителями иностранных монархов, как дань. Вполне вероятно, что автор «Книги» и в сообщении о дарах отразил официальную имперскую идеологию, а не фактическое положение дел в Монгольской империи, наблюдаемое европейскими путешественниками.

Таким образом, информация автора «Книги о Великом хане» о подчинении хана Золотой Орды императору династии Юань представляется вполне объективной, хотя и с существенной оговоркой: вассали-

тет распространялся исключительно на владения ордынского монарха в Китае. По-видимому, учет подобных деталей не входил в задачу компилятора — автора «Книги», что и нашло отражение в лаконичности исследуемого пассажа, а также и в противоречивости используемой титулатуры улусных монгольских правителей: они именуются «императорами» (а этот титул в средние века и позднее традиционно означал, что над монархом нет более высокого правителя), и в то же время великий хан называется их «сеньором» и «сюзереном». На наш взгляд, это противоречие является отражением несоответствия между информацией, которую автор «Книги» получил от знатока официальной имперской идеологии юаньского Китая, и сведениями о политической ситуации в Азии, известными автору по запискам путешественников и дипломатов, составленным на основе их личных наблюдений.

Базарова, 2006 — *Базарова Б.З.* Монгольские летописи — памятники культуры. М., 2006.

Бичурин, 2005 — *Бичурин Н.* (*о. Иакинф*). История первых четырех ханов из дома Чингисова // История монголов. М., 2005.

Бухарский вакф, 1979 — Бухарский вакф XIII в. / Издание текста, пер. с арабского и персидского, введ. и коммент. А.К.Арендса, А.Б.Халидова и О.Д.Чехович. М., 1979.

Вернадский, 2000 — *Вернадский Г.В.* История России: Монголы и Русь. Тверь; Москва, 2000.

Вершинский, 1994 — *Вершинский А.* Стража императора Китая // Техника — молодежи. 1994. № 4.

Вершинский, 2000 — *Вершинский А.* Лейб-гвардия Поднебесной // Алфавит. 2000. № 4.

Гумилев, 1992 — *Гумилев Л.Н.* В поисках вымышленного царства. М., 1992.

Жуковская, 1988 — *Жуковская Н.Л.* Категории и символика традиционной культуры монголов. М., 1988.

Кляшторный, Султанов, 2004 — *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. СПб., 2004.

Книга Марко Поло, 1997 — Книга Марко Поло // Путешествия в восточные страны. М., 1997.

Книга странствий, 2006 — Книга странствий / Пер. с лат. и ст.-фр., сост., статьи и коммент. Н.Горелова. СПб., 2006.

Кычанов, 2002 — *Кычанов Е.И.* Сведения из «Истории династии Юань» («Юань ши») о Золотой Орде // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. Казань, 2002.

Петров, 2003 — *Петров П.Н.* Очерки по нумизматике монгольских государств XIII–XIV веков. Н. Новгород, 2003.

После Марко Поло, 1968 — После Марко Поло. Путешествия западных чужеземцев в страны трех Индий / Пер., введ. и коммент. Я.М.Света. М., 1968.

Посольство, 1996 — Монгольское посольство во Францию и Англию // Мир Льва Гумилева. «Арабески истории». Каспийский транзит. Т. 1. М., 1996.

Почекаев, 2006а — *Почекаев Р.Ю.* Батый. Хан, который не был ханом. М., 2006.

Почекаев, 2006б — *Почекаев Р.Ю.* Русские земли в татарско-литовских отношениях и Москва (по данным ханских ярлыков конца XIV — начала XVI в.) // Труды кафедры России с древнейших времен до XX в. Т. 1. Материалы международной научной конференции «Иван III и проблемы российской государственности: К 500-летию со дня смерти Ивана III (1505–2005)». СПб., 2006.

Приселков, 2002 — *Приселков М.Д.* Троицкая летопись. СПб., 2002.

Рашид ад-Дин, 1946 — *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. III / Пер. с перс. А.К.Арендса. Ред. А.А.Ромаскевича, Е.Э.Бертельса, А.Ю.Якубовского. М.; Л., 1946.

Рашид ад-Дин, 1960 — *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. II / Пер. с перс. Ю.П.Верховского, примеч. Ю.П.Верховского и Б.И.Панкратова, ред. И.П.Петрушевского. М.; Л., 1960.

Серебренников, 1938 — *Серебренников И.И.* Русские в гвардии китайских императоров // Новая заря (Харбин). 06.08.1938.

СМИЗО, 1884 — *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I: Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884.

СМИЗО, 1941 — Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II: Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г.Тизенгаузеном и обработанные А.А.Ромаскевичем и С.Л.Волиным. М.; Л., 1941.

Тарих-и Систан, 1974 — Тарих-и Систан («История Систана») / Пер., введ. и коммент. Л.П.Смирновой. М., 1974.

Федоров-Давыдов, 1973 — *Федоров-Давыдов Г.А.* Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.

Хара-Даван, 1996 — *Хара-Даван Э.* Чингис-хан как полководец и его наследие // На стыке континентов и цивилизаций: Из опыта образования и распада империй X–XVI вв. М., 1996.

Шараф-наме, 1976 — *Шараф-хан ибн Шамсаддин Бидлиси.* Шараф-наме. Т. II / Пер., предисл., примеч. и прилож. Е.И.Васильевой. М., 1976.

Юань ши, 2004 — Юань ши ([Официальная] хроника [династии] Юань) // *Храпачевский Р.П.* Военная держава Чингисхана. М., 2004.

Abel-Remusat, 1824 — *Abel-Remusat.* Mémoires sur les relations politiques des Princes chrétiens, particulièrement des rois de France avec les empereurs Mongols. Second mémoire. Relations diplomatiques des Princes chrétiens avec les Rois de Perse de la race de Tchinggis, depuis Houlagou jusqu'au regne d'Abousaid // Histoire et memoires d'Institut Royal de France, Académie des inscriptions et belles lettres. T. VII. P., 1824.

Bemont, 1886 — *Bemont C.* De la condamnation de Jean Sans-Terre par la Cour de Pairs de France en 1202 // Revue historique. T. XXXII. P., 1886.

Cathay, 1866 — Cathay and the Way Thither; Being a Collection of Medieval Notices on China, translated and edited by Colonel Henry Yule. Vol. 1. L., 1866.

Hayton, 1906 — *Hayton.* La flor des estoires de la terre d'Orient // Recueil des historiens des croisades. Documents arméniens. T. 2. P., 1906.

La Livre, 1830 — La Livre du Grant Caan, extraite du manuscrit de la Bibliothéque du Roi, par M. Jacquet // Journal asiatique. T. VI. 1830.

Mandeville, 1910 — The Travels of Sir John Mandeville // The Catholic Encyclopedia. Vol. IX. N. Y., 1910.

Д.В.РУХЛЯДЕВ
(Санкт-Петербург)

О жанре енисейских рунических памятников

Памятники древнетюркской рунической письменности бассейна Енисея уже давно привлекали внимание исследователей. Наибольший интерес вызывают в силу лучшей сохранности и относительно больших объемов текста енисейские рунические эпитафии, которые представляют собой довольно обособленную в жанровом и палеографическом отношениях группу памятников. Одним из наиболее важных, но сравнительно мало исследованных вопросов, связанных с этими памятниками, является вопрос о происхождении их жанровой структуры. Каким образом складывалась и развивалась эта структура? Какими функциями она была обусловлена? Общий смысл замечаний, сделанных по этому поводу в научной литературе, можно кратко суммировать следующим образом.

Во-первых, согласно мнению большинства тюркологов, енисейские рунические эпитафии имеют лирический характер. Лирическая составляющая данных текстов резко отличает их от повествовательных памятников орхонской группы. Во-вторых, художественная структура надписей имеет любопытные фольклорные аналоги. В частности, можно обнаружить некоторые черты сходства в енисейских эпитафиях и обрядовых жанрах тюркского фольклора (также в основном лирических). Наиболее четко эти черты сходства прослеживаются при сравнении енисейских надписей с образцами поминального плача, или причитания. В связи с этим было выдвинуто предположение, что енисейские надписи создавались по модели обрядовых плачей или даже являлись письменно зафиксированными обрядовыми плачами древнетюркского времени [Антология, 1957, с. 8; Ауэзов, 1961, с. 58–59; Бернштам, 1945, с. 73; Богданова, 1947, с. 12; Донгак, 2005, с. 1–3;

© Д.В.Рухлядев, 2007

Жирмунский, 1974, с. 676; Кляшторный, 1976, с. 265; Кыдырбаева, 1980, с. 85–89; Кызласов, 1998, с. 82; Малов, 1952, с. 8; Мелетинский, 1963, с. 372; Садыков, 1992, с. 22–25; Стеблева, 1965, с. 61–63; Суразаков, 1985, с. 86–87; Сыдыков, 2003, с. 1–5; Унгвицкая, 1971, с. 68–71; Bazin, 1990, с. 145; Zamrazilova-Jakmyr, 1999, с. 316].

В данной статье мы попытаемся обосновать свою точку зрения на происхождение жанра енисейских рунических памятников и объяснить его взаимосвязь с традициями обрядового, прежде всего плачевого, фольклора тюрков.

* * *

Для начала необходимо выяснить, что представляют собой тюркские обрядовые плачи. Согласно наблюдениям этнографов, их структура в значительной степени является результатом импровизации, но при этом, как правило, включает в себя два обязательных компонента: 1) перечисление достоинств и богатств умершего и 2) выражение скорби родственников по поводу его смерти [Winner, 1958, с. 44]. Вот как выглядит, например, плач (*джоктау*) вдовы умершего казахского султана Исмаил-хана (конец XIX в., Чимкентский уезд Сыр-Дарьинской обл.): «Еще смолоду [он] стал славен. Когда приходил неприятель счетом в тысячу, он не уступал своих товарищей… Он был ханом, подобным Кагарману. Родился он умным от знатного [рода]… Обладал он аргамаками и тулпарами, забавлялся белыми соколами. Когда приходил неприятель счетом в тысячу, он гнал его пред собою… Речи его были основательны… Услышав про смерть твою, все, происшедшие от человека, горевали. Послав тебе рано смерть, когда лишь достигла я тридцати лет, разлучил Он меня с моим славным… О мой народ! Разлучилась я со своим ненаглядным! Щедроты его были настолько обильны, что он все раздавал бедным и немощным… Не успел ты появиться на свет, молва дошла о тебе до Белого Царя. Смолоду ты награждался чинами… Ты завоевывал народ своим умом и за заслуги награждался чинами, а за ум твой и энергию народ избрал тебя главою… Не терпел [ты] унижения от врагов, еще смолоду покровительствовали тебе арвахи [души усопших предков]… Мой потомок бека [муж] пяти лет учился в мактабе, шести лет он соткал себе ум, а когда достиг семи, задав семьдесят духовных вопросов, заклевал он [мулл] как кулаченка. Когда он достиг восьми, стал главою сановников. Имея от роду девять лет, он блестел как полная луна. Когда достиг десяти, богатство его плескалось, как взволнованное озеро. Достигши одиннадцати лет, он превзошел умом свой народ. Достигши двенадцати лет,

он превзошел достоинства своих современников. Миновав двадцать и приблизившись к тридцати, он стал основательным бием... На кого ты бросил, уходя отсюда, народ твой и племя „Кара-айтымбет“? Вспоминай своих детей, родину и народ, которых ты покинул» [Диваев, 1898, с. 9–14].

Характерные образцы казахских причитаний (*жылау*) можно обнаружить у Н.И.Гродекова. Процитируем одно из них, которое составлено от имени жены умершего, хотя в действительности оно могло произноситься и другой женщиной, так как у казахов не все вдовы причитали — вместо них это могли делать профессиональные плакальщицы (*йшлаукер хатын*) [Гродеков, 1889, с. 258].

Вот как обращается вдова к своему умершему мужу: «От любимца моей души разлучил меня Бог. Собранное тобою имущество осталось в пыльной степи. Взятая тобою жена осталась по правую сторону... Твоя жена осталась вдовою, твой ребенок малолетком... В пятнадцать лет ты был подобен случному дромадеру, в тридцать лет ты был подобен горе Аскар; ты ринулся на полчища неверных подобно голодному волку; когда твои лета достигли ста двадцати, тогда только ты состарился, мой султан!.. За езду верхом двадцати лет ты получал халаты; ты, держа лошадей ханов и биев, помогал им слезать... В тридцать лет ты сидел в красном углу и судил народ; ты между киргизами был начальником пяти тысяч кибиток; когда падишаху было доложено, что такой-то господин на службе, тогда ты удостоился получить от него халат... О народ, со вниманием слушай: „Пусть пропадет жизнь, проводимая в горе!“... Благородный мой лев, ты лишен любезной души... При откочевке от Касаяка стоят вереницею траурные дромадеры: когда они опять пройдут мимо? Когда опять вернутся к нам многочисленные табуны, угнанные калмыками?... Если ты, мой избранник, решил уйти, то я, чтобы ни делала, должна остаться... Что я стану делать, оставленная тобою?... Умерший в бедствии муж! От кого из богатырей ты отставал? Умирая, ты превратился в черный прах! (После каждой остановки повторяются восклицания: ах! о! увы! мой светик! мой единственный! и др.)» [Гродеков, 1889, с. 202–205].

Характерные черты поминального плача присутствуют также в казахских текстах, записанных В.В.Радловым [Радлов, 1870, с. 22–29], Ч.Ч.Валихановым [Валиханов, 1961, с. 169–171] и А.А.Диваевым [Казахская народная поэзия, 1964, с. 103]. Во всех этих плачах умершего оплакивают его ближайшие родственники (в основном женщины), которые обращаются к покойному от своего лица. Образ умершего в плачах идеализирован и гиперболически возвышен; постоянно звучит

мотив приобретенного им при жизни богатства (как правило, лошадей и скота): «Отец, ты был наше счастье и достояние... Ты провел свою жизнь в довольстве и был богат, имел четыре тысячи голов скота» [История казахской литературы, 1968, с. 146]. Надо отметить, что пышные поминки с обрядовыми плачами делались у казахов только по мужчинам [Алтынсарин, 1957, с. 302]. Сходную картину мы наблюдаем и в ситуации с енисейскими памятниками: подавляющее большинство рунических надписей в бассейне Енисея установлено в память о мужчинах. Некоторые исследователи предполагали, правда, что были надписи, посвященные женщинам [Кормушин, 1997, с. 205–207], однако подобные явления были редчайшим исключением.

Показательны образцы плачей, содержащихся в киргизском героическом эпосе «Манас». Например, плач (*угузуу*) Манаса по своим дружинникам, погибшим в «Большом походе»: «Золоточубого святого Алмамбета я оставил, аяш! Я лишился крыльев своих, аяш! Я лишился хана Чубака, который был для меня щитом, аяш! Я в сторону калмаков направил рать, аяш! И несравненного Сыргака я поглотил, аяш! ... Всех моих леопардов я лишился, оставив их у каканчинов, аяш!» [Садыков, 1992, с. 15–16]. Для обозначения своих утрат Манас использует чрезвычайно распространенный в енисейских эпитафиях глагол *adyryl-* («отделяться»): *Кан Чубактан айрылдым, аяш*! Глагол *adyryl-* до сих пор бытует у саяно-алтайских народов в разговорном языке в значении «отделяться», «разлучаться», но от имени умершего он не употребляется, к похоронному ритуалу уже не относится [Потапов, 1991, с. 152]. В киргизском фольклоре, однако, это слово продолжало сохраняться в составе обрядового плача. На примере плача Манаса мы видим, что в эпосе живые иногда оплакивали умерших в выражениях близких тем, в которых они сами оплакивали себя в енисейских надписях.

У тувинцев обязательное ритуальное оплакивание умершего близкими родственниками было одним из наиболее существенных обычаев, имеющих семейно-родовой характер. Обрядовые плачи нашли свое отражение в фольклоре. Например, в сказке «Хайырт-Кара» мать оплакивает сына: «Единственного моего сына не стало, и ничего у меня не осталось. Бедное дитя мое. Имущества у него было с гору, скота как караганник... Что я теперь буду делать!» [Дьяконова, 1975, с. 53]. В тувинских плачах (*сыгытах*)[1] встречается упоминание о божестве подземного мира Эрлике, уносящем душу умершего с собой: «Если бы

[1] Ср. древнетюркский термин для обозначения плача — *syyt*.

не Эрлик-могучий (страшный), то подруга моя дорогая прожила бы счастливо», «Унес мою возлюбленную Эрлик, сильный, мясистый, жирный, я лучше уеду!» [Катанов, 1907, с. 50, 52]. Постоянными являются упоминания в плачах страны умершего, его детей, скота и имущества, которые он покинул [Дьяконова, 1975, с. 61].

В «Китаб-а дедем Коркут» (памятнике книжного эпоса тюрков-огузов, текст которого был записан в XV в.) мы находим описание ритуального плача, сходного с причитаниями над умершим, приведенными выше. Речь в нем идет о гибели богатыря Бейрека. Вот как оплакивают его кончину друзья и родственники: «Отец Бейрека поднял свою толстую чалму, бросил ее об землю, схватился за ворот, разорвал его, стал кричать и рыдать, приговаривая „Сын (мой), сын!“ Седокудрая мать Бейрека горько, горько заплакала, пролила слезы из глаз, впустила горькие ногти в свое белое лицо, стала бить себя, стала раздирать свои алые щеки, стала вырывать свои черные, как ворон, волосы; с плачем и стоном она вернулась домой[2]... Семь сестер Бейрека сняли белую, надели черную одежду, стали плакать и кричать, приговаривая: „Увы, бек мой, брат; увы, (мой) единственный брат, не достигший цели своих стремлений!“ Дошла весть до невесты Бейрека; Бану-Чечек надела черную одежду, сняла белый кафтан, стала раздирать свои алые щеки, подобные осеннему яблоку: „Увы, властитель моих алых губ! Увы, надежда моего чела, моей головы! Увы, мой царь-джигит! Увы, мой сокол-джигит! Не насмотрелась я досыта на твое лицо, хан мой, джигит! Куда ты ушел, оставив меня одинокой, душа моя, джигит, ты, кого я, открыв глаза, увидела... Увы, помощник Казан-бека! Увы, глашатай остальных огузов, Бейрек!“ Так говоря, она рыдала и плакала. Услышав это, удалой Дундаз, сын Кыян-Сельджука, снял белую одежду, надел черную; верные товарищи Бейрека сняли белую одежду, надели черную; остальные беки огузов много горевали по Бейреку, потеряли надежду» [Книга моего деда Коркута, 1962, с. 39]. Как видно из сравнения этого отрывка с цитированными выше плачами, многие характерные особенности причитаний по умершему сохранялись у тюрков неизменными на протяжении столетий.

Обращаясь к енисейским надписям, мы можем сказать, что они так же, как и обрядовые плачи, содержат в себе обязательные и импровизационные элементы. В надписях, как и в плачах, сообщается о воз-

[2] Обряд ритуального царапания лица и вырывания волос во время похорон упоминается в китайских летописных источниках и древнетюркских рунических надписях. Он сохранялся у некоторых тюркских народов вплоть до начала XX в. (например, у телеутов).

мужании героя по годам, говорится о богатстве, которым он владел при жизни, о героизме, проявленном им в сражениях, о горечи разлуки с родственниками и друзьями, от которых он «отделился» (*adyryltym*) и которыми «не насладился» (*bökmedim*)[3], о тех чинах и титулах, которые он приобрел на службе, о том, что «Эрклиг разлучил» (*Erklig adyrty*) покойного с его родственниками [Кляшторный, 1976, с. 261, 263; Потапов, 1991, с. 257–258; Gabain, 1953, с. 554; Tekin, 1997, с. 212]. Регулярно сообщается и о том, в каком возрасте скончался герой надписи; сам текст ее постоянно прерывается междометиями (*jyta!* «о горе! увы!»; *esizim!* «мне жаль!»; *ačyya!* «о горько!»).

Енисейские эпитафийные надписи довольно однообразны по своей структуре. Каждая такая надпись слагается из ряда традиционных (обязательных) элементов, которые могут по-разному располагаться относительно друг друга и иметь различный объем, но при этом остаются неизменными. Следовательно, тексты енисейских памятников отличаются в основном количественно: в меньших по объему надписях содержится меньше обязательных элементов, в бóльших — больше.

Главными составными частями енисейских эпитафий являются следующие: 1) упоминание имени и титула умершего («мое имя — Эль-Туган-тутук», «я — Кутлуг-чигши», «я — Кюлюг-Тоган», «я — Кюлюг-чор», «я — Тёр-апа ичреки»; 2) сообщение о возрасте, в котором скончался герой надписи («в мои 63 года я отделился», «в мои 40 лет я отделился», «в мои 68 лет я умер», «в мои 80 лет я отделился», «я отделился в возрасте 60 лет») и 3) стандартные формулы сожаления о разлуке с родственниками, друзьями и любимыми («супругами», «сыновьями и дочерями», «мужами-воинами»), а также племенным союзом и ханом. Эти элементы встречаются почти в каждой енисейской надписи, даже краткой. Остальные составные части имеют, так сказать, факультативный (импровизационный) характер — они отмечены только в больших по объему памятниках. Перечислим некоторые из них.

1. Это дополнительные лица в традиционном перечне родственников и соратников умершего («сородичи», «старшие братья», «младшие братья», «невестки», «наложницы», «зятья», «беги», «воины-огланы», «товарищи», «друзья»).

---

[3] Дж. Клосон читал данный глагол *evükmedim* («не остался») и полагал, что он использовался в основном по отношению к учреждению, правителю, государству, тогда как *adyryldym* практически всегда относился к человеку (жене, сыну и т.д.) [Clauson, 1972, с. 9].

2. Сведения об отце или воспитателе умершего («я сын Байнасангуна», «я сын Арслан-Кюлюг-тирига», «мой отец был *урунгу*», «я сын Баля-Тугмы», «я сын Бешгек Йегюк-бека», «в три года я остался без отца; мой брат, известный *тутук*, воспитал меня»).

3. Упоминания о чинах, занимавшихся покойным при жизни, и вообще о его «карьере» («я был послом», «я убил сорок пять воинов [врага]», «благодаря своей доблести достиг на ханской службе славного титула *тутук*», «в жестоких войнах я убил тридцать воинов [врага]», «я ходил послом к тибетскому кагану», «я был бегом народа шести уделов», «я убил тридцать мужей [врагов]», «я преданно служил моему хану и моему государству», «слухи и расспросы обо мне достигли до восхода и захода солнца»). Интересно, что в ряде случаев рассказ об успехах умершего выливается в некое подобие биографии с сильной героико-панегирической окраской. Например, в надписи из Кожээлиг-Хову (E 45) от лица умершего говорится: «В пятилетнем возрасте оставшись без отца, а к девятнадцати годам будучи без матери, я, возмужав, к тридцати годам сделался *оге*; [в] сорок лет я, как *тутук*, управлял народом; я воевал с внешними врагами и побеждал». При этом, однако, мы нигде не встречаем полноценного жизнеописания; главным сюжетообразующим стержнем надписей всегда остается смерть героя и связанные с ней переживания и воспоминания, а детали жизненного пути того или иного персонажа служат лишь дополнением к общему элегическому тону памятника. Функции надписей целиком эпитафийные, в них нет той комплексности, которая присуща, например, орхонским руническим текстам.

4. Перечисление и восхваление богатств покойного («у меня был четырехногий скот, у меня был восьминогий скот, и я жил без печали», «[мой] клейменый скот был без числа», «тысяча моего восьминогого рогатого скота», «я отделился от шести тысяч лошадей», «мои наложницы, мои верблюды, мой четвероногий скот», «я был богат; моих загонов для скота было десять; скота у меня было без числа»).

5. Характерные метафоры для обозначения изменений в статусе героя («надел золотой колчан») или его смерти («перестал ощущать солнце и луну на небе»), а также разного рода образные выражения («светлое и темное», «великие и малые», «солнце и луна на голубом небе, племенной союз и хан на бурой земле»).

6. Предостережения и наставления оставшимся в живых родственникам и подданным («мужайся!», «мой сын, служи хану! мужайся!», «мой народ, будь тверд, не оступай от законов государства!»).

На этих примерах видно, каким образом происходило увеличение объема и расширение тематики текстов надписей. Оно достигалось посредством количественного накопления («нанизывания») повествовательных элементов строго определенного круга. Вместо описания реальных жизненных ситуаций воспроизводился (более или менее развернуто) стандартный текст, построенный с помощью раз и навсегда установленных мотивов и формул. Творческая активность при этом, как правило, не проявлялась. В итоге надписи отличались друг от друга только степенью полноты представленного в их текстах традиционного «поэтического комплекта». Наиболее вероятной причиной данного различия могло быть социальное положение умершего: влиятельные лица заказывали себе пространные надписи, а рядовые кочевники ограничивались более лаконичными эпитафиями. Возможно, определенную роль играли и личные пожелания заказчика, грамотность и искусность резчика-камнереза, создававшего надпись, материальные особенности самой стелы.

Таким образом, на основании самого предварительного сравнения плачей и надписей можно сделать вывод о том, что жанр енисейских надписей слагался из обязательных и импровизационных элементов, которые обнаруживают значительное сходство с соответствующими элементами обрядовых плачей. Образы и мотивы, встречающиеся в енисейских надписях, находят довольно многочисленные аналоги в фольклоре современных тюркоязычных народов. Например, очень распространенное выражение «перестал ощущать солнце и луну на небе» (*kün aj azydym*), т.е. умер, соответствует позднейшим представлениям тюрков-шаманистов о смерти и загробном мире. В шорских сказаниях, например, по смерти богатыря умирают месяц и солнце [Традиционное мировоззрение, 1989, с. 95]. В киргизском героическом эпосе «Манас» говорится, что после смерти Манаса «солнце исчезло-умерло, луна перестала светить — умерла» [Садыков, 1992, с. 29–30]. Качинцы, перед тем как закопать гроб в землю, открывали крышку и говорили покойнику: «Посмотри на солнце!» Н.Ф.Катанов отмечал, что подобный обычай существовал и у койбалов [Катанов, 1897, с. 90]. Утрата способности видеть солнце и луну означала переход в царство мертвых; данный образ встречается в обрядовой лирике и пословицах многих тюркских народов. Например, у туркмен бытует выражение: *Ил-гүнүм болмаса, айым-гүнүм догмасын* («Если у меня нет народа, пусть не всходят для меня ни луна, ни солнце») [Словарь, 1968, с. 32]. В специальной литературе неоднократно отмечалось, что для обозначения смерти знатных лиц тюрки обычно использовали образ-

ные выражения и эвфемизмы, тогда как для указания на смерть персон более низкого ранга, врагов и преступников употреблялся общераспространенный глагол *öl-* [Потапов, 1991, с. 150–152; Hegaard, 1976, с. 89–113].

Еще раз подчеркнем, что енисейские тексты, как и обрядовые плачи, сочетали традиционность и импровизационность: в них сохранялся постоянный набор одних и тех же мотивов и формул, но варьировал порядок расположения этих мотивов и общий объем текста памятника. При желании можно увидеть в енисейских памятниках характерные особенности и панегирика (прославления военных и иных успехов усопшего), и завещания (наставления потомкам), сетования (на собственную судьбу) и даже лирической песни (изображения внутренних переживаний героя надписи). Данные особенности, однако, имеют преимущественно стилистический характер [Унгвицкая, 1971, с. 63–72; 1973, с. 77–83].

Последовательное сравнение изложенных выше материалов убеждает в том, что многие составные части традиционных обрядовых плачей тюрков-кочевников в той или иной степени представлены в енисейских надписях. Конечно, само по себе наличие подобных черт общности в разных группах памятников может означать лишь формальное, но не комплексное, не собственно жанровое сходство между ними. Тем не менее процедура формального сопоставления енисейских надписей с обрядовыми плачами все же обладает определенной верификационной ценностью, так как рассматриваемые нами памятники принадлежат к той разновидности лирического рода литературы, в которой формальные элементы превалируют над содержательными, а осознанное авторство в области формы, отличное от фольклорной импровизации, отсутствует. В данном случае, как, впрочем, и в других, формальное сходство является необходимым, но недостаточным условием для определения жанра памятника. Жанровый анализ не может исчерпываться констатацией такого сходства; он должен включать в себя комплексное исследование его причин. Попытаемся выяснить, выдерживает ли гипотеза о плачевом происхождении жанра енисейских рунических надписей комплексную проверку.

Даже не прибегая к детальному текстологическому анализу, легко заметить, что в текстах енисейских памятников и обрядовых плачей имеются существенные различия. Первым свойствен чрезвычайный лаконизм, который был вызван, помимо прочего, ограниченностью места на памятнике и необходимостью передать информацию в более сжатом виде. Здесь, так же как и в орхонском памятнике Бильге-

кагана, речь может идти скорее о своеобразной импровизации на тему плача, но не о самом плаче как таковом (правда, импровизации жанрообразующей, а не имеющей вид «цитаты»). В надписях, как правило, не оплакивается специально судьба родственников умершего, понесших утрату, тогда как в традиционном обрядовом тюркском плаче эта судьба оплакивается наряду с причитаниями по самому покойнику. В надписях и обрядовых плачах не совпадают конкретные лексические формулы, что естественно для памятников двух эпох, столь удаленных друг от друга[4].

Однако главное отличие енисейских текстов от обычных плачей, на наш взгляд, заключается не в этом, а в той чрезвычайно своеобразной форме, в которой ведется повествование в абсолютном большинстве енисейских памятников. В них умерший говорит от своего лица и сам оплакивает свою кончину и горесть расставания с родственниками. Это плачи по самому себе, своего рода самооплакивание. В обычном обрядовом плаче, как известно, речь ведется от лица плакальщика — живого человека, который причитает над умершим. В таком плаче покойный обозначается либо во втором (*ты*, *вы*), либо в третьем (*он*) лице, причем часто оба обозначения смешиваются, а от первого лица (*я*, *мы*) говорит плакальщик или плакальщики. Для енисейских памятников характерна форма, противоположная описанной. Эта форма с самого начала вызывала некоторое недоумение у исследователей, так как подобное изложение, при котором в качестве плакальщика предстает сам умерший, довольно редко встречается в мировой практике эпитафий вообще. При этом «говорит» именно умерший, а не умирающий человек, так как в надписях о смерти рассказывается как об уже свершившемся событии. Если это в каком-то смысле и завещание, то посмертное, а не предсмертное.

Теоретически можно предположить, что в данном случае мы имеем дело с продуктом трансформации структуры и стилистики какого-то устного обрядового жанра, связанного с церемонией погребения и поминовения, но не тождественного плачу (нельзя исключить также влияние других обрядовых лирических жанров). Основной характерной чертой этого жанра должна была быть речь умершего в форме 1-го лица ед. числа. Насколько нам известно, подобный жанр был за-

[4] Думается, в принципе невозможно рассматривать какую-либо одну конкретную традицию обрядовых плачей (например, казахскую или хакасскую) в качестве продукта эволюции тех плачей древнетюркского времени, которые оказали влияние на формирование жанра енисейских рунических надписей. Реминисценции стиля енисейских надписей прослеживаются в обрядовом фольклоре самых разных тюркских народов.

фиксирован только у некоторых групп саяно-алтайских тюрков, которые называли его «разговор с умершим». У алтайцев этот обряд проходил следующим образом: во время поминок (на 7-й и 49-й дни после похорон) шаман собирал родственников возле могилы умершего и вызывал душу покойного для своего рода прощальной беседы с ними. Целью этого разговора была организация проводов души в царство мертвых. Душе умершего предлагали обрядовую пищу. Родственники задавали ей различные вопросы, а она (через шамана) как бы отвечала на них. Шаман обычно подражал голосу покойного. Родственники предупреждали душу о том, чтобы она не уносила вместе с собой души других людей, просили не держать обиды на живых родственников, убеждали смириться со своим новым положением, при котором она лишилась тела. Различные пожелания собравшихся и составляли основу этого «спиритического сеанса». Все они были направлены, по сути дела, на то, чтобы каким-то образом узаконить, зафиксировать изменение статуса души, т.е. представить в виде обряда процесс перехода человека из мира живых в мир мертвых. Собравшиеся интересовались, как себя чувствует душа в новом качестве, не нуждается ли она в чем-либо (жертвах, новых обрядах и т.д.), т.е. всячески пытались проконтролировать процесс перехода души умершего в иной мир и сделать его максимально безболезненным для себя и для самого покойного. Душа умершего (от первого лица, голосом шамана) высказывала, в свою очередь, некоторые требования, связанные с проведением поминок, устройством могилы и организацией жертвоприношений, желала присутствующим здоровья, благополучия и успеха, передавала наставления семейного или нравоучительного характера. Обычно шаман демонстрировал, что душа не хочет расставаться с миром живых и не понимает сущности произошедших с ней изменений, однако тут же объяснял душе ее заблуждения и добивался от нее устного согласия навсегда покинуть земной мир [Потапов, 1991, с. 154–159].

Аналогичный обряд был зафиксирован у тувинцев (одно из первых его описаний дал Ф.Я.Кон). Шаман перед похоронами клал в огонь мясо жертвенного барана и говорил душе умершего: «Ты умер! Не плачь, не огорчайся! Вот тебе все, что тебе может быть нужно для пропитания: мясо, вино, просо, чай». Устами шамана покойник, в свою очередь, отвечал: «Что ты! Ведь я среди вас, я жив». Шаман убеждал его в обратном: «Как же ты жив! У живого бывает тень. Оглянись, ведь у тебя нет тени». После этого душа умершего смирялась со своей участью. На 7-е и 49-е сутки после погребения шаман устраивал поминки, неотъемлемыми частями которых были «вызов» души покой-

ника и «разговор» с ней. Поминки происходили обычно неподалеку от могилы. Шаман спрашивал душу, как она себя чувствует на новом месте, не обижается ли на кого. Душа через него передавала свои пожелания. Душе предлагали пищу, араку (водку), табак и др. Шаман передавал ей сожаления со стороны близких умершего и кричал: *Кыш, кыш, элег, элег!* («Рано, рано!»). Шаман спрашивал, почему человек умер («Оставив светлую землю, своих детей, свой скот, куда, зачем ты ушел?»). Тот отвечал, что его «позвал» Эрлик-хан, и добавлял: «Не жалуюсь на своих детей, на свой скот, ночуя в оврагах, ищу добычу и отделился от своих детей» [Дьяконова, 1975, с. 61]. Шаман просил душу взглянуть на собравшихся родственников, пожалеть их и сделать так, чтобы Эрлик-хан не торопился забирать их души. Обычно умерший выполнял эту просьбу и жаловался, что жить на том свете плохо, что Эрлик-хан дает мало времени на общение душ мертвых с живыми людьми. Мертвый сообщал, какие действия в будущем могут принести счастье или, наоборот, беду его родственникам, указывал, как они должны отблагодарить шамана за его услуги. После этого все прощались и желали друг другу благополучия. Если душа покойного проявляла беспокойство, не желала покидать мир людей, бесед с ней уже не устраивали, а шаман проводил обряд своеобразного экзорцизма — препровождения души умершего в установленную ей обитель. Сходные по форме обряды существовали и у хакасов, которые организовывали подобные «разговоры» и через полгода, и через год после погребения [Дьяконова, 1975, с. 59–67].

Обряд «проводов» души умершего был зафиксирован также у шорцев. Через сорок дней после смерти взрослого человека его родственники собирались за улусом, разводили огонь и бросали в него пищу. Шаман при этом говорил душе: «Отсюда в землю юзютов отправляйся!» Душа отвечала: «Непрожитый день я прошел! Мой ребенок у людей солнечного света остался. К полумесячному дню я пошел, против воли умер. Я ушел от непрошедшего дня!» [Дыренкова, 1940, с. 334]. Душа умоляла: «Меня назад уведи! Преждевременно я ушел!» В конце концов шаман перевозил душу на лодке через две реки, Канчул и Чашчул, в царство мертвых [Дыренкова, 1940, с. 335].

Вне всякого сомнения, содержание и форма словесных компонентов описанного обряда отличаются от енисейских надписей, поэтому наше теоретическое предположение в том виде, в котором оно сформулировано выше, следует отклонить.

Во-первых, для надписей не характерна форма диалога, в которой построены «поминальные разговоры». Во-вторых, умерший в енисей-

ских памятниках воспринимает смерть как должное, как свершившийся факт, он не предпринимает попыток отождествления себя с живыми. В-третьих, «лирический герой» надписей не отдает распоряжений относительно жертвоприношений, обрядов, раздела имущества, действий своих родственников после его кончины. Кроме того, он ничего не сообщает об обстоятельствах своего пребывания в царстве мертвых.

Вместе с тем нужно заметить, что существование подобного обряда подводит нас к выводу о том, что в тюркском традиционном обществе умершие не воспринимались как лица, существование которых полностью прекращалось после смерти. Напротив, они (вернее, их души или одна из нескольких душ) и после кончины сохраняли возможность общения со своими живыми соплеменниками и вербализации собственных мыслей. Как справедливо замечают авторы коллективного труда о традиционном мировоззрении тюрков Южной Сибири, «абсолютное отрицание чего бы то ни было, пожалуй, несвойственно недуальному мировоззрению» [Традиционное мировоззрение, 1989, с. 96]. Насколько известно, в тюркском фольклоре царство мертвых представлялось как полный аналог миру живых, лишь расположенный в некоем параллельном пространстве, «зазеркалье». Н.Ф.Катанов писал, что для тюрков-шаманистов «...загробная жизнь — продолжение настоящей. В загробном мире будет такая же жизнь, как и в этом, только с меньшими невзгодами» [Катанов, 1894, с. 2]. В подтверждение этой мысли исследователь приводил слова, сказанные ему бельтирами: *Ол чӓрдӓ мындагы тӓскӓр салуан нӓмӓ онары полар* («В той земле здешние вещи, имеющие обратный вид, будут иметь прямой вид») [Катанов, 1907, с. 375–376]. Л.П.Потапов отмечал, что «алтайские шаманисты рассматривали смерть как переселение умершего „из этой земли“ (*ну jӓр*) или „из солнечной земли“ (*күндү jӓр*) в „другую землю“ (*пашка jӓр* или *öл jӓр*), где нет ни солнца, ни луны... Умершие продолжали заниматься хозяйством (скотоводством, охотой, земледелием и т.д.), выкуриванием араки, ссорились между собой и т.п. Сагайцы полагали, например, что их умершие охотились в хребтах Кузнецкого Алатау. Абаканские сагайцы-охотники иногда даже слышали выстрелы умерших, продолжавших охотиться в этих местах и после смерти» [Потапов, 1991, с. 149–150]. Придавая потустороннему миру привычные земные формы, носители традиционной культуры облегчали себе контакт с ним, а «определив стратегию взаимоотношений с персонажами иного мира как систему взаимных обязательств и обменов, люди уже не чувствовали себя бесправными» [Традиционное мировоззрение,

1989, с. 108]. Следовательно, сам феномен «речей мертвых» (передаваемых посредством медиатора, например шамана) не является исключением для тюркской традиции и вполне мог допускаться в той или иной форме в древности и в средние века. Мы полагаем, что речь от лица умершего в енисейских надписях оправдывалась именно представлениями такого рода, хотя конкретная форма реализации данной речи существенно отличалась от жанровой формы «диалога с умершим» и могла, по-видимому, определяться последней лишь в небольшой степени.

Вопрос состоит в следующем: каким образом материал и стилистика обрядового плача (в сочетании со стилистикой других лирических жанров) могли приобрести столь своеобразную форму — форму повествования от лица умершего? Нам кажется неправомерным полагать, что речь здесь идет лишь о небольшом стилистическом оттенке, привнесенном в ткань обрядового плача при его перенесении на каменную стелу, как это делается в некоторых работах. Напротив, подобное изменение грамматического лица, от имени которого ведется повествование в надписи, свидетельствует об утрате одной из характерных функций обрядового плача — функции установления диалога между умершим и его родственниками, так как распадается, собственно говоря, весь обряд, в котором обязательно наличие плакальщика и усопшего (не слитых в одном лице). Действительно, с одной стороны, обрядовый текст немыслим вне обряда или какой-то другой заданной ситуации, он обусловлен ими и включен в них. Данный обряд или ситуация испытывают потребность в соответствующих текстах, они не могут без них состояться. С другой стороны, и сами тексты приобретают свое значение лишь в контексте определенной ситуации. Обрядовые тексты нуждаются в исполнителе, в актуализации; вне этого они не существуют [Свод, 1991, с. 151–152].

Текст обрядового плача или текст «поминального разговора» подразумевают наличие как минимум двух участников обряда: умершего (его души) и плакальщика или шамана, которые совершают плач по умершему либо общаются с ним. В обоих случаях мы видим сохранение классической обрядовой схемы: исполнителя (исполнителей), совершаемых ими действий и словесных компонентов этих действий. Легко заметить, что подобная схема немыслима без «актеров», немыслима без того, кто актуализирует ее драматическую и текстовую стороны. Теперь представим себе ситуацию, которая могла сложиться в подобном, пронизанном обрядностью обществе в связи с распространением в нем письменности и появлением возможности зафиксиро-

вать на каменной стеле некий текст (например, ритуальный). Логично предположить, что в такой ситуации становится невостребованным один из основных компонентов обрядового фольклора — живое, непосредственное исполнение текста участниками обряда, т.е. ритуальное действие.

Фиксация текста устраняет необходимость его живого воспроизведения (произнесения). Появление возможности письменной фиксации надгробного текста, вероятно, предполагало два возможных варианта развития событий: либо возникновение абсолютно нового письменного жанра (не связанного с обрядовым фольклором), который использовался бы исключительно в целях составления эпитафий, либо трансформацию привычного обрядового текста в соответствии с изменением его прежней функции (что в конечном счете также завершается возникновением нового жанра). Первый вариант не был в полной мере реализован, доказательством чему служит значительное сходство структуры и стилистики традиционных плачей и енисейских надписей. Причиной этого, по-видимому, стало стремление авторов памятников во что бы то ни стало сохранить известную им обрядовую парадигму: покойник–оплакивание. Вероятно, в тот период еще не сформировались условия для возникновения в древнекыргызском обществе литературы, не связанной генетически с фольклором, в нашем случае — с фольклором обрядовым, так как енисейские надписи были погребальными памятниками и наверняка сохраняли какую-то связь с традиционными поминальными действиями.

Можно предположить, что речь шла о возникновении своего рода нового обряда, порожденного установкой стелы, который имитировал структуру обычного обряда, но на деле таковым, конечно, уже не являлся. Дело в том, что невозможно было оторвать текст от функциональной стороны обряда, не изменив при этом его смысл, но также невозможно было отделить функциональную сторону обряда от его словесных компонентов без того, чтобы сама эта функция не трансформировалась. В случае же с енисейскими памятниками мы тем не менее наблюдаем попытку подобного разделения, нацеленную на своего рода консервацию единственного обрядового элемента — текста. При этом были утрачены все непосредственные участники обряда: плакальщики, шаман, вопрошающие родственники. Иными словами, исчезли все потенциальные исполнители словесных компонентов обряда, т.е. все те, кто мог актуализировать его как текст. Следовательно, тексты надписей представляли собой результат трансформации структуры обычного погребального плача в соответствии с изменив-

шимся характером и функциями прежнего обряда. Памятник (стела) стал рассматриваться как медиатор, т.е. передатчик речи того или иного персонажа, которая была зафиксирована на нем в виде надписи.

От чьего лица, однако, могла быть составлена подобная речь (надпись)? По нашему мнению, именно от лица самого умершего, т.е. того единственного субъекта, который подходил на роль исполнителя текста в рамках нового плачевого обряда, при отсутствии всех остальных его традиционных участников. Наряду с этим новым обрядом, впрочем, могли существовать и другие, вполне обычные, в ходе которых родственники покойного регулярно посещали его могилу, а также отправляли какие-то формы культовых действий (уже не связанных с исполнением плача)[5]. Иными словами, мы полагаем, что авторы эпитафий рассматривали сооружение памятника с надписью в качестве имитации схемы привычного им обряда, в которой текст надписи попрежнему рассматривался в рамках обрядового фольклора, т.е. как действительно исполнявшаяся речь одного из участников. Письменно фиксируемый текст разрушал привычную обрядовую схему с плакальщиками и передавал функции ламентации единственному оставшемуся кандидату на роль исполнителя обрядового текста — самому умершему (его душе). Речь от лица умершего не воспринималась как нечто формально недопустимое, так как, вероятно, коррелировала с репликами души в жанре «разговора с умершим». Таким образом, изменения, произошедшие в ходе трансформации жанра традиционного плача, были, вероятно, в формальном отношении не слишком радикальными — в своей основе они свелись к изменению грамматического лица, от имени которого велось повествование в надписи. Этим лицом стал единственный участник нового обряда — сам умерший. К этому были добавлены лаконизация текста и некоторые изменения его содержания и стилистики[6].

Г.А.Левинтон, рассуждая о денотативной стороне обрядового фольклора, подчеркивал, что соотношение единиц какого-либо высказыва-

[5] Данные археологии свидетельствуют о том, что стелы с эпитафиями, как правило, устанавливались в непосредственной близости от могильных курганов, т.е. были надгробными памятниками [Кызласов, 1960, с. 101; Щербак, 1970, с. 111].

[6] А. фон Габен отмечал, что древние тюрки приписывали письмо зафиксированным именам, титулам и рассказам о прошедших событиях особую магическую силу, которая якобы делала их бессмертными. Стела с надписью символизировала собой умершего, поэтому ее текст составлялся от первого лица. Лишь позднее, по мнению А. фон Габен, под влиянием песен-причитаний над покойником или стиля китайских надписей покойника стали обозначать в третьем лице и все более и более увлекались перечислением его подвигов [Gabain, 1963, с. 218].

ния с элементами контекста и есть их значение [Левинтон, 1974, с. 165]. Контекстом обрядового текста является весь обряд в целом. Таким образом, обрядовый фольклор, по Г.А.Левинтону, обозначает (описывает) только то, что протекает в обряде (как на «событийном» уровне, так и в значимом тексте). Обрядовая лексика очерчивает границы того или иного обряда, его «мир». Изменяется обряд — изменяется и его язык, и его словесное выражение (описание) [Левинтон, 1974, с. 165–166].

Перенос компонентов структуры погребального плача из сферы устного исполнения в сферу письменно зафиксированных текстов стел, изменение его словесной формы — все это свидетельствует о том, что в енисейских памятниках мы имеем дело отнюдь не с механически записанными текстами действительно исполнявшихся обрядовых плачей, а с некой новой жанровой формой, сложившейся в результате изменения структуры и функции текста плача, которая была связана, в свою очередь, с возникновением традиции установки письменного памятника. Авторы эпитафий стремились сохранить единственный известный им способ словесного оформления процедуры погребения и поминовения — обрядовый плач, но при этом были вынуждены внести в него изменения, вызванные изменением самого заупокойного обряда. Миграция текстов в жанровой системе фольклора существенно меняет их значение; даже при условии полного тождества (на вербальном уровне) двух текстов, связанных с различными обрядами, в действительности речь идет о двух разных текстах (омонимичных друг другу) [Левинтон, 1974, с. 168]. Картину, близкую описанной, мы наблюдаем при сравнении обрядовых плачей и енисейских эпитафий. При переходе из одного обряда в другой текст сохраняет лишь способность репрезентировать определенную систему отношений, которая в новом контексте реализуется по-новому или вовсе утрачивает свой первоначальный смысл.

Противники данной гипотезы могут сослаться в этой связи на случаи так называемой «цитации» текста одного обряда в рамках другого (как и вообще любого жанра в составе другого), когда текст цитаты становится знаком самого себя, а его значением становится соотнесенность с обрядом (жанром) — сферой его первоначального бытования. Такие случаи действительно имеют место, но цитирование подразумевает полное или выборочное *копирование* прежней структуры и встраивание ее в другую структуру, а этого мы не наблюдаем в енисейских надписях, где обнаруживается *изменение* структуры традиционного плача. Изменение грамматического лица, от имени которого

ведется оплакивание, совершенно четко указывает на то, что дело заключалось не в цитировании, а только в использовании некоторых компонентов структуры и стилистики прежнего текста: стало быть, в данном случае проявлялась тенденция к жанровому переходу. Стихийное цитирование (т.е. простое воспроизведение обрядового текста в отрыве от обряда, в сфере которого он первоначально бытовал) можно допустить лишь в отношении тех сравнительно немногочисленных надписей, в которых о покойном говорят «вы» и «он» (т.е сохраняется структура традиционного плача)[7]. Существование памятников, в текстах которых наблюдается смешение различных грамматических лиц в повествовании (например Е 26, Е 28, Е 30, Е 31, Е 48, Е 98), указывает, по нашему мнению, на тот факт, что процесс сложения нового жанра текстов эпитафий в кыргызском обществе шел неравномерно и переход от цитирования к качественно иной литературной форме был не всеобщим и не повсеместным. Впрочем, «цитирование» и в этом случае было лишь частичным. К числу характерных отличий тюркских традиционных плачей от енисейских надписей следует отнести предельный лаконизм последних (устные обрядовые плачи обычно значительно больше по объему) и отсутствие в них оплакивания судьбы родственников умершего, которое составляет один из важнейших компонентов традиционного плача.

В енисейских надписях содержится большое количество сведений исторического характера (как, впрочем, и в некоторых плачах): имя и титул умершего, его краткие биографические данные, географические названия, сообщения о войнах и походах, в которых принимал участие умерший, информация о его родственниках (отце, дяде, детях), имущественном положении, его должностях в социальной иерархии. Все эти сведения представляют большую ценность для историка, поскольку позволяют выяснить целый ряд вопросов относительно общественного и политического устройства, а иногда и событийной истории древних тюрков, разобраться в особенностях их религиозных верований и т.д. Специфическим атрибутом енисейских памятников являются тамги, вырезанные в их нижней части, которые позволяют установить генеалогические связи умершего и его положение внутри своего клана [Кляшторный, 1971, с. 250–253; Кормушин, 1997, с. 6–7, 14–17; Кызласов, 1960, с. 103–117]. Эти тамги также можно считать носителями ценной исторической информации. Точные даты в текстах ени-

[7] От первого лица в таких надписях говорит родственник, соратник или друг умершего. Любопытно, что практически все памятники данного типа сосредоточены на территории Хакасии.

сейских памятников, как правило, не указываются, однако некоторые из них можно датировать в соответствии с 12-летним календарным животным циклом, так как на них могут быть изображены животные, символизирующие этот цикл.

Исторические сведения в енисейских текстах не являются основным и самостоятельным предметом описания, они не подвергаются никакой обработке (хронологизации, объяснению, тематической рубрикации). Напротив, сведения такого рода обычно разрознены, слабо связаны между собой хронологически и тематически и всегда служат каким-либо иным, не историографическим собственно, целям. В большинстве случаев их задача — панегирическая (на что указывали многие исследователи); исторические факты служат лишь средством стереотипного прославления умершего. Все описания его войн, походов, дипломатических миссий, образования, имущественного благополучия и счастья в кругу родственников нацелены на то, чтобы создать контраст преуспевания человека в жизни и неизбежной утраты всего нажитого им после смерти, чрезвычайно типичный для многих форм обрядовых плачей. Не объективное повествование, не последовательное изложение исторических событий заботило автора енисейской надписи, а создание идеально-обобщенного образа умершего.

Таким образом, можно предположить, что у обрядовых плачей и енисейских эпитафий был общий содержательный источник — древние причитания по умершему. Однако сфера бытования, структура и функции этих причитаний в двух случаях различны: в первом — это устное оплакивание умершего его близкими, а во втором — оплакивание умершим самого себя в письменной форме. Очевидно, что существование постоянного текста на памятнике не укладывалось в рамки обычного плача, исполнявшегося во время похорон и поминок (и больше уже не повторявшегося), оно имело другую функцию, что привело к изменению и формальной структуры текста — перемене грамматического лица говорящего (и некоторым другим изменениям). Точно так же как на основе общего содержательного источника возникли различные жанры — исторические сказания и эпитафийные орхонские надписи (отличающиеся формой и назначением), так и на основе общего фонда формул и мотивов причитаний по умершему сложились обрядовые плачи и енисейские эпитафии, отличные по своим формам и назначению. Несомненно, плачи и енисейские эпитафии сохраняли бóльшую близость друг другу, чем, скажем, исторические сказания и Кошо-Цайдамские надписи. Это было обусловлено тем, что и плачи, и енисейские тексты оставались по сути своей фольклорными произве-

дениями, во многом омонимичными друг другу, все отличия которых были порождены введением письменности и возникновением новой традиции возведения стелы. Характер текстов изменился, но все равно остался обрядовым — иными словами, прочно привязанным к ритуалу и крайне консервативным по своей форме. Исторические же сказания (на стадии предания) и орхонские надписи являлись в известном смысле историческими произведениями, т.е. определялись не только своей литературной формой, но и действительным содержанием того исторического периода, в течение которого они были созданы, что приводило к появлению большего разнообразия в их текстах. Кроме того, обе эти группы были независимы от обрядов. Их отличия углублялись по мере того, как сказания обрабатывались мифопоэтическими мотивами, а орхонские надписи — стилистическими средствами риторики, т.е. по мере того, как первые все более фольклоризировались, а вторые приобретали определенные черты авторских произведений.

Алтынсарин, 1957 — *Алтынсарин И.* Очерк обычаев при похоронах и поминках у киргизов Оренбургского ведомства // Избранные произведения. А.-А., 1957.

Антология, 1957 — Антология киргизской поэзии. М., 1957.

Ауэзов, 1961 — *Ауэзов М.О.* Киргизская народная героическая поэма «Манас» // Киргизский героический эпос «Манас». М., 1961.

Бернштам, 1945 — *Бернштам А.Н.* Великое наследие киргизского народа // Известия Киргизского филиала Академии наук СССР. Вып. I. Фрунзе, 1945.

Богданова, 1947 — *Богданова М.И.* Киргизская литература. Очерк. М., 1947.

Валиханов, 1961 — *Валиханов Ч.Ч.* Образец причитаний // Собрание сочинений в пяти томах. Т. I. А.-А., 1961.

Гродеков, 1889 — *Гродеков Н.И.* Киргизы и каракиргизы. Т. 1. Юридический быт. Ташкент, 1889.

Диваев, 1898 — *Диваев А.А.* Киргизские причитания по покойнике, записанные и переведенные А.А.Диваевым. Казань, 1898.

Донгак, 2005 — *Донгак У.А.* Древнеенисейские эпитафии и лирическая поэзия тувинцев // http://turkolog.narod.ru. 2005.

Дыренкова, 1940 — *Дыренкова Н.П.* Шорский фольклор. М.; Л., 1940.

Дьяконова, 1975 — *Дьяконова В.П.* Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л., 1975.

Жирмунский, 1974 — *Жирмунский В.М.* Тюркский героический эпос. Л., 1974.

История казахской литературы, 1968 — История казахской литературы. Т. 1. Казахский фольклор. А.-А., 1968.

Казахская народная поэзия, 1964 — Казахская народная поэзия (из образцов, собранных и записанных А.А.Диваевым). А.-А., 1964.

Катанов, 1894 — *Катанов Н.Ф.* О погребальных обрядах у тюркских племен Центральной и Восточной Азии. Казань, 1894.

Катанов, 1897 — *Катанов Н.Ф.* Отчет о поездке, совершенной с 15 мая по 1 сентября 1896 года в Минусинский округ Енисейской губернии // Ученые записки Казанского университета, 1897. Казань, 1897. Отд. оттиск.

Катанов, 1907 — *Катанов Н.Ф.* Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В.В.Радловым. Т. IX. Образцы народной литературы урянхайцев, абаканских татар и карагасов. СПб., 1907.

Кляшторный, 1971 — *Кляшторный С.Г.* Руническая надпись из Восточной Гоби // Studia Turcica XVII (Bibliotheca Orientalis Hungarica). Budapest, 1971 (ed. by L.Ligeti).

Кляшторный, 1976 — *Кляшторный С.Г.* Стелы Золотого озера (к датировке енисейских рунических памятников) // Turcologica. К семидесятилетию академика А.Н.Кононова. Л., 1976.

Книга моего деда Коркута, 1962 — Книга моего деда Коркута. Огузский героический эпос (пер. В.В.Бартольда). М.; Л., 1962.

Кормушин, 1997 — *Кормушин И.В.* Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования. М., 1997.

Кыдырбаева, 1980 — *Кыдырбаева Р.З.* Генезис эпоса «Манас». Фрунзе, 1980.

Кызласов, 1998 — *Кызласов И.Л.* Материалы к ранней истории тюрков. III. Древнейшие свидетельства о письменности // Российская археология. 1998. № 2.

Кызласов, 1960 — *Кызласов Л.Р.* Новая датировка памятников енисейской письменности // Советская археология. 1960. № 3.

Левинтон, 1974 — *Левинтон Г.А.* К вопросу о функциях словесных компонентов обряда // Фольклор и этнография. Обряд и обрядовый фольклор. Л., 1974.

Малов, 1952 — *Малов С.Е.* Енисейская письменность тюрков. М.; Л., 1952.

Мелетинский, 1963 — *Мелетинский Е.М.* Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники. М., 1963.

Потапов, 1991 — *Потапов Л.П.* Алтайский шаманизм. Л., 1991.

Радлов, 1870 — *Радлов В.В.* Образцы народной литературы племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. Ч. III. Киргизское наречие. СПб., 1870.

Садыков, 1992 — *Садыков Б.Д.* Функции фольклорных жанров в художественном составе эпоса «Манас» (кошок, керээз, арман, алкыш, каргыш). Бишкек, 1992.

Свод, 1991 — Свод этнографических понятий и терминов. Народные знания. Фольклор. Народное искусство. Вып. 4 (ред. Б.Н.Путилов, Г.Штробах). М., 1991.

Словарь, 1968 — Туркменско-русский словарь (под общей ред. Н.А.Баскакова, Б.А.Каррыева, М.Я.Хамзаева). М., 1968.

Стеблева, 1965 — *Стеблева И.В.* Поэзия тюрков VI–VIII вв. М., 1965.

Суразаков, 1985 — *Суразаков С.С.* Алтайский героический эпос. М., 1985.

Сыдыков, 2003 — *Сыдыков Ж.К.* Древнетюркские рунические памятники и кыргызский язык // http://turkolog.narod.ru. 2003.

Традиционное мировоззрение, 1989 — Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Человек. Общество / Э.Л.Львова, И.В.Октябрьская, А.М.Сагалаев, М.С.Усманова. Новосибирск, 1989.

Унгвицкая, 1971 — *Унгвицкая М.А.* Памятники письменности и песенный фольклор хакасов // Советская тюркология. 1971. № 5.

Унгвицкая, 1973 — *Унгвицкая М.А.* Хакасские героические сказания — «семейные хроники» и памятники енисейской письменности // Советская тюркология. 1973. № 2.

Щербак, 1970 — *Щербак А.М.* Енисейские рунические надписи. К истории открытия и изучения // ТС 1970. М., 1970.

Bazin, 1990 — *Bazin L.* L'inscription kirghize de Sūji (essai d'une nouvelle lecture) // Documents et archives provenant de l'Asie Centrale (ed. A.Haneda). Kyoto, 1990.

Clauson, 1972 — *Clauson G.* An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxf., 1972.

Gabain, 1953 — *Gabain A., von.* Inhalt und magische Bedeutung der alttürkischen Inschriften // Anthropos. 1953. Bd. 48.

Hegaard, 1976 — *Hegaard S.E.* Some Expressions Pertaining to Death in the Kök-Turkic Inscriptions // Ural-altaische Jahrbücher. 1976. Bd. 48.

Tekin, 1997 — *Tekin T.* The First *Altınköl* Inscription // Turkic Languages / Ed. by Lars Johanson. Vol. 1, № 2. Wiesbaden, 1997.

Winner, 1958 — *Winner T.G.* The Oral Art and Literature of the Kazakhs of Russian Central Asia. Durham, 1958.

Zamrazilova-Jakmyr, 1999 — *Zamrazilova-Jakmyr J.* Script, Language and Narration in Old Turkic Texts // Writing in the Altaic World (Studia Orientalia 87). Helsinki, 1999.

А.А.ТОРТИКА
(Харьков)

Социально-политическая и военная структура населения Северо-Западной Хазарии (конец VIII — начало X в.): историческая реконструкция

Прежде чем непосредственно обратиться к реконструкции социально-политической и военной структуры населения Северо-Западной Хазарии, следует отметить, что эта проблема имеет уже достаточно длительную историю изучения. Не предполагая создания исчерпывающего историографического обзора, здесь необходимо назвать хотя бы основные работы, имеющие отношение к поставленной задаче. К их числу относятся: во-первых, обобщающие монографии, в которых дана ретроспектива всей хазарской истории и, хотя бы обзорно, обозначено место Подонья–Придонечья в этом государстве; во-вторых, естественно, требуют внимания взгляды авторов, писавших специально о лесостепном варианте салтовской культуры и его населении.

К перечню обобщающих работ необходимо отнести статьи и монографии М.И.Артамонова [Артамонов, 1936; Артамонов, 1940; Артамонов, 1962], И.И.Ляпушкина [Ляпушкин, 1958, и т.д.], Д.Т. Березовца [Березовец, 1962; Березовець, 1965], С.А.Плетневой [Плетнева, 1967; Плетнева, 1999, и др.], А.П.Новосельцева [Новосельцев, 1990]. В определенной степени помогает раскрытию темы и книга А.В.Гадло [Гадло, 1979], посвященная этнокультурному развитию другого, не менее важного для Хазарии региона — Северного Кавказа.

Собственно Северо-Западной Хазарии посвящены в основном археологические работы Д.Т.Березовца [Березовец, 1962; Березовець, 1965], С.А.Плетневой [Плетнева, 1967; Плетнева, 1989; Плетнева, 1999, с. 24–

© А.А.Тортика, 2007

64], В.К.Михеева [Михеев, 1985; Михеев, 1986; Михеев, 1991], Г.Е.Афанасьева [Афанасьев, 1987; Афанасьев, 1993], К.И.Красильникова [Красильников, 2001] и др.[1]. Иной характер имеют только монографии О.Б.Бубенка [Бубенок, 1997; Бубенок, 2004], в которых излагаются результаты комплексного историко-археологического изучения аланоясского населения восточноевропейской степи и лесостепи.

Как отмечают ведущие исследователи хазарской проблематики, в середине (40–60-е годы) VIII в., видимо вскоре после окончания самой крупной арабо-хазарской войны (737 г.), часть алан покинула предгорья Северного Кавказа и переселилась в лесостепное Подонье, освоив там бассейны таких рек, как Северский Донец, Оскол и Тихая Сосна [Афанасьев, 1983, с. 89–101; Плетнева, 1999, с. 24–25; Михеев, 1986б, с. 398–400]. К настоящему времени там известно более 300 памятников[2] салтово-маяцкой культуры [Афанасьев, 1993, с. 151], а общая площадь освоенного в хазарское время региона составляет около 100 000 кв. км [Плетнева, 1989, с. 7].

За время, прошедшее с момента открытия салтово-маяцкой культуры (далее — СМК), ее исследователи выдвигали самые разнообразные гипотезы, объясняющие причины такого массового переселения алан (бегство от арабов, чуму, вытеснение болгарами и т.д.) [Плетнева, 1967, с. 91; Михеев, 1985, с. 97; Афанасьев, 1975, с. 61; Афанасьев, 1993, с. 151; Кузнецов, 1964, с. 38; Плетнева, 1999, с. 24–25; Ромашев, 1992, с. 13]. Тем не менее в настоящее время наиболее убедительной представляется гипотеза, выдвинутая А.В.Гадло [Гадло, 1979] и В.К. Михеевым [Михеев, 1985, с. 97; Михеев, 1991, с. 46; Михеев, 2004, с. 89]. Эти авторы вполне обоснованно считали, что в период расцвета Хазарского каганата, успешного подчинения и освоения хазарами территории юга Восточной Европы никакие переселения не могли происходить без санкции центрального хазарского правительства. Согласно этой гипотезе, аланы (какая-то их часть) были переселены на северо-западное пограничье каганата целенаправленно, как пограничный воинский контингент, обеспечивавший покорность и данничество восточнославянских племен.

То, что аланы этого региона не упоминаются в письменных источниках, объясняется тем, что, во-первых, он находился за пределами

[1] Для более полного представления о послевоенном уровне развития салтовской тематики необходимо упомянуть и «Древности Северского Донца» Б.А.Шрамко [Шрамко, 1962].

[2] По данным В.К.Михеева, в целом в Подонье–Приазовье в настоящее время обнаружено около 80 могильников, более трети из них находятся в бассейне верхнего течения Северского Донца [Михеев, 2004, с. 75, рис. 1].

территорий, известных раннесредневековым авторам; во-вторых, скорее всего, аланы здесь получили другой этноним.

Поэтому и имя алан региона Подонья–Придонечья действительно не было известно этим авторам. Причина этого, по всей видимости, кроется в следующих двух факторах.

Указанный регион находился в глубине Восточной Европы, вне зоны досягаемости представителей цивилизованного мира, прежде всего восточных купцов — арабов, персов, евреев, служивших основными информаторами авторов географических описаний. Кроме того, военно-политическая активность лесостепного салтовского населения была направлена в глубь Восточной Европы, на север и северо-запад, в сторону в основном славянских племен. Это также не способствовало известности донецко-донского населения в тех регионах, где создавались раннесредневековые письменные источники.

По всей видимости, жители Северо-Западной Хазарии назывались так же, как и все остальные подданные каганата, хазарами. Вероятно, так воспринимали их и построившие Саркел-на-Дону византийцы. Даже если предположить, что участникам миссии Петроны Каматира были известны племенные названия обитателей Подонья, понятно, что они не видели их особой роли в причерноморской геополитике и потому игнорировали[3]. По этой же причине автор ПВЛ в рассказе о хазарской дани, которую платили те или иные левобережные славянские племена, оперирует лишь общим термином — «хазары». После распада Хазарского каганата иранская часть носителей СМК (сохранившаяся в Среднем и Нижнем Придонечье по крайней мере в XII в.) упоминается в древнерусской летописи под своим собственным именем — яссы. В хазарское время это название (асы, асии) упоминается в письменных источниках, в частности Кембриджским Анонимом, но не может быть четко локализовано в силу лапидарности его данных. В связи с этим дальнейшие поиски имени носите-

[3] Как указывает М.В.Бибиков, «весь обширный в локализуемом пространстве, пестрый в реальном этническом содержании мир, окружающий Ромейскую империю, имеет единственный релевантный признак — это „варварский мир", который принципиально везде остается одним и тем же, потому что в нем живут варвары. Другие признаки — точность этнических дефиниций, исторические судьбы миграций, специфические черты быта и строя — второстепенны и подчинены императиву общего представления о варварском мире» [Бибиков, 1999, с. 93–94]. И далее: «Этот мир чужд, его логика непонятна, и потому феномены его могут быть в источнике лишь предметом этнографических зарисовок, а не анализа» [Бибиков, 1999, с. 96]. В данном случае в качестве таких собирательных «варваров», включающих в себя ряд иных этносов, в том числе и алано-болгар Подонья–Придонечья, выступают именно хазары.

лей лесостепного варианта СМК в VIII–X вв. представляются бесперспективными.

В основу салтово-маяцкой культуры легла сармато-аланская культура [Готье, 1927, с. 84; 1930, с. 86; Плетнева, 1967, с. 184–186; Спицин, 1909, с. 70–73], или, скорее, по мнению Г.Е.Афанасьева, она может рассматриваться как один из хронологических этапов аланской культуры[4] [Афанасьев, 1993, с. 151]. В этом вопросе между исследователями наблюдаются некоторые разночтения в понимании этнической сущности СМК и ее генезиса [Мерперт, 1951, с. 14–30]. Наиболее точной представляется формулировка С.А.Плетневой, которая еще в 1967 г. отметила, что наибольшую роль в формировании СМК сыграла культура северокавказских аланов, принесших с собой на новые места уже сложившийся земледельческо-скотоводческий уклад жизни и ремесла. Протоболгары, проживавшие в VIII в. в Подонье и Приазовье, вступили в непосредственный контакт с аланами, быстро заимствовали и осваивали их культуру. Однако, поскольку численность болгар была больше, чем численность алан, именно они стали в конце концов основными носителями этой культуры в других местах ее распространения (Средний Донец, Нижний Дон, Приазовье, Крым и т.д.) [Плетнева, 1967, с. 185; Плетнева, 1999, с. 24; Плетнева, 2005, с. 20].

А.П.Новосельцев утверждал, что Подонье, населенное аланами-ясами и болгарами, непосредственно входило в состав Хазарского каганата [Новосельцев, 1990, с. 105]. Он считал возможным отождествлять «климаты» Хазарии Константина Багрянородного с местами обитания народов, населявших север Хазарии в соответствии со списком, приведенным в письме хазарского царя Иосифа Хасдаи ибн Шафруту [Коковцов, 1932, с. 98–99]. По мнению А.П.Новосельцева, в сочинении Константина Багрянородного речь шла о восточноевропейских владениях каганата [Константин Багрянородный, 1991, с. 53], которые являлись главным источником дани для хазар. К числу названных «климатов» исследователь относил и Подонье, район которого считал особенно важным для хазар. Крепости, располагавшиеся по Дону и Северскому Донцу, давали хазарам возможность контролировать торговые пути, проходившие через переволоку, с Волги на Дон, с Дона в Азовское море и далее [Новосельцев, 1990, с. 108–109].

По выражению С.А.Плетневой, население Северо-Западной Хазарии играло роль своеобразного «казачества». Основной его функцией было проведение в жизнь наступательной политики каганата, ориен-

[4] Хронологические рамки аланской культуры обычно определяются IV–XIII вв. [Кузнецов, 1962, с. 7].

тированной на западных и северо-западных соседей [Плетнева, 1989, с. 282; Плетнева, 2005, с. 21]. Причины и точное время исчезновения с исторической арены населения Северо-Западной Хазарии по-прежнему обсуждаются в научной литературе. Среди гипотез, объясняющих это историческое явление, наибольшее распространение получили «печенежская» — начало X в. (т.е. памятники СМК исчезают в результате разгрома печенегами) [Готье, 1930, с. 87; Плетнева, 1989] и «древнерусская» (в результате похода Святослава 965 или 968 г.) версии [Артамонов, 1962; Новосельцев, 1990, с. 219–231; Афанасьев, 1993, с. 153].

Итак, приступая к анализу социально-политического устройства и военной организации алано-болгарского населения Подонья–Придонечья, в первую очередь следует отметить, что представители обоих этносов были явно военизированны. Это проявлялось в высокой степени вооруженности мужской части населения, зафиксированной материалами могильников [Плетнева, 1989, с. 69; Плетнева, 1999, с. 42–43; Аксенов, 1998, с. 39–51; Бубенок, 2002, с. 18–27], а также в наличии большого количества оборонительных сооружений — городищ и крепостей [Плетнева, 1967, с. 22–50; Плетнева, 1999, с. 25–26; 2005, с. 21–22; Афанасьев, 1993, с. 129–140; Колода, 2004, с. 270]. Организованы и те и другие были по родоплеменному принципу, который сочетался с территориальным [Афанасьев, 1993, с. 109–117; Иченская, 1982, с. 140–147; Тортика, 2005, с. 480–485].

Можно предположить, что все эти полиэтничные территориальные общины, образовавшиеся в результате катаклизмов раннесредневековой истории Восточной Европы [Михеев, 1991, с. 47; Аксенов, Тортика, 2001, с. 198–199], регенерируют родоплеменной способ организации общества. Этот процесс осуществлялся благодаря постепенному включению новых компонентов в общую, имеющую традиционный характер военно-территориальную структуру. Основную массу населения составляли свободные общинники. Все взрослые мужчины являлись воинами, объединенными в войсковые единицы. Одновременно такие единицы были эквивалентом соответствующих родоплеменных образований, территорий, населенных пунктов и крепостей.

Вероятно, систему социально-политических отношений, которая сложилась в то время у населения Придонечья, можно определить как «вождество» [Афанасьев, 1993, с. 152]. С одной стороны, этот термин соответствует тому состоянию общества, когда в нем выстраивается достаточно сложная иерархия власти, существует социальная

стратификация, обусловленная положением человека в военно-родовой системе. С другой стороны, социальное разделение и иерархия власти сугубо традиционны и соответствуют номенклатуре племенного строя[5]. Наиболее полную[6] и обоснованную реконструкцию системы социальной стратификации, отражавшей одновременно традиционную военно-иерархическую структуру аланского общества лесостепного Подонья–Придонечья, предложил Г.Е.Афанасьев. По его мнению, аланы Придонечья делились на две основные социальные группы — алдар и асфад. Первые представляли собой военную верхушку — «князей», вторые — рядовое войско[7] [Афанасьев, 1993, с. 50].

Принадлежность к воинской верхушке, судя по материалам катакомбных погребений, еще не была или не всегда была наследственной [Массон, 1976, с. 149–151], и во многом место человека в обществе зависело от его индивидуальных качеств[8] [Флеров, 1990, с. 38–43], воинских подвигов и доблести. Следует отметить, что такое деление было отнюдь не уникальным явлением, характерным только для алан Северного Кавказа и Придонечья. Напротив, подобное деление на два социальных слоя — войско и военные вожди-предводители — существовало практически у всех кочевников Евразии вплоть до начала Нового времени. На основе изучения археологических материалов,

---

[5] Как отмечает С.А.Токарев, настоящая, прочная племенная организация с особым вождем, племенным советом и т.д. складывается лишь на закате общинно-родового строя, на грани перехода к классовому обществу [Токарев, 1964, с. 47]. Эта характеристика как нельзя лучше подходит к ситуации в общественном развитии разноплеменного населения, входившего в состав Хазарского каганата.

[6] На основе материалов Верхнесалтовского могильника подобную реконструкцию социальной стратификации аланского общества провел и В.К.Михеев. Им были выделены три основные группы: низшая (бедняки) — 43,7% от всего взрослого населения; средняя (земледельцы и ремесленники) — 34,2% и высшая (военно-служилая аристократия) — 22,1%. По мнению В.К.Михеева, социальная подвижность внутри этих групп населения была крайне ограниченной, поскольку положение индивида в социальной структуре определялось уже в момент рождения, было наследственным [Михеев, 1986а, с. 21–26].

[7] Подобное деление выглядит несколько упрощенным и со временем, вероятно, будет уточняться. Так, например, Ж.Дюмезиль отмечал, что «у осетин-дигорцев ниже верхушки — badeliatæ (князей) иерархия выглядела так: uæzdan, wezdon — (знатный), затем — færssaglæg (свободный) с двумя низшими разновидностями — rævdæsard (сын свободного и рабыни) и qumajag (крепостной) и, наконец, čagar (раб)» [Дюмезиль, 1976, с. 153].

[8] По мнению В.С.Флерова, традиционно применяемые археологами социально маркнрующие признаки, такие, как поясные наборы в мужских погребениях или золотые украшения в женских, на самом деле таковыми не являются, а определяют только возрастные отличия умерших [Флеров, 1990, с. 38–43].

полученных в ходе раскопок ямных могильников, можно предположить существование подобного общественного устройства и у протоболгар, что, очевидно, и облегчило процесс консолидации алано-болгар Подонья–Придонечья. Вероятно, это сходство усиливалось благодаря совместной пограничной службе на северо-западе Хазарии.

Подобная ситуация сохраняется в течение всего времени существования салтово-маяцкой культуры, около 150–200 лет, что подтверждается и результатами исследований катакомбных могильников, в частности Дмитриевского [Плетнева, 1989, с. 168–172].

Основной социальной единицей таких обществ являются большие семьи [Афанасьев, 1993, с. 78–79; Бубенок, 1997, с. 61]. Малые, или нуклеарные, семьи могут существовать как в составе больших, так и отдельно [Гуревич, 1977, с. 43–55], но их полное выделение является временным. Выделившиеся семьи при благоприятных условиях проявляют тенденцию к укрупнению и воссозданию новых больших семей. Выделение малых семей отражает, скорее, появление проблем между родственниками, нежели изменения в общепринятой форме семейных отношений[9]. Видимо, в суровых условиях раннесредневековой Восточной Европы (как и всей Евразии) выжить и сохранить определенную семейную, родовую и этническую идентичность можно было только при такой форме отношений[10]. В условиях различных военно-политических и экологических стрессов, массовых миграций и ассимиляционных процессов большая семья была эффективнее малой и являлась гарантом некоторой защиты от внешнего мира [Рад-

[9] А.Харузин, наблюдавший казахов Букеевской орды в конце XIX в., отмечал: «В прежние времена... нередки были большие семьи, когда женатые сыновья оставались при отце и подчинялись его власти... В степи часто встречались семьи в 5–10 кибиток, во главе которых стоял глава семьи, именем которого и назывался весь семейный аул. Теперь, в большинстве случаев, семья распадается...» [Харузин, 1889, с. 110].

[10] Точную характеристику именно такой формы общественных взаимоотношений, обусловленных традицией, стадиальностью и внешними причинами военно-политического порядка, дает А.Я.Гуревич: «Общественные связи имеют, по преимуществу, еще природный, органический характер. Это связи родовые, племенные, семейные, отношения родства и свойства. В той мере, в какой в этом обществе существуют отношения господства и подчинения (ибо в нем есть рабы и другие категории зависимых людей), они также строятся в соответствии с доминирующей моделью и носят патриархальный облик. Индивид, как правило, не выбирает людей, с которыми он входит в группу, это его родственники, и даже брачные связи подчиняются определенной схеме и ограничиваются предписанием. Элемент волеизъявления в формировании социальных групп и системных связей здесь отсутствует или минимален — его можно обнаружить разве что в образовании дружин вокруг вождей и князей» [Гуревич, 1984, с. 172–173].

лов, 1893, с. 68] для своих членов[11]. Большая семья являлась также и основной экономической единицей общества[12] [Бернштам, 1946, с. 93–98]. В традиционной военной организации многих народов Евразии[13] две-три подобные семьи, вероятно, были эквивалентом таких боевых единиц, как десятки[14].

Следующей единицей общественной структуры алано-болгар Подонья–Придонечья была территориально-родовая община. Она состояла

---

[11] Об этом ярко свидетельствует хорошо известный специалистам памятник тюркской рунической письменности — надпись в честь Кюль Тегина: «Враждебные [нам] огузы врасплох напали на орду (т.е. наше становище. — *А.Т.*) Кюль Тегин, сев на белого своего Огсиза, заколол девять мужей [и] не отдал орды. Моя мать-катун и вы, идущие за нею [по знатности] мои сводные матери, мои тетки, мои невестки, мои княжны, сколько [вас] ни было, все вы были в опасности, [или], оставшись в живых, попасть в рабство, [или], будучи убитыми, остаться лежать в орде и на дороге» [Бернштам, 1946, с. 97–98].

[12] Например, у атрекских туркмен еще в начале XX в. в патриархальной большой семье сохранялось общее хозяйство с одним «большесемейным котлом». «Общий котел» заключался в том, что забота о снабжении продуктами и другими необходимыми предметами производилась из общего фонда большой семьи. Общими у членов такой семьи были и орудия, и средства производства. Обычно во главе большой семьи стоял старейший мужчина. Главой семьи после смерти или потери трудоспособности отца мог стать старший сын, который имел опыт ведения хозяйства, улаживания семейных ссор и т.д., так как от его авторитета и способностей соблюдения справедливых взаимоотношений, а также от его способности поддерживать в семье мир и порядок в значительной степени зависела и устойчивость большой семьи. В ведении хозяйства, распределении материальных благ и т.д. глава семьи был наделен большими полномочиями, порою даже неограниченной властью. Он следил за поведением каждого члена семьи, по своему усмотрению распоряжался имуществом. Все члены семьи беспрекословно подчинялись его воле [Джикиев, Мурадов, 1987, с. 48–49].

[13] Совпадение общественной и военной структуры считает «характернейшим» явлением общественного строя кочевников Г.А.Федоров-Давыдов. Он отмечает, что в эпоху военной демократии военные подразделения совпадали с племенами и родами. Например, в эпоху улусной системы Чингис-хана и его преемников совпадение улусов, данных в держание, и военных подразделений было весьма полным, что нашло выражение в делении всего народа на военные единицы [Федоров-Давыдов, 1973, с. 50]. Такое же совпадение военных, племенных и государственных институтов демонстрирует государство кимаков IX–XI вв. [Кумеков, 1972, с. 117].

[14] По мнению М.О.Косвена, в некоторых случаях общая численность патриархальной семьи — семейной общины могла доходить до нескольких сотен человек [Косвен, 1963, с. 4]. У туркмен-йомутов в период упадка кочевого хозяйства в конце XIX — начале XX в. в экономической единице, аналогичной большой семье — «тире», объединялось до трех поколений родственников, и численность объединения доходила до 50–60 человек [Марков, 1961, с. 195–196]. Объединенная группа общими усилиями могла пасти скот, сооружала колодцы и располагала вооруженными силами для защиты жизни и имущества своих членов [Марков, 1961, с. 196–197].

из нескольких больших семей, иногда разного этнического происхождения, но имела тенденцию к регенерации родового, родственного принципа внутренней организации. Так, и у жившего оседло на границах степей населения, и у кочевников Евразии [Радлов, 1893, с. 68–69] принцип кровнородственности или, когда это было невозможно, псевдокровнородственности [Владимирцов, 1934, с. 46; Хазанов, 1975, с. 127] был одной из основ общественной организации. Этот принцип обеспечивал монолитность и жизнеспособность как старых общин, принявших в свой состав иноэтничные элементы, так и новых, составленных из осколков различных родовых групп, переживших после очередных войн и переселений. Общность евразийских культурных традиций, постоянные смешения разных кочевых этносов, регулярно наблюдавшиеся после гуннского нашествия, обеспечивали быструю консолидацию таких общин, появление общекультурных признаков, постепенное стирание различий в погребальном обряде. Важно было противопоставить внутреннее единство общины перманентной агрессии извне[15]. Этнопсихологическим императивом такого единства был общий культ мужчины-воина, защитника[16], который с детских лет готовился к выполнению этой главной жизненной функции. Не зря и стратификация общества, и половозрастная структура, прослежен-

[15] Анализируя общественный строй кочевых и полукочевых народов Евразии, Н.А.Аристов еще в 1896 г. указывал на важнейшее значение рода (общины) как базовой социальной, экономической и военное единицы. По его мнению, «сильный, многочисленный, дружный род имел большую возможность занимать лучшие пастбища, оказывать своим членам верную и действительную защиту от внешних врагов, доставлять своим родоначальникам прочное политическое влияние в делах племени и государства и обеспечивать большую долю добычи и даней, поступавших в пользу племени или государства» [Аристов, 1896, с. 283].

[16] Очевидно, что для каждого народа, проживавшего в степных или лесостепных районах юга Восточной Европы, умение воевать было жизненно необходимым и обеспечивало не только возможность для успешных нападений на соседей, но и сам факт существования данного этноса. Племена или народы, которые не умели или были неспособны отстоять себя с оружием в руках, теряли независимость, превращались в рабов, ассимилировались, исчезали навсегда со страниц письменных источников и этногеографической карты региона. Варварская война велась по жестоким правилам. Победители зачастую уничтожали всех взрослых мужчин, захватывали в плен и порабощали женщин и детей. Народы, не желавшие для себя такой судьбы и выжившие в сложной ситуации раннего средневековья, сделали войну одной из постоянных основ своего существования. Все звенья общества, от больших патриархальных семей до племен, были построены по принципу военной организации. Каждый взрослый мужчина был воином, который с детства через систему общественного воспитания, обряды возрастных инициаций и традиционный набор моральных ценностей готовился к защите своего семейно-этнического окружения [Тортіка, 2003, с. 106].

ные в погребальном обряде аланского варианта СМК, отражали положение каждого мужчины (юноши, мальчика) в военной иерархии[17].

В отличие от Западной Европы или лесной зоны Восточной Европы, где функцию защиты (впрочем, также одновременного подчинения и порабощения) общества (сельских общин и торговых городов) взяли на себя профессиональные воины — дружина [Горский, 1984, с. 17–18] (иногда иноэтничного происхождения, например варяги), в подобных общинах, несмотря на оседлость, сохраняется кочевнический принцип: каждый мужчина — воин, и даже женщины часто носят оружие.

В результате длительного совместного проживания и, соответственно, перекрестных браков псевдокровнородственные отношения в таких общинах [Хазанов, 1975, с. 105] со временем (через одно-два поколения) снова приобретают характер кровнородственных, усиливая единство и чувство взаимоидентичности их членов[18]. Все это позволяло выжить, не дать покорить себя врагам, не ассимилироваться в сложной и постоянно меняющейся ситуации Восточной Европы второй половины I тыс. н.э. Как отмечает Н.Н.Крадин, в предклассовых и раннеклассовых обществах война была своеобразной формой естественного отбора наиболее сильных и централизованных коллективов и незаурядных личностей. В военной организации условным эквивалентом таких общин были сотни. По крайней мере масштабы сотни — двух-трех сотен вполне соответствуют размерам таких погребальных памятников, как Сухая Гомольша, Красная Горка, Нетайловка [Аксенов, 1998, с. 39–51; Михеев, 1986, с. 158–173; 1990, с. 45–52; 1994, с. 194–195; Тортика, 1992, с. 35–37]).

---

[17] О.Б.Бубенок отмечает, что особый интерес в связи с этим «представляет анализ поясов, которые носили аланские воины. Пояс для аланов являлся знаком воинской доблести и с течением времени заменялся другим с бóльшим количеством бляшек, что свидетельствовало о заслугах воина» [Бубенок, 1997, с. 62]. Отголоски подобной традиции прослеживаются, например, у осетин. Там мальчики до трех лет не относились к разряду мужчин. Только прохождение обряда «цауаггаг» снимало с мальчиков скверну младенчества. Именно с трех лет и по девятый год включительно имел место первый уровень самостоятельности. Второй уровень начинался на десятом году жизни и заканчивался шестнадцатым включительно. Третий уровень охватывал период до двадцати трех лет. Завершался весь цикл подготовки взрослого воина в возрасте тридцати лет [Бубенок, 1997, с. 63].

[18] Подобный тип общественной организации М.О.Косвен квалифицировал как «патронимию». Характерно, что, по его мнению, «патронимический» строй может образовывать довольно сложную структуру, которая часто могла представлять собой «в известном смысле территориальную общину» [Косвен, 1963, с. 103–104]. Патронимия существовала и у кочевых, и у полукочевых народов [Косвен, 1963, с. 109].

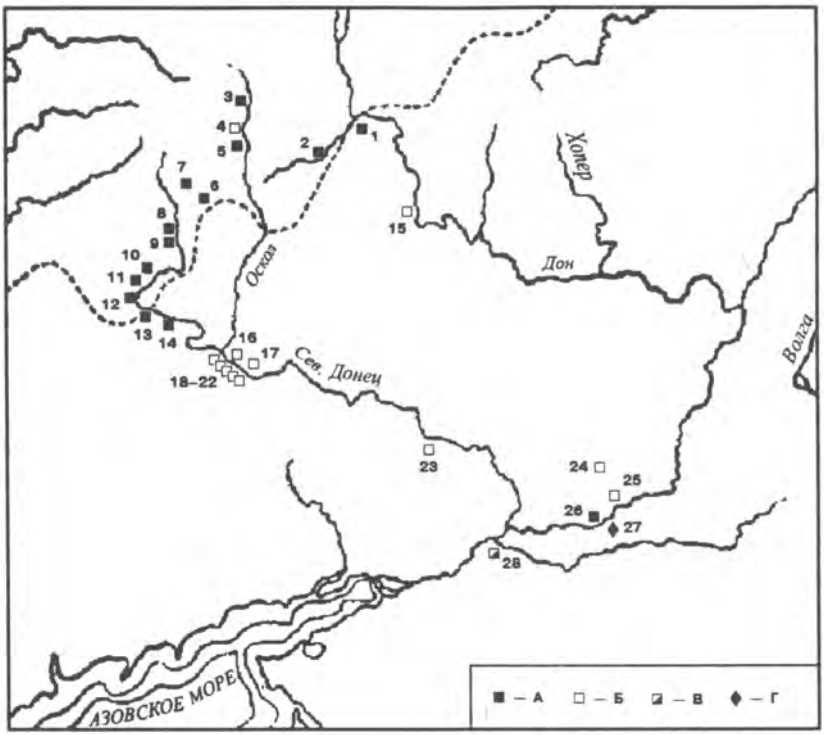
Несколько подобных общин, объединенных под властью одного вождя, военного предводителя, бека [Кумеков, 1972, с. 117–118], образуют так называемые «простые вождества» (племена [Радлов, 1893, с. 70–71]). Археологическим эквивалентом подобных простых вождеств в Подонье–Придонечье были, по всей видимости, отдельные городища-крепости или взаимосвязанные территориально и социально группы крепостей с окружавшими их посадами и селищами. Это Верхнесалтовское городище с округой, Маяцкий комплекс и другие, по терминологии Г.Е.Афанасьева, «микрорегионы» [Афанасьев, 1993, с. 109–117], центрами которых являлись те или иные укрепленные пункты. Простые вождества отличались по размерам занимаемой территории, количеству входивших в них общин и численности населения, поэтому в военном отношении они могли быть эквивалентом таких единиц, как сотня (Дмитриевский комплекс) или тысяча (Верхнесалтовский комплекс).

Можно предположить, что в лесостепном Подонье–Придонечье с целью обеспечения удобства управления, налогообложения и мобилизации населения центральная хазарская власть могла назначать «главных» вождей — правителей более крупных объединений, состоявших из нескольких вождеств. Таким образом, здесь могли возникнуть так называемые «сложные вождества», которые представляли собой иерархически организованные группы нескольких простых вождеств. В силу того что в этом регионе аланы проживали не единым компактным массивом, а разделялись на три группы (занимавшие бассейны верхнего течения таких рек, как Северский Донец, Оскол и Тихая Сосна), каждой из которых соответствуют археологические памятники разных типов — городища, селища, могильники [Плетнева, 1999, с. 25–26; Афанасьев, 1993, с. 141–150; Михеев, 1985, с. 21–23; Приходнюк, 2001, с. 86], здесь могло возникнуть несколько относительно небольших сложных вождеств. Основной причиной разделения салтово-маяцкого лесостепного населения на три неравные группы (возможно, сложные вождества) была, как представляется, естественная география региона. В данном случае речь идет о наличии удобных для расселения долин рек, которые были освоены аланскими группами разного родоплеменного происхождения. Водоразделы этих рек, незаселенные и использовавшиеся, по всей видимости, для выпаса скота, служили своего рода естественными границами отдельных сложных вождеств. Пока нет достаточных оснований (а таковыми могут быть только данные письменных источников) для того, чтобы связывать это деление с

традиционной для индоиранцев концепцией троичности общества [Афанасьев, 1993, с. 152]. Нет оснований и для того, чтобы говорить о том, что весь регион находился под властью какого-то одного вождя, и связывать с его пребыванием тот или иной памятник (Каганово городище [Плетнева, 1967, с. 185] или Верхнесалтовское городище [Афанасьев, 1993, с. 152]).

Военными эквивалентами таких отдельных сложных вождеств, в зависимости от их размера, были тысяча или тьма (десять тысяч) [Федоров-Давыдов, 1973, с. 48–49]. Воинский потенциал Северо-Западной Хазарии трудно оценить даже приблизительно в силу отсутствия достоверных и полных палеодемографических данных. Основываясь на общем количестве открытых в этом регионе памятников (около 300, хотя точных данных об их площади, заселенности и единовременности нет, поскольку ни один из них не раскопан и не опубликован полностью), можно только предположить, что, вероятно, он находился в пределах тьмы и мог составлять от 5 до 15 тыс. человек. Даже если взять за основу меньшую цифру (5 тыс.), становится очевидным, что такого организованного и хорошо вооруженного контингента было вполне достаточно для осуществления контроля над соседними восточнославянскими племенами по крайней мере до их объединения под властью Древнерусского государства.

Лесостепное Подонье–Придонечье входило в состав более сложного социально-политического организма, кочевнической «политии» — Хазарского каганата. Н.Н.Крадин предлагает подобные образования называть «суперсложными вождествами». По его мнению, принципиальным отличием последних является появление механизма наместников [Бернштам, 1946, с. 112], которых верховный вождь посылал управлять региональными структурами. «Это не сформировавшийся аппарат государственной власти, поскольку количество таких лиц невелико. Однако это важный структурный импульс к последующей интеграции» [Бондаренко, Коротаев, Крадин, 2002, с. 22–23]. Следует отметить, что наличие института подобных наместников — *тудунов* — документально зафиксировано на территориях, входивших в состав Хазарского каганата [Васильев, 1927, с. 195–197; Якобсон, 1954, с. 152; Новосельцев, 1990, с. 144]. В то же время термин «сложное вождество», несмотря на то что его смысловое наполнение соответствует хазарским реалиям и логически продолжает ряд «вождество — простое вождество — сложное вождество», выглядит несколько схематично и громоздко.



Салтово-маяцкие городища Подонья–Придонечья
(по В.К.Михееву [Михеев, 1986б, с. 398])

Условные обозначения: **А** — с каменными стенами; **Б** — с земляными валами; **В** — со стенами из сырца; **Г** — со стенами из кирпича.

1 — Маяцкое; 2 — Верхний Ольшан; 3 — Афоньевка; 4 — Ютановка; 5 — Нижняя Лубянка; 6 — Волчанск; 7 — Дмитриевское; 8 — Верхний Салтов; 9 — Старый Салтов; 10 — Кабаново; 11 — Мохнач; 12 — Коробово; 13 — Сухая Гомольша; 14 — Вербовка; 15 — Карабут; 16 — Новоселовка; 17 — Кировка; 18 — Богородичное; 19 — Святогорск; 20 — Татьяновка; 21 — Сидорово; 22 — Маяки; 23 — Каменск-Шахтинский; 24 — Средний; 25 — Карнаухов; 26 — Правобережное Цимлянское; 27 — Саркел; 28 — Семикаракоры

Условно он, видимо, может быть принят, но только для самых общих характеристик. Для определения образования государственного типа, созданного хазарами, как представляется, гораздо больше подходит исторически оправданная дефиниция «каганат» [Golden, 2001, с. 39–45]. Использование этого термина предполагает наличие всех тех системных признаков сложного вождества, которые выделены

Н.Н.Крадиным, и в то же время позволяет апеллировать к конкретно-историческим реалиям Хазарии.

Наличие хазарских наместников — *тудунов* в Крыму (в Херсонесе, Мангупе, Сугдее, Фулах, Керчи)[19], на противоположном берегу Керченского пролива (в Фанагории и Самкерце — Таматархе) свидетельствует о сложившейся в Хазарском каганате общепринятой для разных групп населения системе управления. Вероятно, можно предположить наличие сходной системы управления и в лесостепном Подонье–Придонечье. Очевидно, отмеченные выше группы салтово-маяцкого населения — сложные вождества, соответствующие территориально бассейнам трех основных рек региона — Верхнего Донца, Оскола и Тихой Сосны, могли контролироваться по меньшей мере тремя *тудунами* [Тортика, 2005, с. 484].

Тудуны осуществляли политику центрального хазарского правительства, которая заключалась прежде всего в обеспечении покорности подвластного населения [Васильев, 1927, с. 195–196; Новосельцев, 1990, с. 108]. В их функции входил также сбор налога[20] (дани), вероятно натурального — сельхозпродуктами, ремесленными изделиями, пушниной. Кроме того, можно предположить, что тудуны контролировали выполнение этим населением военно-пограничных функций и проводили мобилизацию военных контингентов местного населения для ведения военных действий там, где это было необходимо [Артамонов, 1962, с. 401]. Для Придонечья, видимо, особую роль имело обеспечение данничества [Хазанов, 1975, с. 163] восточнославянских племен, контроль над движением варягов по Дону и Донцу, а с конца IX в. — охрана северо-западных рубежей государства от проявлений активности древнерусских князей — Олега, Святослава [ПВЛ, 1999, с. 150, 168].

В то же время трудно предположить, что эксплуатация региона была чрезмерной. Прежде всего, хорошо вооруженные и прекрасно обу-

[19] Выдвинутая С.Б.Сорочаном гипотеза о хазаро-византийском «кондоминиуме» (совладении) не исключает присутствия в названных городах в то или иное время хазарских «наблюдателей» — тудунов [Сорочан, 2005].

[20] У орхоно-енисейских тюрок в VIII в. сборщиками податей были *тарканы* (tarqanbäg). По мнению А.Н.Берштама, сборщики получали во времена древних тюрок дань или подать не деньгами, а продуктами [Бернштам, 1946, с. 113]. Интересна трансформация значения этого термина в дальнейшей истории кочевого мира. В Золотой Орде он по-прежнему был связан с налогообложением, но, по данным египетского путешественника Абу Абдаллаха Мухаммада Ибн Баттуты (1304–1377), посетившего Орду при хане Узбеке, термин «тархан» обозначал освобождение от налогов той или иной территории: «...Тархан значит у них место, изъятое от податей...» [Тизенгаузен, 1884, с. 301].

ченные воины, традиционно организованные в боевые единицы, скрепленные родовыми связями, были не самым лучшим объектом для угнетения. Сохранение высокого уровня вооруженности [Аксенов, 1998, с. 39–51; Крыганов, 1989, с. 98–114; Криганов, 1993, с. 52–62; Мерперт, 1955, с. 131–168; Міхеєв, Степанська, Фомін, 1967, с. 163–172] населения Северо-Западной Хазарии на протяжении всей ее истории свидетельствует о том, что скорее именно военная служба была той основной повинностью, которую требовали хазары от алано-болгар Подонья–Придонечья [Артамонов, 1962, с. 405; Бубенок, 2002, с. 26; Плетнева, 1999, с. 42]. Кроме того, отмечаемый археологами рост численности населения, увеличение числа поселений и, соответственно, расцвет экономики, в частности земледелия и ремесел [Міхеєв, 1966, с. 91–98; Михеев, 1968, с. 5–18; Шрамко, Михеев, 1969, с. 74–81; Михеев, 1986, с. 224–270 и т.д.], не были бы возможны в условиях чрезмерного угнетения и эксплуатации.

Покорность[21] вождей местных «сложных вождеств» обеспечивалась, во-первых, не только сохранением старой родоплеменной аристократии, но и ее полноправным включением в состав правящего слоя каганата[22] [Бернштам, 1946, с. 111–115; Голден, 1993, с. 217–219; Крадин, 2002, с. 119–120; Михеев, 1991, с. 49; Хазанов, 1975, с. 190]. Во-вторых, в случае попыток отдельных регионов добиться полной независимости предпринимались карательные походы хазарской армии (примером тому может служить подавление восстания «царя алан», описанное Кембриджским Анонимом) [Голб, Прицак, 1997, с. 141]. В-третьих, военно-политическая стабильность обеспечивалась наличием хазарских военных гарнизонов на территории покоренных племен (Саркел [Константин Багрянородный, 1991, с. 171], возможно, судя по граффити на стенах крепости, Маяцкое городище [Артамонов, 1958, с. 46–47]). В-четвертых, применялось чересполосное расселение более преданных хазарскому правительству иноэтничных для основных жителей

[21] Основные пути достижения покорности подчиненных народов, практиковавшиеся кочевыми властителями, достаточно подробно описал еще в 1875 г. В.В.Григорьев. По его мнению, этой цели служили: 1) набеги; 2) дань; 3) необходимость кормить и одевать посольства или иных представителей господствующего кочевого народа (администрацию, гарнизоны и т.д.); 4) династические браки [Григорьев, 1875, с. 17–20].

[22] Как совершенно верно отмечала С.А.Плетнева, «если в XIII в. монгольские ханы, придя в южнорусские степи, прежде всего уничтожили всю половецкую (куманскую) аристократию и сами стали единственной знатью в половецкой степи, то хазары, наоборот, сохранили всю правящую верхушку побежденных народов, болгар и алан, связав ее с собой вассалитетом. По существу, алано-болгарские аристократы ничего не потеряли, войдя в Хазарский каганат» [Плетнева, 1967, с. 57].

региона кочевых или полукочевых военизированных групп (возможно, эквивалентом таких поселенцев для Придонечья являлось население, оставившее отмеченные выше могильники типа Нетайловки и Красной Горки [Михеев, 1990, с. 45–52]). Наконец, в-пятых, покорность обеспечивалась заключением принудительных или полупринудительных династических браков, когда дочери местных владетелей были обязаны выходить замуж за хазарского кагана [Ковалевский, 1956, с. 141].

По всей видимости, термин «конфедерация», применявшийся отдельными исследователями для определения внутреннего устройства Хазарии, также не соответствует исторической действительности VIII–X вв. и модернизирует реальную ситуацию. Конфедерация предполагает добровольный принцип вхождения в нее всех участников. В случае же с Хазарским каганатом наблюдается обратное явление [Ромашев, 1992, с. 10]. Сначала хазары тем или иным способом подчиняли себе все входившие в их объединение народы, а потом различными средствами принуждения добивались их покорности: «И был ужас [божий на народах, которые] кругом нас, так что они не приходили (войною) на Казарское царство» [Коковцов, 1932, с. 116]. Как только возможности для применения этих средств принуждения иссякли, Хазарский каганат прекратил свое существование.

Хазарское государство также называли раннеклассовым или раннефеодальным, однако эти дефиниции, помимо того что они, по всей видимости, не совсем соответствуют действительности (на что уже указывалось в первой главе настоящей работы), являются слишком обобщенными и плохо отражают систему управления, сложившуюся в каганате.

Нужно признать, что наиболее точным оказалось определение П.Б. Голдена, который, сравнив политическое устройство Хазарского каганата с Тюркским каганатом [Голден, 2005, с. 27; Golden, 2001, с. 5–6], и нашел между ними большое сходство[23]. Тюркская система государственного управления предполагала единовластие кагана, причем в рамках самого тюркского этноса это была многоуровневая, замкнутая структура: каган (верховный правитель) — беги (аристократия) — будун (народ) [Бернштам, 1946, с. 98–105; Golden, 2001, с. 39–43]. В то же время и подчиненные племена имели своих бегов и свой

[23] По этому поводу П.Б.Голден отмечал: «Хазарский каганат являлся государством, привнесенным в Западную Евразию извне. Его формы управления, иерархию, должности следует искать в институтах Тюркского каганата, с историей которого его образование тесно переплеталось» [Голден, 1993, с. 211–233].

будун. Аристократия, складывавшаяся таким образом в сложную государственную систему, носила название *эль*. У покоренных племен мог сохраняться собственный *эль* — система внутреннего управления и организации жизни, своего рода политическая организация, развивавшаяся пока еще в рамках племенного строя.

Как уже говорилось выше, алано-болгары Подонья в известной степени сохранили свой *эль*, т.е. свою племенную организацию. Наличие подобной структуры облегчало хазарским властям управление этой группой населения и ее использование в военно-пограничных целях. Это сохранение племенной организации и правящей верхушки покоренного населения было принципом внешней и внутренней политики хазар [Артамонов, 1962, с. 406], осуществлявшимся практически без исключений в течение всей истории Хазарского каганата, начиная с момента его образования и заканчивая первой половиной X в.

Так, хазары, как сообщают Феофан и Никифор, еще в последней четверти VII в. приняли покорность хана приазовских болгар-утигуров Батбая (Батбаяна). Они сделали его своим данником, подчинив его орду практически в полном составе: «[Этот народ (хазары. — *А.Т.*]), сделав своим данником первого брата, Батбаяна, властителя первой Булгарии, получает с него дань и поныне» (цит. по [Чичуров, 1980, с. 61]).

Так называемый «правитель» Готии после антихазарского восстания Иоанна Готского, произошедшего в 786 или 787 г., был помилован хазарами и, по всей видимости, оставлен у власти. В то же время известно, что рядовые восставшие — «семнадцать рабов» — были казнены [Айбабин, 1999, с. 208–209; Васильевский, 1912, с. 396–400].

Возможно также, что для алано-болгар Подонья союз с хазарами был длительное время объективно выгоден, и они сохраняли его по собственной инициативе уже тогда, когда Хазарское государство ослабло. Из требовательных владетелей хазары могли со временем превратиться в естественных союзников в борьбе со славянами, варягами-русами, печенегами, гузами. Относительно небольшие и, по всей видимости, не имевшие общего для всего лесостепного региона самоуправления, родоплеменные группировки алан в районе Северского Донца, Оскола, Тихой Сосны не могли самостоятельно противостоять возникавшим в Восточной Европе крупным племенным союзам (например, печенегам) и раннегосударственным образованиям (Древняя Русь). Логика исторического процесса была такова, что, выйдя на историческую арену вместе с хазарами, в результате претворения в жизнь политики центрального хазарского правительства они и в конце хазарской эпохи все еще не теряли военно-политической, а возможно,

и династической связи с каганатом. Не зря Святослав после разгрома хазар под Итилем совершил поход на касогов и ясов (под последними некоторые исследователи понимают именно донских алан[24]).

Вероятно, Северо-Западная Хазария в военно-политической системе каганата занимала разное положение: от практически полного подчинения центральной власти (в момент переселения алан с Северного Кавказа в Подонье во второй половине VIII в.) до формирования относительно самостоятельной военно-племенной структуры к середине или концу IX в. Степень самостоятельности региона и его обособленности от хазарской власти, вероятно, колебалась в зависимости от усиления или ослабления центрального правительства.

Окончательного и убедительного ответа на вопрос о том, как прекратила свое существование Северо-Западная Хазария, пока не существует. «Венгерская», «печенежская» [Готье, 1927, с. 84] и «древнерусская» [Афанасьев, 1993, с. 153] гипотезы прекращения жизни на салтовских поселениях Подонья–Придонечья имеют многочисленные слабые стороны, неоднократно отмечавшиеся в специальной литературе, и, кроме того, не соотносятся с конкретными археологическими памятниками (усредненные датировки, отсутствие следов погромов на поселениях) [Плетнева, 2005, с. 24]. Вопрос о том, куда ушли носители СМК, остается открытым. Отсутствие следов погромов указывает на то, что они не были уничтожены, однако памятники, по которым можно зафиксировать их новые места расселения в более поздний период, не обнаружены, неясен и характер материальной культуры, присущей им в это время. В любом случае очевидно, что судьбы носителей лесостепного варианта СМК, алано-болгар, были в гораздо большей степени связаны с судьбой Хазарского каганата, чем судьбы других этнических групп населения юга Восточной Европы того же хронологического периода. Алано-болгары Придонечья существовали как этнокультурная и социально-политическая целостность только в рамках хазарского господства.

Айбабин, 1999 — *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.

Аксенов, 1998 — *Аксенов В.С.* Об уровне вооруженности населения салтовской культуры (по материалам Сухогомольшанского и Красногорского могильников) // Вісник ХДУ. Сер. Історія. Харків, 1998. № 30 (413).

[24] Например, А.П.Новосельцев считает, что «аланы жили и в Подонье, где ясское население известно и позже и где они обитали вместе с оседавшими на земле булгарами. Киевский князь Святослав именно там воевал с яссами в 965 г.» [Новосельцев, 1990, с. 105].

Аксенов, Тортика, 2001 — *Аксенов В.С., Тортика А.А.* Протоболгарские погребения Подонья и Придонечья VIII–X вв.: Проблема поливариантности обряда и этноисторической интерпретации // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2. Хазарское время. Донецк, 2001.

Аристов, 1896 — *Аристов Н.А.* Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Живая старина. 1896. Вып. 3/4.

Артамонов, 1936 — *Артамонов М.И.* Очерки древнейшей истории хазар. Л., 1936.

Артамонов, 1940 — *Артамонов М.И.* Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии // СА. 1940. № 6.

Артамонов, 1958 — *Артамонов М.И.* Саркел–Белая Вежа // МИА СССР. 1958. № 62.

Артамонов, 1962 — *Артамонов М.И.* История хазар. Л., 1962.

Афанасьев, 1975 — *Афанасьєв Г.Е.* Поселения VI–IX вв. в районе Кисловодска // СА. 1975. № 3.

Афанасьев, 1983 — *Афанасьев Г.Е.* Памятники салтово-маяцкой культуры в долине р. Тихой Сосны // Археологические памятники лесостепного Подонья и Поднепровья I тысячелетия н.э. Воронеж, 1983.

Афанасьев, 1987 — *Афанасьев Г.Е.* Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII–X вв.: аланский вариант салтово-маяцкой культуры // Археологические открытия на новостройках. Вып. 2. М., 1987.

Афанасьев, 1993 — *Афанасьев Г.Е.* Донские аланы: Социальные структуры аланоассо-буртасского населения бассейна Среднего Дона. М., 1993.

Березовец, 1962 — *Березовец Д.Т.* Раскопки в Верхнем Салтове в 1959–1956 гг. // КСИА АН УССР. Вып. 12. Киев, 1962.

Березовець, 1965 — *Березовець Д.Т.* Слов'яни і племена салтівської культури // Археологія. Київ, 1965. Т. 19.

Бернштам, 1946 — *Бернштам А.Н.* Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI–VIII вв. М.–Л., 1946.

Бибиков, 1999 — *Бибиков М.В.* Византийские источники по истории древней Руси и Кавказа. СПб., 1999.

Бондаренко, Коротаев, Крадин, 2002 — *Бондаренко Д.М., Коротаев А.В., Крадин Н.Н.* Социальная эволюция, альтернативы и номадизм // Кочевая альтернатива социальной эволюции. М., 2002.

Бубенок, 1997 — *Бубенок О.Б.* Ясы и бродники в степях Восточной Европы: VI — начало XIII в. Киев, 1997.

Бубенок, 2002 — *Бубенок О.Б.* Алани-аси Дніпровсько-Донського межиріччя на військовій службі у хозар // Хазарский альманах. Харьков, 2002.

Бубенок, 2004 — *Бубенок О.Б.* Аланы-асы в Золотой Орде (XIII–XV вв.). Киев, 2004.

Васильев, 1927 — *Васильев А.А.* Готы в Крыму. Ч. 2 // ИГАИМК. Л., 1927. Т. 5.

Васильевский, 1912 — *Васильевский В.Г.* Житие Иоанна Готского // Труды. Т. 2. Вып. 2. СПб., 1912.

Владимирцов, 1934 — *Владимирцов Б.Я.* Общественный строй монголов: монгольский кочевой феодализм. Л., 1934.

Гадло, 1979 — *Гадло А.В.* Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л., 1979.

Голб, Прицак, 1997 — *Голб Н., Прицак О.* Хазарско-еврейские документы X века / Науч. ред., послесл. и коммент. В.Я.Петрухина. Москва–Иерусалим, 1997.

Голден, 1993 — *Голден П.Б.* Государство и государственность у хазар: власть хазарских каганов // Феномен восточного деспотизма: структура власти и управления. М., 1993.

Голден, 2005 — *Голден П.Б.* Достижения и перспективы хазарских исследований // Хазары, евреи и славяне. Т. 16. Москва–Иерусалим, 2005.

Горский, 1984 — *Горский А.А.* Дружина и генезис феодализма на Руси // Вопросы истории. 1984. № 9.

Готье, 1927 — *Готье Ю.В.* Кто были обитатели Верхнего Салтова // ИГАИМК. 1927. Т. 5.

Готье, 1930 — *Готье Ю.В.* Железный век в Восточной Европе. М.; Л., 1930.

Григорьев, 1875 — *Григорьев В.В.* Об отношениях между кочевыми народами и оседлыми государствами // ЖМНП. 1875. Ч. CLXXVIII.

Гуревич, 1977 — *Гуревич А.Я.* Норвежское общество в раннее средневековье: Проблемы социального строя и культуры. М., 1977.

Гуревич, 1984 — *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. М., 1984.

Джикиев, Мурадов, 1987 — *Джикиев А., Мурадов И.* О пережитках большесемейных общин приатрекских туркмен в начале XX в. // Материалы по исторической этнографии туркмен. Ашхабад, 1987.

Дюмезиль, 1976 — *Дюмезиль Ж.* Осетинский эпос и мифология. М., 1976.

Иченская, 1982 — *Иченская О.В.* Особенности погребального обряда и датировка некоторых участков Салтовского могильника // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. К., 1982.

Ковалевский, 1956 — *Ковалевский А.П.* Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу. Харьков, 1956.

Коковцов, 1932 — *Коковцов П.К.* Еврейско-хазарская переписка X в. Л., 1932.

Колода, 2004 — *Колода В.В.* Исследования Волчанского городища // Древности. Харьков, 2004.

Константин Багрянородный, 1991 — *Константин Багрянородный.* Об управлении империей / Под. ред. Г.Г.Литаврина и А.П.Новосельцева. М., 1991.

Косвен, 1963 — *Косвен М.О.* Семейная община и патронимия. М., 1963.

Крадин, 2002 — *Крадин Н.Н.* Структура власти в кочевых империях // Кочевая альтернатива социальной эволюции. М., 2002.

Красильников, 2001 — *Красильников К.И.* Новые данные об этническом составе населения степного Подонцовья VIII — начала X в. // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2. Хазарское время. Донецк, 2001.

Крыганов, 1989 — *Крыганов А.В.* Вооружение и войско населения салтово-маяцкой культуры (по материалам могильников с обрядом трупосожжения) // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск, 1989.

Криганов, 1993 — *Криганов А.В.* Військова справа ранньосередньовічних аланів Подоння // Археологія. Київ, 1993. № 2.

Кузнецов, 1962 — *Кузнецов В.А.* Аланские племена Северного Кавказа. М., 1962.

Кузнецов, 1964 — *Кузнецов В.А.* Глиняные котлы Северного Кавказа // КСИА. 1964. Вып. 99.

Кумеков, 1972 — *Кумеков Б.Е.* Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972.

Ляпушкин, 1958 — *Ляпушкин И.И.* Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне Дона // МИА СССР. 1958. № 62.

Марков, 1961 — *Марков Г.Е.* Очерк истории формирования северных туркмен. М., 1961.

Массон, 1976 — *Массон В.М.* Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976.

Мерперт 1951 — *Мерперт Н.Я.* О генезисе салтовской культуры // КСИИМК. 1951. Вып. 36.

Мерперт, 1955 — *Мерперт Н.Я.* Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье // СА. 1955. Т. 23.

Міхеєв, 1966 — *Міхеєв В.К.* До питання про ремісниче виробництво салтівської культури // Вісник ХДУ. 1966. № 17.

Михеев, 1968 — *Михеев В.К.* Достижения ремесленников салтовской культуры. Харьков, 1968.

Михеев, 1985 — *Михеев В.К.* Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков, 1985.

Михеев, 1986а — *Михеев В.К.* Сухогомольшанский могильник // СА. 1986. № 3.

Михеев, 1986б — *Михеев В.К.* Экономика и социальные отношения у населения салтово-маяцкой культуры Подонья–Приазовья: середина VIII — середина X в. / Докт. дис. На правах рукописи. Харьков, 1986.

Михеев, 1990 — *Михеев В.К.* Погребальный обряд Красногорского могильника салтово-маяцкой культуры // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. Казань, 1990.

Михеев, 1991 — *Михеев В.К.* О социальных отношениях у населения салтово-маяцкой культуры Подонья–Приазовья в VIII–X вв. // Археология славянского юго-востока. Воронеж, 1991.

Михеев, 1994 — *Михеев В.К.* Новый грунтовый могильник салтовской культуры в с. Червонная Гусаровка // Древности. Харьков, 1994.

Михеев, 2004 — *Михеев В.К.* Северо-западная окраина Хазарии в свете новых археологических открытий // Хазарский альманах. Т. 3. Киев–Харьков, 2004.

Міхеєв, Степанська, Фомін, 1967 — *Міхеєв В.К., Степанська Р.Б., Фомін Л.Д.* Зброя салтівської культури та її виробництво // Питання історії народів СРСР. Вип. 4. Харків, 1967.

Новосельцев, 1990 — *Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.

ПВЛ, 1999 — Повесть временных лет / Подготовка текста, пер., статьи и коммент. Д.С.Лихачева; под ред. В.П.Адриановой-Перетц. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1999.

Плетнева, 1967 — *Плетнева С.А.* От кочевий к городам: салтово-маяцкая культура. М., 1967.

Плетнева, 1989 — *Плетнева С.А.* На славяно-хазарском пограничье: Дмитриевский археологический комплекс. М., 1989.

Плетнева, 1999 — *Плетнева С.А.* Очерки хазарской археологи. Москва–Иерусалим, 1999.

Плетнева, 2005 — *Плетнева С.А.* Хазары и Хазарский каганат // Хазары, евреи и славяне. Т. 16. Москва–Иерусалим, 2005.

Приходнюк, 2001 — *Приходнюк О.М.* Степове населення України та східні слов'яни (друга половина I тис. н.е.). Київ–Чернівці, 2001.

Радлов, 1893 — *Радлов В.В.* К вопросу об уйгурах. Из предисловия к изданию Кудатку-Билика // ЗИАН. СПб., 1893. Т. 72. Приложение № 2.

Ромашев, 1992 — *Ромашев С.А.* Историческая география Хазарского каганата: период формирования и расцвета (V–IX вв.) / Автореф. канд. дис. М., 1992.

Сорочан, 2005 — *Сорочан С.Б.* Византийский Херсон: Очерки истории и культуры. Ч. 1–2 / Отв. ред. Г.Ю.Ивакин. Харьков, 2005.

Спицин, 1909 — *Спицин А.А.* Историко-археологические разыскания. I–III. // ЖМНП. Новая серия. 1909. Ч. 19. январь.

Тизенгаузен, 1884 — *Тизенгаузен В.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. СПб., 1884.

Токарев, 1964 — *Токарев С.А.* Проблема типов этнических общностей // Вопросы философии. 1964. № 11.

Тортика, 1992 — *Тортика А.А.* Опыт исчисления населения по материалам раннесредневекового могильника у с. Красная Горка // Тез. междунар. конф. «История и археология Слободской Украины». Харьков, 1992.

Тортіка, 2003 — *Тортіка О.О.* Військова справа протоболгарських племен Східної Європи у дохазарські часи // СС. 2003. № 4.

Тортика, 2005 — *Тортика А.А.* Лесостепное Подонье–Придонечье и Горный Крым в хазарское время: опыт сравнительного анализа // МАИЭТ. 2005. Вып. 11.

Федоров-Давыдов, 1973 — *Федоров-Давыдов Г.А.* Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.

Флеров, 1990 — *Флеров В.С.* К вопросу о социальной дифференциации в Хазарском каганате // Вопросы этнической истории Волго-Донья в эпоху средневековья и проблема буртасов. Пенза, 1990.

Хазанов, 1975 — *Хазанов А.М.* Социальная история скифов: основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей. М., 1975.

Харузин, 1889 — *Харузин А.* Киргизы Букеевской орды: антрополого-этнологический очерк // Известия Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. М., 1889. Т. 63. (Труды антропологического отдела. Т. 10. Вып. 1.)

Чичуров, 1980 — *Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора / Тексты, пер., коммент. М., 1980.

Шрамко, 1962 — *Шрамко Б.А.* Древности Северского Донца. Харьков, 1962.

Шрамко, Михеев, 1969 — *Шрамко Б.А., Михеев В.К.* До питання про виробництво заліза у болгаро-аланських племен салтівської культури // Вісник ХДУ. Серія Історія. Вип. 3. 1969. № 35.

Якобсон, 1954 — *Якобсон А.Л.* Византия в истории раннесредневековой Таврики // СА. 1954. Т. 21.

Golden, 2001 — *Golden P.B.* Ethnicity and State Formation in Pre-Ğinggisid Turkic Eurasia. Bloomington, 2001.

Вісник ХДУ	—	Вісник Харківського державного університету. Харків
ЖМНП	—	Журнал Министерства народного просвещения. СПб.
ЗИАН	—	Записки Императорской академии наук. СПб.
ИГАИМК	—	Известия Государственной академии истории материальной культуры. Л.
КСИА	—	Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. М.
КСИА АН УССР	—	Краткие сообщения Института археологии АН УССР. Киев
КСИИМК	—	Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. М.–Л.
МАИЭТ	—	Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь
МИА	—	Материалы и исследования по археологии СССР. М.
ПВЛ	—	Повесть временных лет
СА	—	Советская археология. М.
СС	—	Східний світ. Київ

В.В.ТРЕПАВЛОВ
(Москва)

Предки «Мамая-царя». Киятские беки в «Подлинном родослове Глинских князей»

В 1508 г. князья Глинские — братья Михаил Львович по прозвищу Дородный, Иван Львович по прозвищу Мамай и Василий Львович по прозвищу Темный (или Слепой) — выехали из Великого княжества Литовского в Московское государство. Бежать ко двору Василия III их вынудил конфликт с польско-литовским монархом Сигизмундом I, против которого они организовали неудавшийся мятеж. В 1526 г. Елена Васильевна Глинская стала женой московского правителя и через четыре года родила ему престолонаследника, будущего царя Ивана Грозного.

Историками давно замечена эта неожиданная династическая комбинация: происходя по отцу от Дмитрия Донского, Иван IV по материнской линии оказался прямым потомком Мамая — противника своего пращура на Куликовом поле. Ведь было общепризнанно, что Глинские ведут свое начало от этого знаменитого персонажа золотоордынской истории XIV в. По генеалогическим преданиям, после «Донского побоища» Мамаев сын Мансур (Мансур-Кият) прибыл в Литву, где его младший сын Алекса положил начало аристократической фамилии, прозванной по городку Глинску.

История княжеского рода изложена в его родословной[1]. Она сохранилась в двух редакциях, составленных независимо друг от друга. Первая включает рассказ об ордынском периоде жизни предков, со-

[1] Характеристику памятника см. [Бычкова, 1977, с. 104–125]. М.Е.Бычкова любезно проконсультировала меня по обширному кругу вопросов, связанных с рукописными (архивными) и опубликованными вариантами этой родословной.

© В.В.Трепавлов, 2007

общает о выезде Алексы во владения великого князя литовского Витовта и кратко перечисляет Глинских до переезда их в Московию. Вторая начинается от Алексы и кончается переселением трех князей в 1508 г.

Первая редакция памятника изложена в родословных книгах второй половины XVI в. под заглавием «Подлинный родослов Глинских князей». М.Е.Бычкова предположила, что он принадлежит к одной общей письменной традиции с подобными же родословиями молдавских и литовских князей. Те также выводят предков из глубокой древности, живописуют детали биографий далеких праотцов и дают краткую роспись их потомков. Сопоставимость просматривается и в том, что «Сказание о молдавских князьях» составлялось в связи с браком Елены Стефановны с Иваном Молодым, сыном Ивана III; можно предположить, что появление «Подлинного родослова» Глинских тоже было связано с женитьбой Василия III на Елене Глинской (чтобы «подтвердить ее происхождение от правящего дома Чингисидов», — пишет М.Е.Бычкова). А поскольку об этом браке в «Подлинном родослове» ничего не говорится, то его можно датировать первой половиной 1520-х годов [Бычкова, 1977, с. 110, 111].

Полагаем, что нет нужды в доскональном археографическом анализе списков, редакций и изводов генеалогии Глинских. Мы ограничимся лишь краткой характеристикой данного источника, поскольку нас интересует не весь его текст, а лишь самое начало, где излагается предыстория клана в давние времена. Ведь цель данной статьи заключается не в выяснении достоверности княжеской генеалогии, а в определении объема и качества информации, которую содержит анализируемый памятник относительно истории Золотой Орды XIV в.

Два списка «Подлинного родослова Глинских князей» опубликованы [Временник, 1851, с. 195, 196; Родословная, 1913, с. 44, 45][2]. Единственная известная нам попытка исторической реконструкции приведенных в его начале сведений принадлежит А.А.Шенникову [Шенников, 1981], к работе которого мы будем неоднократно обращаться ниже. Следует заметить, что повествование о родоначальниках княжеской семьи изложено весьма косноязычно и местами сложно для понимания. Иногда складывается впечатление, будто перед нами — подстрочный перевод с другого языка, при этом не отредактированный, а сразу внесенный в беловую (окончательную) редакцию. Этническая при-

[2] По современной классификации указанные списки включаются в Патриаршую редакцию родословных книг — по принадлежности протографа патриарху Филарету Никитичу. Эта редакция возникла в годы царствования Ивана IV и затем переделывалась и дополнялась [Бычкова, 1975, с. 65].

надлежность Мамая позволяет догадаться, что предполагаемый «протограф» изначально был составлен (или продиктован) на языке тюркú.

Взяв за основу келейную книгу Филарета, мы приводим ниже начало текста «Подлинного родослова», указывая в квадратных скобках разночтения, обнаруживаемые в рукописи XVII в. (изданной в 1851 г.).

«Князи же убо Кияты качевали [кочевали] **на сеи стороне Волги да Книгиза царя** [до Чинги царя, а] **имянем подчтенно** [почтенно] **государьство** [государство] **имели от иных стран писали к ним называючи их падышаг** [падшим] **еже есть государь и пришед Книгиз царь** [Чинги царь] **велику брань сотворил с Кияты и последи умираше и вдал Книгиз царь** [Чинги царь] **дщерь свою Залохубъ** [Залохубь] **за Бурлу** [Бурлуда] **и Кияты**[3] **Тохтоспа** [Тохкоспа] **Чингизу царю** [Чингиз царь] **бездетну сущу и в приближение днеи** [приближися дни] **его смерти преждереченным** [прежереченным] **же Киятом в тоже время не владущи и падшаго именем** [имянем] **и прииде царь Кутлуи** [приде царь Кутлуз] **ополчився и Тохтаго** [и ополчився Тохтагсеву] **орду взял и три царицы его взял за себя и тако свершив цареи** [и] **царствовал на Болшои** [Большой] **Орде много лет и много детеи породи и тако от Черкутлуева царства** [Черклуева царство] **роду Кияты родословятца** [родословятся] **и имянуются царьского** [царскаго] **роду даже и до Мамая царя.** [А у Мамая царя] **сын Меркисуат** [Мансур-Кият] **а у Меркисуата** [Мансур-Кията князя] **дети** [дети два сына]... (далее излагается судьба потомков Мансура)[4].

Попытаемся разобраться в некоторых реалиях и сюжетах, отраженных в этом несомненно путанном и отрывочном фрагменте.

* * *

«Князи же убо Кияты качевали [кочевали] **на сеи стороне Волги да Книгиза царя** [до Чинги царя, а] **имянем подчтенно** [почтенно] **государьство** [государство] **имели от иных стран писали к ним называючи их падышаг** [падшим] **еже есть государь...»**

Эти самые первые фразы «Подлинного родослова» понять несложно: до Чингис-хана князья кияты кочевали на этой стороне Волги, имели уважаемое государство (если только «имя почтенное» не отнесено здесь к Чингису), и из других стран к ним писали, обращаясь *па-*

[3] Публикатор И.И.Мещанинов, исходя из своего понимания текста, добавил в скобках предлог: «и (с) Кияты».

[4] В цитатах полужирный шрифт и курсив мой.

дишах, т.е. «государь». У автора настоящей статьи создалось впечатление, будто самое начало анализируемого фрагмента отсутствует. Ведь в нем нет важнейшего элемента родословных — имени первопредка, родоначальника. Речь сразу ведется о безликой совокупности киятских князей.

Расселение киятов в дочингисовскую эпоху по известным источникам однозначно связано с территорией Монголии. Рашид ад-Дин в своем знаменитом труде «Джами ат-таварих» («Сборник летописей», начало XIV в.) поместил рассказы о происхождении (генеалогии) племени киятов и еще несколько раз упомянул об их судьбе в Монгольской империи. Собственно, таких рассказов два. По одной версии, кияты — это потомки Кияна, одного из двух (наряду с Нукузом) первопредков монгольских племен. «Кият — множественное число от киян; тех из этого рода, которые ближе к его началу, называли в древности кият» [Рашид-ад-дин, 1952а, с. 154]. Таким образом, данный этникон служил обозначением части древнемонгольских родов. Причем хронист оговаривает, что существовала «главная часть [племени], восходящая к Кияну» [Рашид-ад-дин, 1952а, с. 154].

Из рода Кияна происходили и предки Чингис-хана (ради изложения родословной последнего персидский историк, собственно, и предпринял свой экскурс в те легендарные времена). У потомка праматери Алан-Гоа в шестом колене, Кабул-хана, было шесть сыновей. «Так как они все были богатырями, великими и пользующимися уважением людьми и царевичами, то кият стало вновь их прозванием» [Рашид-ад-дин, 1952а, с. 155]. Следовательно, древнее родоплеменное имя на какой-то период вышло из употребления и возродилось в качестве почетного прозвища[5] (по Рашид ад-Дину, само слово *кият* означает «бурный горный поток»). Из киятов происходил и основатель Монгольской империи. Однако в источнике особо оговаривается, что, «несмотря на то, что Чингиз-хан, его предки и братья принадлежат... к племени кият, однако прозванием детей Есугэй-бахадура, который был отцом Чингиз- хана, стало Кият-Бурджигин; они — и кияты, и бурджигины» [Рашид-ад- дин, 1952а, с. 155].

[5] Т.Д.Скрынникова справедливо указывает, что в данном случае реальная родственная связь Кабула с Кияном не была актуальной, так как реанимация понятия *кият* использовалась как «традиционный механизм легитимации» через нарекание лидером подвластной ему группы авторитетным в прошлом именем [Крадин, Скрынникова, 2006, с. 181, 182]. Любопытные наблюдения над «династическим» статусом киятов и кият-борджигинов, их генеалогическим соотношением с прочими племенами в доимперской Монголии см. [Крадин, Скрынникова, 2006, с. 165 и сл.].

Различие между киятами в целом и кият-борджигинами как их привилегированной частью проявилось при создании империи. Более того, даже сонм Чингисовых сородичей, не принадлежавших к его семье, не получил каких-либо преимуществ. В государстве сформировался правящий «конический клан» с выделением главной линии борджигинов — династии Чингисидов (подробнее см. [Трепавлов, 1993, с. 102–104]). Остальные кият-борджигины и тем более «просто» кияты оказались в одном ряду с прочими нецарственными монгольскими и тюркскими родами. Хотя в местническом порядке монгольских племен они стояли ближе всех к правящему «золотому роду», но в условиях имперской и улусной государственности XIII–XIV вв. теоретические преимущества от этой генеалогической близости были сведены на нет. Киятам отводилось место у подножия ханского престола, наравне с прочими подданными[6].

Причисление в «Джами ат-таварих» сыновей Кабула к уважаемым людям и царевичам перекликается с данными «Подлинного родослова» о почтении к киятам «от иных стран» и титуловании их падишахами еще до воцарения Чингис-хана в 1206 г. В этом же ряду находится информация «Монгол-ун нигуча тобчиан» («Тайной истории монголов», приблизительно вторая четверть XIII в.) о каганском (*хаган*) титуле прадеда Чингис-хана, Хабула, и преемников последнего, двоюродного брата — Амбагая и сына — Хутулы [Козин, 1941, § 48, 50–53]. Известно, что в этой части раннесредневековой Евразии данный титул обозначал высший монархический ранг (сопоставимый с персидским *падишах*). Обретение царского достоинства предводителем киятов отразилось и в китайских текстах. В 1147 г. монгольский правитель Аоло-боцзиле (Олунь-бэйле) отверг предложенный ему чжурчжэнями княжеский титул как недостаточно высокий и провозгласил себя *цзу-юань хуанди* (императором–основателем династии) с объявлением девиза правления — на китайский манер [Васильев, 1857, с. 90; Бичурин, 1950, с. 379]. Аоло-боцзиле — это не имя, а титул, означающий в переводе с китайского «предводитель ставки, лагеря»; носителя этого титула ряд исследователей отождествляют с Хабулом (см. [Кычанов, 1997, с. 179, 180]).

---

[6] А вот другой тезис Т.Д.Скрынниковой — о том, будто «в процессе создания Чингис-ханом Монгольской империи принадлежавшие к роду кият получают преимущества», — не находит подтверждения в известных мне источниках; да и сама Татьяна Дмитриевна его фактически не аргументирует. Ведь не считать же аргументом приводимую ею констатацию Рашид ад-Дином пребывания киятов на правом крыле войска при Чингис-хане и в Джучиевом улусе при хане Тохте [Крадин, Скрынникова, 2006, с. 185]! Никаких «преимуществ» я здесь не вижу.

Вторым (после Кияна) эпонимом киятов Рашид ад-Дин называет Мунгэду-Кияна — старшего сына Чингисханова деда Бартан-бахадура, т.е. дядю Чингис-хана. Сын Мунгэду-Кияна, Чаншиут, во времена Чингис-хана ведал «войском, племенами и подчиненными» отца. Затем руководство перешло к следующему поколению потомства Мунгэду-Кияна — к тысячникам Куки-нойону и Мугэту-бахадуру. После этого Рашид ад-Дин сообщает о расселении киятов в Золотой Орде: «Большинство этого племени находится в Дешт-и Кипчак у Токтая; эмиры их многочисленны и пользуются значением» [Рашид-ад-дин, 1952б, с. 46][7]. Здесь персидское выражение *Дешт-и Кипчак* имеет не прямое значение «Кипчакская степь» (регион от Иртыша до Дуная), а в соответствии с персидской историографической традицией служит синонимом Улуса Джучи (см. [Арсланова, 1991, с. 43; Арсланова, 2002, с. 199, 200])[8]. Нам важна привязка киятов к золотоордынскому хану Тохте (прав.1291–1312), поскольку ниже, как мы увидим, он фигурирует в «Подлинном родослове». Эта оговорка хрониста тем более важна, что в разделах, специально излагающих историю Джучидов, он не упоминает о киятах и о выдающемся значении их эмиров[9].

Причем если Дешт-и Кипчак можно трактовать предельно широко, как громадную ордынскую державу, разделенную на два автономных крыла, то еще одно упоминание Тохты Рашид ад-Дином свидетельствует о концентрации киятов (по крайней мере значительной их части) именно в ханстве правого (западного) крыла, где тот царствовал: «Тысяча Куки-нойона и Мугеду-Кияна, сыновей Кияна. Племя кият, *которое в настоящее время находится у Токтая* и о котором говорят, что оно составляет один туман, и большинство других киятов суть из их потомства» [Рашид-ад-дин, 1952б, с. 270]. В таком случае представляется вероятным, что главы (беки) киятского эля (племени) XIV в., о которых пойдет речь ниже, вели происхождение от этих тысячников — современников Чингис-хана и великих завоеваний — независимо от того,

[7] Тут же хронист сообщает, что часть киятов служит каану (т.е. проживает в Монголии или Китае) и вообще: «Племена кият многочисленны. Однако это кияты особые...» Возможно, персидский автор сам не вполне разбирался в хитросплетениях межплеменных связей, так как в другом месте своего труда говорит определенно: «Все кияты происходят из потомков этого Мунгэду-Кияна» ([Рашид-ад-дин, 1952б, с. 49].

[8] Сходное значение данное название имело и у арабских авторов XIII–XVI вв., хотя иногда они называли Дешт-и Кипчаком только степную часть Улуса, населенную в основном потомками кипчаков (см. [Мустакимов, 2001, с. 267–271]).

[9] В дальнейшем арабо-персидское обозначение кочевой аристократии *эмир* мы в своем тексте будем заменять тюркским синонимом *бек*.

кем являлись возглавляемые ими соплеменники, кипчакизированными монголами или кипчаками, принявшими монгольский этникон.

Переселение киятов в Дешт, как и миграции прочих монгольских племен, в источниках не отражено. Их молчание по этому поводу породило в литературе убеждение в мизерной численности восточных мигрантов по сравнению с местными кипчаками, которые в конце концов ассимилировали пришельцев[10]. О судьбе киятов в северо-западном улусе Монгольской империи есть упоминание в сочинении хорезмийца Утемиш-хаджи «Тарих-и Дост-султан», или «Чингиз-наме» (середина XVI в.): после завершения завоеваний «Саин-хан (Бату. — *В.Т.*)... роздал... всем своим родственникам роды и племена и назначил [им] земли и юрты». В том числе своему брату Шайбану (Шибану) он дал «десять тысяч кыйатов [и] йуралдаев и отправил [его], назначив в вилайеты Крыма [и] Каффы». Этот тумен Шибан получил в добавление к тридцати тысячам, племенной состав которых хронист не уточняет [Утемиш-хаджи, 1992, с. 94, 95][11].

Судя по последовательности событий в изложении Утемиш-хаджи, данная инвеститура состоялась после первого Русского похода 1237–1238 гг. и до нашествия на Южную Русь и Центральную Европу в 1240–1242 гг. Рашид ад-Дин датирует завоевание Крыма царевичами Шибаном, Бучеком и Бури 635 г.х. (24 августа 1237–13 августа 1238 г.) [Рашид-ад-дин, 1960, с. 39]. Крымская кампания оказалась в одном ряду с тогдашними монгольскими рейдами против черкесов, мордвы и уцелевших половцев [Каргалов, 1967, с. 112].

Другой хронист, Абу-л-Гази, не сообщает о передаче Крыма в удел Шибану. В его повествовании первым, кто получил полуостров в управление, был Уран-Тимур, сын Туга-Тимура, и произошло это уже при хане Менгу-Тимуре (прав. 1266–1282) [Aboul-Ghazi, 1871, с. 173 (араб. паг.)] (см. также [Смирнов, 2005, с. 80]). Впрочем, известно, что принадлежность улусов изменялась в первые десятилетия существования Золотой Орды [Федоров-Давыдов, 1973, с. 52–55] и смена царевича-наместника не влекла за собой исхода населения улуса. То есть кияты, если они пришли с Шибаном и поселились в Крыму, могли там

[10] Анализ проблемы см. [Кляшторный, Султанов, 2004, с. 217–224; Костюков, 2006].

[11] Абу-л-Гази свидетельствует, что после возвращения из европейского похода Бату выделил Шибану 15 тыс. семейств из племен кушчи, найман, карлык и буйрак [Aboul-Ghazi, 1871, с. 181 (араб. паг.)]. Кияты, таким образом, здесь не фигурируют, как и при описании Абу-л-Гази пожалований Бату другому брату, Туга-Тимуру. Не упоминаются они и у Махмуда б. Вали при перечислении племен, участвовавших в завоевательных кампаниях Бату (см. [Ахмедов, 1965, с. 163]).

оставаться и после того, как он оставил это владение, — вплоть до эпохи Тохта-хана, о чем мы узнали от Рашид ад-Дина (см. выше).

Итак, становится понятным, что, во-первых, кияты жили в Джучиевом улусе и участвовали в формировании его улусной системы еще при Бату (ум. в 1255 или 1256 г.); во-вторых, уже тогда, в начале истории Золотой Орды, они были связаны с Крымским вилайетом. Очевидно, часть этого эля переселилась туда, а другая часть осталась кочевать к востоку от Волги, на территории Казахстана, так как в событиях XIV в., связанных с предками Глинских, как мы увидим, будет задействована именно восточная группировка[12].

В таком случае выражение «Подлинного родослова» о кочевании «на сеи стороне Волги» вполне резонно может трактоваться как пребывание в таврических степях. В общем-то оно не обязательно должно обозначать западную от реки сторону, поскольку неизвестно, где составлялся «протограф» и на каком берегу находился в то время его автор. Однако если принять датировку М.Е.Бычковой, то получается, что «Подлинный родослов» составлен уже в Московском государстве и для чтения в русской среде. Тогда «сия сторона» — это, конечно, правобережье, на котором часть эля во главе с Мамаем проживала во второй половине XIV в. (см. ниже)[13].

Незаметно, чтобы генеалогическое родство с царствующим домом как-то повлияло на статус киятского эля в Золотой Орде. Он ничем не выделялся среди множества других элей, и составители пространных списков *улатийа* (кочевых элей Дешт-и Кипчака) XV–XVII вв. помещали киятов в ряду прочих 92 племен далеко не на первом месте[14].

Таким образом, буквальное понимание первого предложения «Подлинного родослова» не находит подтверждения в источниках. Нет никаких, даже косвенных данных ни о проживании киятов к западу от Волги до монгольского нашествия, ни об их «почтенном государстве». Указанная территория в XII — начале XIII в. служила обиталищем кипчакских племен, среди которых, судя по средневековым хроникам, кияты не числились. Волго-Донское междуречье и степи далее к западу

[12] Забегая вперед, укажем, что В.П.Юдин также пришел к выводу о существовании двух подразделений киятского эля. Он опирался на свидетельство Утемиш-хаджи об уходе одного киятского предводителя, Мамая, в Крым, а другого, Тенгиз-Буги, на Сырдарью в 1360-х годах [Юдин, 1992б, с. 62]. Однако мы видим, что Крым был предоставлен для поселения этому племени еще во второй четверти XIII в.

[13] А.А.Шенников объясняет выражение «на сеи стороне Волги» тем, что анонимный составитель первоначального текста находился в Сарае [Шенников, 1981, с. 10]; но данный тезис никак не аргументируется.

[14] Эти списки и их анализ см. [Султанов, 1982, с. 15 и сл.].

были заняты половецко-куманскими племенными союзами бурджоглы (летописные бурчевичи), калабалы или кара бёркли (колобичи), йетиоба (етебичи), дурут ~ дурутоба? (терьтробичи?), улашоглы (улашевичи?), тогрулоба (тарголове?), токсоба (токсобичи), урусоба (урусовичи) [ПСРЛ, 1962, с. 646, 671, 676]. Накануне монгольского нашествия наиболее значительными среди них были, очевидно, дуруты, из которых, возможно, происходила династия хана Котяна[15]. Именно их владение теоретически могло тогда претендовать на статус «почтенного государства», а правитель — на ранг падишаха. Но как бы то ни было, к киятам котяновские кипчаки скорее всего не имели никакого отношения[16].

Очевидно, в начальных фразах «Подлинного родослова» запечатлено воспоминание о высоком статусе киятских правителей, предков Чингис-хана, в Монголии. Других исторических эпизодов, которые могли бы служить обоснованием «падишахского» статуса древних предводителей этого эля, нам отыскать не удалось.

Кстати отметим, что в тексте проступает тонкое различие между ханским («царским») и бекским («княжеским») рангами, характерное для восточноевропейских наблюдателей, следивших за событиями в распадавшейся Золотой Орде и наследных ханствах. В первой же фразе предводители киятов титулуются князьями и, судя по контексту, несопоставимы с Чингис-ханом — «Чингизом царем». Царское звание будто бы приходит к ним лишь во времена Кутлуя. Следовательно, титул *падишах*, якобы прилагавшийся некими иноземными монархами к киятским бекам, служил лишь лестным эпитетом, который не отражал их реального, «царского» статуса.

---

[15] О племенной принадлежности Котяна упоминает ан-Нувайри [Тизенгаузен, 1884, с. 541].

[16] Об этнонимах домонгольских кипчаков см. [Тизенгаузен, 1884, с. 540, 541; Ахинжанов, 1989 с. 261–263; Плетнева, 1990 с. 201–205 (Этногеографический указатель)]. Шихабутдин Марджани цитирует хронику арабского автора Абу Абдаллаха ад-Димашки аз-Захаби (конец XIII–XIV в.), где перечисляются кипчакские племена: беркева, туксаба, исиа, барт, аларс, барх улы, мангу улы, ямак. «Все они (т.е. названные восемь племен. — *В.Т.*) являются хорезмскими кипчаками, кроме них есть еще такие племена, как: тыйг, башкут, камангу, бизанга, банджа, кара буклу, аз, жыртын, и другие более мелкие племена» [Марджани, 2005, с. 38–39]. Как видим, кияты в этом перечислении тоже не значатся. Более того, нет здесь и могущественных дурутов. Хотя можно узнать известных по другим текстам токсоба (туксаба), бурджоглы (барх улы), йемеков (ямак), кара бёркли (кара бурклу), башкуртов (башкут), азов. Впрочем, в другом месте своего труда Марджани приводит рассказ Ибн Халдуна о вражде между кипчаками дурут (дэрт) и токсаба накануне монгольского нашествия [Мәржани, 1989, с. 157; Марджани, 2005, с. 89].

Присутствие в русском памятнике XVI в. отголосков генеалогических легенд, изложенных когда-то в официальной монгольской хронике Рашид ад-Дина, не должно удивлять. Его «Джами ат-таварих» уже при жизни автора служил на мусульманском Востоке источником исторических сведений для многочисленных сочинителей — и оставался таковым вплоть до XX в. К тому же известно, что с персоязычного труда Рашид ад-Дина вскоре после его завершения были сделаны тюркский и, возможно, монгольский переводы, что еще более расширило круг читателей [Султанов, 2005, с. 202, 207, 208, 220]. Несомненна популярность «Сборника летописей» и на пространстве бывшей Золотой Орды в XV–XVII вв. (см. сочинения Абу-л-Гази, Кадыр Али-бека Джалаира и др.). Хоть немного искушенный в восточной историографии средневековый автор наверняка был знаком с сочинением Рашид ад-Дина или с одним из множества его переложений. Если версия «Подлинного родослова» о начальной истории киятов исходила из тюркской среды, то более чем вероятно влияние на нее (версию) «Джами ат-таварих» — самого популярного в мусульманских странах источника об истории монголов до XIII в.

* * *

«...**И пришед Книгиз царь** [Чинги царь] **велику брань сотворил с Кияты и последи умираше и вдал Книгиз царь** [Чинги царь] **дщерь свою Залохубъ** [Залохубь] **за Бурлу** [Бурлуда] **и Кияты Тохтоспа** [Тохкоспа] **Чингизу царю** [Чингиз царь] **бездетну сущу и в приближение днеи** [приближися дни] **его смерти преждереченным** [прежереченным] **же Киятом в тоже время не владущи и падшаго именем...**».

При толковании этого фрагмента возникают трудности. Приблизительно картина выглядит так: Чингис-хан, напав на киятов, вступил с ними в жестокую войну, и последние из них (очевидно, из их князей-«падишахов») умерли (погибли?). Чингис-хан выдал свою дочь Залохуб за Бурлу или Бурлуда — может быть, вместе с уцелевшими киятами (если «за Бурлу и с кияты»). Затем идет слово *тохтоспа*, которое кажется не связанным ни с предыдущим, ни с последующим текстом. Из дальнейшего повествования представляется, что это скорее всего личное имя одного из персонажей «Подлинного родослова», фигурирующего ниже, — «Тохтаго». Если же, следуя источнику, попробовать связать его со стоящим за ним именем Чингис-хана, то получается, что «Тохтоспа-Чингис» был бездетен, и приблизились дни его смерти. Конец фрагмента понять проще: вышеупомянутые («преждереченные»)

кияты — т.е. опять же их князья — в то время не имели власти и (своего прежнего) звания падишаха.

Последовательность слов в «темной» фразе о выдаче дочери можно интерпретировать и по-иному: Чинги дал дочь некоему Бурлу, а киятов — Тохтоспе. Если видеть в последнем хана Тохту, то вспоминаются настойчивые привязки Рашид ад-Дином киятов именно к этому джучидскому правителю (см. выше). Тогда можно предположить, что Бурлу~Бурлуд, названный рядом с Тохтой, имеет какое-то отношение к этому монарху.

В самом деле, у хана Тохты был старший (но не самый старший) брат по имени Бурлюк. Так его имя записано арабскими хронистами; у Рашид ад-Дина и в «Муиззе» он — Баркук. Источники сохранили мало сведений об этом царевиче. После смерти хана левого крыла Джучиева улуса, Кончи, в самом начале XIV в. ему наследовал его брат Куйлюк. Другой брат, Баян, считая себя обойденным, обратился за помощью к Тохте, и тот «помог ему через своего брата Бурлюка». В результате Куйлюку удалось свергнуть брата и завладеть престолом. Не устояв против другого претендента, своего племянника Куштая, Баян вторично воззвал к Тохте и опять получил поддержку — но на этот раз Бурлюк не упоминается [Тизенгаузен, 1884, с. 394, 513, 551].

История «казахстанской» части Улуса Джучи очень слабо освещена в источниках. Нет данных о какой-то выдающейся роли Бурлюка в заволжских степях во время этих, несомненно дальних и тяжелых походов. Тем более ничего не знаем мы о его связях с киятами. Однако арабские хронисты почему-то отметили его кончину (в 1309-10 г.) — наверняка со слов ордынских послов, которые посчитали нужным посвятить своих египетских собеседников в это, как выясняется, нерядовое событие в жизни огромного, многолюдного дома Бату (см. [Тизенгаузен, 1884, с. 123 (Бейбарс), 162 (ан-Нувайри), 384 (Ибн Халдун), 513 (ал-Айни)]). Что-то побудило их поделиться этой горестной новостью — может быть, близость покойного к хану Тохте? Известно, что с некоторыми своими братьями тот смертельно враждовал. А вот Бурлюк был верным соратником Тохты во время жестокого противостояния с беклербеком Ногаем в последние годы XIII в. После разгрома последнего в 1300 г. именно в ведение Бурлюка Тохта передал бывшие владения поверженного соперника [Тизенгаузен, 1884, с. 117, 384].

Если мы попытаемся идентифицировать Бурлу(да) как Бурлюка, то женитьба его на дочери Чингис-хана невероятна. В отличие от потомства многих десятков царевичей рубежа XIII–XIV вв., при перечислении которого неизбежны были пропуски и путаница, состав семьи основателя Монгольской империи был известен досконально. Правда,

дочерям Чингис-хана, как обычно, практически не уделялось внимания, но они все равно известны, равно как и их мужья, и пары «Залохуб — Бурлу(д)» среди них, кажется, нет[17].

[17] Просто для того, чтобы проиллюстрировать этот очевидный вывод, перечислим царевен-«Чингисовен», сведя информацию из четырех хроник. Это официальные летописные своды: «Джами ат-таварих» Рашид ад-Дина и анонимная «Монгол-ун нигуча тобчиан»; монгольское сочинение «Алтан тобчи» («Золотой свод») Лубсан Данзана (конец XVII в.), который опирался на «Тайную историю монголов», но добавлял сведения и из других текстов; наконец, сочинение «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме» («Избранные истории книги побед», начало XVI в.), изданное И.Н.Березиным под названием «Шейбаниада». Автор его неизвестен, но иногда это произведение историки приписывают Мухаммеду Шейбани. Оно показательно как отражение информированности тюркоязычных интеллектуалов Средней Азии и Дешт-и Кипчака о давних событиях и правителях; к тому же предполагаемый автор «протографа» начальной части «Подлинного родослова» принадлежал именно к этой культурной среде. Последние два сочинения отразили историографические познания о династии Чингисидов соответственно на востоке и на западе бывшей Монгольской империи через несколько столетий после ее распада.

Таблица

Дочери и зятья Чингис-хана, по восточным источникам

Рашид ад-Дин. «Джами ат-таварих»	«Монгол-ун нигуча тобчиан»	Лубсан Данзан. «Алтан тобчи»	«Таварих-и гузида-йи нусрат-наме»
Фуджин-беги муж — Буту-гургэн из племени икирасов			Фуджин-бикэ муж — Бегун Буту Куркан из племени икирасов
Чичиган муж — Торэл-чи-гургэн, сын государя ойратов	Чечейген муж — Инальчи, сын предводителя тумен-ойратов	Сэчэйгэн муж — Иналчи, сын предводителя тюмен-ойратов	Чичкан муж — Туралджи Куркан, сын государя ойратов
Алагай-беги муж — Джиджкан, сын государя онгутов	Алаха-бэки муж — из племени онгутов	Алаха-бэги муж — Арслан-хаган, государь карлуков	Аликай-бикэ муж — Дженгуй, сын государя онгутов
Тумалун муж — Гургэн-гургэн, сын государя кунгиратов			Тумалун муж — Куркан, сын государя конгиратов
Алталун (Алталукан) муж — Джаур-сэчэн из племени олкунутов		Илгалтун-бэги муж — уйгурский идухут	Алталун (Алталун Каан) муж — Гадыр Сачана из племени олкунутов
Ил-Алти муж — идикут уйгуров	Ал-Алтуна муж — уйгурский идуут	Ал-Алтан муж — Уран Чэнкюй из племени энгюдов	
	Хочжин-бэги	Ходжин-беки	

(см. [Березин, 1849, с. XLIV, XLV, 44, 45 (араб. паг.); Козин, 1941, § 165, 235, 238, 239; Рашид-ад-дин, 1952а, с. 70, 73; Лубсан Данзан, 1973, с. 138, 182–184, 186, 243]).

Итак, что касается сообщения «Подлинного родослова» о женитьбе некого Бурлуда на дочери Чингис-хана Залохуб, то с сожалением отметим, что в источниках по истории Монгольской империи и Золотой Орды нам не удалось обнаружить ни известий об этом событии, ни лиц, к которым можно было бы отнести эту информацию. Возможно, прав А.А.Шенников, утверждая, что фрагмент о женитьбе представляет собой инородное включение в генеалогическое повествование. Правда, этот автор предполагает, что целью данного включения было показать давнее родство предков Мамая с Чингисидами [Шенников, 1981, с. 12]. Но из текста невозможно понять, каким образом матримониальный сюжет связан с Мамаем[18].

Фраза «Тохтоспа [Тохкоспа] Чингизу царю [Чингиз царь] бездетну сущу» говорит об отсутствии потомства то ли у Тохтоспы, то ли у Чингис-хана. Последнее исключается, так как только что «Подлинный родослов» сообщил о дочери и зяте Чингис-хана. Да и вообще невероятно, чтобы тезис о бездетности относился к родоначальнику царственного «золотого рода». В таком случае остается Тохтоспа.

Предположим, что «Тохтоспа Чингиз царь» — это один человек и попробуем отождествить его с ханом Тохтой. Почему же рядом с его именем поставлено имя его прапрапрадеда? Оказывается, этот случай не уникален. И.Вашари обратил внимание, что в латинском переводе ярлыка 1356 г., выданного ханом Джанибеком генуэзцам г. Таны (Азака, Азова), присутствует фраза *Nos magnificus imperator generalis Zanibech Cinis kan* (Мы, благородный великий император Джанибек Чингис-хан). Венгерский исследователь указал в этой связи на именование ханом Тохтамышем себя как Чингис-хана в татарском дастане «Идегей»: «Үзем Чынгыз тугелме?» (Разве я сам не Чингиз?) [Вашари, 2002, с. 201]. «Отождествление актуального хана Чингисида с предком» (И.Вашари) — на сей раз крымского Менгли-Гирея с Тохтамышем — зафиксировано в конце XV в. В переведенном на русский язык пересказе мангытского бека Хаджике обращенные к нему слова хана звучали так: «И волной человек Менли-Гирей царь пожаловал — великой царь Тактымыш яз буду, а великим князем ты будешь...» (цит. по [Сыроечковский, 1940, с. 36]).

Если видеть в «Тохтоспе Чингизе царе» Тохту, то бездетность ему приписана на первый взгляд тоже незаслуженно: жены подарили хану

[18] Просто в виде догадки, домысла рискну высказать мнение, что *залохубъзабурлу* может оказаться какой-то тюркской(?) фразой, оставленной по каким-то причинам без перевода. Мне приходилось сталкиваться с подобными случаями при изучении ногайско-русской дипломатической переписки XVI в.

по меньшей мере трех сыновей, сведения о которых отложились в хрониках: Ябарыша (Балуш), Ильбасара (Иксар, Эльбасар, Ильбасмыш, Ильбахадур), Тугел-Бугу (Тук-Буга) [Тизенгаузен, 1884, с. 117, 123, 384; Рашид-ад-дин, 1960, с. 73; Утемиш-хаджи, 1992, с. 102; Золотая Орда, 2003, с. 438, 283, 284]. Однако царевич Ильбасар, который выглядит в источниках как потенциальный престолонаследник, умер еще при жизни отца (о судьбе других сыновей в хрониках ничего не говорится) [Тизенгаузен, 1884, с. 122, 162, 174, 206, 384; Утемиш-хаджи, 1992, с. 102][19], и свою смерть Тохта в самом деле встретил бездетным. Ибн Дукмак так и пишет: «Токта, скончавшись, не оставил по себе детей ни мужского, ни женского пола» [Тизенгаузен, 1884, с. 322].

Именно с этим роковым для ордынского престола обстоятельством связано первое появление киятов при дворе и в большой политике, их особое «значение» при «Токтае», по Рашид ад-Дину. Как рассказывает Утемиш-хаджи, старый и больной, оставшийся без наследников Тохта обрадовался, узнав, что его племянник Узбек стараниями главной ханши Баялун уцелел при истреблении ближних родичей, устроенном некогда ханом, чтобы освободить путь к власти для Ильбасара. «...Созвал он беков, дал Кыйат Исатаю и Сиджут Алатаю сорок тысяч человек и отправил [их] за Узбек-ханом» в Черкесские горы [Утемиш-хаджи, 1992, с. 102–103]. *Кыйат* и *Сиджут* являются обычными для средневековья прибавлениями к именам, определявшими элевую (племенную) принадлежность человека, который не происходил из «золотого рода». В данном случае это эли кият и сиджут (сиджиут).

По версии Утемиш-хаджи, Исатай и Алатай не только доставили юного царевича на родину, но и обезвредили дворцовый заговор против него, убив главного заговорщика, «черного человека» Баджира Ток-Бугу [Утемиш-хаджи, 1992, с. 102, 103].

Кадыр Али-бек Джалаир, написавший свой труд «Джами ат-таварих» в Касимове через полвека после Утемиш-хаджи, тоже знал об этих событиях и передал их, приведя похожие сведения: Тохта не оставил наследника; в то время Бачкир Ток-Буга был главным эмиром (*улуг умара*) и правил улусом; кият Исатай и чичут Алатай привезли из

[19] В двух хрониках сообщается об убийстве Ильбасмыша~Ильбасара Узбеком [Тизенгаузен, 1884, с. 100; Золотая Орда, 2003. с. 283]. Проанализировав многочисленные сведения о воцарении Узбека, Е.П.Мыськов пришел к выводу, что едва ли такое убийство случилось в действительности; вероятно, здесь отразились позднейшие репрессии Узбека против Джучидов [Мыськов, 2003, с. 153–158].

Ирана Узбека и сделали его ханом, прикончив Бачкира Ток-Бугу [Библиотека, 1854, с. 155 (араб. паг.)[20]; Джами ат-таварих, л. 60а].

Рассказ о предсмертном распоряжении Тохты — единственное, что, на наш взгляд, позволяет как-то объяснить малопонятную фразу «Подлинного родослова»: «Тохтоспа [Тохкоспа] Чингизу царю [Чингиз царь] бездетну сущу и в приближение днеи [приближися дни] его смерти...» Чингис-хан здесь оказывается ни при чем, а речь идет о хане Тохте, который, предчувствуя «приближение дней» своей кончины, распорядился относительно Узбека. Но вот сведения об этом распоряжении — и, стало быть, о начале карьеры киятов при дворе — по каким-то причинам выпали из текста генеалогии Глинских.

Бек Исатай фигурирует в арабских источниках как Иса Коркуз, в персидских — как Иса-гурган[21]. Его карьера достигла пика при Узбеке. Но мы видели, что еще Тохта расценивал его как своего преданного приближенного, поскольку доверил ему самое важное предприятие в деле передачи власти над ордынской державой.

Едва успев взойти на престол, Узбек учинил жестокую расправу над родственниками, которые приняли сторону Баджир Ток-Буги. В наказание за поддержку ими мятежника всех принцев Джучидов — «огланов Йочи-хана, родившихся от [других его] семнадцати сыновей» — он, если верить Утемиш-хаджи, отдал во владение Исатаю, причем хронист делает многозначительную оговорку о социальном статусе бека — Узбек в гневе изрекает: «...Я отдам вас в кошун *простолюдину*! (*кара кишигэ*)» [Утемиш-хаджи, 1982, с. 105, 132][22]. Здесь стоит напомнить констатацию «Подлинного родослова» относительно положения киятов в Золотой Орде: «Киятом в тоже время не владущи и падшаго именем». Ниже мы еще вернемся к этой необычной ситуации с огланами Джучидами, а пока посмотрим, что известно о карьере первого киятского бека, удостоенного высших придворных должностей.

Давняя кочевая традиция позволяла породниться с ханской семьей через брак с царевнами в виде особой милости или в знак благодарности за чрезвычайные заслуги; нередко такие браки заключались в по-

[20] В неполном списке, использованном И.Н.Березиным, содержатся только самые первые фразы повествования о Тохте и Ток-Буге: *Андын сонг Токтога олды онынг наслыдын хич ким балмады Бачкир Токбуга бики улуг умара бик болды.*

[21] *Гурган* — титул ханского зятя. Впервые Исатая, Ису Коркуза и Ису-гургана отождествил В.П.Юдин (Юдин, 1992б, с. 61, 67). Позднее к такому же выводу пришел Д.Девиз (DeWeese, 1994, с. 133).

[22] *Кошун* — удел, держание; термин имел также значение личного ополчения бека, не включаемого в десятичную структуру войск (см. [Федоров-Давыдов, 1973, с. 113; Manz, 1989, с. 186]).

литических целях. Исатай в полной мере воспользовался своими семейными узами. Гурганом он стал, женившись на Узбековой дочери Иткучук (ничего похожего на «Залохуб» из «Подлинного родослова»!). М.Иванич резонно считает, что этой чести бек удостоился за помощь в воцарении Узбека [Иванич, 2002, с. 283]. И сам хан взял в свой гарем дочь Исатая, Урдуджу, сделав ее, как сообщает Ибн Баттута, своей «четвертой хатун» [Тизенгаузен, 1884, с. 295].

Насколько можно судить по арабским хроникам, при Тохте и Узбеке Исатай занимал очень высокие посты. В 1302-03 г. он возглавлял золотоордынское посольство к ильхану Газану [Золотая Орда, 2003, с. 266, 267][23]. В иерархии беков он, видимо, стоял лишь на одну ступень ниже беклербека Кутлуг-Тимура и, следовательно, являлся главным военачальником левого крыла[24]. Именно с этими двумя сановниками Узбек обсуждал важнейшие вопросы (см. [Золотая Орда, 2003, с. 270, 272 (Вассаф)]). Вассаф, рассказывая о событиях 1318–19 г., называет Кутлуг-Тимура и Исатая эмирами улуса [Золотая Орда, 2003, с. 270].

Наивысший взлет гургана-кията произошел в 1321-22 г., когда «Узбек отставил своего наместника Кутлуктемира и поставил на его место Ису Куркуза»; правда, через два года хан вернул верховному беку его пост [Тизенгаузен, 1884, с. 328 (Ибн Дукмак), 388 (Ибн Халдун)]. Можно полагать, что впоследствии Исатай вновь удостоился высшего аристократического ранга, поскольку Ибн Баттута титулует «Исабека» старшим эмиром, начальником улуса и начальником эмиров [Тизенгаузен, 1884, с. 295] (последнее выражение передает точный смысл тюркского термина *беклербек*). Этот арабский путешественник, проезжая по Золотой Орде в 1333 г., застал Исатая тяжелобольным. Из-за подагры тот не мог самостоятельно ходить и ездить верхом, отчего его возили на арбе [Тизенгаузен, 1884, с. 296].

* * *

«...**и прииде царь Кутлуи** [приде царь Кутлуз] **ополчився и Тохтаго** [и ополчився Тохтагсеву] **орду взял и три царицы его взял за**

[23] Интересно, что при Газане пост беклербека занимал некий Нурин из племени киятов [Муизз, 2006, с. 93]. Как и в Золотой Орде, беклербек (*амир ал-умара*) в монгольском Иране являлся высшим должностным лицом после хана (см. [Хатиби, 1985, с. 22,23; Spuler, 1955, с. 400, 401]).

[24] Ибн Дукмак: «...Кутлуктемир... при жизни Токты правил делами государства и устройством дел его» [Тизенгаузен, 1884, с. 323]. Этот же автор, а также Ибн Халдун и ал-Айни приписывают Кутлуг-Тимуру, а не Исатаю и Алатаю, инициативу возведения на трон Узбека и успех в подавлении заговора [Тизенгаузен, 1884, с. 323, 385, 516].

себя и тако свершив цареи [и] **царствовал на Болшои** [Большой] **Орде много лет и много детеи породи...»**.

Судьбе Джучидов, отданных Узбеком в кошун Исатаю, посвятил небольшую статью В.П.Юдин. Собственно, передача в кошун сама по себе не означала каких-либо репрессий. Просто огланы Джучиды теперь обязаны были подчиняться киятскому предводителю как своему начальнику и сюзерену. Нет никаких данных о притеснениях царственных особ со стороны Исатая. К притеснениям прибегли его потомки.

Один из них — Джир-Кутлуг. О нем сообщает Кадыр Али-бек, повествуя о времени после смерти в 1357 г. преемника Узбека, хана Золотой Орды Джанибека: «В то время после Джанибек-хана всем улусом управлял (или: беком всего улуса был. — *В.Т.*) Чир-Кутлу, сын кията Исатая. Урус-хан убил Чир-Кутлу» [Джами ат-таварих, л. 60а]. Надо полагать, Джир-Кутлуг занимал должность верховного бека в улусе левого крыла, т.е. на территории Золотой Орды к востоку от Яика. При самом Джанибеке, т.е. в ханстве правого крыла, в 1340–1350-х годах беклербеками состояли другие лица — Кутлуг-Буга и Могул-Буга. Их племенная принадлежность мне неизвестна. При сыне и преемнике Джанибека, Бердибеке (прав. 1357–1359), на первое место при дворе выдвинулся ханский воспитатель (*аталык*) Тулубай из эля канглы.

Восточные хронисты ничего не говорят о том, как был связан дарованный Узбеком Исатаю кошун с Джир-Кутлугом. Кое в чем здесь может помочь «Подлинный родослов». Ведь *царь Кутлуй ~ царь Кутлуз ~ Черкутлуй ~ Черклуй* — это, несомненно, не опознанное русским переводчиком и неведомое ему имя Джир-Кутлуг. Точно так же остался не узнанным хан Тохта — в варианте тюркú *Токтога* (ср.: *Тохтаго* орду, *Тохтагсеву* орду). Значит, речь в цитируемом выше отрывке «Подлинного родослова» ведется о том, что Джир-Кутлуг с помощью войска забрал себе орду (ставку) Тохты и трех его ханш. Это вполне оказывается в русле карательных мероприятий Узбека, который устроил массовые репрессии против своей родни не только после подавления заговора Баджира Ток-Буги, но и после своей знаменитой религиозной реформы — обращения в ислам (1314 г.). Получается, что семья и двор покойного Тохты очутились вслед за джучидскими принцами в полном распоряжении киятских беков.

А вот насчет того, действительно ли Джир-Кутлуг «царствовал на Большой Орде много лет», как утверждает родословная Глинских, нужно подумать. Характерно, что цитируемые нами тюркские хронисты как бы не замечают государей левого крыла — «казахстанской» части Джучиева улуса. Утемиш-хаджи после основателя восточного удела — Орду-эджена

обращается к заяицким Джучидам только при описании смуты 1360–1370-х годов, т.е. знаменитой «великой замятни» русских летописей[25]. Кадыр Али-бек из общеджучидских государей называет только Саин-хана (Бату), Тохту, Узбека и Джанибека. Их современников в левом крыле государства он тоже не считает нужным упоминать. И это несмотря на бурную, драматичную и, к сожалению, для нас почти неизвестную историю восточных Джучидов[26].

Как и когда умер Исатай, информации нет. Во всяком случае, при Джанибеке (прав. 1342–1357) он уже не упоминается. Следовательно, в тот период вероятен переход отцовских владений и полномочий к Джир-Кутлугу. К этим владениям и полномочиям в данном случае мы можем отнести предводительство над элем киятов и распоряжение судьбой Джучидов, отданных в кошун. Дальнейшая их участь, как мы увидим, связана с восточными степями. Похоже, что Исатай после пожалования остался вершить высокую политику в Сарае, а толпу царевичей и царевен, включая и овдовевший гарем Тохты, он вручил своим домочадцам во главе с Джир-Кутлугом. Тот явился на Волгу с многочисленной конной свитой (*ополчився* в «Подлинном родослове») и увел их куда-то за Яик.

Джир-Кутлуг сложил голову в сражении (?) с Урусом — будущим могущественным правителем Орды, сумевшим на некоторое время захватить Сарай (в 1375–1376 гг.). Урус начал борьбу за власть на рубеже 1350–1360-х годов, когда почти в одно время умерли верховный хан всего Улуса Джучи и одновременно его правого крыла, Бердибек (1359), и государь левого крыла, Чимтай (1360-61). Эта борьба завершилась установлением к концу десятилетия единодержавия Уруса; в ходе ее им были разгромлены и интриганы-сепаратисты, в том числе киятские беки[27].

После гибели Джир-Кутлуга этих беков возглавил его сын Тенгиз-Бога. Самостоятельное правление последнего Утемиш-хаджи датирует концом правления Бердибека. Правда, данный хронист называет Тенгиз-Бугу сыном Исатая и сообщает, что Джучиды-«невольники» достались Тенгиз-Буге после смерти отца. Однако, во-первых, в других местах этого сочинения отцом Тенгиз-Буги дважды назван Джир-Кутлуг;

---

[25] Правда, перед рассказом о ханствовании Берке он помещает «Начало повествования о Шайбан-хане», но это явно сделано для искусственного возвеличивания его современников, узбекских ханов — потомков Шибана.

[26] Из немногих исследований, специально посвященных истории ханства левого крыла, см. [Allsen, 1987; Ускенбай, 2002; 2003].

[27] О ханствовании Уруса см. [Ускенбай, 1999].

во-вторых, В.П.Юдин справедливо указал, что в данном случае понятия «отец» (*ата*) и «сын» (*огул*) имеют скорее характерные для тюркских языков широкие значения «предок» и «потомок» [Юдин, 1992а, с. 85].

Тенгиз-Буга характеризуется в источнике как бессердечный деспот. Он заставил царевичей из кошуна строить мавзолей над могилой своего отца, Джир-Кутлуга, и вдобавок придумал унизительную процедуру: во время пиршеств, устраиваемых Тенгиз-Бугой, «невольники» в любую погоду садились у дверей его юрты, прислушиваясь; когда оттуда начинала звучать хвалебная песнь (*кюй*), это означало, что их притеснителю пришел черед пить из чаши — в тот момент они должны были обнажить голову. Происходило все это в зимовье бека на Сырдарье [Утемиш-хаджи, 1992, с. 109].

В обстановке начавшегося в Золотой Орде безвластия и хаоса перед киятами стояли две насущные задачи. Они попытались, во-первых, сохранить влияние своего эля при сарайском дворе, укрепившееся при Исатае (используя многочисленных претендентов на трон из дома Джучи); во-вторых, заполучить власть, утвердившись в качестве беклербеков в Сыгнаке — столице ханства левого крыла. Для этого им предстояло найти огланов, согласных подчиняться киятам, и организовать их воцарение. В любом случае им предстояла жестокая борьба с джучидской аристократией и беками других элей. Первая задача начала успешно претворяться Мамаем: Бердибек выдал за него дочь [Тизенгаузен, 1884, с. 390], отчего киятский бек, как и его предок (дед?) Исатай, влился в высшие придворные сферы. Более того, Ибн Халдун уверяет, будто Мамай «в его (Бердибека. — *В.Т.*) царствование управлял всеми делами» — явно в должности беклербека [Тизенгаузен, 1884, с. 390].

Здесь имеется некоторое несоответствие в датировках. Джучиды-«невольники» строили мавзолей Джир-Кутлуга по приказу Тенгиз-Буги, и сам он увел племена на Сырдарью еще при Бердибеке. Тогда же Мамай обрел влияние в Сарае. Следовательно, убитый Урусом Джир-Кутлуг не пережил Бердибека. Стало быть, столкновение Джир-Кутлуга с Урусом произошло еще до начала открытой смуты и имело причиной какой-то неизвестный нам конфликт, возможно и не связанный с борьбой за власть и влияние.

Тенгиз-Буга попробовал было использовать царевича Кара-Ногая — потомка Джучи по линии Туга-Тимура, одного из своих «невольников» — в качестве марионетки на троне. Однако тот в сотрудничестве с другими царевичами (и с беками других элей, как предполагает В.П.Юдин) зарезал интригана [Утемиш-хаджи, 1992 с. 111, 112; Юдин,

1992б, с. 72]. Мамай, как известно, был более удачлив на этом поприще. На западе Золотой Орды он сумел устроить дело так, что безвластные, поставленные им ханы были во всем ему покорны.

Утемиш-хаджи приписывает киятским предводителям инициативу массовых миграций ордынских кочевников, причем датирует их периодом правления Бердибека: «В его время было много смут. Кыйат Мамай забрал правое крыло и ушел с племенами в Крым, [а] левое крыло увел на берег реки Сыр Тенгиз-Буга, сын Кыйата Джир-Кутлы» [Утемиш-хаджи, 1992, с. 108]. Однако мы видели, что у Мамая в период царствования этого хана не было причин уходить из волжской столицы Орды. Поэтому ближе к истине, наверное, Ибн Халдун, который пишет, что «Мамай выступил в Крым» лишь «после того, как Бердибек умер и [верховной] власти не стало» [Тизенгаузен, 1884, с. 390].

В нашу задачу не входит анализ деятельности Мамая в должности главного бека в 1360–1370-х годах. Об этом существует обширная историография (см., например, [Григорьев, 1983, с. 9 и сл.; Григорьев, 2004, гл. VI; Егоров, 1980, с. 174–213; Кучкин, 1996]). Заметим лишь, что Крым явно не случайно был избран Мамаем для поселения[28]. В общем-то этот край находился в его ведении как бы по должности: беклербек командовал правым крылом в ханстве западных Джучидов, к которому (крылу) принадлежал и Крым[29]. Но кроме того, как говорилось выше, Крым еще с начала существования Золотой Орды служил юртом киятам[30] — той их части, что обосновалась в ханстве правого крыла. Думается, что этих своих соплеменников Мамай решил использовать в качестве опоры в борьбе за удержание власти на западе государства.

После разгрома Мамая Тохтамышем в 1380 г. и его убийства в Кафе место киятского беклербека при золотоордынском дворе занимали представители кунгратов, ширинов и мангытов.

В тюркском фольклоре отложились сведения еще об одном персонаже, связанном с возвышением киятов. В анонимном сочинении «Дафтар-и Чингиз-наме» (конец XVII в.) содержится «Глава, излагающая дастан об Амете, сыне Исы», кое в чем перекликающаяся с эпопеей по спа-

[28] Некоторым подробностям пребывания Мамая в Крыму посвящена недавняя работа А.П.Григорьева [Григорьев, 2003].

[29] Ибн Халдун: «Мамай при Бердибеке «управлял всеми делами. *К его владениям принадлежал город Крым*» [Тизенгаузен, 1884, с. 390].

[30] По подсчетам В.А.Бушакова, из более чем трехсот названий крымских селений, в которых фигурировали родоплеменные названия, 26 содержали этникон *кият* [Бушаков, 1992].

сению Узбека в изложении Утемиш-хаджи. Выполняя поручение хана Джанибека, Исаоглы Амет вернул на родину его бежавших детей — царевича Бердибека и дочь. Волей обстоятельств Амет стал мужем этой принцессы, а после смерти Джанибека управлял половиной ханского улуса (*ханнынг йарты йуртын бийледи*). Сын же от этого брака был разлучен с родителями и вырос разбойником с именем-прозвищем Салчи (Плотогон) [Ivanics, Usmanov, 2002, с. 82–87].

Дастан об Амете, сыне Исы, с изложением аналогичной истории сохранился также в татарском фольклоре (см. [Борынгы, 1963, с. 176–180]).

М.И.Ахметзянов, М.Иванич, М.А.Усманов сопоставляют отца героя, Ису (Айсу), с киятским беком Исой [Әхмәтҗанов, 2002, с. 102; Иванич, 2002, с. 281, 283; Усманов, 1972, с. 115][31]. Да и Салчи имеет прототип в астраханском князе Салчее[32], упоминаемом в русских летописях под 1375 г. Родство с Исой, бекское звание[33], место и время деятельности позволяет отнести Амета к знакомой нам группе (семье) киятских аристократов, сделавших карьеру при сарайском дворе в середине XIV в.[34].

Участие киятов в политических событиях заметно во время и после распада Золотой Орды, а в конце ее истории они, похоже, снова доминировали в ханской ставке. Во всяком случае, в 1501 г., накануне окончательного разгрома крымцами Большой Орды, ее последний хан Шейх-Ахмед писал польскому королю и великому князю литовскому Александру: «Кияты князья Мамаевы истинные дети... здесь, рядом со мной в моем царстве справа и слева уланы, князья, четыре корачи большие, у меня нет слуг бóльших и лучших, чем Кияты князья» (цит. по [Шенников, 1981, с. 6–7]).

---

[31] М.И.Ахметзянов и Д.М.Исхаков соотносят этого Амета с легендарным ханом Амат-Хаматом (Амат-Саматом) башкирских и татарских шеджере, который был современником Тимура [Әхмәтҗанов, 2002, с. 101, 102; Исхаков, 1999] (тексты см. [Әхмәтҗанов, 2002, с. 84; Башкирские, 2002, с. 60]). Кроме того, Д.М.Исхаков путем сложных умозаключений пришел к выводу, что Амат-Хамат принадлежал к элю кунгратов [Исхаков, 1999]. Однако между двумя фольклорными персонажами, бием Аметом и ханом Амат-Хаматом, не заметно никакой связи, за исключением сходства имен.

[32] А.П.Григорьев отождествил его с Хаджи-Черкесом, одним из недолговечных правителей периода «замятни», что встретило обоснованные возражения И.В.Зайцева [Григорьев, 1983, с. 44, 45; Зайцев, 2004, с. 18, 19].

[33] Амет в «Дафтар-и Чингиз-наме» назван беком (бием): *Амет бийнынг бир кулы бар эрди* [Ivanics, Usmanov, 2002, с. 84].

[34] А если учесть еще женитьбу на царевне и управление половиной ханства, то можно предположить, что прообразом этого персонажа послужил Мамай. Исаоглы, как указывалось выше, может обозначать не только «сына Исы», но и «потомка Исы».

Через полстолетия после низвержения Мамая предводитель киятов, потомок Исатая Бузанджар-бек, упоминается как один из активных сторонников могущественного узбекского хана Абу-л-Хайра (правил на территории Казахстана в 1428–1468 гг.) [Таварих, 1967, рис. 262; Материалы, 1969, с. 16, 96, 97]. Киятские беки были и в Ногайской Орде XV–XVI вв. [Посольская, 1984, с. 39 («Кият Азехметь князь»); Российский гос. архив древних актов, ф. 127, оп. 1, д. 4, л. 149 («Кизай князь кият»); д. 5, л. 78 («Семен мурза кият»)] (правда, там они всегда оставались на третьестепенных ролях, подчиняясь правящей мангытской знати). Но в целом к XVI в. этот эль окончательно утратил первенствующее положение. Его ответвление, закрепившееся в Крыму, в период ханствования Гиреев не пользовалось никакими статусными преимуществами. Лишь в конце XVI столетия киятский ички-бек Карачай (очевидно, глава эля в Крымском юрте) играл заметную роль в политике[35].

Слова «Подлинного родослова» о Джир-Кутлуге («царе Кутлуе») «тако свершив цареи [и] царствовал на Болшои Орде много лет» в некотором смысле отразили реальную ситуацию, когда многие царевичи-династы оказались в подчинении у Джир-Кутлуга и его отпрысков, а последние посягнули на управление государством: Мамай — успешно, Тенгиз-Буга — неудачно. «Много лет» «царствования» — это отражение двадцатилетнего существования «Мамаевой Орды» как одного из центров государственной власти периода «великой замятни».

* * *

«...И тако от Черкутлуева царства [Черклуева царство] **роду Кияты родословятца** [родословятся] **и имянуются царьского** [царскаго] **роду даже и до Мамая царя».**

«Подлинный родослов» не приводит сведений о происхождении Мамая, что еще раз свидетельствует о неполноте дошедшего до нас варианта генеалогии. Однако весь контекст разобранных событий, кажется, позволяет причислить этого бека к сыновьям Джир-Кутлуга — ко «многим детям», которых тот «породил». Сам жанр генеалогического предания диктует повествование о предках в нисходящей последовательности. Поскольку о Джир-Кутлуге говорилось раньше, чем о Мамае, то последний должен быть одним из его ближайших потомков. Мамай скорее всего принадлежал к одному поколению с Тенгиз-Бугой, и действовали они оба по одной схеме: концентрация под

[35] Консультация А.В.Виноградова.

своим началом массы подданных, переселение и закрепление на новых землях, использование покорных креатур — подставных ханов.

Примечательно, что имя Мамая в восточных источниках никогда не сопровождается титулом ханского зятя *гурган*. Это довольно странно — во-первых, потому, что тюркская знать скрупулезно отслеживала подобные карьерные перемещения; во-вторых, родство по женской линии с правящим домом придавало хоть какую-то легитимность позднейшему всевластию Мамая. Нет сведений об этом браке и в «Подлинном родослове». Но здесь мы хотя бы вправе делать поправку на отрывочность сохранившегося текста. Это с одной стороны.

Но с другой — налицо очевидная попытка составителей «Подлинного родослова» приписать предкам Глинских мифическое царское достоинство. Его якобы обрел Джир-Кутлуг, и впоследствии оно в его клане уже не прерывалось «до Мамая царя». Расчет был сделан, возможно, на неосведомленность московской аристократии в нюансах истории Дешт-и Кипчака полуторавековой давности. При этом утверждение о собственных царских (ханских) прерогативах делало для Глинских излишней, да и сомнительной, дополнительную легитимность в виде женитьбы Мамая на ханской дочери[36].

Придуманное составителями «Подлинного родослова» «царское» прошлое Глинских не принесло им каких-то особенных преимуществ перед русскими княжескими семьями. Влияние этих литовских выходцев в Кремле в 1520–1540-х годах основывалось вовсе не на знатности, а на породнении с домом Калиты через Василия III.

Русские современники «великой замятни» пристально следили за сменой власти у Джучидов, неоднократно подчеркивая несамостоятельность марионеточных ханов «Мамаевой Орды». Эти ханы-«цари» во всем зависели от «*князя* Мамая», для которого летописцы не жалели уничижительных эпитетов, что особенно ярко контрастировало с отношением к Тохтамышу, покончившему с всевластием киятского беклербека. Вот о Тохтамыше в летописях отзываются с должным почтением в силу его высшего иерархического «царского» ранга — несмотря на его опустошительное нашествие на Москву в 1382 г. (см. [Горский, 2000, с. 89, 106; Почекаев, 2004, с. 28]).

Для полноты картины все же отметим, что Никоновская летопись некоторым образом связывает с Мамаем монархический статус: перед

[36] Все эти рассуждения утратят смысл, если будет обнаружена более полная версия «Подлинного родослова» и окажется, что невнятный рассказ о браке Чингисовой дочери Залохуб с Бурлу — это на самом деле повествование как раз об удачной женитьбе Мамая.

Куликовской битвой «и не к тому уже нарицашеся князь Мамай, но от всех сущих его нарицашеся великий царь Мамай» [ПСРЛ, 2000, с. 47]. О том же говорится у В.Н.Татищева: «Тогда прииде весть на Москву к великому князю Дмитрею, яко князь Мамай Воложския орды не князь уже зовется, но великий сильный хан и стоит на Воронеже... и хощет на тя идти ратию» [Татищев, 1966, с. 141]. В.Л.Егоров, опираясь на Никоновскую летопись, на слова Новгородской IV летописи о Мамае («разгордевся, мнев себя аки царя»), а также на отсутствие монет с именами ханов «Мамаевой Орды» после 1375 г., посчитал, что бек решился наконец «править от своего имени, не прикрываясь больше подставными ханами» [Егоров, 1980, с. 208].

Против идеи исполнения Мамаем роли хана высказался А.П.Григорьев, полемизируя с В.Л.Егоровым. Он указал, что на самом деле монеты с именем последней Мамаевой креатуры, Мухаммед-Булака («Бюлека», по А.П.Григорьеву), выпускались в тот период[37]. Кроме того, в ряде источников отмечено участие этого хана в сражении 8 сентября 1380 г. [Григорьев, 1983, с. 46, 47].

Думаю, нужно довериться летописцам и увидеть в их сообщениях отражение реальной ситуации: везде подчеркивается, что ханское звание было результатом лести со стороны окружения Мамая или же его амбиций и самомнения. Ведь беклербек всего лишь считал себя («мнев») фигурой, равной хану, и это полностью соответствовало действительному положению дел в Орде. Но никакой коронации — resp. поднятия на белой кошме — не произошло и не могло произойти[38]. Непреодолимое препятствие закрывало Мамаю путь к трону: он оставался простолюдином, «черным человеком» (*кара киши*), как назвал его Утемиш-хаджи [Утемиш-хаджи, 1982, с. 117, 144]. Поэтому, вопреки повествованию «Подлинного родослова», не было в Улусе Джучи никакого «Мамая-царя», равно как и мифического «царьского роду» киятов.

* * *

Произведенная выше частичная реконструкция событий, о которых рассказывается в начале «Подлинного родослова», не единственная в

[37] А.П.Григорьев приводит ссылки на публикации этих монет. Укажем еще на одну, относительно новую, — дирхем «султана верховного Булак-хана», который Г.А.Федоров-Давыдов датировал 782 г.х. (1380-81) [Федоров-Давыдов, 2003, с. 193, табл. XVI, № 228].

[38] Собственно, В.Л.Егоров и не утверждал, будто Мамай взошел на престол — хотя без этого, наверное, нельзя было «править от *своего* имени». В своем позднейшем исследовании об исторической географии Золотой Орды В.Л.Егоров прямо пишет, что Мамай во время Куликовской битвы был беклербеком [Егоров, 1985, с. 170].

литературе. Приоритет, как говорилось в начале статьи, принадлежит А.А.Шенникову. Этот исследователь считает, что упоминания о «царе Кутлуе» и Тохкоспе не соответствуют известным именам или событиям в истории Золотой Орды до Мамая. Тохкоспу он идентифицировал с Тохтоа-беки — предводителем меркитов, разгромленным Чингис-ханом в 1204 г. и погибшим в 1208 г. Меркиты бежали в Кипчакскую степь, где были настигнуты на реке Иргиз и еще раз разбиты отрядами Джучи в 1216 г.

На основе аналогии *Тохкоспа~Тохтоа* А.А.Шенников выстроил гипотезу: предком Мамая был монгол-кият, примкнувший к меркитам, или меркит, «каким-то путем присвоивший родословную одного из... киятов» [Шенников, 1981, с. 9]. В пользу этого будто бы может свидетельствовать то, что монголы не знали имени *Мамай*; до беклербека Мамая оно не встречалось и у восточноевропейских тюрков; зато оно было известно тюркам саяно-алтайским. Именно рядом с Алтаем располагалось недолговечное владение меркитских беженцев, просуществовавшее до нападения конницы Джучи. Тогда «великая брань с кияты» «Подлинного родослова» — это битва на Иргизе. Находит объяснение и «Тохкоспа»: это-де сокращенное персидское написание имени Тохтоа с титулом *падишах*. При этом А.А.Шенников отказывает сведениям «Подлинного родослова» в достоверности, считая, что «с развитием феодальных отношений» не только действительный потомок какого-то князя-кията, но и вообще кто угодно мог придумать эту генеалогию или присвоить чужое родословие, дабы облегчить себе карьеру на службе у Чингисидов [Шенников, 1981, с. 8–10].

Построения эти предельно умозрительны — как и наши попытки исторических реконструкций, предпринятые выше, во многом грешат приблизительностью. Но все же, не вдаваясь в детали, заметим, что в источниках нет ни единого намека на предполагаемую А.А.Шенниковым связь меркитов с киятами. Оба эти эля в золотоордынском Дешт-и Кипчаке составляли самостоятельные этносоциальные сообщества, занимали свои места в иерархии племен, и представляется совершенно невероятной ситуация, когда некий хитроумный интриган мог присвоить себе происхождение из чужого племени, да еще настолько убедить в этом высшую знать, чтобы та допустила его к государственным делам.

К вопросу о происхождении Мамая обращался и А.П.Григорьев при анализе ярлыков и иных золотоордынских документов. Он предположил, что Мамай тождествен Кичиг-Мухаммеду, который упомянут в перечне лиц, претендовавших на возмещение убытков от венецианцев,

в списке, составленном от имени ханши Тайдулы в 1358 г. Кичиг-Мухаммед же мог доводиться сыном Кутлуг-Буге — бывшему беклербеку хана Джанибека, а во время составления упомянутого перечня исполнявшему должность наместника Крымского тумена. На это предположение А.П.Григорьева навели, с одной стороны, суммы запрашиваемой для них компенсации, с другой — взаимное расположение имен Кутлуг-Буги и Кичиг-Мухаммеда при перечислении ордынских вельмож. Кроме того, одинаковое построение сложных имен беклербека Могул-Буги (он стоит на первом месте в списке Тайдулы) и Кутлуг-Буги приводит к догадке, что они были братьями; хлопоты главной ханши о возмещении ущерба в первую очередь для Могул-Буги, Кутлуг-Буги и Кичиг-Мухаммеда (да еще сына Могул-Буги, Тимур-ходжи) могут свидетельствовать о родственной связи между всеми ними и о принадлежности Тайдулы к одному племени с протежируемыми ею сановниками [Григорьев, Григорьев, 2002, с. 205, 206, 208–214]. В дальнейшем А.П.Григорьев уже уверенно оперирует этими допущениями как доказанными фактами для освещения событий в Восточной Европе 1360–1370-х годов[39].

Здесь перед нами вновь цепь предположений, не подкрепляемых прямыми свидетельствами источников. Что ж, в таком положении оказываются все медиевисты, которые пробуют разобраться в деталях истории Джучиева улуса. Тем не менее, в отличие от построений А.А.Шенникова, гипотезы А.П.Григорьева имеют некоторые несомненно рациональные основания.

Во-первых, это резиденция Кутлуг-Буги в Крыму — будущем юрте будущего беклербека Мамая и одном из старинных юртов киятского эля. Должность Мамая в русских источниках — *темник* (не упоминаемая в восточных текстах) — означала главу тумена. В начале истории Золотой Орды термин *тумен* использовался в изначальном, военном смысле (десятитысячный корпус), как и во всей Монгольской империи. При таком толковании можно было бы видеть в Мамае предводителя киятов, насчитывающих 10 000 ополченцев. Напомним: по Рашид ад-Дину, кияты во времена Тохты составляли один тумен, а по Утемиш-хаджи, 10 000 человек насчитывали поселившиеся в Крыму кияты и юралдаи, которых Бату дал в удел своему брату Шибану. Но во второй половине XIV–XV в. тумен, сохраняя прежнее значение, приобретает еще одно: крупное держание, определенное

[39] В частности, относительно Мамая и его родственных связей см. [Григорьев, 2003, с. 23; Григорьев, 2004, с. 145 и сл.].

территориально, а не по числу подданных[40]. В таком случае Мамай являлся темником (*тюмен беги*) как правитель Крымского тумена, что, кстати, не противоречило его статусу бека, беклербека, гургана и т.д.

Во-вторых, это имя бека. *Мамай* — стяженное («упрощенное» тюрками) арабское имя *Мухаммед*. Так что в этом отношении нет препятствий для отождествления Кичиг-Мухаммеда с Мамаем.

В-третьих, это вереница похожих имен родственников, действительно характерная для средневекового тюркского ономастикона. В данном случае в один ряд с Могул-Бугой и Кутлуг-Бугой[41] может быть поставлен тот самый кият Тенгиз-Буга, что попытался было прибрать к рукам власть в левом крыле как раз в конце 1350-х годов, когда фигурируют два «Буги» списка Тайдулы. Тогда, если догадка А.П.Григорьева о схожести имен братьев истинна, то Тенгиз-Буга оказывается дядей Мамая и братом Могул-Буги и Кутлуг-Буги.

Пока реконструкции, предпринятые А.П.Григорьевым, также выглядят предельно гипотетичными. Но в лаконичных свидетельствах источников все же просматриваются отголоски ситуации, когда Золотая Орда попадает в сети всеохватного киятского лидерства в обоих крыльях.

Ферганский хронист XVI в. Ахсикенти в своем путаном, насыщенном легендами и слухами сочинении передает, что Мамай (которого он называет Шамаем) захватил Крым и Булгар, принадлежавшие Онг-хану [Собрание, 1960, с. 64, 67 (араб. паг.)]. Онг-хан здесь упомянут совершенно не к месту, это человек из совсем другой эпохи — глава кереитов, соперник Чингис-хана в начале XIII в. Но у Ахсикенти присутствует важный оттенок: Шамай~Мамай *захватил* Крым, т.е. являлся там пришельцем[42]. Из известных нам текстов непосредственно не вытекает, что он явился к Бердибеку откуда-то издалека. И все-таки краткие сведения Утемиш-хаджи о синхронном движении элей на огромном пространстве Золотой Орды под водительством Мамая и Тенгиз-Буги позволяют видеть единый руководящий центр этой гран-

[40] Об эволюции понятия *тумен* в Золотой Орде см. [Федоров-Давыдов, 1973, с. 122–124].

[41] В другом своем исследовании А.П.Григорьев добавляет к этой семье (искусственно выращенной в «лаборатории» историка) младшего брата Могул-Буги, Урус-Бугу, и высказывает предположение, что их отцом был Севинч-Буга, вельможа эпохи Узбека [Григорьев, 2004, с. 123, 124, 145, 150].

[42] В другом месте своего сочинения Ахсикенти упоминает также могущественного и воинственного хана Сарай-Мамая, которого описываемые в хронике события (приблизительно начала XV в.) застают на Яике [Собрание, 1960, с. 83–85 (араб. паг.)].

диозной интриги, который размещался где-то в степях к востоку от Яика и к северу от Сырдарьи. Там находилось семейное «гнездо» киятских беков — потомков Исатая, развернувших борьбу за власть в Золотой Орде.

* * *

История возвышения киятов — одного из многих десятков элей Дешт-и Кипчака открывает малоизвестную страницу истории Золотой Орды. В основном источники об этом государстве посвящены деяниям царственных особ, привязаны к городам и ханским ставкам. Вне поля зрения историков остается абсолютное большинство населения государства — кочевые общины кипчаков и кипчакизированных монголов[43]. Содержание хроник не позволяет хотя бы в какой-то степени прослеживать события в жизни этой массы подданных сарайских и сыгнакских ханов. Коллизии кануна и разгара «великой замятни» показали, что в степных общинах существовала собственная элита. До поры до времени она была совершенно незаметна для посторонних (чужеземных) наблюдателей. Не принадлежавшие к «золотому роду» беки кипчакских элей мирно кочевали в отведенных им местах бескрайнего Дешта, платили подати царевичам, в улусы которых им довелось угодить в соответствии с ярлыком очередного монарха, послушно собирали соплеменников в ополчение, если хану вздумается воевать с Ираном или Литвой.

Но с начала XIV в. эта категория подданных становится с каждым десятилетием все более заметной. Здесь сказалось несколько факторов.

К тому времени в основном закончилась этническая консолидация тюркских кочевников Золотой Орды. Сумятица, внесенная монгольским завоеванием и отстранением от власти прежней кипчакской знати, уступила место стабильной жизни в могущественной и богатой империи. На просторах бывшего половецкого «Дикого поля» установилась жесткая и стройная улусная система с десятичным делением населения. Ордынское правительство не допускало самовольных переходов из одного улуса в другой, чтобы не нарушать стройной организации налогообложения и военной мобилизации. Относительно мирная и сытая жизнь на протяжении десятилетий имела благоприятные демографи-

[43] Автор настоящей статьи считает основным и наиболее многочисленным населением Золотой Орды преимущественно кипчакские по происхождению племена, разверстанные по джучидским улусам и юртам. Однако в последнее время этот устоявшийся взгляд на этнический состав Джучиева улуса подвергается критике (см. [Костюков, 2006]).

ческие последствия. Степные эли множились, делились и ветвились, и их беки обретали все больше подданных. А в кочевом мире это означало повышение социальной значимости и политического влияния нединастической знати.

Первые признаки этого проявились при хане Тохте, когда неродовитые сановники были допущены на высшие административные посты. То же продолжалось при Узбеке и Джанибеке. А уже после Джанибека предводители элей выступили как самостоятельные субъекты государственной политики, которым было по силам соперничать с ханской властью[44].

Несомненными стимулами выхода беков на политическую арену были особенности экономического развития Золотой Орды, формирование самодостаточных замкнутых экономических провинций. Это явление давно отмечено историками, но обычно преподносится как основа для сепаратизма и неповиновения центральному правительству. Однако при определенных условиях опора на ресурсы провинциальных улусов могла способствовать не только отделению от Сарая, но и давлению на правительство или даже манипулированию им.

Полагаю, что парадоксальным образом вхождению беков во власть содействовала страшная эпидемия чумы, разразившаяся в Джучидской державе во время ханствования Джанибека[45]. Она поразила прежде всего места массового скопления оседлого населения. В условиях ослабления и уменьшения высших городских сословий, которые до того доминировали в государственном управлении, их место частично заняли представители другого социального сегмента — аристократии кочевых степей.

Феномен возрастающего социального авторитета племенных предводителей развивался и позже. В течение XV в. он оформился в виде постоянного института *карачи-беков* — лидеров ведущих элей, составлявших непременный совещательный орган при правящем хане в поздней Золотой Орде, Крымском ханстве и Касимовском царстве[46].

---

[44] Утемиш-хаджи приписывает начало смуты 1360–1370-х годов интригам беклербека при хане Бердибеке, Тулубая из эля канглы, который якобы мстил всему роду Бату за казнь своего сына ханом Джанибеком [Утемиш-хаджи, 1982, с. 108]. Здесь сказалась присущая средиевековым авторам преувеличенная персонификация исторических процессов.

[45] Об этом бедствии, конечно, было известно исследователям, но вопрос о его роковом влиянии на последующую политическую, этническую, социальную и культурную историю Золотой Орды впервые поставлен в работах Ю.Шамильоглу [Shamiloglu, 1993; Shamiloglu, 1994].

[46] Институт карачи-беков тоже монографически изучен Ю.Шамильоглу [Shamiloglu, 1984; Shamiloglu, 1986].

(Впрочем, в последних двух юртах киятов среди карачи-беков не было.) Апогей могущества беклербеков связан с деятельностью мангыта Эдиге, который распоряжался престолом Орды на протяжении двух десятилетий (1390–1410-е годы) и настолько упрочил свое могущество, что традиция беклербекства мангытов сохранялась в некоторых «постордынских» государствах на протяжении XV–XVI вв. (см. [Трепавлов, 2001, гл. 3]).

Дополнительным подспорьем в получении доступа беков не Чингисидов к государственным делам были кризисы в доме Джучи, когда происходили массовые казни принцев крови. Окруженные враждебной и интригующей родней, ханы зачастую предпочитали опираться на сторонников, не имевших с ними кровных династических уз. Известные нам источники показывают, что в 1300–1370-х годах ордынские монархи видели такую опору в киятах. Успешное вхождение киятских беков в ряды высшей правящей элиты Золотой Орды отразилось в «Подлинном родослове» их потомков — князей Глинских.

Арсланова, 1991 — *Арсланова А.А.* Особенности использования термина-топонима Дашт-и Кыпчак и его содержание в персоязычных источниках XIII–XVIII вв. // О подлинности и достоверности исторического источника / Отв.ред. М.А.Усманов. Казань, 1991.

Арсланова, 2002 — *Арсланова А.А.* Остались книги от времен былых... Казань, 2002.

Ахинжанов, 1989 — *Ахинжанов С.М.* Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. А.-А., 1989.

Ахмедов, 1965 — *Ахмедов Б.А.* Государство кочевых узбеков. М., 1965.

Әхмәтҗанов, 2002 — *Әхмәтҗанов М.И.* Ногай Урдасы: татар халкының тарихи мирасы. Казан, 2002.

Башкирские, 2002 — Башкирские родословные. Вып. 1 / Сост. Р.М.Булгакова и М.Х.Надергулова. Уфа, 2002.

Березин 1849 — *Березин И.Н.* Шейбаниада. История монголо-тюрков на джагатайском диалекте. Казань, 1849.

Библиотека, 1854 — Библиотека восточных историков, изд. И.Н.Березиным. Т. 2. Ч. 1. Казань, 1854.

Бичурин, 1950 — *Бичурин Н.Я.* (*Иакинф*). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. М., 1950.

Борынгы, 1963 — Борынгы татар әдәбияты. Казан, 1963.

Бушаков, 1992 — *Бушаков В.А.* Тюркская этноойконимия Крыма / Автореф. канд. дис. Херсон, 1992. http//turkolog.narod.ru/info/bsh-4.htm

Бычкова, 1975 — *Бычкова М.Е.* Родословные книги XVI–XVII вв. М., 1975.

Бычкова, 1977 — *Бычкова М.Е.* Родословие Глинских из Румянцевского собрания // Зап. Отдела рукописей [Гос. библиотеки СССР им. В.И.Ленина]. М., 1977, вып. 38.

Васильев, 1857 — *Васильев В.П.* История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века с приложением перевода китайских известий о киданях, чжурчжэнях и монголо-татарах // Тр. Вост. отделения Рус. археологического общества. СПб., 1857, вып. 4.

Вашари, 2002 — *Вашари И.* Жалованные грамоты Джучиева улуса, данные итальянским городам Кафа и Тана // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556 / Отв. ред. М.А.Усманов. Казань, 2002.

Временник, 1851 — Временник Общества истории и древностей российских. Кн. 10. М., 1851.

Горский, 2000 — *Горский А.А.* Москва и Орда. М., 2000.

Григорьев, 1983 — *Григорьев А.П.* Золотоордынские ханы 60–70-х годов XIV в.: хронология правлений // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. VII. Л., 1983.

Григорьев, 2003 — *Григорьев А.П.* Загадка крепостных стен Старого Крыма // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2003, вып. 4 (№ 23).

Григорьев, 2004 — *Григорьев А.П.* Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. СПб., 2004.

Григорьев, Григорьев, 2002 — *Григорьев А.П., Григорьев В.П.* Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции. СПб., 2002.

Джами ат-таварих — Джами ат-таварих (Отдел рукописей Научной библиотеки Казанского гос. университета. Ед. хр. 40).

Егоров, 1980 — *Егоров В.Л.* Золотая Орда перед Куликовской битвой // Куликовская битва / Отв. ред. Л.Г.Бескровный. М., 1980.

Егоров, 1985 — *Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985.

Зайцев, 2004 — *Зайцев И.В.* Астраханское ханство. М., 2004.

Золотая Орда, 2003 — Золотая Орда в источниках. Т. 1 / Сост., вводн. ст. и коммент. Р.П.Храпачевского. М., 2003.

Иванич, 2002 — *Иванич М.* Легитимация астраханского князя Салчи в *Дафтар-и Чингиз-наме* // Великий Волжский путь: история формирования и развития. Ч. II / Отв. ред. М.А.Усманов. Казань, 2002.

Исхаков, 1999 — *Исхаков Д.М.* Юго-восток Татарстана: проблемы изучения этнической истории региона XIV–XVII вв. http://www.tataroved.ru/publication/almet/7/5 [интернет-вариант статьи 1999 г.]

Каргалов, 1967 — *Каргалов В.В.* Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. Феодальная Русь и кочевники. М., 1967.

Кляшторный, Султанов, 2004 — *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Государства и народы евразийских степей. СПб., 2004.

Козин, 1941 — *Козин С.А.* Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. М.; Л., 1941.

Костюков, 2006 — *Костюков В.П.* Была ли Золотая Орда «Кипчакским ханством»? // Тюркологический сборник. 2005 / Редкол. С.Г.Кляшторный и др. М., 2006.

Крадин, Скрынникова, 2006 — *Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д.* Империя Чингисхана. М., 2006.

Кучкин, 1996 — *Кучкин В.А.* Ханы Мамаевой Орды // 90 лет Н.А.Баскакову / Отв. ред. Э.Р.Тенишев. М., 1996.

Кычанов, 1997 — *Кычанов Е.И.* Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М., 1997.

Лубсан Данзан, 1973 — *Лубсан Данзан.* Алтан тобчи («Золотое сказание»). Пер. с монг., введ., коммент. и прил. Н.П.Шастиной. М., 1973.

Мәржани, 1989 — *Шиһабетдин Мәржани.* Мөстәфадел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар (Казан һәм Болгар хәллэре турында файдаланылган хәбәрләр). Кыскартып төзелде. Казан, 1989.

Марджани, 2005 — *Марджани Ш.* Извлечение вестей о состоянии Казани и Булгара (Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар). Ч. I / Пер. Р.К.Адыгамова. Казань, 2005.

Материалы, 1969 — Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII вв.: Извлечения из персидских и тюркских сочинений / Отв. ред. Б.Сулейменов. А.-А., 1969.

Муизз, 2006 — *Муизз ал-ансаб* (Прославляющие генеалогии) / Пер. с перс., предисл., примеч., подгот. факсимиле к изд. Ш.Х.Вохидова. Алматы, 2006.

Мустакимов, 2001 — *Мустакимов И.А.* Об особенностях использования некоторых этногеографических и этнополитических наименований Джучиева улуса в арабских источниках XIII–XVI вв. // Великий Волжский путь / Отв. ред. Ф.Ш.Хузин. Казань, 2001.

Мыськов, 2003 — *Мыськов Е.П.* Политическая история Золотой Орды (1236–1313 гг.). Волгоград, 2003.

Плетнева, 1990 — *Плетнева С.А.* Половцы. М., 1990.

Посольская, 1984 — Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1508 гг. / Подгот. текста, вступит. ст. М.П.Лукичева и Н.М.Рогожина. М., 1984.

Почекаев, 2004 — *Почекаев Р.Ю.* Образ Мамая в русском летописании как средство делегитимации ордынских ханов // Герои и антигерои в исторической судьбе России / Материалы 35-й Всерос. науч. конф. СПб., 2004. http://pr-page.narod.ru/007.htm

ПСРЛ, 1962 — Полное собрание русских летописей. Т. 2. М., 1962.

ПСРЛ, 2000 — Полное собрание русских летописей. Т. 11. М., 2000.

Рашид-ад-дин, 1952а — *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1 / Пер. с перс. Л.А.Хетагурова. М.; Л., 1952.

Рашид-ад-дин, 1952б — *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2 / Пер. с перс. О.И.Смирновой. М.; Л., 1952.

Рашид-ад-дин, 1960 — *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. Т. 2 / Пер. с перс. Ю.П.Верховского. М.; Л., 1960.

Родословная, 1913 — Родословная келейная книга святейшего государя Филарета Никитича патриарха всея России // Юбилейный сборник имп. Санкт-Петербургского археологического института 1613–1913 / Ред. Н.Покровский. СПб., 1913.

Смирнов, 2005 — *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты. Т. 1. М., 2005.

Собрание, 1960 — «Собрание историй». Маджму ат-таварих. Фотографич. репродукция отрывков рукописн. текста, введ., указ. / Подгот. к изд. А.Т.Тагирджанов. Л., 1960.

Султанов, 1982 — *Султанов Т.И.* Кочевые племена Приаралья в XV–XVII вв. М., 1982.

Султанов, 2005 — *Султанов Т.И.* Зерцало минувших столетий. Историческая книга в культуре Средней Азии XV–XIX вв. СПб., 2005.

Сыроечковский, 1940 — *Сыроечковский В.Е.* Мухаммед-Герай и его вассалы // Уч. зап. МГУ. Вып. 61. История. Т. 2. М., 1940.

Таварих, 1967 — Таварих-и гузида-Нусрат-наме / Исслед., крит. текст., аннот., огл. А.М.Икрамова. Таш., 1967.

Татищев, 1966 — *Татищев В.Н.* История Российская. Т. V. М.; Л., 1966.

Тизенгаузен, 1884 — *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. СПб., 1884.

Трепавлов, 1993 — *Трепавлов В.В.* Государственный строй Монгольской империи XIII в. Проблема исторической преемственности. М., 1993.

Трепавлов, 2001 — *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. М., 2001.

Ускенбай, 1999 — *Ускенбай К.З.* Некоторые моменты политической биографии Урус-хана // Отан тарихы = Отечественная история. Алматы, 1999, № 3.

Ускенбай, 2002 — *Ускенбай К.З.* Восточный Дашт-и Кыпчак в XIII–XIV веках. Из истории Ак-Орды // Вопросы истории Казахстана. Исследования молодых ученых. Вып. III. Алматы, 2002.

Ускенбай, 2003 — *Ускенбай К.З.* Восточный Дашт-и Кыпчак в составе Улуса Джучи в XIII — первой трети XV века. Аспекты политической истории Ак-Орды / Автореф. канд. дис. Алматы, 2003.

Усманов, 1972 — *Усманов М.А.* Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. Казань, 1972.

Утемиш-хаджи, 1992 — *Утемиш-хаджи.* Чингиз-наме / Факсимиле, пер., транскр., примеч., исслед. В.П.Юдина; коммент. и указ. М.Х.Абусеитовой. А.-А., 1992.

Федоров-Давыдов, 1973 — *Федоров-Давыдов Г.А.* Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.

Федоров-Давыдов, 2003 — *Федоров-Давыдов Г.А.* Денежное дело Золотой Орды. М., 2003.

Хатиби, 1985 — *Хатиби С.* Персидские документальные источники по социально-экономической истории Хорасана XIII–XIV вв. Аш., 1985.

Шенников, 1981 — *Шенников А.А.* Княжество потомков Мамая (к проблеме «запустения» юго-восточной Руси в XIV–XV вв.). Л., 1981 (депон. в ИНИОН РАН, № 7380).

Юдин, 1992а — *Юдин В.П.* О строительстве мавзолея Кыйата Джир-Кутлу на Сырдарье в XIV в. в связи с историей Дашт-и Кыпчака // *Утемиш-хаджи.* Чингиз-наме / Факсимиле, пер., транскр., примеч., исслед. В.П.Юдина; коммент. и указ. М.Х.Абусеитовой. А.-А., 1992.

Юдин, 1992б — *Юдин В.П.* Переход власти к племенным биям и неизвестной династии Тукатимуридов в Казахских степях в XIV в. (к проблеме восточных письменных источников, степной устной историографии и предыстории Казахского ханства) // *Утемиш-хаджи.* Чингиз-наме / Факсимиле, пер., транскр., примеч., исслед. В.П.Юдина; коммент. и указ. М.Х.Абусеитовой. А.-А., 1992.

Aboul-Ghazi, 1871 — *Aboul-Ghazi Behadour Khan.* Histoire des mogols et des tatares / Publ. par P.Desmaisons. T. 1. St.-Pbg, 1871.

Allsen, 1987 — *Allsen Th.T.* The Princes of the Left Hand: An Introduction to the History of the *Ulus* of Orda in the Thirteenth and the Early Fourteenth Centuries // Archivum Eurasiae medii aevi. T. V. Wiesbaden, 1987.

DeWeese, 1994 — *DeWeese D.* Islamization and Native Religion in the Golden Horde. Baba Tükles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition. University Park, Pennsylvania, 1994.

Ivanics, Usmanov, 2002 — *Ivanics M., Usmanov M.A.* Das Buch der Dschingis-Legende (Däftär-i Čingis-nāmä). [Bd.] I. Szeged, 2002.

Manz, 1989 — *Manz B.F.* The Rise and Rule of Tamerlane. Cambridge e.a., 1989.

Shamiloglu, 1984 — *Shamiloglu U.* The Qaraçi Beys of the Later Golden Horde. Notes on the Organization of the Mongol World Empire // Archivum Eurasiae medii aevi. Vol. 4. Wiesbaden, 1984.

Shamiloglu, 1986 — *Shamiloglu U.* Tribal Politics and Social Organization in the Golden Horde / Doctoral dissertation. Columbia university, 1986.

Shamiloglu, 1993 — *Shamiloglu U.* Preliminary Remarks on the Role of Disease in the History of the Golden Horde // Central Asian Survey. 1993. Vol. 12. № 4.

Shamiloglu, 1994 — *Shamiloglu U.* The End of Volga Bulgarian // Varia Eurasiatica. Festschrift für Professor Andras Rona-Tas. Szeged, 1994.

Spuler, 1955 — *Spuler B.* Die Mongolen in Iran. Politik, Verwaltung und Kultur der Ilchanzeit 1220–1350. B., 1955.

А.Г.ЮРЧЕНКО
(Санкт-Петербург)

Небесные битвы

Странные вещи рассказывает в своем отчете Ахмед ибн Фадлан, секретарь посольства багдадского халифа ал-Муктадира к царю булгар. В начале лета 922 г. послы находились на берегах Средней Волги. В первый же вечер на закате солнца появились два облака, красное и черное, с неба раздался шум и открылась панорама небесной битвы. Красные всадники сражались с черными всадниками, что было истолковано царем булгар как битва между верными Аллаху джиннами и неверными джиннами.

Вот впечатления Ибн Фадлана: «Я видел в его стране столько удивительных вещей, что я их не перечту из-за их множества, как, например, то, что в первую же ночь, которую мы переночевали в его стране, я увидел, как перед [окончательным] исчезновением [света] солнца, в обычный час [молитвы] небесный горизонт сильно покраснел. И я услышал [высоко] в воздухе громкие звуки и сильный гомон. Тогда я поднял голову, и вот недалеко от меня облако, красное, подобное огню, и вот этот гомон и эти звуки [исходят] от него. И вот в нем подобия людей и лошадей, и вот в руках отдаленных находящихся в нем фигур, похожих на людей, луки, стрелы, копья и обнаженные мечи. И они представлялись мне то совершенно ясными, то лишь кажущимися. И вот рядом другой, подобный им, черный отряд, в котором я увидел также мужей, лошадей и оружие. И начал этот отряд нападать на тот отряд, как нападает эскадрон на эскадрон. Мы же испугались этого и начали просить и молить, а они (жители страны) смеются над нами и удивляются тому, что мы делаем. Мы [долго] смотрели на отряд, нападающий на отряд. Оба они смешивались вместе на некоторое время, потом оба разделялись, и таким образом это явление продолжалось некоторую часть ночи. Потом оно скрылось от нас. Мы спросили об этом

© А.Г.Юрченко, 2007

царя, и он сообщил, что деды его говаривали, что эти [всадники] принадлежат к верным и неверным джиннам. Они сражаются каждый вечер, и подлинно, с тех пор как они существуют [на свете], ни одной ночи они не бывают отсутствующими в этом [сражении]. „И мы всегда это таким образом видели“» [Ковалевский, 1956, с. 134–135].

Принято считать, что Ибн Фадлан видел северное сияние [Святский, 1934]. Д.О.Святский, настаивающий на таком объяснении, ссылается на следующие примеры из русских летописей: «Дивы великие являхутся: видяху люди на небе войска ве зброях, и разделены на два полка, и едны зъ другими бияхуся» (Густинская летопись, 1269 г.); «Того же лета бысть знамениа на небеси страшны: стояху убо въ нощи на воздусе яко полк воинскый на полудниа, такоже и на полунощие» (Никоновская летопись, 1292 г.) [Святский, 1915, с. 194–195]. Эти примеры ровным счетом ничего не доказывают. Что в этих небесных битвах указывает на северное сияние? На мой взгляд, ничего. Куда важнее вопрос, чьему перу принадлежат описания воображаемых битв.

Сам по себе факт появления северного сияния на широте Средней Волги и даже значительно южнее сомнений не вызывает [Лойша и др., 1983, с. 117]. Вот типичное для древнерусского летописца описание полярного сияния, наблюдавшегося 29–31 января 1102 г.: «В тот же год было знаменье в небе, месяца января в 29-й день, и было три дня, стояло точно зарево пожара с востока, и юга, и запада, и севера, и был такой свет всю ночь, как от полной светящейся луны» [ПВЛ, с. 255]. В летописи небесное знамение сравнивается с заревом пожара, о небесном шуме нет и речи. Каким же образом в рассказе Ибн Фадлана северное сияние превратилось в видение шумной битвы?

Для решения этого вопроса необходимо привлечь параллельные свидетельства. И здесь важно уточнить: какие примеры будут привлечены для сравнения, таким и будет окончательное решение. Так, исследователь и переводчик текста Ибн Фадлана А.П.Ковалевский ссылается на поразительный эпизод из «Книги 1001 ночи», где говорится о путешественнике по имени Булукия, который на краю света видел долину, где сражались два войска верных и неверных джиннов. Более же убедительную параллель к рассказу Ибн Фадлана А.П.Ковалевский видит в описании северного сияния в эстонском эпосе «Калевипоэг». Таким образом, получается, что Ибн Фадлан передает местные легенды о небесном явлении, а джинны в этом рассказе появились благодаря мусульманину-переводчику, который участвовал в разговоре между послом и царем булгар [Ковалевский, 1956, с. 53–58].

В случае с Ибн Фадланом никаких шумных видений в небе над Волжской Булгарией, на мой взгляд, вообще не было. Все удивительные вещи, будь то битва между джиннами, охота на каркадана (носорога), змея длиной в сто локтей, принятая Ибн Фадланом за лежащее на земле дерево, — это литературные сюжеты, характерные для описания далеких стран[1]. Подобные истории было принято рассказывать при дворе багдадского халифа в качестве изысканных развлечений [Ал-Масуди, с. 515–517]. В основе космографических сюжетов, как правило, лежит реальное наблюдение, оформленное в рамках той или иной мифологемы, что и придает ему в глазах собеседников истинную достоверность. Миф наделял наблюдение ценностью и давал ему санкцию на дальнейшее существование. Иными словами, загадка Ибн Фадлана не должна сводиться для исследователя к выбору между реальностью и вымыслом. Перед нами другая реальность, вернее, ее странный отпечаток, сохранившийся в тексте. Мы не знаем, что собственно видел Ибн Фадлан в небе Булгарии, но можем прояснить контуры мифологемы небесных битв. Ключевым моментом в этом сюжете, равно как и в привлекаемых ниже свидетельствах, является указание на битву. Подробности же в описаниях небесных битв вторичны и легко варьируют.

В книгу Ибн ал-Факиха ал-Хамадани «Известия о странах» (903 г.) включен рассказ Абу Аббаса Исы ибн Мухаммада ал-Марвази о том, как однажды тюрки применили «камень дождя» в войне против арабов. Считалось, что с помощью камня можно было вызвать грозовую тучу либо облако с градом, который обрушится на головы врагов. Кажется, это и есть искомая нами небесная битва, сопровождаемая шумом. Война между людьми, а речь идет о религиозной войне между мусульманами и неверными, имела свой прототип в битве богов, в столкновении между небесным воинством Аллаха и крылатыми помощниками тюркских шаманов. Духи войны олицетворяли стихии [Ермоленко, 1998, с. 64]. В мусульманском фольклорном восприятии этот сюжет переоформился в битву между верными и неверными джиннами, а на уровне внешних впечатлений находил подтверждение в необычных атмосферных явлениях.

«Сказал Абу ал-Аббас: Я слышал, как Исма'ил ибн Ахмад, эмир Хорасана, говорил: „Как-то раз совершил я поход против тюрков с двадцатью тысячами мусульман, и выступили против меня шестьдесят тысяч хорошо вооруженных людей, и сражался я с ними несколько дней, как однажды в разгар битвы подошли ко мне тюркские гулямы и

[1] Такой же рассказ о змее включен в сочинение X в. «Чудеса Индии» [Бузург ибн Шахрияр, с. 44].

другие верные мне тюрки и сказали: „У нас в войске неверных есть родственники, и они предупреждали и пугали нас приходом какого-то человека“... И был тот, кого они упоминали, кем-то вроде прорицателя у них, и они утверждали, что он создает облака, несущие град и снег и тому подобное, и посылает их на тех, кого хочет погубить. И сказали они, что он решил наслать на наше войско жестокий град, который, если попадет в человека, сразу убьет. Выслушал я их и сказал: „Неверие еще не покинуло ваши сердца: разве может совершить такое кто-либо из смертных?“ Они сказали: „Мы предупредили тебя, и тебе лучше знать, а время завтра утром на рассвете“. И сказал он: „Когда наступил следующий день и занялась заря, из-за вершины горы, у подножия которой находилось мое войско, появилась огромная, устрашающих размеров туча. Потом она продолжала распространяться и увеличиваться, пока не покрыла все мое войско тенью. Меня напугала зловещая чернота тучи, ее вид и устрашающие звуки, исходившие из нее. Я понял, что это соблазн для нестойких в вере своей. Я слез с лошади и совершил два коленопреклонения в молитве. А воины будоражили друг друга, устраняя всякие сомнения в том, что это пришла погибель. И призвал я Аллаха, всемогущего и великого, прахом осыпал лицо свое и сказал: „Боже! Уничтожь ты нас, ибо рабы твои бессильны перед твоими испытаниями. Я знаю, что ты всемогущ и никто, кроме тебя, не властен творить добро и зло. Эта туча, если прольется дождем на нас, будет соблазном для мусульман и покажет силу язычников. Отведи от нас ее зло своим могуществом и силой, о всемогущий и всесильный“. Еще много раз в надежде и страхе, с лицом, осыпанным прахом, взывал я к Аллаху, зная, что только Он может помочь и только Он может отвести зло. И пребывал я в таком состоянии, когда прибежали ко мне гулямы и другие воины с вестью о спасении и подняли меня за плечи, оторвав от молитв, со словами: „Смотри, смотри, о эмир!“ Поднял я голову: туча уже отошла от моего войска и сыпала градом громадной величины над войском тюрков. Вот когда они заволновались: понесли испуганные лошади, уносило их палатки. Каждая градина, попадая в человека, не иначе как лишала его сил или убивала. Сказали мне люди: „Нападем на них“. Но я ответил им: „Нет! Потому что муки от Аллаха губительнее и горше!“ Из них спаслись очень немногие, они оставили свой лагерь со всем, что было в нем, и убежали. А наутро пришли мы в их лагерь и нашли такую добычу, что невозможно описать, и взяли все это, восхваляя Аллаха за спасение, ибо мы знали, что Он помог нам завладеть этим. Хвала Аллаху, господу миров!“» [Ибн ал-Факих. Главы о тюрках, с. 52–53].

Войско арабов опасалось крупного града. Страх же, порожденный слухами о могуществе тюркского прорицателя, был усилен появлением зловещей черной тучи. Самое любопытное в этой истории — убежденность противников в том, что высшие силы вмешались в ход земных событий.

Спустя двести лет эту историю пересказывали с новыми подробностями. Заклинатель вызывает не облако с градом, а мороз. Черное облако сменилось белым, и в нем мелькали страшные фигуры, тогда как в первоначальном варианте говорилось только об устрашающих звуках, скорее всего громе. Видение призрачных фигур сходно с кажущимися образами в рассказе Ибн Фадлана и относится скорее к области литературных фантазий, нежели к результатам реальных наблюдений.

«Исма'ил ибн Ахмад, эмир Хорасана, рассказывает: Я отправился в сопровождении 20 тысяч мужей на войну с тюрками. Однажды в моем войске раздался раздирающий душу крик. Я спросил о причине. Мне сказали, что в тюркском войске есть человек, который может вызвать мороз и погубить благодаря ему людей. Это подтвердили многие, но я не согласился [с ними]. На следующий день появилось белое облако, а с гор подул сильный ветер. Среди облака мелькали страшные фигуры, доносились устрашающие звуки. Мое войско испытывало страх. Я слез [с коня] и лег ниц на землю и сказал: „О боже, не давай врагу победу над нами и не позорь мусульман!“ Некоторое время спустя пришло известие, что войско неверных бежало и что мороз обратился на них и многих погубил. Мы же вернулись назад с богатой военной добычей» [Чудеса мира. § 199].

Фиксация двух версий рассказа Исма'ила, разделенных 200-летним промежутком времени, важна как пример оформления мифа о небесных битвах, записанного Ибн Фадланом. В случае с Ибн Фадланом мы не знаем исходную версию. Если сравнить рассказы Исма'ила и Ибн Фадлана, то легко заметить, что у последнего имеется описание только небесной битвы (трактуемой им как диковинка) и ничего не говорится о столкновении между людьми, что и порождало трудности при попытках истолковать сообщение Ибн Фадлана. Диковинку исследователи интерпретировали как северное сияние.

Рискну предположить, что Ибн Фадлану булгары поведали самый важный миф эпохи войн между тюрками и арабами. Походы арабов во владения Хазарии начались с середины VII в. И та и другая сторона обращалась за помощью к высшим силам. Арабы знали о магической мощи тюрок и отождествили тюркских духов войны с неверными

джиннами. Призрачная битва красных и черных всадников в небе над Булгаром отражает противоборство между воинством Аллаха и Тенгри. Какова бы ни была природа огненных свечений в атмосфере, в условиях религиозных войн они воспринимались как битвы, ибо восприятие небесных явлений определялось мифологическим сценарием священной войны с неверными, т.е. с чужими богами.

Типологически сходную картину следовало ожидать в описаниях военного соперничества русских и половцев. Однако схема была искажена громоздкой идеей о том, что ангелы по воле Бога сопровождают то и другое воинство. Идея о том, что ангелы могут быть у «поганых», восходит к еврейскому хронографу X в., «Книге Иосиппон» [Мещерский, 1957]. В христианской интерпретации битвы богов превратились в сражения невидимого войска с реальным противником. В 1111 г. при очередном столкновении русских с половцами «послал Господь Бог ангела в помощь русским князьям». И вот что из этого вышло: «Стали наступать Владимир с полками своими и Давыд, и, видя это, обратились половцы в бегство. И падали половцы перед полком Владимировым, невидимо убиваемые ангелом, что видели многие люди, и головы летели на землю, невидимо отрубаемые. И побили их в понедельник страстной месяца марта 27. Избито было иноплеменников многое множество на реке Салнице. И спас Бог людей своих. Святополк же, и Владимир, и Давыд прославили Бога, давшего им победу такую над язычниками, и взяли полона много, и скота, и коней, и овец, и пленников много захватили руками. И спросили пленников, говоря: „Как это вас такая сила и такое множество не могли сопротивляться и так быстро обратились в бегство?“ Они же отвечали, говоря: „Как можем мы биться с вами, когда какие-то другие ездили над вами в воздухе с блестящим и страшным оружием и помогали вам?“ Это только и могут быть ангелы, посланные от Бога помогать христианам» [ПВЛ, с. 261–262]. Это, видимо, были ангелы смерти, которые потому и явились взору язычников, а не христиан.

Сообщения средневековых хроник о 100-тысячных или 500-тысячных армиях являются проекцией небесных битв на земные сражения. Стотысячные армии — это армии Бога. В вялотекущих исследовательских спорах о численности средневековых армий, как правило, не учитывается «божественная» арифметика.

Если речь идет о «божественном» послании, как в нашем случае, то небесное воинство останется незримым на земле. Если же послание будет перекодировано и превратится в историческое известие, то мы получим фантастические цифры как реальные. Обычно происходит

совмещение тех и других текстов, и тогда рождается следующая картина: свои воины не видят небесных помощников, а враги с ужасом их обнаруживают. Как вариант: свои видят одинокого всадника, громящего вражью силу. Отсюда самый известный ритуал: поединок двух всадников перед началом сражения, который обе стороны расценивали как божий суд.

В XVI в. хорезмийский сказитель Утемиш-хаджи поведал историю, в которой, на взгляд непосвященных, Берке, хан Золотой Орды, в одиночку вышел сражаться с войском своего двоюродного брата, ильхана Хулагу. У Берке было маленькое войско, а у Хулагу огромное, но Берке имел преимущество — он был истинным мусульманином. Его мнимая беззащитность означала присутствие невероятной силы — невидимого небесного воинства. Согласно легенде, Берке победил. Взору его противников открылось небесное воинство. «У тех, угодивших в плен, спрашивали: „Почему [же] бросились вы бежать от одного [лишь] человека на том бугре?“ Они отвечали: „По обеим сторонам от того человека, что находился на бугре, стояли два громадных войска. Сколько ни всматривались [мы, так и] не смогли разглядеть ни конца тех двух войск, ни края. Потому-то мы и построились вдали. Когда тот человек на холме помчался на нас, ринулись [на нас] и те два громадных войска. Почудилось нам, будто рухнули на нас земля и небо. Потому-то вот не устояли мы и бросились бежать“. Это чудо хазрат-хана известно среди народа» [Утемиш-хаджи, с. 98].

Причины и событийный ряд войны между Берке и Хулагу не остались без внимания современников [Киракос Гандзакеци, гл. 65; Марко Поло, с. 228–232; Рашид ад-дин, с. 58–60]. Ни один из них не сообщает о фантастическом сценарии событий. Вместе с тем армянский историк Киракос Гандзакеци (ум. 1271) записал рассказ святого мужа Иованнеса о том, что произошло в персидском городе Зангиане. Необычное небесное явление открылось взору только двух мусульман, после чего они стали ревностными христианами. Мусульманский законовед и толкователь Корана, взойдя на купол минарета, увидел, как на востоке разверзлись небеса и все осветилось нескончаемым светом. «Грозный и дивный царь восседал там на троне славы, а вокруг него — сонмы ангелов, благословляющих его невыразимо [прекрасными] голосами. Приходили поклоняться ему все племена христианские — каждое в сопровождении предводителя своей веры, явно украшенного славой» [Киракос Гандзакеци, гл. 54]. Последнее племя, явившееся «пред лице» небесного царя, было мусульманским. Этому племени небесный царь воздал наибольшие почести. Мощь христианского Бога такова,

что ни о каких битвах с ним не может быть и речи. Это последняя стадия развития мифологемы, когда сценарий небесной войны заменен парадом и торжеством одной космической силы.

Воображаемые небесные битвы порождены архаическими представлениями о сражениях между своими и чужими богами. Эта устойчивая мифологема, спроецированная на картину необычных атмосферных явлений, представлена многочисленными литературными свидетельствами.

В церковной истории Филосторгия (IV в.), сохранившейся в выписках патриарха Фотия, есть эпизод, где фигурирует небесное воинство. Военачальник Гайна, посланный против готов, после измены возвратился к стенам Константинополя и попытался занять его; «но появившееся какое-то небесное вооруженное воинство устрашило всех, которые хотели приступить к делу, и город избавило от опасности, а их обличило и предало казни человеческой» [Филосторгий. Кн. 11. 8].

Во второй половине IX в. Эльдад Данит, иудей из Эфиопии, прибыв к единоверцам в Испанию, объяснил, каким образом его община оказалась в Эфиопии: «Когда разрушен был Святой Храм и евреи были отправлены в Вавилонию, то вавилоняне приказали им петь для них песни сионские. Тогда восстали дети Моисея и, задыхаясь от слез и рыданий пред Всевышним, откусили зубами свои пальцы, выражая этим, что пальцы, которыми они бряцали на инструментах в Храме, не могут и не должны то же самое делать в нечистой земле. И явилось ночью облако, и унесло их с шатрами, овцами и всем скотом к Хавилу, и ночью же их там опустило. Он, Эльдад, еще нам рассказал вот что: слышали мы от наших предков переданное им их предками, что в ту самую ночь слышен был ужасный шум, а к утру видно было войско многочисленное и тяжеловооруженное, которое и принесло их к реке, ворочающей камнями и песком, на такое место, где прежде никакой реки никогда не было» [Еврейские путешественники, 2004, с. 37–38]. Небесное воинство защитило иудейское племя в изгнании и чудесным образом перенесло его в Землю обетованную. Это предание является вариантом битвы богов. Два ключевых элемента из предания имеются и в описании Ибн Фадлана: это тяжеловооруженное небесное войско и ужасный шум.

Приведем также эпизод из книги Тацита об осаде Иерусалима римским войском. Пожалуй, это самый яркий пример столкновения противоборствующих космических сил. «Над городом стали являться знамения, которые народ этот, погрязший в суевериях, но не знающий

религии, не умеет отводить ни с помощью жертвоприношений, ни очистительными обетами. На небе бились враждующие рати, багровым пламенем пылали мечи, низвергавшийся из туч огонь кольцом охватывал храм. Внезапно двери святилища распахнулись, громовый, нечеловеческой силы голос возгласил: „Боги уходят“, — и послышались шаги, удалявшиеся из храма. Но лишь немногим эти знамения внушали ужас» [Тацит. История. V. 13]. Тацит заимствовал этот эпизод из шестой книги «Иудейской войны» Иосифа Флавия.

Христианский писатель Евсевий Памфил также читал книгу Иосифа Флавия, но пересказывает эпизод о знамениях иначе: «Несчастным народом руководили тогда обманщики, ложно ссылавшиеся на Бога; поэтому на явные и страшные знамения, предвещавшие будущее запустение, люди не обращали внимания и не верили им. Словно пораженные молнией, ослепшие и потерявшие сознание, они не прислушались к Божиим вещаниям и тогда, когда над городом стояла звезда, похожая на фракийский меч, и целый год не сходила с неба комета. Еще до восстания и волнения, предшествовавшего войне, когда народ собрался на праздник опресноков, в восьмой день месяца ксантика, около девятого часа ночи жертвенник и храм осиял такой свет, что, казалось, наступил ясный день. Это продолжалось около получаса. Людям несведущим это показалось добрым знаком; книжники сразу поняли будущее, еще до того, как оно сбылось. В этот же праздник корова, которую первосвященник вел в жертву, объягнилась посреди храма. Восточные внутренние ворота, медные и чрезвычайно тяжелые, которые двадцать человек, с трудом закрыв под вечер, запирали железными коваными засовами, входившими в очень глубокие дыры, около часа ночи сами собой открылись. А через несколько дней после праздника, в двадцать первый день месяца артемисия, увидели знамение дивное и невероятное; рассказ о нем может показаться сказкой, если бы о нем не передавали очевидцы и если бы последующие бедствия не соответствовали таким знамениям. Перед заходом солнца по всей стране увидели в воздухе боевые колесницы и вооруженные фаланги, стремившиеся сквозь облака и окружавшие город» [Евсевий Памфил, III. 8].

Знаменитые древние города были окружены таинственной аурой. Судьба Иерусалима писалась в небесах. «„Когда святой город жил еще в полном мире благодаря святителю Онии, ненавидящему зло и благочестивому“ (2 Мак., 3.1), „случилось, что по всему городу почти 40 дней являлись в воздухе на конях рыщущие с оружием и в золотых одеждах, облаченные в различные доспехи; и сражения между ними

были, и движение оружия, и золотых украшений блистание. Из-за этого все молились, чтобы ко благу было являемое“ (2 Мак. 5. 2–4). Явление же проявляло злое нашествие Антиохово» [Временник. 7. 107].

Этот эпизод из хроники Георгия Амартола вспоминает автор древнерусской «Повести временных лет», описывая солнечное затмение 1113 г.: «В год 6621. Явилось знамение на солнце в 1 час дня. Было видно всем людям: осталось от солнца мало, вроде как месяц вниз рогами, марта в 19-й день, а луны — в 29-й. Это бывают знаменья не к добру; бывают знаменья с солнцем или с луною, или со звездами не по всей земле, но если в какой стране будет знамение, та его и видит, а другая не видит. Так вот и в древности, в дни Антиоховы, были знамения в Иерусалиме, стали там являться в воздухе люди, рыщущие на конях с оружием в руках, и грозились оружием, и это было в Иерусалиме только, а в других землях не было того» [ПВЛ, с. 264].

Мы не знаем, каким путем в культурах передаются сюжеты, порожденные тревожными ожиданиями, связанными с природными знамениями. В нашем распоряжении есть лишь несколько литературных примеров, где мифологема битвы богов обрела достоверность в наблюдаемых природных явлениях.

Бузург ибн Шахрияр — *Бузург ибн Шахрияр*. Чудеса Индии / Пер. с араб. Р.Л.Эрлих; под ред. И.Ю.Крачковского. М., 1959.

Временник — Временник Георгия Монаха (Хроника Георгия Амартола) / Рус. текст, коммент., указ. В.А.Матвиенко, Л.И.Щеголева. М., 2000.

Еврейские путешественники, 2004 — Три еврейских путешественника / Пер. и прим. П.В.Марголина. Иерусалим; Москва, 2004.

Евсевий Памфил — *Евсевий Памфил*. Церковная история. М., 1993.

Ермоленко, 1998 — *Ермоленко Л. Н.* Представления древних тюрков о войне // Altaica. II. Сб. статей и материалов. М., 1998.

Ибн ал-Факих. Главы о тюрках — *Ибн ал-Факих ал-Хамадани*. Известия о странах. Главы о тюрках // Арабские источники о тюрках в раннее средневековье / Пер. с араб. Ф.М.Асадова. Баку, 1993.

Киракос Гандзакеци — *Киракос Гандзакеци*. История Армении / Пер. с др.-арм., предисл. и коммент. Л.А.Ханларян. М., 1976.

Ковалевский, 1956 — *Ковалевский А. П.* Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Статьи, переводы и комментарии. Харьков, 1956.

Лойша и др., 1983 — *Лойша В.А., Надубогив Ю.А., Попов Л.Н.* Частота появления полярных сияний в X–XVIII вв. по данным русских летописей // Исследования по геомагнетизму, аэрономии и физике Солнца. Вып. 66. М., 1983.

Марко Поло — Книга Марко Поло / Пер. старофр. текста И.П.Минаева; ред. и вступ. ст. И.П.Магидовича. М., 1956.

Ал-Масуди — *Ал-Масуди.* Золотые копи и россыпи самоцветов (История Аббасидской династии: 749–947 гг.) / Составление, пер. с араб., примеч., коммент. и указ. Д.В.Микульского. М., 2002.

Мещерский, 1957 — *Мещерский Н.А.* К вопросу об источниках «Повести временных лет» // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы. Т. 13. М.; Л., 1957.

ПВЛ — Повесть временных лет по Лаврентьевской летописи 1377 г. / Подготовка текста, пер., статьи и коммент. Д.С.Лихачева. СПб., 1996.

Рашид ад-дин — *Рашид ад-дин.* Сборник летописей. Т. III / Пер. с перс. А.К.Арендса под ред. А.А.Ромаскевича, Е.Э.Бертельса и А.Ю.Якубовского. М.; Л., 1946.

Святский, 1915 — *Святский Д.О.* Астрономические явления в русских летописях с научно-критической точки зрения. СПб., 1915.

Святский, 1934 — *Святский Д.О.* Северное сияние в русской литературе и науке с X по XVIII в. // Архив истории науки и техники. Сер. 1. Вып. 4. М., 1934.

Тацит. История — *Корнелий Тацит.* Сочинения в двух томах. Т. 2. История / Изд. подгот. Г.С.Кнабе, М.Е.Грабарь-Пассек, И.М.Тронский, А.С.Бобович. Л., 1969.

Утемиш-хаджи — *Утемиш-хаджи.* Чингис-наме / Факсимиле, пер., транскрипция, текстол. примеч., исследование В.П.Юдина. Коммент. и указ. М.Х.Абусеитовой. А.-А., 1992.

Филосторгий — *Георгий Пахимер.* История о Михаиле и Андронике Палеологах. *Патриарх Фотий.* Сокращение церковной истории Филосторгия. Рязань, 2004.

Чудеса мира — ‘Аджа’иб ад-дунйа (Чудеса мира) / Критический текст, пер. с перс., введение, коммент. и указ. Л.П.Смирновой. М., 1993.

А.А.ЯРЛЫКАПОВ
(Москва)

Куманы и кипчаки в эпической поэме «Сорок ногайских богатырей»

Вопрос об этнонимах половцев в современной науке представляется недостаточно разработанным. По крайней мере сегодня известны несколько наименований половцев: собственно *половцы* и производные от него (*плавцы*, *палочи*, *флавен* и т.п.), *кипчаки*, *куманы*, *команы*, *куны*. Самоназванием половцев в научной литературе принято считать слово *кипчак*. Этот этноним, видимо, является наиболее древним. Он содержится в рунических надписях второй половины VIII в. [Кумеков, 1972, с. 43].

Одним из первых мусульманских авторов, назвавших половцев кипчаками, был Ибн Хордадбех (конец IX в.). С тех пор почти все восточные писатели именуют этот народ кипчаками. Только арабский автор XII в. ал-Идриси, разделив южнорусские степи на Белую, Черную и Внешнюю Кумании, назвал их жителей куманами [Плетнева, 1990, с. 101, 102].

Европейские источники именуют половцев куманами, не пользуясь для их обозначения словом *кипчак*. Этот факт наводит на некоторые размышления. Скорее всего, именуя половцев кипчаками или куманами, они исходили из их самоназвания. Напрашивается вывод: поскольку восточные и западные авторы сталкивались с разными ордами половцев, возможно, разные наименования отражают членение всей половецкой общности по крайней мере на два крупных этнических объединения. Тот факт, что ни в одном из источников, упоминающих половцев, этнонимы *кипчак* и *куман* не употребляются одновременно, затрудняет исследование их этнического содержания, а также их соотношения. Возникает вопрос об их конкретном значении. В связи с

© А.А.Ярлыкапов, 2007

поставленным вопросом значительный интерес представляет ногайская эпическая поэма «Сорок ногайских богатырей», в которой наименования *кипчак* и *куман* упоминаются одновременно.

Поэма была записана известным фольклористом, признанным знатоком ногайского героического эпоса А.И.-М.Сикалиевым у исполнителя ногайских народных песен Зейда Кайбалиева в Нефтекумском районе Ставропольского края, а затем опубликована в сборнике «Если просите, спою...» [Айт десенъиз, 1971, с. 6–11]. Анализ содержания поэмы «Сорок ногайских богатырей» позволяет сделать вывод о том, что она появилась отнюдь не в ногайской среде. В ней отчетливо видны половецкие корни. В поэме идет речь о монгольском завоевании половецких земель. Автор смешивает этнические понятия, говоря сначала о том, что краснобородый монгол Чингис хочет завоевать земли кипчаков, а затем, описывая эти территории, утверждает, что это владения ногайцев. Описаны действительно половецкие, а не ногайские земли. Автор проводит границы «земли ногайской» от Иртыша к Казани, затем к русским границам, далее по степи вплоть до Аккермана, Черного моря и Кавказа. Это соответствует Дешт-и Кипчаку. Позднейшие ногайские добавления в поэме касаются Эдиге, Нурадина и собственно ногайских богатырей. Иными словами, основа поэмы появилась, видимо, еще среди половцев, сопротивлявшихся монгольскому нашествию (явно до этнической консолидации ногайцев), и была дополнена позднейшими добавлениями о ногайских богатырях уже в ногайской среде.

В поэме содержится страстный призыв ко всем половцам подняться на борьбу с войсками «краснобородого Чингиса»:

Куьман уьлке, Кыпшагым,
Эр уланлар атлансын!
Карсы шыксын ясанып,
Болат куьп пен курсасын
Ол душпаннынъ ян-ягын!

Страна куманов, мои кипчаки,
Пусть садятся на коней добры молодцы!
Пусть встретят врага с храбрыми сердцами,
Пусть булатной стеной окружат врага!

Автор сетует на неравенство сил, заявляя: «На десять монголов — один куман...» [Айт десенъиз, 1971, с. 6]. В поэме говорится также о переселении половцев в Венгрию и выражается надежда на их возвращение и освобождение родины. Вполне возможно, что поэма зародилась среди тех, кто уходил вместе с половецким предводителем Котяном в Венгрию, спасаясь от монгольского нашествия, но затем вернулся в родные степи и распространял поэму среди сородичей. Следовательно, поэма должна была сочиняться среди тех, кто происходил из западного объединения половцев. И куманов, и кипчаков

анонимный автор относит к числу жителей «Страны Куманов». Следовательно, он был жителем страны куманов, одновременно ощущавшим себя и кипчаком. Наименования *Страна Куманов* и *куман* относятся, по всей видимости, именно к западнополовецкому объединению. Здесь же отмечается этническое единство куманов со всеми кипчаками.

Естественно, могут возникать сомнения насчет достоверности сведений источника, так как в окончательном виде поэма сложилась значительно позже описываемых событий, в совершенно иной исторической обстановке. Было бы полезно исследовать эпические произведения родственных народов, в первую очередь казахов, каракалпаков и киргизов, на предмет упоминания куманов. Ведь если удастся обнаружить такое упоминание, проблему достоверности сведений ногайской поэмы можно было бы считать исчерпанной. Вопрос о существовании куманов в составе кипчаков еще требует дальнейшего исследования и разработки.

Айт десенъиз, 1971 — Айт десенъиз, айтайым. Черкесск, 1971.

Кумеков, 1972 — *Кумеков Б.Е.* Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. А.-А., 1972.

Плетнева, 1990 — *Плетнева С.А.* Половцы. М., 1990.

Научное издание

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК
2006

Утверждено к печати
Санкт-Петербургским филиалом
Института востоковедения РАН

Редакторы *С.В.Веснина, Л.С.Ефимова*
Художник *Э.Л.Эрман*
Технический редактор *О.В.Волкова*
Корректор *В.И.Мартынюк*
Компьютерная верстка *Е.А.Пронина*

Подписано к печати 17.10.07
Формат $69\times90^{1}/_{16}$
Печать офсетная. Усл. п. л. 23,0
Усл. кр.-отт. 23,2. Уч.-изд. л. 22,7
Тираж 500 экз. Изд. № 8289
Зак. № 2074

Издательская фирма
«Восточная литература» РАН
127051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21
www.vostlit.ru

ППП "Типография "Наука"
121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6

ISBN 978-5-02-018555-5

Тюркологический сборник 2006